

АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕННОЙ ССР

ТРУДЫ

ГОСУДАРСТВЕННО-ТУРКМЕНИСТАНСКОЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ

ЭКСПЕДИЦИИ

Том V

АШХАБАД

1955

Т Р У Д Ы

ЮЖНО - ТУРКМЕНИСТАНСКОЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ
КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Т о м V

Под редакцией руководителя ИУТАКЭ
действительного члена Академии наук Туркменской ССР
профессора М. Е. МАССОНА

ОТ РЕДАКЦИИ

Очередной пятый том «Трудов Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции» Академии наук Туркменской ССР скомпонован как сборник статей, выполненных коллективом втянутых в тематику работ ЮТАКЭ авторов, проживающих в различных городах СССР.

Работа М. Е. Массона (Ташкент) «Народы и области Южного Туркменистана в составе Парфянского государства» написана в связи с составлением двухтомной «Истории Туркменской ССР» и является первой попыткой обобщения результатов археологических исследований ЮТАКЭ по парфянской проблеме. Статья эта подвергалась обсуждению ряда специалистов, замечания которых учтены при составлении ее новой редакции. Автор особенно признателен в этом отношении председателю Ученого совета ЮТАКЭ академику В. В. Струве за сделанные им ценные указания и советы. Поскольку в 1-й том «Истории Туркменской ССР» войдет примерно около одной трети содержания данной работы, высказывались пожелания ее специального опубликования в печати в полном объеме. В соответствии с этим переработанный текст статьи и помещается в данном томе «Трудов ЮТАКЭ».

Две статьи доцента А. А. Рослякова (Ашхабад) «Мелкие археологические памятники окрестностей Ашхабада» и «Глиняная печать из села Изгант» являются результатом организованной и возглавленной им в Туркменистане в широком масштабе краеведческой археологической работы по линии учебных заведений и Ашхабадского Дворца пионеров. Эта полезная для науки деятельность всегда получала и продолжает встречать всяческую поддержку со стороны ЮТАКЭ.

Работа действительного члена Академии наук Таджикской ССР профессора А. А. Семенова (Сталинабад), посвященная двум актам XII в., написана по просьбе ЮТАКЭ в связи с проводящимся экспедицией изучением истории Нисы за все эпохи ее существования. Вместе с тем, сами публикуемые документы, проливающие свет на ряд сторон во взаимоотношениях султана Текеша и его вассальных правителей, имеют значение не только для выяснения странички из прошлого города Нисы, но важны вообще для понимания некоторых сторон феодализма в Туркменистане.

Статья профессора И. П. Петрушевского (Ленинград), освещающая прошлое Херата XIII—XIV вв., составлена им по просьбе ЮТАКЭ, поскольку проблема феодального города стоит в числе задач экспедиции. Сам Херат является одним из интереснейших городов Хорасана, а эпоха XIII—XIV вв. привлекает особое внимание в связи с разработкой ЮТАКЭ истории Мерва и сделанных по этой линии за последние годы новых открытий. Использованный автором первоисточник — «Тарих намэй-и Херат», ас-Сефи — в значительной мере нов и впервые так широко привлекается в историческом исследовании.

Одним из результатов осуществляемых ЮТАКЭ архивных изысканий является работа доцента Г. А. Пугаченковой (Ташкент), впервые вводящей в научный обиход опознанную автором старинную фотографию несуществующего ныне архитектурного памятника в Мехне и дающей по нему первый же историко-архитектурный анализ, с отнесением самого здания к сооружениям XV в.

С работами ЮТАКЭ по проблеме этногенеза туркменского народа связана статья ученого секретаря экспедиции Д. М. Овезова (Ашхабад) по истории небольшого племени мурчали, которое совершенно не привлекало к себе внимания исследователей в дореволюционное время. Сейчас оно является объектом изучения по линии ЮТАКЭ в антропологическом и историко-этнографическом отношении.

К совершенно неразработанной для Туркменской ССР теме «о народных настоящих рисунках принадлежит статья трех московских авторов — профессора Г. П. Дементьева, Н. Н. Карташева и А. А. Келейникова, оказавшихся вовлечен-

ными в деятельность ЮТАКЭ на положении ее корреспондентов. Приводимый ими материал свеж и должен привлечь внимание исследователей к этой группе памятников народного творчества.

В выпуске 1 «Материалов ЮТАКЭ» был опубликован проделанный по линии ЮТАКЭ первый опыт сводки литературы по истории и археологии Парфии на русском языке, начиная с XIX в. до 1946 г. включительно, причем в список вошло 107 названий. Продолжая эту библиографическую работу в прежнем составе лиц, а именно, автора — директора библиотеки ИИМК АН СССР библиографа Н. А. Винберг (Ленинград) и редактора — заслуженного библиотекаря УзССР кандидата исторических наук Е. К. Бетгера (Ташкент), ЮТАКЭ помещает в V томе своих «Трудов» 1-е дополнение к упомянутому указателю, охватывающее литературу за 1947—1952 гг.. Показателем того, какое внимание уделяется теперь в СССР проблеме рабовладельческого общества, и в частности вопросу о Парфянском государстве, может служить самое количество приведенных в «дополнении» публикаций за последние шесть лет, исчисляющихся 72 названиями, из которых 27 связано с ЮТАКЭ.

В обширной археологической литературе, ежегодно издающейся в СССР, ощущается нехватка специальных публикаций по вопросам техники работы и в частности инструкций. Учитывая эту потребность, в данном томе «Трудов» помещается составленная по предложению ЮТАКЭ кандидатом технических наук Н. С. Гражданкиной (Ташкент) «Инструкция по полевому обследованию строительных материалов в древних сооружениях и по отбору проб для лабораторного исследования». Такого рода инструкция создается впервые и будет полезна не только при изучении памятников Туркменской ССР.

Специфику советских археологических работ последних лет составляют, между прочим, крупные многолетние экспедиции. Для информационного освещения их деятельности, облегчения в ориентировке осуществлявшихся работ, наконец, своевременного введения в научный обиход в сжатом виде полученных достижений удачная форма найдена Хорезмской археологической экспедицией, руководимой С. П. Толстовым, которая в вышедшем в 1952 г. 1-м томе своих «Трудов» поместила хронику работ Хорезмской экспедиции, перечень участников и библиографию. Это не может не послужить примером для других подобных же экспедиций. Следуя ему, мы даем в конце настоящего выпуска краткую обзорную хронику работ ЮТАКЭ за период 1948—1952 гг. с приложением списка полевых отрядов, состава участников экспедиции, перечня опубликованных работ и библиографию об ЮТАКЭ.

Выпуск данного тома «Трудов» в настоящее время становится особенно целесообразным, поскольку в «Трудах ЮТАКЭ» в отличие от первых томов, отражавших общие результаты за тот или иной год, в дальнейшем намечена публикация монографий и тематических сборников, посвященных одной какой-либо проблеме или одному какому-нибудь сложному археологическому объекту.

НАРОДЫ И ОБЛАСТИ ЮЖНОЙ ЧАСТИ ТУРКМЕНИСТАНА В СОСТАВЕ ПАРФЯНСКОГО ГОСУДАРСТВА

Источники

Имевшиеся до последних лет в распоряжении науки письменные источники о прошлом Южного Туркменистана поры существования Парфянского государства крайне скудны. Никаких местных хроник того времени до нас не дошло, как не сохранилось вообще парфянских анналов по истории Аршакидской державы. Весьма отрывочные сведения, иногда буквально строчки, содержатся в некоторых исторических и географических трудах греко-римских авторов, в той или иной мере касавшихся взаимоотношений, преимущественно военных, Парфии с Римом или «географии» среднеазиатских областей. Среди таких античных писателей заслуживают быть упомянутыми: Полибий, Диодор Сицилийский, Страбон, Плутарх, Плиний Старший, Тацит, Дион Кассий, Птоломей. Для первого периода существования Парфянского государства больше всего сведений было приведено в сочинении Помпея Трога, труд которого дошел в сокращении автора III в. Иустина. Очень ценными в историко-топографическом отношении являются те строчки из дорожника по Аршакидскому государству Исидора Харакского (около н. э.), которые посвящены Парфиене, Апаварктикене и Маргиане. Отдельные небезинтересные факты содержатся у позднейших авторов (например, у Аммиана Марцелина и др.). Не менее скупы сведения об областях Южного Туркменистана, заключенные в китайских хрониках (Исторические записки, истории Старшего и Младшего дома Хань), у армянских писателей и отчасти ранне-средневековых арабоязычных авторов, причем последние к тому же допускали немало искажений.

Об общем положении Парфянского государства некоторые данные, могущие быть привлеченными для понимания ситуации в областях Южного Туркменистана, содержатся в немногочисленных эпиграфических памятниках на греческом, латинском и арамейском языках: на Бисутунских скалах, стеле из Ашура, в надписях из Дура Европос и Суз (в частности в «письме» Артабана III городу), а также в единичных пока документах на пергаменте из Дура Европос и Авромана, из которых лишь один написан на парфянском языке. Можно отметить также некоторое количество клинописных глиняных таблечек из Вавилона, заключающих тексты деловых документов и астрономических таблиц. Из еврейских источников для выяснения истории Парфянской державы могут быть использованы наиболее ранние тексты вавилонского Талмуда и некоторые разделы Библии, в частности книги Маккавеев. Кое-какие социально-экономические данные могут быть почерпнуты из коллективного юридического сочинения сасанидского времени «книги тысячи судебных

решений» (VI в.), в котором запечатлен ряд пережиточных явлений, бывших типичными, повидимому, для общественных отношений парфянской поры.

Среди еще недостаточно изученных парфянских памятников материальной культуры видное место занимают нумизматические. То, что стало известно по раскопкам в Селевкии, Сузах и особенно в Дуре Европос на среднем Евфрате (начатым изучением французским ученым Ф. Кюмоном и продолженным Иельским университетом), в основном как-то отражает лишь жизнь западно-парфянских областей и преимущественно эллинизированной среды. В целом вся совокупность письменных первоисточников и археологических памятников даже для западных областей Парфянского государства содержит исключительно мало данных, которые сколько-нибудь четко освещали бы социальную историю Парфии, классовую борьбу, историю непосредственных производителей, самое положение рабов и т. д. Собственно же для областей Южного Туркменистана таковых сведений совершенно нет.

При таком положении исключительное значение имеют проводимые советскими специалистами на территории Туркменистана археологические работы, особенно если учесть, что прилежащие зарубежные провинции Северо-Восточного Ирана в весьма слабой степени затронуты археологическими раскопками. В основном лишь благодаря деятельности последних лет Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, выявившей большое число разнообразных памятников парфянского времени (в том числе свыше тысячи еще неизученных полностью документов хозяйственного архива II—I вв. до н. э.), есть возможность на основании добытого нового конкретного материала в первом обобщении как-то представить прошлое народов и областей Южного Туркменистана поры вхождения их в состав Парфянского государства, однако, пока без возможности, за отсутствием данных, осветить ряд весьма важных вопросов по социально-экономическим проблемам.

Некоторые моменты политической жизни Парфянского государства в связи с историей областей Южного Туркменистана

Области Южного Туркменистана были частью той территории, где получило начало своего сложения рабовладельческое Парфянное государство Аршакидов. Оно явилось в результате успешно завершившегося в середине III в. до н. э. освободительного движения местного населения против греко-македонского владычества.

Сведения о возникновении Парфянского государства очень противоречивы. Из слов Трога Помпея, жившего в I в. до н. э. — I в. н. э. и являющегося автором наиболее связного изложения некоторых фактов из истории Парфии, можно заключить, что Парфянская провинция отложилась от Селевкидов при их наместнике Андрагоре до захвата власти Аршакидами¹⁾. Со стороны государства Селевкидов это не получило ни-

¹⁾ Трог Помпей в изложении Иустина (далее просто «Иустин»), XLI, 4. В определении времени отпадения парфян в этом тексте также содержатся грубые противоречия. С одной стороны оно отнесено к консульству Л. Манилия Вульсона и М. Атилия Регула, из которых последний погиб в 225 г. С другой — приводится, что парфяне отложились при Селевке II, который, как известно, занял место Антиоха II Теоса после смерти последнего в 246 г. Пора возникновения Парфянского царства служила

какого отпора, так как в эту пору против него имел место поход из Египта войск Птолемея III Эвергета, а также протекала длительная междоусобная борьба за власть между Селевком Калиником (246—225) и его братом Антиохом Гиераком. В ту же пору (246/5 г. до н. э.) отложился наместник Бактрии Диодот, положивший начало существованию самостоятельного Греко-бактрийского царства. Осуществлявшиеся Диодотом мероприятия с целью обезопасить свои владения от кочевников привели к тому, что часть парнов, входивших в состав дахов и кочевавших тогда вдоль реки Оха¹⁾ вдали от основной массы этого племени, перешла под предводительством Аршака²⁾, а по другому варианту—двух братьев Аршака и Тиридата, потомков Фриапита, сына Аршака³⁾, в Парфию, где парны возглавили народное восстание, направленное против бывшего селевкидского наместника, а в то время самостоятельного ее правителя⁴⁾. Он был убит повстанцами, власть перешла в руки парнских вожakov движения, а сама область послужила ядром будущего крупного государства. По преданию, Аршак погиб во время борьбы, а его имя в качестве династического принимали все аршакидские цари, начиная с Тиридата.

Обосновавшись в Парфии и смешавшись с ее населением, парны унаследовали имя своих оседлых сородичей парфян, которое распространилось и на другие покоренные ими или вошедшие добровольно в их состав родственные племена. После сложения мощной парфянской державы, аршакидские государи, будучи в действительности потомками среднеазиатских кочевников, стали из политических соображений возводить свое происхождение к Ахеменидам. За родоначальника выдавался Артаксеркс II (405—359), носивший до вступления на престол имя Аршак⁵⁾. Этим хотели подчеркнуть преемственность власти Аршакидов над всеми как бы унаследованными от Ахеменидского государства землями и народами, входившими до того в его состав. По другой версии, родоначальником аршакидских царей считался тот ахеменидский вельмо-

предметом специального экскурса С. П. Толстова, помещенного в его труде «Древний Хорезм». М., 1948, стр. 232—236; рец. В. В. Струве, ВДИ, 1949, № 4, стр. 143—149 с критикой изложения событий в Сирии, имевших место во время становления Парфянского государства.

¹⁾ Реку Ох чаще всего отождествляют с Тедженом. Не исключена возможность, что под этим названием подразумевается обводненное в античное время русло Келифского Узбоя. См. В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. СПб., (1914), стр. 10; С. А. Вязигин. Реки Туркменистана по сведениям античных географов. Известия ТуркменФАН ССР, 1946, № 3—4, стр. 38—41; О. М. Джумаев. К истории орошаемого земледелия в Туркменистане. Ашхабад, 1951, стр. 34—43.

²⁾ Страбон, XI, 9, 2—3.

³⁾ Арриан, Отырвки. Издание Мюллера трудов Арриана. Париж, 1878, стр. 248 (из выписок Фотия сочинения *Περσικά*, № 2).

⁴⁾ Арриан называет его Фероклом, поставленным еще Антиохом Теосом. Синкелл именует его Агафоклом. По восточным источникам, сатрап Парфии в это время носил имя Антеджеша, может быть, соответствующее переданному Иустином как Андрагор.

⁵⁾ О бытовании этого имени в V в. до н. э. можно судить по сообщению Эсхила, что среди врагов, убитых в Греции при вторжении Ксеркса, в армию которого входили и парфяне, был один вождь конников, именовавшийся Аршаком.

жа по имени Андрагор, которого Александр Македонский после присоединения к своим владениям Парфии назначил ее наместником¹⁾).

Основа Парфянского государства была заложена в третьей четверти III в. до н. э. при Тиридите I, причем ядром его владений на первых порах являлись области Парфияна (с центром в Нисе, ныне селение Багир в 18 км к СЗ от Ашхабада), Апарвартикена (область с прилежащим горным районом Каахки) и Астауэна (или Аставена, область по Кешефруду). В главном городе последней, упоминаемом позднее под именем Асаак (где находился храм одного из трех «священных неугасающих огней» зороастризма), произошло провозглашение Тиридата царем²⁾. Вскоре после вступления на престол Тиридату удалось занять еще и Гирканию. Ожидая опасности как со стороны Селевкидского государства, так и со стороны нового Греко-бактрийского владения, он создал заблаговременно большое войско. Установление в 239 г. мира с Птолемеевским Египтом позволило Селевку II некоторое время спустя начать поход на Восток. Военные действия на территории Парфии развернулись в основном в 237 г.³⁾, протекали вначале не в пользу парфян и вынудили Тиридата отступить в глубь пустыни к апасиакам («водным сакам»). Новое завоевание Парфии селевкидским правителем оказалось, однако, непрочным. Аршакидский государь сумел обеспечить себе левый фланг заключением союза со вступившим на Греко-бактрийский престол Диодотом II, а затем начать борьбу против Селевкидов. Главной причиной успеха в ней был ее освободительный характер, объединивший широкие народные массы в стремлении сбросить ненавистное чужеземное иго. В генеральном сражении с войсками Селевка II парфянская армия одержала победу. Этот день парфяне торжественно отмечали затем как памятную дату своего освобождения. Оно было полным, так как вспыхнувшие восстания народов Малой Азии и начавшееся новое выступление Антиоха Гиерака вынудили селевкидского государя очистить Парфию и вернуться в Сирию⁴⁾. Используя создавшееся положение, Тиридат принял меры к поднятию военной мощи своего еще небольшого государства: «собрал войско, отстроил крепости, укрепил общины⁵⁾» и заново построил город Дару на горе Запаортеноне в области Апарортене (Апарвартикена). Дара была неприступной уже в силу своего природного местоположения⁶⁾ и

1) Иустин, XLI, 4. По Арриану (III, 22, 1) Александр Македонский сатрапом над парфянами и гирканцами назначил парфянина Амминана с приданием ему в помощь «для строгого надзора» за парфянами и гирканцами Тлеполема, сына Питопана. Ср. полемику ряда европейских исследователей о Фратаферне, ахеменидском сатрапе Парфии. перешедшем на сторону Александра Македонского.

2) С этим моментом связывают установление особой парфянской (Аршакидской или «царской») эры. Отсчет по ней велся с 1-го числа весеннего месяца нисан 247 г. до н. э. Условность этой даты не вызывает сомнений.

3) В русской литературе чаще фигурирует дата — 228 г., взятая из Cambridge Ancient History, IX, 1932, p. 722. Принятая W. Tarn'ом (The Greeks in Bactria and India, Cambridge, 1938), она основана на предположительных расчетах возможной даты смерти Диодота I, для точного установления каковой нет никаких исторических данных.

4) Иустин, XLI, 4 и 5; Страбон, XI, 9.

5) Так предлагает переводить выражение «civitates firmat» В. В. Струве. Прежние переводы — «укрепил города».

6) Иустин, XLII, 5; Плиний, VI, 46. По географическому положению Дара соответствует труднодоступной горной крепости, именуемой в настоящее время Келати-Надири и находящейся теперь в пределах Ирана.

очевидно предназначалась служить надежным убежищем при трудных обстоятельствах. Позднее Тиридат расширил свои владения в юго-западном направлении и даже столицу свою перенес в Гекатомпил, находившийся в районе нынешнего Дамгана. Основатель Парфянского государства скончался в глубокой старости в восьмом десятилетии III в. до н. э. и был погребен в Нисе, а память о нем парфяне окружили ореолом большой славы.

Его преемнику, Артабану I, присоединившему было к своим владениям Мидию, пришлось выдержать новую попытку Селевкидского государства захватить Парфию. В 209 г. Антиох III начал свой многолетний поход на Восток с вторжения в ее пределы. Парфяне, выставив против него около 100 000 пехоты и до 20 000 всадников, упорно сопротивлялись, засыпая в пустыне на пути вражеской армии колодцы и устраивая засады в горных теснинах. Селевкидские войска с большим напряжением выиграли несколько сражений и даже захватили на время столицу Гекатомпил, за что Антиох III получил прозвище «Великого». Но окончательно разбить молодое окрепшее Парфянское государство не удалось. Хотя по условиям установленного мира Артабан I вынужден был отказаться от прав на Мидию и потерял Гирканию, за ним сохранились все основные владения и с Парфией был даже заключен союз¹⁾.

В первой четверти II в. до н. э. Парфия, оставшаяся еще небольшим государством, в основном неуклонно развивала экспансию в западном направлении и при Фраате I успешно завершила борьбу с горцами Эльбурса, окончившуюся переселением отсюда воинственного племени мардов в город Харакс (западнее «Каспийских ворот»).

Превращение Парфии в крупную державу произошло в середине II в. до н. э. и приходится на пору правления Митридата I (171—138). С этого времени начинается цепь хищнических завоевательных войн, в которых была заинтересована знать, но не парфянский народ в целом. Первые территориальные приобретения были сделаны за счет Греко-Бактрии. В то время, как Евкратид вел борьбу с Димитрием, сыном Евтидема на юге, в Индии и с народами Арии на своих западных пределах, парфяне отняли у него здесь две мелкие сатрапии — Туривию и Аспиону²⁾. Дальнейшее более значительное расширение границ происходило в южном, юго-западном и западном направлениях. Оно оказалось возможным в связи с протекавшим раздроблением государства Селевкидов на ряд мелких самостоятельных владений. В пятидесятых годах Митридат завоевал Мидию³⁾. Быстрые последующие военные успехи вызвали в сороковых годах отпор со стороны селевкида Димитрия II Никатора, поддержанного многими эллинизированными владениями, в которых назрело недовольство политикой парфянских завоевателей. В числе союзников сложившейся против Парфии коалиции под 141 г. упоминаются также греко-бактрийцы. После нескольких выигранных селевкидскими войсками сражений они все же оказались разбитыми, а сам

¹⁾ Полибий, X, гл. 28—31; Иустин, XLI, 5, 7.

²⁾ Страбон, XI, 11, 2: Некоторые исследователи отождествляют Туривию с Тапурией. О местонахождении последней см. М. Е. Массон. О северо-восточных пределах парфянского государства, Краткие сообщения ИИМК, в. XXXVIII, М., 1951, стр. 147.

³⁾ Иустин, XLI, 6, 6.

Димитрий был захвачен и увезен в Гирканию, где содержался в почетном плену. Получение большой военной добычи (особенно разграбление храмов в Сузах при завоевании Элиманды) значительно пополнило парфянскую казну. Занятие же Селевкии на Тигре и провозглашение Митридата «царем Вавилона» явилось «внешним выражением признания Парфии великой державой древнего мира. Возможно, что в это время в Вавилоне была установлена или подтверждена упоминавшаяся аршакидская эра в связи с существовавшим там обычаем датировки каждого года по правителю, который при новогодних празднованиях имел силу брать руки Вавилонского божества — Бела.

Последовавшее вскоре падение под натиском кочевников Греко-бактрийского царства принесло немало осложнений всему Парфянскому государству и особенно областям современного Южного Туркменистана. В 30-х — 20-х годах II в. до н. э. парфяне вынуждены были вести трудную борьбу с появившимися у их северо-восточных пределов саками, которых они одно время пытались использовать в качестве союзников в войне с селевкидским государством. Последняя была завершена успешно для парфян: селевкидские гарнизоны в ряде городов были перебиты с помощью восставших жителей, одновременно погиб сам Антиох VII и на освободившийся престол аршакиды посадили в 129 г. своего ставленника (пленного за несколько лет до того Димитрия Никатора). Положение на юго-западе настолько упрочилось, что оказалось возможным перенести столицу парфянского государства из Гекатомпила в Экбатаны (близ Хамадана). Между тем, завербованные саки явились уже после разгрома селевкидских войск, когда надобность в их помощи миновала. Обманутые в своих ожиданиях военной добычи и ожесточенные отказом парфян от выплаты им договоренной суммы по причине их опоздания, саки подняли мятеж. В одной из битв с ними пал аршакидский государь Фраат II (138—129/8). Подвергнув жестокому опустошению северные области Парфии, саки повернули на юг и заняли Дрангиану, получившую после того наименование Сакастан (нынешний Сен-стан). В северо-восточных областях Парфии погиб и преемник Фраата II, Артабан II (129/8—124), получивший здесь тяжелое ранение в битве с тохарами¹⁾.

Привести саков к покорности парфянам удалось лишь при Митридате II (124—87). Во втором десятилетии II в. до н. э. занятая ими территория после нескольких сражений была превращена в парфянскую сатрапию Сакастену. Примерно тогда же прочно были завоеваны вся Ария и Маргиана, что даже ознаменовали выпуском специальных памятных драхм с упоминанием названий этих областей²⁾. С этого времени вплоть до 30-х годов I в. до н. э. Парфянское государство переживало пору наивысшего развития своей мощи и военных успехов. При Митридате II значительно расширяются пределы Парфии, в состав которой

¹⁾ Иустин, LXII, 2, 1—2.

²⁾ Имеется такая же монета с упоминанием Траксианы, местоположение которой пока не установлено. Всем этим «походным» монетам (названным по помещенному в легенде некоторых из них слову КАТАСТРАТЕΙΑ) посвящен ряд противоречивых высказываний различных специалистов. Чисто нумизматический анализ заставляет относить всю группу монет этой серии к концу II в. до н. э. Это вполне согласуется с конкретной исторической ситуацией времени правления Митридата II.

включена, между прочим, часть Армении и некоторые отвоеванные у тохаров области на северо-востоке. По договору с Римом границей между двумя мировыми державами признан Евфрат. Сулла добывается в 92 году союза с парфянами, чтобы общими усилиями разгромить в Малой Азии Понт. В 88 г. захватывается в плен селевкид Димитрий III Филопатор. Из Парфии дипломатические посольства выезжают и в Рим и в Китай. В китайской официальной хронике, на основании данных китайских дипломатических агентов конца II—I вв. до н. э., отмечается, что Парфия (Аньси) «имеет в своем владении около ста больших и малых городов, занимает обширное пространство земель и считается величайшим государством»¹⁾. И Митридат II, «подчинивший парфянскому царству многие народы» и «получивший за свои дела прозвище Великий»²⁾ первым из аршакидских государей присваивает себе титул «царь царей»³⁾.

Парфия в эту пору представляет могущественную рабовладельческую монархию, внешний блеск которой покупался ценою беспощадного ограбления народов Ирана, Месопотамии, Армении и эксплуатации своего собственного народа.

В 65 г. до н. э. из-за обладания спорной Кордуеной произошло первое вооруженное столкновение между Римом и Парфией, положившее начало длительной борьбе между этими государствами. Апогея успехов своего оружия Парфия достигла в середине I в. до н. э. при Ороде I (55—38/37)⁴⁾. В мае 53 г. парфянский полководец из рода Сурен нанес решительное поражение торгшейся армии Красса, из которой более половины пало в битвах, около четверти с трудом пробилось в Сирию кружным путем через Армению и около 10 000 человек было взято в плен. Эти пленные римские солдаты на несколько десятков лет были размещены на поселение в Маргиане, а захваченные значки — сигнум римских легионов были розданы по парфянским храмам для хранения в виде трофеев. Несколько лет спустя в Парфии искали помощи во внутренней междоусобной борьбе римские полководцы Помпей, Брут и Кассий. Были покорены вся Сирия, Палестина, финикийское побережье, часть Малой Азии, и на короткое время Парфия оказалась обладательницей значительной части земель древнеперсидского царства Ахеменидов, за исключением, впрочем, почти всех стран Средней Азии. Столица государства была перенесена из Экбатаны на левый берег Тигра, в Ктесифон. В Риме ходили слухи, что парфяне думают о взятии Лациума⁵⁾.

1) История старшего дома Хань. И. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, II, М.—Л., 1950, стр. 183.

2) Иустин, LXII, 2, 3.

3) В научной литературе считается, что титул ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΒΑΣΙΛΕΩΝ имел уже Митридат I. Это основано на ошибочном отнесении к чекану последнего монет с таким титулом, в действительности принадлежащих эмиссии времени правления Митридата II.

4) Согласно новейшим изысканиям, этот Ород, сын Фраата III, не являлся первым. У него был тезка—предшественник, упоминаемый на одной глиняной табличке 80 г. до н. э. Он, повидимому, правил непродолжительное время, т. к. под 76/75 г. до н. э. содержится упоминание другого царя.

5) Этот обывательский слух нашел отражение в одном из стихотворений Горация (Оды, I, 12).

Последний этап первого крупного периода в истории Парфии, продолжавшийся с 30-х годов до н. э. до конца первого десятилетия н. э., был временем политического и экономического ослабления государства. Вызван он был внутренними противоречиями рабовладельческого строя и внешне ознаменован рядом военных поражений, приведших к гибели наиболее талантливых полководцев парфянской армии, к отречению от престола Орода I и его убийству собственным сыном Фраатом IV в 37 г. После успешно отраженного в 36 г. вторжения армии Антония, потерявшей большое количество римских солдат убитыми и пленными, борьба с Римом шла с переменным успехом. В процессе династических смут соперники прибегали к помощи саков. В 20-м г. до н. э. парфяне оказались вынужденными заключить с Октавианом Августом мирный договор. Согласно оговоренным в нем пунктам, были возвращены все захваченные парфянами сигнумы римских легионов и оставшиеся в живых пленные из армий Красса и Антония¹⁾. По заключенному новому договору в 9 г. до н. э. в Рим были отправлены в качестве заложников четверо сыновей и четверо внуков Фраата IV. Это дало затем возможность при постоянном вмешательстве Рима во внутренние дела Парфии засылать туда этих царевичей в качестве своих ставленников. Борьба за власть, сопровождавшаяся свержением, изгнанием и убийством претендентов на престол, поставила проводившую все это в своих интересах парфянскую знать перед фактом полного истребления в Парфии всех членов царской семьи по мужской линии старшей ветви парфянских Аршакидов. Все это являлось внешним выражением глубоких внутренних причин, которые совсем не освещены письменными источниками. В основе их несомненно лежали процессы социальной борьбы, определившие к этому времени вступление рабовладельческой системы в Парфии в качественно новую фазу своего развития.

Второй большой период в истории Парфии характеризовался новым направлением в политике и иным течением в развитии местной парфянской культуры. В отношениях с Римом уступки (в частности в вопросе об Армении) сменяются активным противодействием. Борьба со всем «иноземным» находит внешнее выражение в постепенном вытеснении из употребления эллинизированной географической терминологии (вместо «Александрия Арахозская» — Панджвей, вместо «Антиохия Маргианская» — Меру)²⁾ и в замене греческих легенд на монетах парфянскими надписями, выполненными знаками местной разновидности арамейского алфавита. Делается попытка сбора дошедших письменных и устных отрывков старинных народных преданий и верований с целью дать их сводку в первой редакции Авесты и дальнейшей их канонизации для оформления сложившегося «зороастризма» в качестве государственной религии. Это мероприятие связывается с деятельностью Волагаза I (51—77/8), при котором была, между прочим, даже сделана не увенчавшаяся успехом попытка перенести столицу из слишком эллинизированного Ктесифона на Тигре в глубь страны, в отстроенный на правом

¹⁾ Сигнумы и пленные были доставлены в Рим 12 мая 20-го года. Правительство придало этому событию большое политическое значение, выпустив в честь него даже специальные памятные монеты.

²⁾ О большом количестве городов с греческими названиями «в Сирии и у варваров за Сирией», в частности в Парфии, см. Аппиан, 57.

берегу Евфрата город Вологасокерт. В дальнейшем имелось в виду перенести туда из Пальмиры международную торговлю. При всем том, некоторые государи из политических соображений для привлечения на свою сторону греческого и местного эллинизированного населения продолжали римских провинций, как и их предшественники из старшей ветви Аршакидов, именовать себя в официальной титулатуре «филэллинами». На практике это филэллинство имело ярко выраженное противопоставление всему римскому.

Своим орудием для проведения нового курса политики парфянская знать наметила правителя Мидии и зятя покойного Фраата IV, Артабана. Тот поднял в 10 г. н. э. восстание, был поддержан вельможами, вынудил через год бежать римского ставленника на престол Ванона и сам был провозглашен царем. Оправдывая в той или иной мере возлагавшиеся на него надежды, новый государь, положивший начало так называемой «младшей ветви Аршакидов», процарствовал тридцать лет, в трудных обстоятельствах дважды лишаясь престола.

Когда в 35 г. римские войска вторглись глубоко в Парфию и заняли столицу, Артабан перенес свое местопребывание в северо-восточные провинции. Здесь в Гиркании он оставался до 36 г., пока снова не получил обратно Ктесифонского престола. Здесь же разыгрались события, связанные с борьбой приемного сына Артабана III, Готарза¹⁾, с его братьями, особенно с Варданом I (41—45 г.). Готарз базировался в основном на северные области и опирался на гирканцев и дахов. Вызванное тут народное движение оказалось настолько серьезным, что вынудило его противника перебросить свои главные силы на крайние северо-восточные границы государства («поля Бактрии» у пределов Маргианы). После достигнутого между братьями временного соглашения, Готарз направился в Гирканию, где поддержанный военной знатью, опять стал концентрировать около себя войска. Вардан снова вынужден был выступить на север, разбил армию соперника при переходе через реку Эринду (или Харинд) и после нескольких сражений подавил сопротивление народов, проживавших между Эриндой и рекой Синд «на границе дахов и ариян». В ознаменование полученных успехов здесь были поставлены монументы, на которых обозначалось, что до Вардана ни один из Аршакидов не налагал дани на эти народы²⁾.

Положение в северо-восточных областях не раз влияло на политику Парфянского государства в целом. Из-за волнений среднеазиатских кочевников на восточных окраинах Вологазу I приходилось идти на вынужденный сговор с римлянами в части решений, касавшихся Армении, где в конце концов укрепился его брат Тиридат, признанный Римом в 63 г. и положивший начало династии армянских Аршакидов, сохранявшей в своих руках власть до 428 г.

Вторжение большой группы дахов и саков в коренные земли Парфии, которые они предавали грабежу, заставили Вологаза прервать однажды военные операции против подчиненного владения Адиабены³⁾.

¹⁾ В надписи на Бехистунском рельефе Готарз назван по переводу Раулинсона, «сыном Гева». JRGS, IX, 1839, стр. 114.

²⁾ Тацит, *Анналы*, XI, 8—9—10. У Аммиана Марцелина—река Charindas (XXIII, 6).

³⁾ Иосиф Флавий, XX, 4, 91.

Большие осложнения внесла в борьбу за свою политическую самостоятельность Гиркания, отправившая даже самостоятельное дипломатическое посольство в Рим в 57 г. Там, учитывая выгодные возможности, проистекающие из положения этой страны в тылу враждебной Парфии, членом гирканской миссии было уделено особое внимание, внешне выразившееся, между прочим, в том, что в театре Помпея им предоставили почетные места сенаторов. При их возвращении римский полководец на Востоке Корбулон, чтобы обезопасить послов от захвата парфянами, обеспечил им конвой до берегов Красного моря, откуда они далеким круглым путем возвратились на родину, минуя владения Парфянского государства¹⁾. Борьба с Гирканией, длившаяся несколько лет даже после признания весной 61 г. ее автономии, связывала действия центрального парфянского правительства во взаимоотношениях с Римом²⁾. К тому же вслед за ней также обособился ряд других провинций. В числе их была, между прочим, Маргиана, в которой во второй половине I—II вв. н. э. выпускался для внутренней торговли свой обильный медный чекан. Его кружки нескольких типов, близкие к общеизвестным монетам Санабара (считающегося обычно одним из индо-парфянских правителей), имеют на одной стороне изображение сидящей мужской фигуры с луком в протянутой руке, а на другой — повернутые влево бюсты различных местных парфянских правителей³⁾. Положение Апарарктикены остается пока неясным. Маргиана же и Гиркания сохраняли свою автономию и в следующем столетии. Известно, что из последней в 155 г. в Риме было посольство, отправленное ко двору Антонина Пия⁴⁾.

Особое положение занимали более восточные области, лежащие ближе к Аму-Дарье, входившие раньше в состав Греко-бактрийского царства. После его падения они в конце II — начале I вв. до н. э. постепенно оказались в значительной части занятыми тохарами — юэчжами. В связи со сложением в первой половине I в. н. э. мощного Кушанского государства, объединившего при Кадфизе I все пять разрозненных кушанских владений, упомянутые области вошли в его состав. Этот правитель при расширении своих границ, по данным китайской хроники, «начал воевать с Аньси», т. е. очевидно вторгнулся в пределы ослабленной внутренними раздорами Парфии⁵⁾. Основная экспансия кушан была в южном и юго-восточном направлении, в сторону Индии. Как далеко простирались их владения на запад и где проходила их граница с Парфией, точно пока не установлено. Возможно, что Ария была завоевана куша-

¹⁾ Тацит, XIV, 25. Высказывающееся мнение, что Рим заключил с Гирканией союз против Парфии, едва ли может быть признано основательным, хотя, по свидетельству Тацита, сами гирканские послы просили об этом.

²⁾ Тацит, XIII, 37; XV, 2. Утверждение, что Гирканию в эту пору с востока теснила Ариана и ей «угрожало быть стертой» между Парфией и Арианой (В. В. Кудрявцев. Рим, Армения и Парфия во 2-й половине правления Нерона, ВДИ, № 3, 1949, стр. 52), спорно и источниками не подтверждается.

³⁾ Группа монет местного парфянского чекана Маргианы установлена М. Е. Массоном при работах ЮТАКЭ 1950—1951 г.

⁴⁾ Аврелий Виктор, XV, 4.

⁵⁾ История Младшего Дома Хань. Н. Я. Бичурин, цит. соч., стр. 227.

нами. Ничем не подтверждается предположение, будто кушаны захватили низовья Мургаба еще до завоевания Кабулистана. Наоборот, археологическое изучение развалин городов и селений парфянского времени на территории Маргианы убеждает, что последняя в первых веках н. э. была и экономически, и политически, и культурно тесно связана с коренными землями Парфии. Характерно широкое распространение монет местного медного парфянского чекана при отсутствии находок кружков кушанских государственных эмиссий, вообще очень обильно представленных в областях по Аму-Дарье, действительно входивших в состав владений кушан. Во всяком случае, появление на восточных пределах Аршакидской Парфии нового крупного рабовладельческого государства кушан имело большие последствия для ее истории на протяжении всего второго периода. В письменных исторических источниках нет никаких сведений о военных столкновениях кушан с парфянами ни при Кадфизе II, ни при Канишке, ни при их преемниках. Но попытки аршакидских государей во второй половине I в. н. э. по возможности поддерживать «добрососедские отношения» с Римом, а также сорокалетний мир с ним со 122 г. по 162 г. обусловлены были в известной мере появлением опасного соперника на Востоке в виде Кушанской державы. Вероятно, именно боязнь активных захватнических действий с ее стороны вызвала отправку в Китай парфянского посольства 87 года на предмет выяснения возможности получить союзника против общего врага, поскольку расширение Кушанского государства в сторону Восточно-Туркестанских областей затрагивало интересы этой дальневосточной империи. Соседство двух таких мощных рабовладельческих государств как Парфия и Рим несомненно способствовало сохранению некоего *status quo* на Среднем Востоке в первых веках н. э.¹⁾

Разложение Парфянского государства протекало в общем длительнее, чем тот же процесс развивался в государстве кушан, хотя закат обоих происходил в одно и то же время.

Заключительный этап в истории Парфянской державы, приходящий на конец II — начало III вв. н. э., характеризуется распадом самой его государственной системы при окончательном ослаблении центральной власти. Ему сопутствуют падение торговли с Китаем, усиление нажима с севера разных кочевых племен и участвовавшие столкновения с Римом. Последние протекали с переменным успехом, но особенно тяжело

¹⁾ Иная точка зрения в наиболее резко выраженной форме проводится французским ученым Р. Хиршманом. (См. R. Ghirshman. Bégam. Recherches archéologiques et historiques sur les Kouchans. Caire, 1946, p. 134). Исходя из предположений, что ни Парфия, ни Гиркания не могли оказать сопротивления экспансии первых кушанских государей и что Кадфиз II, во всяком случае, «должен был завоевать Арию» (стр. 133), Р. Хиршман в границы Кушанского государства включает не только Маргиану, но вообще почти всю Южную Туркмению (в том числе и Ашхабадский район), делая исключение только для Дахистана (см. карту на стр. 151).

Одновременно приводится мнение Рапсона, что чекан так называемого «безыменного царя» (ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΒΑΣΙΛΕΩΝ ΣΟΤΗΡ ΜΕΓΑΣ) принадлежит кушану, правившему над парфянами в качестве стратега. Возражения этим домыслам с фактическим обоснованием прямо противоположных положений см. в работах М. Е. Массона. Некоторые итоги работ ЮТАКЭ и перспективы археологического изучения Южного Туркменистана. Известия АН Туркм. ССР, 1951, № 1, стр. 95; О северо-восточных пределах Парфянского государства. КСИИМК, в XXXVIII, М., 1951; Происхождение безыменного царя-царей — великого спасителя». Труды САГУ, в. XI, Ташкент, 1950.

сказывались на западных провинциях государства, служивших обычно ареной военных действий. Столица Ктесифон неоднократно переходила из рук в руки. Массовый увод римлянами в плен населения и в еще большей степени гибель его в результате почти непрерывных войн привели к обезлюдению ряда местностей. В 198 г. римляне, овладев находившимся в развалинах Вавилоном, застали его почти пустым. В 217 г. римский император Каракалла, заняв Арбелы, велел разорить находившиеся там могилы парфянских царей младшей ветви Аршакидов и выкинуть из них кости и прах.

Перед самым концом Парфянского государства почти все провинции управлялись самостоятельно или правителями из числа членов боковых ветвей Аршакидов, или чаще «царями племен» и наследственными владетельными династами из местной родовой знати. Даже в оставшихся в подчинении центрального правительства областях одновременно правили два государя: Вологаз V и Артабан V. Судя по часто встречающимся в Средней Азии монетам Вологаза V, северные земли Парфии, в том числе и сама Парфия, входили в состав его владений. При этих правителях незадолго до окончательной гибели династии парфянам в 217 г. удалось нанести в Месопотамии у Нисибии два крупных поражения армии римского императора Макрина, в результате чего Риму при Гелиогабале пришлось заключить весьма невыгодный мир. По условиям договора только контрибуции Парфия получила в сумме 5 000 000 золотых динариев (около 20 000 000 р.). Римское золото едва ли целиком пошло на усиление Аршакидской казны: оно несомненно было разделено с теми экономически и политически окрепшими самостоятельными владениями, которые предоставлением своих воинских сил в значительной мере способствовали разгрому римских легионов. Среди них видное место занимало возникшее недавно, в самом конце II в., на внешнем низовье Евфрата арабское княжество Хира. Главная роль «могильщика» Аршакидского государства выпала на долю владения Персида (Фарс), где незадолго до этого власть постепенно перешла к потомкам Сасана. Один из них, Арташир, успешно закончивший объединение в своих руках всех земель Фарса, в двадцатых годах возглавил борьбу против Артабана V. Достаточным оказалось всего трех сражений, в последнем из которых Артабан был убит, чтобы покончить с Парфянским государством. Крушение его в 224 г.¹⁾ с одновременным упадком династии парфянских Аршакидов было обусловлено и предопределено внутренними процессами исторического развития. Наступила пора, когда производственные отношения в условиях своеобразной восточной формы рабовладельческого общества Парфии стали тормозом дальнейшего развития производительных сил. Внешним выражением этого явилось ослабление государственной мощи

¹⁾ В вопросе о времени падения Парфянского государства в научной литературе нет единства мнений. Одни считают, что сражение на мидийской равнине Ормиздаган, в котором погиб Артабан V, произошло 28 апреля 224 г. Другие смерть Артабана и захват Ктесифона Арташиром относят к 226 году. Некоторые находят возможным считать, что восстание Арташиром было поднято около 224 г., а гибель Артабана имела место даже в 227 г. Открытие в Сузах в 1947 г. датированного 5 сентября 221 г. каменного рельефа с изображением аршакидского царя и его сатрапа дало повод первое сражение Арташира с Артабаном относить к 221 г. или помещать его в промежуток между 221—224 гг. О последнем см. Syria. Revue d'Art orientale et d'Archéologie, t. XXVIII, Paris, 1951, p. 158.

Парфянской державы, на смену которой в 226 г. приходит Сасанидское государство. Однако, так как, лишь новые производственные отношения являются той главной и решающей силой, которая собственно и определяет дальнейшее, притом мощное развитие производительных сил¹⁾, то не смена династий, а разразившийся в IV—V вв. кризис рабовладельческой системы привел к возникновению в ее недрах новых производственных отношений, которые определили собою успешное развитие Сасанидского государства на пути феодализации.

Северо-Восточные области Парфии

В отношении Парфянского государства в целом вполне справедливо определение, данное империям Кира, Александра Македонского, Цезаря, которые, представляли конгломерат племен и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки. Пестрым по своему составу было тогда и население территории современного Туркменистана, в отношении племен и народностей которого также применимы слова И. В. Сталина, что они «имели свою экономическую базу и имели свои издавна сложившиеся языки»²⁾. В смысле антропологическом в южных районах продолжал значительно преобладать древний местный европеоидный долихокранный тип; в северных (Ташаузский округ) и восточных (приамударьинских) — большой процент должен был приходиться на брахицефальный европеоидный тип³⁾.

О племенном составе населения северо-восточных провинций Парфянского государства можно судить по очень отрывочным сведениям. В перечне живущих восточнее Каспийского моря между Гирканией и рекой Охом, Страбон, отмечая явно главнейшие народности, занимавшие земли оседлой культуры, называет «народы»: парфянский, маргианский и арийский⁴⁾. Все они около начала н. э. представляли уже собой собирательное наименование для обозначения объединений различных родственных общезычных племен, проживавших на какой-нибудь одной территории. Лежавшие к северу степные пространства занимали, по словам того же автора, «скифские и кочевые племена», причем «большая часть скифов, начиная от Каспийского моря, называется даями (дахами)». Последние составляли собой конфедерацию, в состав которой входили апарны или парны (проживавшие ближе остальных к Каспийскому морю и Гиркании), ксандии и писсуры (обитавшие восточнее первых вдоль Ахала и Этека вплоть «до страны лежащей против Арии») ⁵⁾. Среди дахов не все были кочевниками-скотоводами, что явствует не только из косвенного показания, что они давали хороший контингент воинов-пехотинцев, тогда как кочевники обычно выступали как кавалеристы. На тер-

¹⁾ И. В. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат, 1952, стр. 61.

²⁾ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Изд. «Правда», М., 1950, стр. 10.

³⁾ См. Л. В. Ошанин. Антропологические материалы к проблеме этногенеза туркмен. Известия АН Туркм. ССР, 1952, № 4, стр. 27—34; см. также Л. В. Ошанин и В. Я. Зезенкова. Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии, Ташкент, 1953.

⁴⁾ Страбон XI, 8, 1.

⁵⁾ Страбон, XI, 7, 1; XI, 8, 2.

ритории Мешхеди-Мисрианской равнины, к северу от Кизыл-Атрека, еще в средние века сохранявшей древнее наименование Дахистан, установлено наличие развитой ирригационной сети, функционировавшей в пору рабовладельческого общества. Основание здесь главного города раннесредневековых источников приписывали деятельности Аршакида Нарсе, принадлежавшего к дому Готарза и, видимо, являвшегося одним из наследственных правителей Гиркании в конце I — начале II в. н. э.¹⁾

Далее к северу и к востоку обитали различные племена массагетов и саков. На окраинах культурных земель по нижнему и среднему течению Аму-Дарьи проживали оседлые хорезмийцы и бактрийцы.

Парфяне — древний народ, по имени которого называлась область Парфяна, а часть Конетдагского хребта именовалась «горами Партау»²⁾ и название которого перешло на все Аршакидское государство в целом, — искони обитали, повидимому, в трех областях: Парфиене, Апарварктикене и Астауэне. Современная государственная граница СССР разрезает первые две из них на две части, и некоторые земли той и другой в настоящее время оказываются находящимися к югу от нее в пределах Ирана. Парфяне по сравнению с маргианцами занимали более бедную область, которая в середине I тысячелетия до н. э. не очень даже привлекала завоевателей. Набеги Ассардагона в VII в. доходили до ее пределов, но она не включалась в границы Ассирийского государства³⁾. Борьба ее жителей за свою самостоятельность против Ахеменидского государства, стоившая им больших потерь в людях (только в одном сражении с войсками Дария у Патиграбаны в пределах Парфии потери убитыми и пленными исчислялись цифрой свыше 11 000 человек),⁴⁾ и их участие в качестве кавалеристов в разное время в ахеменидских армиях, а в войске Ксеркса, по Геродоту, в составе пехоты, рисует их как воинственный и свободолюбивый народ. Вместе с тем, соседство с обширной безводной пустыней Кара-Кум, через которую, по словам Страбона, «проходили народы в продолжительных странствиях, совершая вторжение в Гирканию, Несая и равнины парфян», приводило оседлое население последних к столкновениям с кочевниками. Постоянные чередующиеся нападения обеих сторон, захват добычи, выплата дани, заключение и нарушение соглашений — такова внешняя сторона их взаимоотношений, по свидетельству того же упомянутого греческого автора⁵⁾. Основная масса этих кочевников была тогда родственна оседлому населению прилежащих с юга областей земледельческой культуры Южного Туркменистана, лишним примером подтверждая высказанное К. Марком положение, что «у всех восточных племен можно проследить с самого начала истории общее соотношение между оседлостью одной части их и продолжающим-

1) I. Markwart. Catalogue of the provincial capitals of Eranshahr. *Analekta Orientalia*, 3. Roma, 1931, p. 12, 53, 55.

2) Павел Оросий, I, 36. Ср. средневековое название Партау, в арабской транскрипции — Фарау (искаженное европейскими ориенталистами в «Фераве»); также современное наименование мазара Партау-биби к юго-западу от Кизыл-Арвата.

3) N. G. Debevoise, *A political history of Parthia*. Chicago, 1938, p. 3.

4) Сопоставление Э. Херцфельда Патиграбаны с названием современного селения Багир. (E. Herzfeld, *Medisch und Parthisch Archeologische Mitteilungen aus Iran*, Bd. VII, H. I, 1934) не имеет под собой солидного основания. Это текинское селение сложилось на территории пришедшего к началу XIX в. в упадок города Нисы и получило свое название лишь несколько более ста лет назад.

5) Страбон, XI, 8, 3.

ся кочевничеством другой части»¹). Однако эти кочевники и в ту пору не были совершенно однородны по своему племенному составу, пополняясь выходцами из кочевников соседних стран, по тем или иным причинам вынужденных оставлять прежние места своих обитаний. Этот сложный, проходивший на территории Туркмении процесс был отмечен, но очень упрощенно понят и изложен Иустином. По его словам, бежавшие от внутренних междоусобий в Скифии постепенно и неприметно для крупных восточных государств (Бактрии, Персии и других более ранних) заняли Каракумскую пустыню. Сперва им в этом никто не мешал, затем стали противодействовать, но было уже поздно, так как они не только захватили равнины, но даже поселились на холмистых предгорьях и в горах²). По представлению древних греко-римских авторов, этот процесс протекал в течение очень длительного времени, и момент появления здесь дахов-парнов, по литературной традиции, относили даже чуть ли не ко II тысячелетию до н. э.³). Первоначальным местом обитания дахов-парнов одни считали Приазовье, другие — иные области европейской Скифии⁴). После захвата власти Аршакидами парны легко смешались с родственными жителями Парфии и на них перешло наименование «парфяне». С течением времени это название распространилось и на другие родственные племена, покоренные или мирно вошедшие в состав народа-победителя. В первую очередь это коснулось кочевников к северу от Копет-Дага, которые в представлении Плиния были «потусторонними парфянами»⁵). После сложения крупного государства парфянских Аршакидов термином «парфяне» соседние народы стали обозначать часто и другие азиатские народы, употребляя его в смысле «подданные Парфянской державы». Чтобы не путать «парфян-победителей» и новую парфянскую народность с прежними коренными жителями Парфии, в римской исторической литературе была даже сделана не увенчавшаяся успехом попытка именовать последних «парфизарми»⁶). Как называли себя сами парфяне времени Аршакидского государства, неизвестно. По гречески их наименование передавалось в форме *παρδοι*, *παρδοι* и *παρδωνοι*. Что касается происхождения слова «парфяне», то античные авторы обычно производили его от скифского *παρδοι*, что значит «беглец», «изгнанник»⁷). Возможно, что это, повидимому, надуманное осмысление послужило им основанием к тому, чтобы устанавливать родство среднеазиатских дахов с дахами Приазовья. Еще менее удовлетворительна попытка толкования, будто парфяне получили свое название от мидян по свойствам занятой ими области — болотистой и богатой ущельями⁸).

Соответственно с изменением содержания термина «парфяне» расширялось и значение термина Парфия. Если прежде им обозначалась собственно одна относительно небольшая область Парфии, то уже при первых Аршакидах он распространился на всю территорию, получившую

¹) К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. Госполитиздат, 1947, (Маркс — Энгельсу 2 июня 1853 г.) стр. 73.

²) Иустин, XLI, 1.

³) Ср. Арриан. Отрывки, цит. изд. № 3.

⁴) Страбон. XI, 9, 3; Иустин, XLI, 1; Курций, IV, 12, 11.

⁵) Плиний, VI, 25.

⁶) Курций, IV, 12, 9.

⁷) Иустин, XLI, 1 и др.

⁸) Стефан Византийский, слово «Парфией». ВДИ, 1948, № 3, стр. 324.

в III в. н. э. при сасанидах название Хорасан («восток»), которое сохранило в полном объеме свое значение как географический термин в средневековой и более поздней арабо-персидской литературе для обозначения коренных земель древней Парфии¹⁾. У соседних народов, входивших в соприкосновение с Аршакидской державой, термин «Парфия» получил широкое политическое значение, в который вкладывали понятие о всем обширном Парфянском государстве.

Весь массив дахо-парфянского населения северо-восточных провинций Парфянской державы, включавший, помимо дахо-парфянских, еще и другие племена, в том числе массагето-сакской группы, был не только смешанным по своему этническому составу, но и неоднородным по своему хозяйственному и бытовому укладу. Его составляли большие группы оседлых земледельцев и кочевников, а также значительно меньшие по количеству полуоседлые скотоводы и более отсталые горные племена, в хозяйстве которых видную роль играла охота. О горных племенах Маргианы и Арии известно, что они жили в шалашах²⁾ и что занимавшее горную область от Маргианы до самых Бактр племя мардов отличалось независимостью и дикостью³⁾.

Территория современного Южного Туркменистана включает частично или полностью следующие северо-восточные области Парфянского государства: Дахистан, Парфиену, Апарвартикену и Маргиану.

Дахистан, представлявший хорошо обособленную область, отделенную от Гиркании степью Дешт-и Гюрган, вначале, вероятно, был самостоятельной сатрапией. Судя по комплексам археологических памятников, в его состав входили земли по Атреку, по Сумбару с частью горного района до Беурмы на северо-востоке. Мешхеда-Мисрианское плато, как уже упоминалось, имело тогда свою развитую ирригационную систему с преимущественным использованием воды из Атрека, перебрасывавшейся по акведуку через Сумбар⁴⁾. Приведенные выше сведения о строительной деятельности на Мешхеда-Мисрианском плато аршакидского царевича из дома Готарза дает основание считать, что в пору автономного существования полусамостоятельного Гирканского владения Дахистан входил в его состав. Через Дахистан с севера на юг пролегла торговая дорога из Хорезма через Кара-Кумы в Гирканию, разветвляясь далее по нескольким направлениям.

¹⁾ М. Е. Массон. Городища Нисы в селении Багир и их изучение. Труды ЮТАКЭ. т. I, Ашхабад, 1949, стр. 42; В. В. Бартольд. Иран. Исторический обзор. Ташкент, 1926, стр. 39. Вместе с тем, В. В. Бартольд, не учтя, что сведения Страбона о бедности Парфии при Ахеменидах относятся к одной Парфиене, ошибочно писал в свое время, что «Хорасан теперь считается одной из лучших областей Персии, тогда как при Ахеменидах соответствующая область, Парфия, принадлежала к числу самых бедных». См. его рецензию на книгу «Explorations in Turkestan (1903)». Washington, 1905. ЗВО, XVII, СПб., 1906, стр. 092.

²⁾ Страбон, XI, 10, 1.

³⁾ Плиний, VI, 46.

⁴⁾ Возможно, что при этом был применен хорошо известный на Среднем Востоке того времени и в Риме прием использования свинцовых желобов, как это было при сооружении самаркандского канала Арзис, отстроенного в пору расцвета рабовладельческого общества (М. Е. Массон. К периодизации древней истории Самарканда. ВДИ, 1950, № 4, стр. 160). О старинном предании туркмен, будто свинцовую плотину Дахистанского канала разрушили калмыки, см. Труды ЮТАКЭ, т. II., Ашхабад, 1953, стр. 63. О находке в XIX в. в долине Сумбара нескольких древних свинцовых желобов

Восточнее начиналась Парфияна, вытянутая с запада на восток и включавшая земли позднейшего Ахала с прилежащим южным горным районом. Беднее в природном отношении, чем Гиркания и Маргиана, Парфияна обращала на себя внимание исключительно резкими колебаниями климата¹⁾. Около двух тысяч лет назад ее горы были значительно облесены²⁾. При ином режиме наземно и подземно текущих вод имелась возможность орошать несколько большие площади, чем это бывало позднее, но все же обработанные земли составляли незначительный процент всей ее территории.

Через Парфиену проходила большая оживленная дорога, имевшая немалое государственное значение. Она являлась срединным отрезком сухопутного, так называемого «шелкового пути», по которому совершали свои медленные многомесячные рейсы вооруженные караваны с товарами дальнего следования, связанные с международной торговлей между Китаем, Индией и Европой. В пределах Парфянского государства эта дорога, по данным, относящимся к концу 1 в. до н. э., начиналась у западных границ на Евфрате, шла через Экбатаны в Гирканию, проходила по Парфиене, Апарктикене, Маргиане, затем, отклоняясь на юг, через Арию, Дрангиану и Сакастену достигала Арахозии (области современного Кандагара), где тогда была восточная граница парфянских владений. Пролегая по 19 сатрапиям, эта дорога считалась имеющей протяжение в границах Парфии в 685 скойн³⁾. Отрезок ее в пределах Парфиены исчисляется в 140 км.

Из лежащей к югу Астауэны дорога шла по горному ущелью, в шести скойнах от которого (около 33 км) располагался главный город Ниса или Парфавниса, который греки называли Нисайя (18 км к СЗ от Ашхабада). В шести скойнах западнее дорога пересекала небольшой город Гатар, располагавшийся на площади развалин крепости у поселения Анау XIX в. Многогранная площадь возвышающегося укрепленного парфянского городища имеет около 9 га. Пройдя отсюда примерно 5 скойн, попадали в Сирок. Это был укрепленный городок, меньших размеров, чем предыдущий. Его развалины имеются близ селения Гяурс. На протяжении пути по Парфиене, по данным дорожника, деревень не было, кроме одной, называвшейся Сафри⁴⁾. Она располагалась на восточных пределах области и для античных авторов служила определенным географическим ориентиром. Примерно от ее долготы западные хребты Копет-Дага носили уже иное название⁵⁾. Археологически устанавливается,

быв прямоугольного сечения и использования их на литье пуль. М. Е. Массон слышал от стариков-иомутов при обследовании древних горных выработок по Сумбару и Чандыру в 1929 г.

¹⁾ Говоря о резкой смене в Парфии температур, Иустин отмечает одновременное наличие на горах снега, а в равнинах — страшной жары. Иустин, XLI, 1, 12.

²⁾ «Парфия невелика... лесиста, гориста и бедна». Страбон, XI, 9, 1.

³⁾ Исидор Харакский, 1—18. Известны три скойны: малая (около 5,5 км), средняя (около 6 км) и большая (около 11 км). В дорожнике Исидора Харакского исчисление ведется на средние или даже вернее на малые.

⁴⁾ Исидор Харакский, 12.

⁵⁾ Ср. селение Сафрия «между дахами, сакаравками с парфиенами», упомянутое Павлом Оросием, I, 43; см. также Птоломей, VI, 10, где приводится, по-видимому, в искаженной форме, название «гор Сарифы». В XIX в. Копет-Дагом именовали горы в пределах Ахала, а хребты вдоль Этека и далее назывались иногда Хорасанскими горами.

что на территории Парфиены имелось множество других крупных населенных пунктов, не упомянутых в дорожнике Исидора Харакского лишь потому, что они находились в стороне от «шелкового пути» и не были связаны с местами остановок караванов. Среди них были и обладавшие сильными фортификационными сооружениями (подобно Геокдепинскому Денгиль-депе, представляющему типичную парфянскую прямоугольную крепость площадью около 4 га, обнесенную мощной стеной с башнями) и укрепленные, разбросанные на большой площади сельские поселения. Примером последних может служить парфянская деревня, развалины которой расположены в 1,5 км к востоку от конца ущелья Чули западнее Ашхабада. Площадь ее застройки примерно в 3 га обнесена регулярного очертания стеной, благодаря срезанному углу получившей в плане вид пятиугольника.

К востоку от Парфиены начиналась область, носившая название Апаварктикена (у Плиния — Апавортена)¹⁾, иногда входившая в ее состав, а в конце первого века до н. э. бывшая на положении особой сатрапии. Она также была больше вытянута с запада на восток, а на юге включала значительную горную полосу. «Шелковый путь» пролегал по ее северным подгорным оазисам на протяжении 27 схойн (около 150 км) и, следовательно, весь Этек входил целиком в состав Апаварктикены. Ее главный город Апаварктика находился в 3 км к северу-востоку от современной железнодорожной станции Каахка и соответствует развалинам Койне-Каахка. Мощная крепость Апаварктики представляет неправильный четырехугольник площадью свыше 33 га. В центре ее возвышается многогранная высокая платформа бывшей цитадели²⁾. Местами следующих остановок караванов в сторону Маргианы были город Рагав (Ραγᾶν) и две деревни, местоположения которых пока не установлены и которые отстояли друг от друга на расстоянии около 30 км³⁾. Что собою представляли небольшие апаварктикенские селения, можно наблюдать по остаткам одного из них к югу от Каушута. Расположенное на берегу старого русла, оно прикрыто с севера, со стороны песков небольшим, приближающимся к прямоугольнику укреплением, в котором жители искали убежища при набегах кочевников⁴⁾. Кроме упомянувшейся выше Дары, основанной Тиридатом прекрасной горной крепости, других городов в этой области неизвестно.

За Апаварктикеной «шелковый путь» вступал в Маргиану, про которую Плиний писал, что со стороны других областей «подступы к ней затруднены песчаными пустынями» протяжением около 100 км. Площадь ее оазиса считалась имеющей в окружности до 160 км, климат пользовался исключительной славой и сама она признавалась, с определенным преувеличением, единственной из тех мест, где вызревает виноград⁵⁾. Объяснение того обстоятельства, что Маргиана вместе с Арнией являлись «самыми лучшими местами в этой части Азии» усматривали в том, что во-первых их обступают горы, а во-вторых — «что места жительства имеют на равнинах»⁶⁾. Для остановки караванов международного

¹⁾ Плиний, VI, 46.

²⁾ См. Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951 [1953], стр. 27.

³⁾ Обоснование возражений против высказывающегося отождествления Рагав'а с Серахсом, см. Труды ЮТАКЭ, т. II, стр. 30.

⁴⁾ План этого поселения см. Труды ЮТАКЭ, т. II, рис. 26, на стр. 30.

⁵⁾ Плиний, VI, 46.

⁶⁾ Страбон, XI, 10, 1.

«шелкового пути» автор дорожника указывает в Маргиане только один ее главный город, Антиохию, имевшую в то время эпитет «Енидрос» (Еνιδρος — снабженная водой, полная водой)¹⁾. Этим подчеркивалось ее благоприятное положение в смысле обеспеченности водоснабжением и орошением благодаря ряду мелиоративных мероприятий. Лаконичное указание Исидора Харакского в разделе, посвященном Маргиане, — «деревень нет», не следует понимать буквально. Смысл этих двух слов заключается в том, что на протяжении 30 схойн пути по Маргиане и окружающим ее пескам караваны после однодневных переходов не могут рассчитывать на остановки в населенных пунктах, ибо таковых там не было, и что ночные привалы придется совершать в безлюдных урочищах, очевидно, у колодцев.

В отношении занятой маргианцами области в целом имеется прямое указание, что «хотя большая часть их земель пустынна вследствие недостатка влаги, у них есть, однако, несколько городов»²⁾. Наиболее полный перечень городов парфянской Маргианы с указанием, правда далеко не точным, их координат приведен автором первой половины II в. н. э. Клавдием Птоломеем. Размещая их между 102 и 106° восточной долготы, он дает названия следующих девяти городов, считая с юга на север: Нигея (Нисея), Гуриана, Рея, Антиохия-Маргиана, Иасоний, Арадина (Арадена), Сена (Сина), Арата и Ариака³⁾. К числу наиболее «известных» из них, вероятно по величине и значению, причислялся, наряду со столицей, Иасоний⁴⁾, местоположение которого по координатам указывается к северо-западу от Антиохии Маргианской⁵⁾.

Работами Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции впервые открыты на территории Маргианы и в большем, чем в списке Птолемея, количестве города и селения парфянского времени, развалины которых концентрируются преимущественно севернее бывшей столицы. Установлено, что в пору рабовладельческого общества в основном было обжито правобережье низовьев Мургаба, а левобережью уделялось самое незначительное количество воды из этой реки, почему здесь и не сложилось большого числа поселений. Вместе с тем, выяснено, что за время существования Парфянского государства возведенная в III в. по распоряжению селевкидского правительства районная стена для ограждения оазиса от набегов кочевников и одновременно в качестве заслона от наводнения песков уже не служила границей культурных земель. Кое-где за ее пределами функционировали русла каналов, дававшие возможность орошать ряд земель в северном направлении, где вновь появились в связи с этим поселения. Некоторые населенные пункты парфянского времени сложились на месте бывших задолго до того поселений родового общества или начала сложения государства. Другие целиком обязаны

¹⁾ Исидор Харакский, 14.

²⁾ Аммиан Марцеллин, XXIII, 6.

³⁾ Птоломей, VI, 10. Если Нигея соответствует Нисае Парфянской, то, очевидно, она попала в перечень Маргианских поселений по недоразумению, подобно тому как столица Согдианы Марканда оказалась помещенной этим же автором в число городов Бактрианы.

⁴⁾ Аммиан Марцеллин, XXIII, 6.

⁵⁾ В противоречии с этим находится второе показание Птолемея, что «у этого города соединяется с Маргом другая река, текущая с гор Сарифов». Оно заставляет искать Иасоний южнее Антиохии Маргианской у места впадения в Мургаб реки Кушки.

своим оформлением поре существования государства Аршакидов. В частности, это касается некоторых укрепленных городов Маргианы первых веков н. э. Примером такой поздней парфянской крепости может служить Чильбурдж-кала, лежащая в 17 км к СЗ от Антиохии Маргианской. В плане она представляет неправильный четырехугольник со сторонами от 190 до 230 м. На углах и по всем четырем фасам выступают наружу на расстоянии друг от друга около 25 м до сорока башен. Основание стен сделано из пахсы, а выше кладка из крупного сырцового кирпича. Башни снаружи имеют гофрированную поверхность. И они и стены несут большое количество узких щелей-бойниц, из которых подавляющее большинство фальшивых, предназначенных служить для устрашения врага. Огромные стены даже в разрушенном состоянии имеют около 15 м высоты.

Для собственно парфянских поселений Маргианы типично наличие четырехугольной крепости, вместилища гарнизона, арсенала, иногда дворца правителя и убежища для всех обитавших вокруг нее жителей. Густо заселенная часть поселения обводилась часто наружным кольцом стены, овальной в плане, вытянутой в зависимости от направления магистральных каналов. Обнесенное внешней стеной пространство достигало 1,5 км в поперечнике¹⁾.

Самым большим городом Маргианы и всех северо-восточных провинций Парфянского государства был Мерв, находившийся на месте позднее существовавшего здесь одноименного крупного феодального городского поселения. Тут в центре оазиса крупный город сложился еще в пору раннерабовладельческого общества. Его ядром являлась мощная многогранная крепость Эрк-Кала площадью около 15 га, под прикрытием которой постепенно обживалась обширная прилегающая к ней территория. Известный со времени Селевкидов также под наименованием Антиохии Маргианской, Мерв получил толчок к своему развитию и окончательно оформился как крупный среднеазиатский рабовладельческий город в системе Парфянского государства. Старая крепость Эрк-кала выполняла функции цитадели-аркса, где на центральном холме устроены были арсенальские печи для обжига глиняных ядер. Собственно город занимал приближающуюся к четырехугольнику площадь примерно в 3,5 кв. км, обнесенную мощной стеной, свыше сотни башен которой не отступали наружу от общей линии фаса. Это делало очень пассивной оборону стен. Во внутренней планировке города отмечается известная регулярность, определявшаяся пересекающимися главными уличными магистралями, которые отходили к центру от четырех городских ворот. Канал, питавший водой часть города и крепость, был пропущен внутрь Антиохии Маргианской в северном отрезке западного фаса; второй имел ввод у юго-западного угла городской стены. В застройке внутренних кварталов явно отмечается классовая дифференциация. Несколько изолированно стоят развалины богатых домов — дворцов крупных рабовладельцев, привилегированных граждан города из числа аристократии и отчасти купцов. Обособленно, в отдельных кварталах из поколения в поколение, размещаются домики различных мелких производителей, свободных ремесленников, совмещающие жилую площадь вместе с мастерскими-лавками. Выполняя функцию рынка, город имеет несколько значительных площадей

¹⁾ Установлено работами ЮТАКЭ 1952 г.

для базарной торговли и приема караванов. За пределами собственно города располагаются земли городской округи. Тут размещаются обширные усадьбы рабовладельцев, храмовые хозяйства, участки общинников, виноградники, поля, бахчи, сады, образуя полусельский пригород, обведенный огромной глинобитной стеной крепостного типа со многими воротами, которая охватывала площадь примерно в 60 кв. км¹⁾. Протяжение этой внешней стены Антиохии Маргианской, сохранившейся в виде прерывающегося кое-где вала Гилякин Чильбурдж, вероятно составляло около 27 км, т. е. на 9 с лишним километров длиннее, чем самое обширное кольцо стен Рима в конце III в. н. э. при Аврелиане. Время сооружения Гилякин Чильбурджа пока не выяснено, но установлено, что стена городской округи существовала в первых веках н. э., когда появились и многие парфянские крепости Маргианы.

Таким исключительным развитием Антиохия Маргианская обязана не только тому, что она являлась главным городом богатого оазиса, а во второй половине правления Аршакидов и столицей автономного владения, но и своему положению на «шелковом пути». Он разветвлялся здесь по нескольким направлениям. В конце I в. до н. э. главной в сторону Индии являлась шедшая вначале вдоль Мургаба упоминавшаяся дорога на Ариану и далее к современному Кандагару. Не меньшее значение для мировой торговли имели дороги на Китай, из которых одна отходила на Балх, а другая на Амуль (Старый Чарджоу) и далее через Согд.

Несколько иной характер имела Ниса, или, как ее называли греки, Парфавниса (Παρβαυνισα), главный город Парфиены, выросший, как показало археологическое изучение на месте, из поселения родового общества. Этим и объясняется неправильная конфигурация городища Новая Ниса. Должно быть, этот «полис» имеется в виду в изложении событий отпадения Парфии от Мидии, когда парфяне «передали свою страну и город» сакам²⁾. В государстве Аршакидов Ниса была вполне развитым рабовладельческим городом, уступая Антиохии Маргианской по размерам, но подобно ей состоял из трех частей. Собственно город занимал имевшую изломанный периметр возвышенную территорию площадью около 18 га. Около четырех с половиной из них приходилось на еще более возвышавшуюся, примерно пятиугольную в плане цитадель, которая располагалась в южной части на мощной толще скопившихся более старых культурных отложений. Это была древнейшая часть Нисы, и когда-то тут размещался сам город. При парфянах, превратившись во внутреннюю крепость, она могла служить последним убежищем в случае захвата города неприятелем, в связи с чем была обнесена очень высокой стеной с одними воротами в южном фасе, обращенными в сторону города. Внутри крепости имелись: собственный источник водоснабжения, укрепленный замок правителя области, административные учреждения, казармы, храмы и местные святыни, под покровительством которых считалась находившейся Ниса. От античных акрополей ее отличает наличие большой жилой застройки, связанной с домами рабовладельческой знати. Тут обычны небольшие, частного пользования зернохранилища и «хум-ханы» (хранилища для вина).

¹⁾ О выясненной ЮТАКЭ исторической топографии Антиохии Маргианской см. М. Е. Массон. Новые данные по древней истории Мерва. ВДИ, 1951, № 4, стр. 89—101; схематический план на стр. 91.

²⁾ Дниодор (по Ктесию), II, 34. 1. (Τὴν τῆς χώρας καὶ τῆς πόλεως)

Остальная площадь городища, обнесенная толстыми стенами с башнями, имела одни ворота в северо-восточной части. Проезд между воротами города и цитадели, деливший всю Нису надвое, являлся главной уличной артерией, как-то уже определявшей собой унаследованную от древности, очевидно, не очень регулярную планировку всей внутригородской территории, которая, в основном, включала жилую застройку. Здесь также было немало домов рабовладельческой аристократии и богатых купцов, о чем свидетельствуют находки разнообразных дорогих предметов роскоши. В северной части города, неподалеку от ворот, располагался некрополь парфянской знати, функционировавший в течение нескольких столетий. Тут находились специальные культовые сооружения. Отмечается обособленная концентрация кварталов ремесленников, в частности к западу от цитадели.

Значительно меньшая, чем у Антиохии Маргианской, городская округа Нисы также была обнесена глинобитной стеной с несколькими воротами. Общее ее протяжение было не менее 7 км. Территория этой округи, как и у главного города Маргианы, имела характер полусельского пригорода. Благодаря большому, по сравнению с теперешним, количеству наземно текущих вод, ближайшие окрестности Нисы парфянского времени были в большей мере орошены и лучше озеленены¹⁾.

В этих окрестностях, к юго-востоку от Нисы, почти тотчас за стеной городской округи изолированно располагалась крупная крепость особого назначения, служившая одной из резиденций парфянских царей²⁾ и, вместе с тем, местом их родовой усыпальницы. Судя по выкопанным здесь документам II—I вв. до н. э., тут же было местопребывание сатрапа (хшатрап или пехата), возможно из рода Аршакидов. К этой крепости, именуемой теперь «Старой Нисой», являвшейся своего рода династическим «куруком» — заповедником, относятся слова Исидора Харакского в описании Парфавнисы, когда он отмечает: «там находятся царские гробницы»³⁾. Городище Старая Ниса расположено на естественном холме, в известной мере обжитом до поры сложения государства Аршакидов, при которых холм был искусственно выравнен в виде мощной платформы. Старая Ниса занимает площадь в виде вытянутого с севера на юг неправильного пятиугольника, примерно в 14 га. Ее сильного профиля стены имеют вдоль всех фасов и на углах 43 выступающие наружу башни. Исключительно крупными размерами отличается башня-бастион у южного угла. Вдоль восточного и западного фасов видны остатки двух покатых въездов — пандусов, ведущих к воротам, которые действовали в разное время. Внутри крепости со стороны западного фаса была пропущена самотеком вода, наполнявшая находившиеся в середине крупные хаузы — водоемы. Почти вся территория Старой Нисы была густо застроена. Особо выделяются два архитектурных комплекса. Южный складывается из дворцово-храмовых сооружений, в которых, наряду с парадными помещениями, имеются также предназначенные для жилья и раз-

¹⁾ Описание Нисы и ее историю, выясненную в результате работ Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции, см. в ряде статей, помещенных в 1-м томе Трудов ЮТАКЭ, Ашхабад, 1949.

²⁾ Обоснование возражения против распространенного в литературе мнения, будто Ниса была первой столицей Парфянского государства см. в работе М. Е. Массона. Городища Нисы и их изучение. Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 37—39.

³⁾ Исидор Харакский, 12.

личных бытовых надобностей. Северный состоит преимущественно из специальных сооружений: огромного многокомнатного здания сокровищницы, многочисленных крупных хранилищ для вина, разных подсобных помещений. Вдоль крепостных стен шли помещения казарм, конюшен, арсенального назначения. В фортификационном отношении Старая Ниса представляла сильную крепостную твердыню¹⁾. В связи с культом могил членов династии Аршакидов она приобретала в Парфянском государстве, кроме того, особое идеологическое значение, почему в этой царской крепостной резиденции, наряду с гарнизоном и разнообразным придворным штатом из светских лиц, постоянно находилось большое число представителей жреческой корпорации. Старая Ниса не была единственным некрополем Аршакидов, но тут были преданы погребению первые цари — основатели государства. Второй более поздний некрополь, повидимому, с могилами членов младшей династии Аршакидов находился в Арбелах, где он был подвергнут разгрому и осквернению по распоряжению римского императора Каракаллы, захватившего этот город в 217 г., о чем кратко упоминалось выше. Раскопки, произведенные за советское время на городищах Новой и особенно Старой Нисы, привели к крупным научным открытиям, дали ряд высокохудожественных находок и позволили по-новому осветить ряд явлений в истории Парфии.

Социально-экономический строй

Материальной базой экономики северо-восточных областей Парфянского государства, в основном, служило сельское хозяйство. Скотоводством занимались не только кочевые и полuosедлые племена, но и земледельцы. Наряду с разведением крупного и мелкого рогатого скота, важные отрасли животноводства представляли верблюдоводство и коневодство, поставлявшие, между прочим, основные средства передвижения и перевозки. Значительно меньшее значение имели ословодство и муловодство.

Равнины Туркмении вдоль северного склона Копет-Дага (наряду с Мидией и Арменией) считались одним из главных районов разведения породистых лошадей, составлявших славу парфянской кавалерии. Именно здесь воспитывались те статные, крупные, быстроаллюрные лошади со способностью к пробегам на большие дистанции, которые так поражали римлян. Характерно показание, что парфянский конь, попавший в виде добычи Марку Аврелию Пробу, мог проходить по 100 миллиарев в день (около 150 км) на протяжении 8—10 суток. Среди древних южно-туркменских лошадей, которые часто именовались «нисайскими», в массе преобладали с золотистым отливом и особо выделялись «белые», повидимому, светлосоловой масти «гыйр». Столетиями поддерживавшаяся парфянами, выведенная трудом целых поколений местная порода нисайских лошадей не оставалась, разумеется, неизменной во времени и, вероятно, имела внутри себя несколько разновидностей, потомками ко-

¹⁾ См. Г. А. Пугаченкова. К характеристике крепостной архитектуры Старой Нисы. Известия АН Туркм. ССР, 1952, № 1, а также статьи С. А. Ершова, В. А. Левиной, М. Е. Массона и Г. А. Пугаченковой в I томе Трудов ЮТАКЭ, Ашхабад, 1949.

торых являются современные породы прекрасных скаковых туркменских коней¹⁾.

Среди отраслей производства, связанных со скотоводством, в хозяйстве коренных земель Парфии письменные источники отмечают ковроделие и выделку кож. Сработанные из мохнатой шерсти парфянские ковры были известны в Риме и привлекали там к себе внимание некоторыми своими особенностями. Являвшиеся генетически предшественниками современных туркменских ковров, они отличались, конечно, не одним отмеченным Плинием своеобразным способом окраски²⁾, но и орнаментами и техникой изготовления.

Значительно большее значение имело земледелие. Только на нем фиксируют свое внимание китайские посланники, когда в своих донесениях, расчлняя сведения о западных зависящих от Парфии землях (Тяочжи) и о собственно парфянском государстве (Аньси — Ансак, т. е. владение Аршакидского царя), сообщают: «Там ведут оседлую жизнь и занимаются земледелием; сеют рис и пшеницу, делают вино из винограда»³⁾. При нехватке воды для полива культура риса была возможна лишь кое-где и в ограниченных размерах. Наоборот, зерновые культуры, виноградарство и виноделие были широко распространены. Обилие винограда в древности расценивалось, как наиболее яркий пример плодородия той или иной страны⁴⁾. Вместе с тем, для далекого прошлого сама культура виноградарства и масштабы виноделия служат показателем довольно высокого уровня экономического развития общества. В этом отношении в сведениях античных авторов о культуре виноградной лозы в Маргиане заслуживает внимания приводимая ими деталь, что отдельные кисти иногда достигали 2 локтей в длину (несколько менее 90 см)⁵⁾. Особенностью местного виноделия считалось то, что вино в течение нескольких десятков лет (до трех поколений) хранилось в сосудах, не замазанных смолой. Вопреки мнению Плиния⁶⁾, Маргиана была далеко не единственной областью здесь, где произрастала виноградная лоза. Археологические исследования установили наличие следов виноградарства и виноделия в долине Сумбара, в Апаварктикене и особенно наглядно в Парфии. Согласно открытым за последние годы советскими учеными парфянским документам II—I вв. до н. э., в это время в окрестностях Нисы были десятки виноградников. Некоторые из них, судя по количеству вина, представляемому ими в порядке годового взноса (2 000 и более литров вина с одного урожая) были больших размеров. Вино поступало как местному правителю, резидировавшему в крепости городища «Новая Ниса», так и в склады царского заповедника на «Старой Нисе». Последние в своих помещениях («хумхана») одновременно вмещали многие сотни крупных глиняных корчаг-хумов с вином. Изготавливалось оно и из свеже-

¹⁾ Критический разбор некоторых сведений древних авторов о парфянских лошадях см. Труды ЮТАКЭ, т. 1, Ашхабад, 1949, стр. 20—22.

²⁾ Плиний, VIII, 48, 192.

³⁾ Извлечение из отчета Чжан-Цяна (конец II в. до н. э.) Н. Я. Бичурин, цит. соч., стр. 151.

⁴⁾ В. В. Струве. Восстание в Маргиане при Дарии I. Материалы ЮТАКЭ, в. 1, Ашхабад, 1949, стр. 10.

⁵⁾ Страбон, XI, 10, 2. Об отмечаемой Страбоном большой толщине ствола у некоторых маргианских виноградных кустов см. Материалы ЮТАКЭ, в. II, Ленинград, 1951, стр. 8—9.

⁶⁾ Плиний, VI, 18.

го винсграда и из кишмиша. В царском заповеднике, кроме бытового потребления, вино шло на культовые жертвенные возлияния и прочие храмовые нужды.

Добыча полезных ископаемых за пору существования государства Аршакидов значительно возросла по сравнению с предшествующим временем, но никогда не достигала крупных масштабов. Наряду с разработкой различных керамических глин, месторождений жерновых камней и минеральных красок (охры, киноварь), в связи с ростом городов, усиленное шла добыча различных строительных материалов (гипсов, зеленого песчаника, хорасанских мраморов и др.) Археологические находки на территории парфянских городов и селений указывают на повышенную добычу так называемой нишапурской бирюзы и различных поделочных камней, особенно горного хрусталя и стеатита. Несомненно использовались в известной мере месторождения серы и нефтяных продуктов. Из местных рудных ископаемых, которыми Парфия была не очень богата, наибольшее значение для нее имело железо, известное в ту пору под названием «маргианского». Его ценили за особые качества, благодаря которым оно легко перерабатывалось без добавочных примесей на высококоростные стальные изделия. Из него изготовлялось, между прочим, парфянское оружие, в частности «ослепительно-ярко сверкавшие» шлемы и панцыри¹⁾, очевидно, делавшиеся из вороненной стали. Маргианское железо высоко ценилось в Риме и считалось уступающим только китайскому²⁾. Большое количество железных криц и шлаков среди развалин парфянских городов и селений как Маргиану, так и других областей современного Южного Туркменистана свидетельствует о довольно интенсивном железоделательном промысле, сырьевой базой для которого служили преимущественно месторождения Астауэны (в округе Туса)³⁾. В горном деле при добыче полезных ископаемых и при плавке руды в основном применялся рабский труд.

Пора существования Парфянского государства, по сравнению с предшествующим временем, на территории Южного Туркменистана характеризуется заметным подъемом экономики городов и их дальнейшим количественным и территориальным ростом. Появляется ряд новых городов. Старые становятся многолюднее. В городскую жизнь оказываются вовлеченными большие массы населения. Отмечавшийся выше факт увеличения площадей городской округи с обнесением их внешними стенами говорит о присоединении к городам обширных земельных территорий. Археологически установлено чрезвычайно широкое развитие в парфянских городах Южного Туркменистана разнообразных отраслей ремесленной промышленности. Потребности относительно обширного строитель-

¹⁾ Плутарх, Марк Красс, 24.

²⁾ Плиний, XXXIV, 145.

³⁾ В связи с характерной для буржуазной науки тенденцией занижения культурных достижений народов Среднего Востока, в зарубежной специальной литературе появился ряд высказываний, что маргианское железо отнюдь не парфянского происхождения. Мотивируется это в основном отсутствием железных месторождений в оазисе низовьев Мургаба. Предлагается считать, что под маргианским железом подразумевался тот металл, который вывозился из Индии или Китая и который, проходя транзитом через Маргиану, в силу этого обстоятельства получал название по данной области (см. напр. W. Tagh, Parthia, цит. соч., стр. 598). Эти утверждения находят противоречия с археологическими фактами и прямыми указаниями источников. Из-

ства вызывают к жизни деятельность больших строительных объединений, базировавшихся, в основном, на массовом рабском труде и осуществлявших изготовление крупноразмерного кирпича, облицовочных плит, каменных деталей. Они выполняли и весь комплекс строительных работ: возведение крупных сооружений, нанесение декора. В связи с широким спросом на бытовую утварь в большом количестве функционируют гончарные печи, мастерские металлистов, стеклоделов, ювелиров и других ремесленников.

Усиление роли рабов в сельском хозяйстве и ремесле приводит к росту товарного производства. Все вместе, наряду с уже повысившимся потребительским спросом, не могло не сказаться прежде всего в сфере торговли. Наличие товарного производства в рабовладельческом парфянском государстве несомненно.

В первых веках до и после н. э. на территории Южного Туркменистана происходил оживленный внутренний товарооборот, в котором особое место принадлежало торговле с кочевниками. Вскрытие на территории древней Парфии их курганных погребений с могильным инвентарем документально показало, что в кочевнической среде возрос спрос на различные бытовые товары городского ремесленного производства, включая предметы керамической утвари, каковые они получали в обмен на продукцию своего скотоводческого хозяйства. На рынках внутри оазисов в среде оседлого населения меновая торговля постепенно вытесняется торговлей с денежным расчетом. В широкие массы покупателей и продавцов все глубже проникает сознание необычайного удобства использования монет, которые представляют «товар—товаров, волшебное средство, могущее по желанию превращаться в любую заманчивую и желанную вещь»¹⁾. Государство увеличивает монетные эмиссии, причем в этом отношении особенно показателен установленный ЮТАКЭ за последние годы факт обильного выпуска в I—II вв. н. э. в Маргиане своей медной разменной монеты, явно рассчитанной только для внутреннего, узко локального, в пределах области потребления. Монетные кружки этого местного чекана обычны среди находок даже сельских маргианских поселений. На развитое монетное обращение указывает косвенно также довольно значительное количество встречающихся в Средней Азии фальшивых парфянских драхм, подражающих различным типам общегосударственного чекана.

за большой дороговизны, привозное китайское или индийское железо было доступно очень ограниченному числу лиц. Кроме того, оно по условиям транспорта ввозилось в малом количестве и при этом в изделиях, а не в металле. Между тем, работами ЮТАКЭ установлено большое количество криц и шлаков даже в сельских парфянских поселениях, что является показателем близости рудоплавильных пунктов. Местоположения некоторых из них постепенно устанавливаются. Из Маргианы также, конечно, вывозился не металл, а различные железные изделия, изготовлением которых (в частности хороших клинков) Мерв славился еще и в раннем средневековье. Подобно тому, как на рынках Багдада в X в. «ферганскими» именовались стальные доспехи, клинки и разные «дикивинные изделия из железа», сработанные кузнецами Ферганы из металла, в значительной мере завезенного из Усрушаны и даже Восточного Туркестана, так и на рынках древнего мира «маргианскими» именовались предметы продукции кузнецов и металлистов Мерва, которые получали железо, добывавшееся в соседних горах. См. М. Е. Массон. К истории черной металлургии Узбекистана. Ташкент, 1949, стр. 23—25, 29—30, 37—38.

¹⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 142.

Монетная система парфянского государства была основана на серебре. Золотых монет не чеканили. Единицей считалась драхма, первоначально выпускавшаяся по греко-македонскому («аттическому») стандарту. С середины II в. до н. э. в эмиссиях начинает устанавливаться свой собственный стандарт. Его колебания находились в связи с внешней торговлей. Соперничая с Римом на многих рынках Переднего Востока, Парфия вынуждена была в интересах торговых операций своих купцов уравнивать кружки собственных монет с римским денарием. Так как с I в. н. э. Рим окончательно перешел на золотую валюту при одновременном ухудшении металла серебряных денариев, вскоре параллельно стали уменьшаться вес и ухудшаться проба парфянских драхм, что не прервалось бесследно в торговых отношениях. До того, примерно с конца II в. до н. э. до середины I в. н. э. парфянская драхма занимала видное место в денежном отношении на рынках сопредельных стран. Известны находки парфянских серебряных монет в Восточном Туркестане¹⁾, на территории среднеазиатских республик²⁾, по среднему течению Волги³⁾, на Кавказе⁴⁾ и в других местах. Среди встречающихся здесь кружков парфянского чекана особенно много выпущенных в середине I в. н. э.⁵⁾ до «порчи» их введением в повышенном проценте лигатуры, после чего приток их на внешние рынки резко оборвался. Существование определенного регламентированного порядка в выпуске монетными дворами общегосударственного чекана подтверждается сообщением около начала н. э., заключенным в китайской хронике, что в Парфии «по смерти государя переливают монету»⁶⁾.

На внешней торговле Парфии больше, чем ухудшение качества металла серебряных монет, сказывались другие факторы международного порядка. Сама внешняя торговля, оперировавшая почти исключительно с дорогостоящими товарами, преимущественно с предметами роскоши, обслуживала ими только узкий круг рабовладельческой верхушки тогдашнего общества. Однако, вовлекая большое количество лиц и способствуя установлению культурных связей между различными народами,

¹⁾ О собранных А. Стейном в Каргальке серебряных монетах Митридата II с изображением головы лошади см. I Asian Inventory List of Coins found or obtained. Appendix B. Seridia, vol. III. Oxford, 1921, p. 1340.

²⁾ См. шесть статей М. Е. Массона под заглавием «Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии», опубликованные на протяжении с 1928 по 1949 гг.: О находках парфянских монет на территории Туркменской ССР см. «Материалы ЮТАКЭ», в. I. Ашхабад, 1949, стр. 129—130, 138—139.

³⁾ Б. Зайковский. Из монетной летописи Нижне-Волжской области. Труды Нижне-Волжского науч. о-ва, Саратов, 1926, в. 35, ч. I, стр. 41.

⁴⁾ См. работы Е. А. Пахомова, вышедшие в Баку пятью выпусками под заглавием «Монетные клады Азербайджана (и других республик, краев и областей Кавказа)», начиная с 1926 г.

⁵⁾ О преобладании среди кавказских находок драхм Готарза (40/1—51), Фраата IV (38/7—3/2), Митридата II (123—83) и Орода I (57—54) см. А. Н. Зограф. Находки античных монет на Кавказе. Эрмитаж. Труды отдела нумизматики, т. I, Л., 1945, стр. 42. В Средней Азии вне территории Туркменской ССР преобладают серебряные монеты второй половины I в. до н. э. и первой половины I в. н. э. См. М. Е. Массон, Некоторые новые данные. . . , цит. соч., стр. 47.

⁶⁾ Н. Я. Бичурин, цит. соч. стр. 183. Сообщение точно датируется приведенным в хронике указанием, что на лицевой стороне парфянских монет помещено изображение государя, а на обороте — его супруги. (Там же, стр. 182—183). Такого типа драхмы и тетрадрахмы чеканились только при Фраате V (3/2 г. до н. э. — 4 г. н. э.), поместившем на RV погрудное изображение своей матери царицы Музы.

она имела большое значение для государства, по территории которых пролегали её дороги. В этом отношении Парфия находилась в особо выгодном положении с определенным преимуществом перед Римом. Занимая промежуточное между ним, Индией и Китаем положение, она в течение долгого времени получала возможность господствовать над узлом двух главнейших сухопутных международных путей. Один из них, по которому шли товары из Индии в Переднюю Азию и Европу через Пенджаб, Бактрию, Мидию, захватывал парфянские земли уже со времени походов Александра Македонского. Другой, связывавший Парфию по более короткому направлению с Китаем, особенно оживился после того, как с ним непосредственно ознакомились в конце II в. до н. э. сами китайцы. Почти исключительно по этому упоминавшемуся «шелковому пути» китайские товары в течение нескольких столетий продвигались в страны греко-римского мира¹⁾. Им парфяне всегда стремились владеть «монополюю», ведя борьбу с конкурентами всякими способами. Они не пропускали через свою территорию ни римских, ни иноплеменных восточных купцов, «желая одни снабжать Рим (Дацинь) китайским шелком», как отмечает История Младшего дома Хань. Известен случай, когда парфянским купцам (судохозяевам) путем шарлатанского запугивания китайского посланника Гань-Ина фантастическими трудностями проезда на корабле по Средиземному морю и якобы появляющейся у мореплавателей особой тоски по родине с роковым исходом удалось сорвать порученную ему в 97 г. дипломатическую миссию в Рим²⁾.

Во втором периоде существования Аршакидского государства посредническая роль парфянских купцов в торговле шелком претерпевала большие осложнения. Уже с конца I в. до н. э. начало устанавливаться морское сообщение между Индией и Египтом, покоренным к тому времени Римом³⁾. С тех пор подавляющее большинство индийских товаров и часть китайских стали поступать в Рим через Египет, минуя Парфию. В начале I в. н. э. китайцы потеряли свои Восточно-Туркестанские владения, и их границы отступили далеко на восток от Средней Азии. Сложившееся в крупную рабовладельческую империю Кушанское государство превратилось в неожиданное препятствие между Китаем и Парфией. Из-за соперничества с последней сильно затрудненные сношения Кушанской державы с Римом происходили главным образом морским путем. Новыми, хотя пока, под данным Птолемея, не очень серьезными соперниками по торговле с Китаем оказались согдийцы⁴⁾. При всем том известный китайцам в обход всем морям более северный путь через Кашгар, Кангюй и страну алан не имел тогда, из-за дальности расстояния, особого торгового значения. В I—II вв. переживавшая расцвет римская внешняя торговля с Востоком с положительным балансом в пользу последнего была настолько значительнее по своим оборотам, по сравнению с прежней торговлей государств Селевкидов и Птолемея, что все воз-

¹⁾ F. Richthofen. China. Erster Band. Berlin, 1877, S. 477. Путь из Бактрии в Китай обозначен на карте 8-й таблицы после 500 стр. на основании приведенных Птолемея данных Марина Тирского. Отрезок, пролегающий через Парфию показан Ф. Рихтхофеном неправильно, без учета дорожника Исидора Харакского.

²⁾ Н. Я. Бичурин, цит. соч., стр. 225—227.

³⁾ М. Хвостов. История восточной торговли греко-римского Египта. Казань, 1907, стр. 156.

⁴⁾ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, Л., 1927, стр. 15.

ники перед парфянскими купцами трудности не умили значения торговой смычки между Передней Азией и Китаем, осуществившейся до того на территории Средней Азии¹). Значительная часть китайских и некоторое количество индийских товаров и в это время до конца существования Аршакидского государства продолжала проходить по великому «шелковому пути» через парфянские области современного Южного Туркменистана.

Караваны дальнего следования были немногочисленны, но отличались очень большими размерами, представляя собой по существу единовременные объединения — «оказии» из нескольких караванов отдельных купцов. В их составе бывали и члены дипломатических миссий. Из Китая в год приходило от 5 до 12 таких объединенных караванов. Часть привозившихся ими грузов парфянские купцы доставляли на ежегодную сентябрьскую ярмарку восточных товаров в верхнемесопотамский город Батну (или Батнах). Здесь они продавали греческим, римским, сирийским и еврейским купцам кожи, шелка, индийские хлопчатобумажные материи, вавилонские ткани, драгоценные камни, изделия из маргианского, серийского и индийского железа, эбеновое дерево из Передней Индии, слоновую кость, благовония, мази, специи и другие иноземные и парфянские товары. Парфянские караваны на западе достигали Армении, Пальмиры, Каменистой Аравии, Палестины, Египта. Известны находки парфянских предметов, обнаруженные на территории древнегреческих городов северного побережья Черного моря. По данным китайских источников, парфянские купцы вели торговлю с соседними странами как по сухопутным, так и по водным путям, являясь иногда владельцами морских и речных судов. По одному из вариантов русского перевода текста «Исторических записок» (Шицзы), парфянские купцы, проживавшие по реке Аму-Дарье, пользовались здесь речным транспортом²). Тут на прямом пути из Мерва в Согд, на левом берегу Аму-Дарьи, на месте средневекового Чарджоу, как показали археологические работы последних лет, уже находился в парфянское время город, известный по более поздним источникам под названием Амуль. Он уступал по размерам тогдашнему Термезу, имел значение промежуточного пункта, в котором «шелковый путь» пересекался с дорогой из Тохаристана в Хорезм, и после падения Греко-бактрийского царства, повидимому, долгое время находился в зависимости от Кушанского государства.

Международная торговля парфян была не просто только транзитной. Как отмечалось выше, парфянское купечество, бывшее разноплеменным по своему составу, наряду с прочими «восточными» товарами, вывозило за пределы своего государства предметы его собственной продукции. Есть данные утверждать, что парфянские мастерские художественных изделий из драгоценных металлов и слоновой кости работали с расчетом и на внешний сбыт³). С другой стороны, часть товаров международной тор-

¹) Я. А. Манандян. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен (V в. до н. э. — XIV в. н. э.). Ереван, 1930, стр. 77.

²) Н. Я. Бичурин. цит. соч., стр. 151.

³) Об экспорте так называемой «сасанидской» серебряной утвари (в составе которой несомненно наличие изделий парфянской торевтики) см. В. В. Бартольд. Восточно-иранский вопрос. Известия РАИМК, т. II, Пгтр, 1922, стр. 367; о находке в окрестностях Ольвии резных парфянских пластинок из слоновой кости с барельефны-

говли оседала внутри страны, в том числе в коренных областях Парфии. Раскопки на Нисе и в Мерве показали, что в обиходе парфянской знати бытовало немало предметов целиком привозного происхождения или изготовленных из импортных материалов. К их числу относятся изделия из индийской слоновой кости, крупные и мелкие раковины с побережья Индийского океана, изделия из никкелевой греко-бактрийской бронзы, египетские сосуды из алебастрового камня, сирийское и римское стекло, малоазиатская художественная бронзовая утварь, мраморные эллинистические скульптуры и другие такого же порядка предметы, не говоря уже о монетах иноземного чекана. Все это является отражением оживленных сношений и взаимного культурного обмена областей Южного Туркменистана с далекими странами древнего мира.

Вопреки концепции буржуазной науки об извечности феодализма на Востоке, что, в частности, пропагандируется в отношении Парфии М. Ростовцевым и вслед за ним В. Тарном, советскими учеными установлено, что время существования государства Аршакидов падает на пору расцвета рабовладельческого общества в Средней Азии.

Судя по имеющимся данным, в Парфии не было тех крайних проявлений рабовладения в общественной жизни, какие столь типичны для этой формации в странах греко-римского мира, так как оно здесь сосуществовало с примитивными формами земельных отношений, с пережитками патриархально-родового уклада и первобытных демократических традиций. Эта специфика производственных отношений парфянского общества, определявшаяся соответствием их характеру производительных сил, до конца сказывалась на различных сторонах общественной и политической жизни Парфянского государства, будучи в известной мере источником силы для самих парфян в их борьбе за его сложение и существование¹). Это интуитивно понимали некоторые римские деятели. Причина того, что парфяне сумели покорить столько народов и превратиться в державу, соперничавшую с Римом, как примитивно казалось Страбону. «кроется в их образе жизни и в нравах, представляющих много варварского и скифского, но в то же время и много благоприятных условий для преобладания над другими и для успехов в войне»²).

Парны (как и все дахские племена) в момент появления на исторической арене при Аршакидах, будучи в основном кочевниками и полупоселыми скотоводами, находились на ступени патриархально-рабовладельческих отношений, хотя, наряду с ними, пережиточно существовали социальные отношения, свойственные поре разложения общинного строя. Выделение знати со своей обособленной собственностью (сперва в виде стад и рабов, а затем и земель), что во время войны подчеркивалось выступлениями ее представителей в виде привилегированных отрядов тяжеловооруженных всадников, поставило их соплеменников в определенное зависимое от них положение. Это явствует из термина «пелаты», каким греческие авторы называли основную массу парфянской народно-

ми изображениями парфянского царя, вельмож, нагих женских фигур, а также нагих юношей акробатов и музыкантов см. ОАК за 1906 г., СПб., 1909, стр. 39—44, рис. 35—48.

¹) С. П. Толстов. Основные вопросы древней истории Средней Азии. ВДИ. 1938, № 1, стр. 193.

²) Страбон, XI, 9, 2.

сти и который соответствует латинскому — «клиенты»¹⁾. Именно находившихся в отношении знати в такого рода пожизненной зависимости подразумевал в основном Иустин, говоря, что большая часть парфянского войска состоит из несвободных и что никому не дана власть освободить их от их состояния (в то время как раба могло отпустить на волю любое владевшее им лицо). Этот римский автор прилагал для определения их положения, не имевшего полных аналогий в римском обществе, и вначале обусловленного родовыми отношениями, термин *servitum* (рабство, невольничество, подчиненность, подвластность). Что это отнюдь не были рабы, вытекает из описания Иустином, как знать заботливо воспитывает их словно своих детей, обучает верховой езде, стрельбе из лука и поставляет царю на войну в качестве легковооруженных всадников, подразумевая под ними конных лучников²⁾. Подчинение других племен поставило эти последние в положение «коллективных клиентов» по отношению к отдельным парно-парфянским племенам-покорителям и «покровителям» с обязательством служить в их военных отрядах. Родовые отношения мало по малу вытеснялись новым видом зависимости, обусловленной рабовладельческим строем. Ускорению этого процесса в немалой степени содействовало включение в состав парфянского войска подлинных рабов. Они составляли в нем иногда большой процент. Однако дошедшее до нас сообщение, что против войск Антония парфяне выставили армию в 50 000 всадников, из которых только 400 были «свободными», нельзя понимать в том смысле, что остальные 49 с лишним тысяч человек были рабами. В их числе самый большой массив составляли упоминавшиеся «пелаты-клиенты»; значительно меньше было рабов. Под «свободными» же подразумевались представители крупной рабовладельческой знати как парфянской, так и покоренных владений.

Было бы ошибкой считать, следуя толкованиям буржуазных западно-европейских ученых, будто вообще основной по численности контингент парфянского войска составляли рабы. В ту пору в средиземноморских рабовладельческих обществах в обстановке обостренной классовой борьбы часто происходили крупные восстания рабов, ставившие под угрозу крушения всю государственную систему даже «всесильного» рабовладельческого Рима. Учитывая его наглядные примеры I в. до н. э., вряд ли аршакидское правительство стало бы рисковать устоями своего государства, обучая военному делу массы рабов и создавая из них главные силы армии³⁾.

Рабы несомненно были многочисленны и в северо-восточных провинциях Парфии. Они составляли здесь основу производительных сил тогдашнего общества, хотя в нем пережиточно еще и существовали свободные сельские общины. Роль рабов была особенно велика в районах, где развитое сельское хозяйство требовало производства крупных ирригационных работ. Парфия как раз входит в число тех многочисленных деспотий Персии и Индии, про которые Ф. Энгельс писал: «...каждая из них знала очень хорошо, что она прежде всего — совокупный предпри-

¹⁾ Это толкование характеристики, данной Плутархом основному составу парфянского войска, впервые предложено академиком В. В. Струве.

²⁾ Иустин, ХLI, 2.

³⁾ М. Е. Массон. Некоторые новые данные по истории Парфии. ВДИ, № 3, 1950, стр. 42.

ниматель, в деле орошения речных долин, без чего невозможно было бы и самое земледелие»¹⁾. Именно на пору расцвета местного рабовладельческого общества приходится окончательное сложение Маргианской ирригационной системы, следы которой в виде заброшенных русел каналов и валов от выбрасывавшихся из них при чистке земляных наносов встречаются в низовьях Мургаба даже за пределами орошавшихся в средневековые земель. Крупными каналами были, повидимому, те два русла, про которые К. Птоломей писал, будто они являлись рукавами реки Марга, между каковыми располагалась Антиохия Маргианская²⁾. В свидетельстве Плиния, что воды реки Марг отведены в Зота (или Зотал)³⁾, содержится указание или на созданное в Маргиане искусственное водохранилище или на осуществленные какие-то иные гидротехнические работы в долине Мургаба.

Устройство сложных ирригационных систем, в том числе с заложением подземных кяризов, их дальнейшее поддержание, производство работ на вновь осваиваемых землях, не принадлежавших общинам и захватывавшихся формально с санкции царя знатью (которая, исходя из учения Авесты, иногда осуществляла работы по орошению новых земель под видом «богоугодного дела»), наконец, многообразный труд в частновладельческих хозяйствах знати — все это требовало приложения большого числа рабской силы. Известный процент давали так называемые «бандаки», «доморощенные рабы», труд которых использовался в домашнем хозяйстве, в храмовых хозяйствах, а также в сельском хозяйстве и на рудниках. Но основную массу составляли «чужеродные», иноплеменные рабы «аншахрики», контингент которых главным образом пополнялся путем захвата пленных во время ведения военных действий. Аншахрики использовались по преимуществу в сельском хозяйстве⁴⁾. Наряду с дальнейшим усилением частновладельческого рабства, продолжало оставаться своеобразное, сложившееся в многовековом процессе государственное рабство. Вероятно, на положении таких государственных рабов были и те тысячи римских солдат, которые оказались захваченными в плен при разгроме армий Красса и Антония и не случайно сосредоточенными в Маргиане. Здесь созданные из них колонии возможно выполняли не только трудовые государственные повинности, но несли также функции охраны оазиса от набегов кочевников.

На протяжении существования Парфянского государства потребность в рабской силе не оставалась неизменной, но все возрастала, в частности, в связи с интенсивным ростом городов и созданием на северо-восточных границах государства оборонительных сооружений в виде огдельных крепостей (особенно в большом числе сосредоточенных в Маргиане) и в виде длинной районной стены, остатки которой под названием валов Мерз прослеживаются примерно от Баба-Дурмаза до Чаача на

¹⁾ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1948, стр. 168.

²⁾ Птоломей, VI, 10; С. А. Вязигин. Сведения Клавдия Птолемея по географии Туркменистана. Известия ТуркменФАН СССР, 1946, № 1, стр. 9.

³⁾ Плиний, VI, 46; (cogito, I — отводить или переводить воду в одно место) Ср. перевод И. П. Цветкова — «река Марг, отведенная в озеро Зота». ВДИ, 1949, № 2, стр. 304.

⁴⁾ А. Г. Периханян. К вопросу о рабовладении и землевладении в Иране парфянского времени. ВДИ, 1952, № 4, стр. 15 и сл.

протяжении около 150 км. Повышали спрос на рабский труд и многочисленные города, появление и рост которых в Парфии были обусловлены высоким уровнем общественного развития. Археологические исследования парфянских городов Южного Туркменистана показывают, что они были центрами различного ремесленного производства и оживленной внутренней торговли. Их развитию способствовала также значительная для своего времени транзитная торговля. Среди торговцев появились купцы, благодаря значительным оборотам сами ставшие настолько крупными рабсвладельцами, что они попадали в число привилегированных горожан и с ними вынуждены были считаться аршакидские цари.

Все сказанное, но особенно возникавшие задачи по весьма трудоемкому для той эпохи ирригационному строительству, безусловно, создавали потребность в привлечении рабского труда в возрастающих масштабах. Увеличивавшиеся числом магистральные каналы, дамбы, водохранилища, запруды, водodelители — эти своего рода ирригационные орудия производства — в условиях низкого уровня техники рабовладельческого общества нуждались в обслуживании не только со стороны квалифицированных специалистов, но массы людей чисто физического труда. В конечном счете к III в. н. э. старые производственные отношения уже не соответствуют росту производительных сил и становятся тормозом их дальнейшего развития. Разрешить этот конфликт простым количественным увеличением числа рабов одряхлевший социальный строй был уже бессилен. Кстати, со II в. н. э. и самый приток рабов в Парфию неуклонно уменьшался. Войны на западе и северо-западе, когда они там велись, большей частью протекали не в пользу парфян. На восточных и юго-восточных пределах активные военные действия исключались наличием мощного Кушанского государства. Набеги в северном направлении парализовались сложением новой обстановки, связанной с крупным историческим явлением, так называемым «великим переселением народов». Появлявшиеся в полосе пустынных степей все новые и новые агрессивно действовавшие орды кочевников, включали в свой поток родственные парфянам племена, приводя их в движение против ослабевшего Парфянского государства. Последствием явилось коренное изменение в развитии производительных сил, когда с количественным уменьшением рабов стала повышаться роль труда таких мелких производителей, как городских ремесленников и свободных, хотя и полусакабаленных крестьянских общин, которые сохраняли в своей среде все необходимые трудовые навыки и о положении которых в Парфии ничего пока неизвестно. Характерно, что в позднепарфянском обществе рабы-аншахрики получают право распоряжения определенной долей своего труда (1/10—1/4)¹⁾; появление же издольщины уже знаменует собою зародыш будущей, новой, феодальной формы эксплуатации. Так к моменту политического крушения Аршакидской державы в конце первой четверти III в. н. э. намечался путь к переходу от рабовладельческих отношений к новым формам, складывавшимся в процессе дальнейшей борьбы сельских общинников с рабовладельческой знатью.

¹⁾ А. Г. Периханян. К вопросу о рабовладении..., ук. соч., ВДИ, 1952, № 4. стр. 10 и сл.; стр. 26.

Рабы составляли основной класс в антагонистической системе парфянского общества. Из числа трудовых сословий свободной части этого общества следует назвать, помимо упоминавшихся сельских общинников, также ремесленников. Последние были в основном связаны с развитием крупных парфянских городов, где они группировались целыми кварталами, производя в ряде случаев при посредстве рабов, разнообразную продукцию, удовлетворявшую потребности населения городов, деревень и кочевых станов.

На противоположном полюсе стоял класс рабовладельческой знати. Среди последней, кроме царствовавшего рода Аршакидов, особое положение занимали пять наиболее знатных парнских родов, считавшихся равными царю по происхождению. Позднейшая традиция связывала это с тем, что якобы их родоначальники были в числе сообщников Аршака и Тиридата при свержении ими тогдашнего правителя Парфии¹⁾. На протяжении существования Парфянского государства число этих привилегированных родов было доведено до семи в соответствии с числом знатных фамилий в Ахеменидском государстве, в котором 7 знатнейших родов возводили себя к семи помощникам Дария при свержении самозванца Гауматы.

Представители всех знатнейших и сильнейших парнских родов, включая Аршакидов, держали в своих руках власть над провинциями. Аршакидские цари в полной мере осуществляли ее над столицей государства и коренными парфянскими землями (Хорасаном). Представители остальных знатных родов с титулом «мегистан» являлись наследственными правителями разных других областей²⁾. Так, род Карен правил в Мидии, где у Нихавенда у него находились крупные родовые владения. Род Сурен с такими же правами резидировал в Сакастене (Сенстан)³⁾. Этот род, в силу своей значимости, по положению считался занимающим следующее за Аршакидским место и его представителю было присвоено наследственное право первым возлагать на вновь избираемого царя диадему при вступлении того на престол⁴⁾.

Царская власть считалась закрепленной за родом Аршакидов, но без строго определенного порядка наследования. Основатель династии за свои деяния на пользу государства был причислен к сонму звезд. После того укрепился обычай всякого вошедшего на престол Аршакида именовать «братом солнца и луны» и к его титулатуре присоединять имя родоначальника — Аршак. При этом прямого обожествления по-

¹⁾ Арриан. Орывки, цит. изд. Мюллера, стр. 248.

²⁾ Позднее мегистанами именовались вообще все сатрапы.

³⁾ Известен еще род Аспахбед. Названия остальных привилегированных парнских родов до нас не дошли.

⁴⁾ Плутарх. Марк Красс, 21. Тенденция некоторых западно-европейских буржуазных ученых всячески принижать парфян и их культурную роль нашла между прочим отражение в попытке Э. Херцфельда «отнять» от парфян того Сурену, который нанес самое жестокое поражение римской армии, действовавшей под командой Красса. Против логики этот ученый приписывает Сурену сакское происхождение. См. его *Archaeological History of Iran*. London, 1935, p. 63 и сл.; до того в его же работе *Sakstan*.

следующих царей в парфянской среде, повидимому, не было¹⁾. Внешне каждый из них пользовался особым почетом. Никто не вкушал пищи за его столом. Ореол, которым парфяне окружали царя, распространялся и на его родичей. Все они имели преимущества перед другими в наследовании верховной власти и в разрешении вопросов, связанных с междоусобиями. По свидетельству Амиана Марцелина, любой подданный «боялся, как святотатства, ударить своей рукой Аршакида, будь то воин или частный человек»²⁾.

Теоретически власть парфянского царя признавалась абсолютной. В действительности она была кое в чем ограничена наличием, по словам Посейдония, двух «советов»: совета сородичей (*συγγενῶν*) и совета мудрых и магов³⁾. Первый состоял из более узкого круга лиц. В него входили представители парфянской воинской знати, которые стояли во главе парнов и некоторых покоренных племен и народностей. Он выбирал из своей среды («из ближайшего к царскому достоинству сословия») ⁴⁾ в мирное время правителей областей и полководцев во время войны. Второй, более расширенный совет включал в свой состав представителей высшей бюрократии и духовенства, т. е. опять же рабовладельческой верхушки.

Известно, что храмы разных культов обладали крупной земельной собственностью; представляли собой порой небольшие городки, насчитывавшие тысячи жителей из людей «посвященных богу» и храмовых рабов (*ἱεροδούλοι*); обладали большими сокровищами, которые представляли заманчивую добычу для римлян, причем во главе их в качестве хозяев и полноправных правителей находились старшие жрецы⁵⁾. Оба совета вместе образовывали «сенат», который выбирал царя и не останавливался перед его изгнанием, организуя дворцовые перевороты (как это имело место с Митридатом III)⁶⁾. Напоминая собой «совет старейшин» поры первобытно-общинного строя, пережитком которого он и являлся по существу, этот сенат сковывал во многом деятельность главы государства. Некоторые государи бывали почти беспрекословными исполнителями воли аристократической знати. Другие вынуждены были вести с ней упорную борьбу. И ни один даже из наиболее самостоятельных не мог не считаться с мнением «сената» (*πρόβουλοι*). Смерть

¹⁾ Среди нумизматов давно упрочилось представление, что в изображении сидящей мужской фигуры с протянутым вперед луком в руке, помещаемом на монетах всех аршакидских царей, изображен обожествленный основатель династии. В последнее время в западно-европейской специальной литературе высказывается предположение, что здесь фигурирует просто воин, подобно тому лучнику, который изображался на монетах ахеменидского чекана (см. напр. The Cambridge History, vol. IX. Cambridge, 1932, 594). Ж. де Морган (Manuel de numismatique orientale de l'antiquité et de moyen âge. T. I. Paris, 1936, p. 136—137) предлагает видеть в нем эпоним племена или изображение великого жреца.

²⁾ Амиан Марцелин, XXIII, 6. Из слов этого автора явствует, что в Парфии существовал культ одного Аршака I, приравненного к богам.

³⁾ Страбон, XI, 9, 3.

⁴⁾ Иустин, XLII, 2, 2.

⁵⁾ Представление об аналогичных храмах соседних с Парфией стран эллинизированного Востока лучше всего дают описания Страбона (XII 2,3—храма в Каппадокии) и Лукиана («О сирийской богине»; — храм-город неподалеку от Евфрата, посвященный Гере ассирийской).

⁶⁾ Иустин, XLII, 4. О праве совета смещать «неспособных» (т. е. неугодных знати) царей и назначать на их место других, упоминает Иосиф Флавий.

царя, которая неизбежно влекла за собой новые выборы, обычно сопряждалась смутами.

Такое положение сказывалось на всей государственной организации, сообщая ей, несмотря на известную централизацию власти, характер некоторой рыхлости и непрочности. Парфянское государство таким было и по существу, относясь к категории тех империй древнего и средневекового мира, которые по характеристике И. В. Сталина, «не имели своей экономической базы и представляли временные и непрочные военно-административные объединения»¹⁾. То немногое, что известно о структуре Парфянской державы позволяет ее определять, как централизованное военно-бюрократическое рабовладельческое государство. Его государственный аппарат, о котором дошло очень мало сведений, говоря словами В. И. Ленина, «был технически слабым, однако, все же принуждал рабов оставаться в рабстве, удерживал одну часть общества в принуждении, угнетении у другой»²⁾.

При сложной политической обстановке практиковалось назначение соправителя, выбиравшегося из числа сыновей государя. Обычно в таких случаях сам царь пребывал в северо-восточных коренных землях Парфии, а соправитель находился в западных областях. Крупной персоной в бюрократическом аппарате являлся хазарабад, как еще при Ахеменидах именовался начальник охраны в тысячу человек, бывший и тогда первым чиновником в государстве. При Аршакидах он был, вероятно, на положении везира³⁾.

Унаследованное от Селевкидского государства деление на сатрапии было сохранено, но сами сатрапии разукрупнены. Так, прежняя обширная Гирканская сатрапия, включавшая в себя все земли Парфии, при Аршакидах была расчленена на следующие сатрапии: собственно Гирканию, Комисену (средневековый Кумис с Семнанским и Дамганским округами), Астауэну, Парфиену и Апарварктикену⁴⁾. Всего в Парфянском государстве было несколько десятков сатрапий, управлявшихся назначаемыми туда царем парфянскими сатрапами. Наряду с этим, в некоторых завоеванных провинциях — «царствах» выразившие покорность их правители сохраняли свои права. В середине I в. н. э. происходит процесс децентрализации, известного распада Парфянского государства с выделением ряда автономных областей: по Плинию, в нем насчитывалось 18 «царств» (=егпа; одиннадцать в северной части и семь в южных районах)⁵⁾. В их число входили Элимаида, Фарс, Аднабена и другие, в которых сидели свои местные наследственные правители, а также добившаяся автономии Гиркания, Маргиана, Индо-парфянские владения и другие, где власть захватили члены правившей Аршакидской династии.

¹⁾ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Изд. «Правда», М., 1950, стр. 10.

²⁾ В. И. Ленин. О государстве, соч., изд. IV, т. XXIX, стр. 442.

³⁾ В сасанидской Персии титул «хазарабад» носил «великий везир», замещавший царя в его отсутствии и ведший дипломатические переговоры. Он не имел права назначать своего преемника и заместников, а также отрешать от должности чиновников, назначаемых царем.

⁴⁾ Подробные соображения о том, что раннеселевкидские гипархии превращались в более позднее время, в том числе при Аршакидах, в сатрапии, см. W. Tapp, цит. соч., стр. 442—445.

⁵⁾ Плиний, VI, 25.

Внутри сатрапии и области членились на гипархии (*ὑπαρχίαι*) и статмы (*σταθμοί*)¹⁾. Последний термин, обозначавший „почтовые станции“, возможно, прилагался в парфянское время в качестве административного к сельским районам, включавшим в себя укрепленный административный пункт и группировавшиеся около него поселения. Характерно, что в дорожнике Исидора Харакского при описании пролегавшего через Парфию отрезка сухопутного торгового пути из Европы в Индию и Китай, статмы упоминаются только в сатрапиях к югу от Копет-Дага, а в расположенных севернее областях современного Южного Туркменистана, начиная с Парфиены, указываются лишь деревни (*κομοί*)²⁾. Управление вообще не конструировалось по единой системе и было разным, в зависимости от того или иного состава жителей. На особом автономном положении были, например, такие города, как Селевкия, Сузы и др., где эллинизированное население составляло большой процент. В таких случаях им предоставлялось право некоторого самоуправления, закреплявшееся специальными городскими конституциями³⁾. Выборный «сенат» города Селевкии, состоявший из представителей городской знати, насчитывал до 300 человек⁴⁾. Везде большое значение придавалось военным властям. В городах права стратега и эпистата объединялись часто в одном лице. Начальник гарнизона именовался арканат.

С образованием Парфянского рабовладельческого государства и с его почти полутысячелетней упорной борьбой за свою самостоятельность с сильными соседними державами связано сложение и развитие парфянских вооруженных сил. Соперница римских легионов, парфянская армия, не оставалась неизменной за это время, завися от состояния производительных сил и производственных отношений, которые влияли на характер, способ ведения войны и на организацию вооруженных сил.

Первые Аршакиды опирались в значительной мере еще на сложившееся в условиях родовой организации народ-воisko, в котором, помимо парнского ядра, большую роль играли пешие и конные ополчения других дахо-парфянских племен. В пору постепенного покорения отдельных владений новым Парфянским государством эти родо-племенные контингенты, по мере надобности, прибывали в порядке «союзнических» обязательств под командой своих вождей и со своим далеко неоднородным вооружением. У жителей собственно Парфиены и гирканцев были преимущественно короткие копья и луки с тростниковыми древками стрел⁵⁾. Дахские племена, включая парнов, подобно амиргийским сакам Маргианы, имели, кроме луков, короткие мечи и секиры-сагарины, а на голове носили

¹⁾ Эти греческие термины употреблены в так называемом Авроманском документе I и в пергаментах Дуры. Как эти административные деления назывались по парфянски, неизвестно.

²⁾ Исидор Харакский, 12—14. Возможно, что тут статм не было и их замесняло что-то другое.

³⁾ См. письмо Артабана III городу Сузам. 'R. Ghirshman. Un bas-relief d'Artaban V avec inscription en Pehlevi Arsacide. Monuments et mémoires publiés par l'Académie des Inscriptions et Belles-lettres. T. XXXIV. Paris, 1950, p. 97. и сл.

⁴⁾ Тацит, VI, 42.

⁵⁾ Геродот, VII, 61, 62, 63 и 64. По Геродоту, парфяне имели такое же оружие, как бактрийцы, а гирканцы в этом отношении ничем не отличались от персов, которые сами имели в основном мидийское вооружение.

остроконечные клобуки из плотного войлока¹⁾). В характерном остроко-
нечном парадном парнском головном уборе представлен основатель ди-
настии Аршакидов на одной группе парфянских монет раннего чекана²⁾.
Парфянские луки были и небольшие и относительно крупных размеров
типа сложных, состоящих из двух изгибов с перехватом³⁾. Они помеща-
лись или в отдельном налучье или в футляре, соединенном с колчаном
для стрел, и пешими носился на левом боку, а всадниками подвешивался
на пояс справа сзади⁴⁾. Своеобразные короткие мечи-кинжалы, напоми-
навшие по изгибу клинка древнерусские подсайдашные ножи, имели
иногда рукоятки, заканчивающиеся изображением головы орла⁵⁾. Топо-
рища парфянских секир были преимущественно узкими, иногда достига-
ли очень крупных размеров и насаживались как на короткие, так и на
длинные рукоятки⁶⁾. В употреблении был и носившийся обычно вождями
«табар-загнул» — восточного типа клевец или молоток-чекан, предназна-
чавшийся для пробивки шлемов и панцирей⁷⁾.

Территориальное расширение государства, увеличение его экономи-
ческой мощи, отмечавшиеся выше социальные изменения внутри самой
парфянской среды, наконец, постоянные вооруженные столкновения с
соседями не проходили бесследно в военном деле парфян. Накапливав-
шийся опыт ведения войны наглядно показывал на необходимость в це-
лях успешной борьбы с армиями соседних эллинизированных государств
противопоставить им новую организацию парфянских вооруженных сил.
Их реформа была осуществлена при Митридате II (123—88). Прочное
вхождение в состав его империи Маргианы и развитие там железнотел-
ельного производства обеспечили снабжение части войск дорогостоящим,
но высококачественным оружием как наступательным, так особенно обо-
ронительным. Учитывая слабые стороны эллинистических армий, парфяне
свели до минимума контингент наемных войск и отказались от введения
на вооружение крупных дорогостоящих отрядов боевых слонов, убедив-
шись на опыте неприятеля в их недостаточной эффективности при исполь-
зовании против не поддававшегося устрашающему психологическому воз-
действию противника. Не в пример эллинистическим армиям, где основу

¹⁾ Ср. Геродот, VII, 64. О приурочении амиргийских саков к Маргиане см.
В. В. Григорьев. О скифском народе саках. СПб., 1871, стр. 57, сл.; В. В. Стру-
ве. Восстание в Маргиане, цит. соч. стр. 10—11.

²⁾ Ж. Бартоломей. *Recherches sur la Numismatique Arsacide*. *Memoires de la*
Société d'Archéologie et Numismatique de St. Pétersbourg, vol. II. СПб., 1948, т. I, рис.
1—3; А. К. Марков. Неизданные Арсакидские монеты. ЗВО, т. VI, СПб. 1892, т. III,
№ 2, № 3; J. de Morgan. *Manuel de Numismatique orientale*, op. cit., p. 135.

³⁾ Изображение парфянского лука см. в руке Аршака на обратных сторонах пар-
фянских монет; в руках спутницы богини охоты на одном ритоне из Нисы; в руках
парфянских охотников на оттиках печатей из Нисы и др.

⁴⁾ Изображение парфянского налучья в соединении с колчаном имеется в зеркаль-
ном повторении на терракотовых плитах из Нисы. (см. Труды ЮТАКЭ, т. I, стр.
217, рис. 9). Длинный горит конного воина представлен в изображении знатного пар-
фянского всадника на одном оттике парфянской печати из Нисы.

⁵⁾ Ряд вариантов таких мечей изображен висащими у пояса парфянского божест-
ва войны Афлада в образе Ареса на нескольких нисийских ритонах.

⁶⁾ Два типа различных секир представлены на нисийских ритонах. Большой вели-
чины узкое железное топорие секиры найдено при раскопках на Старой Нисе.

⁷⁾ О типе парфянских клевцов можно судить по выкопанному в Нисе парадно-
му, изящной формы, узорному табар-загнулу, сделанному из серебра и покрытому
позолотой.

составляла пехота, в особенности тяжеловооруженная, в Парфянском государстве главную силу ее войск составляет кавалерия, начиная с Митридата II, строго разделенная на две группы: легковооруженных всадников (исключительно лучников) и тяжеловооруженных копьеносцев (клибанариев) и лучников (катафрактариев).

В состав тяжеловооруженных входили исключительно «свободные», т. е. представители рабовладельческой парфянской знати. Они носили прочные, конические, ослепительно-ярко сверкавшие шлемы с бармицами по венцу, а иногда с маской на лице и чешуйчатые или пластинчатые панцири из «маргианского железа» с частичным кольчужным покрытием груди и бедер и даже кистей рук; поверх всего набрасывались окрашенные в красный или фиолетовый пурпур плащи. В покрывающие со всех сторон чешуйчатые железные или медные панцирные попоны были одеты и их лошади, головы которых иногда защищались металлическими масками. Основным вооружением конных латников¹⁾ клибанариев, комплектовавшихся, повидимому, из аристократии, служили, кроме кинжала, тяжелые, необычайной длины копы с железным наконечником²⁾, которыми можно было пробить с одного удара двух человек³⁾. Тяжеловооруженные стрелки-катафрактари, представляя собой также конных латников, были защищены пластинчатыми и чешуйчатыми панцирями, причем иногда посредине проходил вертикальный ремень с четырьмя круглыми бляхами. Их специальное оружие составляли большие тугие луки, выпущенные из которых стрелы наносили поражения на значительных дистанциях⁴⁾. Знатные тяжеловооруженные всадники сводились иногда в крупные соединения⁵⁾. Из них же комплектовались особо привилегированные отряды «неранимых», имевших вместо знамен изображение дракона⁶⁾.

Легковооруженные конные лучники пополнялись главным образом «зависимыми» клиентами и отчасти якобы даже рабами. Представляя собой основную массу парфянской кавалерии с пропорцией к тяжеловооруженным всадникам свыше 10 : 1, легковооруженные всадники были облачены в кожаные сыромятные колеты или железные панцири, выдерживавшие очень сильные удары⁷⁾. Они имели мечи, кинжалы и короткие луки. Хотя у парфян во II—I вв. до н. э., наряду с железными, еще бытовали бронзовые трехперые, втульчатые наконечники стрел, но боевыми и тогда служили преимущественно железные, которые для нанесения большего урона врагу делались зубчатыми, чтобы затруднить извлечение

¹⁾ Иустин, XLI, 2.

²⁾ В эллинистических армиях также были длинные копь-сариссы, достигавшие около 300 г. до н. э. до 16 локтей длины (свыше 7 м; Полиэн, II, 29, 2), но позднее уменьшенные до 14 локтей (Полубий, XVIII, 29). Намекая на исключительную длину парфянских копий, Лукиан (II в. н. э.) в порядке памфлета наделяет Аршака копьем гипертрофированных размеров до 20 локтей (т. е. около 9 м; Лукиан, Разговор в царстве мертвых, XXVII—3—4).

³⁾ Плутарх, Марк Красс, 27.

⁴⁾ Об относительной дальности полета парфянских стрел можно судить по сообщению Диона Кассия (49,26), что собранная Антонием для вторжения в Парфию римская армия имела отряды пращников, которые наносили поражение своими камнями на большем расстоянии, чем парфянские стрелки своими стрелами.

⁵⁾ Ород I выделил Сурене около тысячи конных латников для встречи армии Красса.

⁶⁾ Изображение парфянского дракона имеется на оттиске одной печати из Нисы.

⁷⁾ Плутарх, Марк Красс, 18, 25.

стрелы из раны. Считалось, что парфяне могли выставить до 40 000 своих легковооруженных конных лучников, которых приводила с собой на войну знать.

Пехоте было отведено в реорганизованной парфянской армии второе место по значимости. На ней главным образом лежала в мирное время постоянная гарнизонная служба, тогда как массы кавалерии призывались при открытии военных действий. Из оружия пехоты, кроме сыромятных колетов, луков и мечей, известны короткие метательные копья¹⁾, длиной около человеческого роста и с ромбовидным наконечником. Судя по головным уборам изображений на нисийских ритонах Афлада-Ареса, во II—I вв. до н. э. у парфян, во всяком случае, может быть в офицерской среде, начали входить в употребление разные виды металлических шлемов, несколько напоминающие эллинистические, иногда с нащечниками, острым или шишкообразным навершием, как правило, с довольно широко отогнутыми наружу и заломленными под углом полями²⁾. Известные по раскопкам Нисы большой и малый парфянские щиты овальной формы сделаны были из кожи, имеют каркас из железных обручей и снаружи покрыты узорными бляхами³⁾. Вообще щиты были мало распространены в парфянском войске⁴⁾.

Во главе собиравшихся для войны войск стоял сам царь, поручавший командование отдельными армиями соправителю-наследнику или одному из главарей знатных родов по выбору «совета сородичей». Отряды ополчения возглавлялись приведенными их представителями знати. Бывали случаи занятия крупных военных должностей и иноземцами. Так, перешедший в 43 г. до н. э. на сторону парфян римский военачальник Лабиев, одержавший ряд побед над войсками легата Антония в Сирии, командовал значительными военными соединениями и пользовался настолько большой самостоятельностью, что принял титул «императора парфян» в смысле «верховного полководца».

Не содержа большой постоянной армии, парфянское правительство не брало на себя особых забот об ее централизованном снабжении, за исключением обеспечения оружием и особенно боеприпасами на время военных действий. Значительные запасы стрел возились вслед за конными отрядами целыми караванами из многих сотен верблюдов. В битве при Каррах у Сурена в расположенном поблизости полевом резерве насчитывалось, по данным римской разведки, около тысячи этих животных с бьюками стрел. Провиант же брался в поход в ограниченном количестве. Вместе с тем, личные обозы высших военачальников, подражавших в этом некоторым селевкидским и римским полководцам, бывали иногда исключительно громоздки, включая в себя даже гаремы.

¹⁾ Тацит, VI, 35.

²⁾ Изображение парфянского воина-пехотинца с коротким копьем имеется в пропарпанном на шпательке рисунке из Дюра Европос. См. Н. А. Машкин. История древнего Рима, М., 1948, стр. 300, рис. 104. Там же изображение тяжеловооруженного копьеносца верхом на покрытом панцирной попоной коне.

³⁾ На одном, повидимому парадном, парфянском щите из Нисы в середине помещен большой железный трезубец, а по краю овала размещены, чередуясь, десять крупных изображений орлов с полуоткрытыми крыльями и столько же своеобразных пальмет.

⁴⁾ По Кассию Диону, парфяне не имели щитов.

При большой личной храбрости самих парфян, наиболее уязвимым местом в организации их армий считалась слабость дисциплины. Они не любили зимних войн и дальних длительных походов, хотя порой им все же приходилось сражаться далеко за пределами границ своего государства, например, в Македонии, где осенью 42 г. до н. э. их отряды участвовали в битвах при Филиппах на стороне республиканцев. Сами парфяне битвы начинали рано утром и обычно прерывали на ночь. На поле сражения команды подавались посредством литавр типа среднеазиатских нагара крупного размера. Эти полые, котлообразные, с одной мембраной инструменты, обтянутые кожей и увешанные кругом погремушками, использовались также для поднятия духа собственных бойцов перед сражением и наведения страха на врага. При ударах из них исходили низкие устрашающие звуки, в которых как бы смешивался звериный рев с раскатами грома¹⁾.

Основным приемом ведения войны с вторгшимся врагом у парфян был тот, о котором И. В. Сталин писал, что «еще» старые парфяне знали о таком контрастном наступлении, когда они завлекли римского полководца Красса и его войска вглубь своей страны, а потом ударили в контрастном наступлении и загубили их²⁾. В оборонительных и наступательных операциях парфяне стремились в первую очередь охватить врага полукольцом рассыпного строя конных лучников и издали поражать его массой выпущенных по нему стрел. Часто они обращались при этом в притворное бегство с тем, чтобы вызвать расстройство рядов преследующего их противника, а добившись этого, поворачивали на врага и или вновь расстреливали их из лука или вступали с ними в рукопашную. Всадники легкой кавалерии иногда соскакивая с коней. Владея в совершенстве рассыпным строем и в отступлении и в преследовании, легковооруженные конные лучники успешно заманивали неприятеля в засаду и тут, быстро свернув свои отряды, очищали место для действия своих укрытых метальщиков копий. Только предельно, насколько возможно, деморализовав и ослабив врага длительными непрерывными атаками конных лучников, наносивших с недостижимых для неприятеля дистанций большой урон своими тучами стрел, парфяне вводили в битву соединения тяжелой конницы копьеносцев — клибанариев. Этому предшествовала соответствующая психологическая обработка вражеских солдат ревом многочисленных литавр и эффектом, производимым всадниками, сбрасывавшими по команде плащи, дабы при свете солнца неожиданно предстать в ослепительном блеске стальных лат. Удар сомкнутого треугольником строя конных копьеносцев обычно решал исход боя³⁾. Но больше всего, по собственному признанию римлян, их солдаты страшились «стрел парфян и их отбега вспять», т. е. притворного отступления⁴⁾. Применением своей собственной тактики парфяне нарушали планы ведения боя, разработанные

¹⁾ Плутарх. Марк Красс. 23. Крупные нагара, глиняный корпус которых изготовлялся керамистами, употреблялись для военных целей в Средней Азии до XIX в. включительно. Некоторые из них достигали в ударяемой поверхности более обхвата и на них играли два человека. Звуки, издававшиеся при ударе специальными палками, сперва глухие, переходили затем в громоподобные раскаты, которые были слышны за несколько километров.

²⁾ И. В. Сталин. Ответ т. Разину. Журнал «Большевик», 1947, № 3, стр. 8.

³⁾ Плутарх, Марк Красс, 24, Иустин, X 1, 2, Тацит, VI, 35.

⁴⁾ Гораций, Оды, II, 13.

ные римлянами, и те обвиняли их в том, что они вообще «не умеют вести вблизи регулярной битвы»¹⁾).

Во втором периоде существования Парфянского государства, когда знать оказалась сторонницей децентрализации и на этой почве у нее начались конфликты с царствующими Аршакидами, это нашло отражение и на составе армии. Государи искали опору в лично от них зависевших отрядах телохранителей, выполнявших функции гвардии. При проведении внешней политики, не встречавшей сочувствия в среде родовой рабовладельческой аристократии, аршакидские цари, начиная с Артабана III (10/11—40), все чаще были вынуждены прибегать к найму чужеземных войск, которые при неудачах иногда одни только и оставались на их стороне. Наемные вспомогательные войска, находившиеся на парфянской службе, и образованную из иноземцев стражу в I в. н. э. в глазах римлян составляли «изгнанники из отечества, не имевшие понятия о добре, не знавшие, что такое совесть, жадные только к деньгам и готовые на всякие преступления»²⁾. В этой односторонней, исключительно отрицательной характеристике, даваемой врагам Рима, надо учитывать наличие субъективной предвзятости ее автора к «варварам», каковыми в его глазах были и парфяне и завербованные ими «скифы». На последнем этапе истории Парфянской державы видное место в ее вооруженных силах занимали дружины месопотамских арабов с их вождями во главе, распределявшиеся в качестве гарнизонов по отдельным крепостям на западных пределах государства и дававшие боеспособные вспомогательные отряды легкой кавалерии. Особенно выделялись среди них арабы пограничных владений Хатры и Хиры, от которых римские войска потерпели не одно поражение.

Римляне совершенно отрицали наличие у парфян еще в I в. н. э. искусства осаждать города с применением различных артиллерийских и инженерных машин³⁾. Если это в известной мере и справедливо, то самой историей сложения государства Аршакидов засвидетельствовано, что брать города они умели. Археологическое же изучение городищ и развалин крепостей на территории Южного Туркменистана показывает, что парфяне для своего времени достигли высокого уровня в фортификации и обороне городов. Парфяне унаследовали здесь от предшествующего времени весьма небольшое число солидных фортификационных сооружений с могучими стенами сильного профиля (типа цитадели древнего Мерва, Эрк-кала), но и те имели еще систему обороны очень примитивного характера. На протяжении существования Парфянского государства в процессе интенсивного развития местного крепостного строительства в это дело вносится ряд нововведений. Если на первом этапе стены городов имеют башни, расположенные по наружному фасу в одной плоскости со всей стеной, то уже при создании укреплений царского заповедника Старой Нисы как угловые, так и промежуточные бурджи прямоугольного плана выносятся значительно вперед, создавая этим возможность более активной фланговой обороны. Во втором периоде истории Парфянской державы появляются башни новых конструктивных форм: с заovalенным

¹⁾ Иустин, XII, 2.

²⁾ Тацит, VI, 36.

³⁾ Тацит, XII, 45.

передним фасом или прямоугольного же плана, но с разделкой на некоторой высоте поверхности «гофрами», наподобие трех сомкнутых овальных полубашен. Усиление фланговой обороны позволило сократить число шелей-бойниц в стенах и башнях, расположив их более рационально. При этом для введения в заблуждение неприятеля устраивалось большое количество чисто декоративных ложных бойниц, иногда в два-три раза превышающих число подлинных.

В областях Южного Туркменистана для первых веков н. э. характерно возведение особенно большого числа крепостей в связи с происходившим в Средней Азии передвижением кочевых племен, защиту от которых приняло на себя государство. В обороне против преимущественно конного врага использовался древний фортификационный прием выведения своеобразного «предвратного лабиринта» в виде узкого коленчатого коридорообразного прохода, устраивавшегося перед самыми воротами. Для удержания всадников на возможно дальних от стен дистанциях в широкое употребление в это время вошли машины метательной артиллерии, с помощью которых бросались ядра из обожженной глины. Требовавшиеся в значительных количествах, они одновременно изготавливались на месте и обжигались при крепостных арсеналах в больших продолговатых печах, вмещавших по несколько тысяч ядер в одну закладку. Ядра—округлые, достигающие до 22 см в диаметре. Кроме них, выпекались особые глиняные снаряды в виде равносторонних трехгранных пирамидок со сторонами от 11 до 20 см. Они не только метались, но, в основном, разбрасывались перед крепостными стенами, чтобы затруднить маневрирование вражеской конницы. Попадая на поле, усеянное такими пирамидками с торчащим вверх одним острым углом, лошади, из-за боязни накола ног, после первых же попыток решительно отказывались двигаться по нему¹⁾.

Парфянское войско, как и всякая армия рабовладельческого государства, являлось опорой власти династии Аршакидов, средством утверждения господства эксплуататорских классов, подавления трудящихся и ведения грабительских войн, хотя ему не раз приходилось также отстаивать самостоятельность Парфянского государства, особенно против захватнической политики, проводившейся на Востоке рабовладельческим Римом. Успешно выступая на полях сражений соперником римских армий, парфянское войско вместе с тем, как явствует из сказанного выше, отличалось от них прежде всего своим составом, а, кроме того, и организацией, и вооружением, и тактикой, особенно отмеченным выше приемом тактического отступления, завершавшимся неожиданным контраступлением и разгромом врага.

Парфяне превосходили римлян своей конницей, которой никогда не могла противостоять римская кавалерия и которую Ф. Энгельс, именуя ее «парфянской иррегулярной конницей Хорасана», ставил по боевым качествам выше римской²⁾. Парфяне превосходили римлян также в тяжелом оборонительном вооружении, но, несмотря на это, парфянская армия в целом отличалась большей, по сравнению с римлянами, подвижностью. Даже когда римляне после тяжелых поражений стали учитывать такти-

¹⁾ М. Е. Массон. Новые данные по древней истории Мерва, ук. соч., стр. 95.

²⁾ Ф. Энгельс. Кавалерия. Маркс и Энгельс, соч. т. XI, ч. 2, М., 1933, стр. 444. Его же, Армия, там же, стр. 382.

ку заманивающего отступления и даже сами стали применять ее с конца I в. до н. э. в борьбе с парфянами частично и в несколько видоизмененной форме (мнимое бегство пехоты) — все же парфянские армии до падения государства Аршакидов оставались грозными противниками римских легионов.

Язык, письмо, религия, культура

В полном соответствии со сформулированными И. В. Сталиным характеристиками империй Ахеменидов, Александра Македонского и др., было положение в государстве Аршакидов, которое не имело и не могло иметь «единого для империи и понятного для всех членов империи языка»¹⁾. Среди многих языков ее племен и народностей господствующее место занимал парфянский. На нем говорила обширная группа людей, сформировавшаяся в результате сложения Парфянского государства в новую парфянскую народность²⁾. По своему грамматическому строю и по словарному составу парфянский язык принадлежал к иранской группе, являлся языком основной массы населения коренных парфянских областей и, несомненно, включал немало диалектов и говоров, один из которых был присущ парням. Пережив Аршакидскую державу, парфянский язык в его литературной форме получил название пехлевийского, употреблялся в Сасанидском государстве, а за его пределами в течение нескольких столетий был главным языком восточно-манихейской церкви, только с VI в. уступив место согдийскому. Исчезнув свыше тысячи лет назад, парфянский язык оставил след в лексике пришедших ему на смену таджикского и персидского, в которых отдельные парфянизмы живут до сих пор (например, таджикское 'калон' — большой; парфянское KL'N манихейских текстов). Часть его диалектов и говоров вместе с мидийскими легла в основу северо-западных ново-иранских прикаспийских и центральных диалектов, а также курдского языка.

Памятников парфянского языка времени Аршакидского государства сохранилось очень немного. Уничтоженные при Сасанидах исторические анналы до нас совершенно не дошли. *Авеста* написана на языке, бывшем мертвым уже задолго до н. э. Найденный в Курдистане документ (так называемый «Авроман III») содержит всего 23 иранских слова. Еще меньше их в приписке к документу «Авроман I»³⁾. Парфянские легенды на монетах содержат столь ограниченный языковой материал, что все слова в совокупности не дают даже полного алфавита. Из ставших известными всего двух надписей, одна, открытая в 1947 г. в Сузах, относится к первой четверти III в. н. э., а вторая, происходящая из Сарипуля близ Хольвана и условно датируемая I в. н. э., почти нечитаема. Немногим лучше обстоит дело с парфянскими памятниками времени после падения Аршакидской державы. В парфянских версиях раннесасанидских надписей большая часть слов скрыта в идеограммах. Един-

¹⁾ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, цит. соч., стр. 10.

²⁾ Римские авторы определяли язык парфян, как «смешанный, средний между скифским и мидийским» (Иустин, XLI, 2).

³⁾ E. Minns. *Parchments of the Parthian Period from Avroman in Kurdistan. Journal of Hellenic Studies*, XXXV. London, 1915, pp. 22—65. H. Nyberg. *The Pahlavi Documents from Avroman. Le Monde Oriental*, XVII, 1923, pp. 182—230.

ственные в своем роде два произведения — «Спор пальмы и козы» и «Память о Зарере» — уцелели в позднейшей переработке персоязычных редакторов и переписчиков. Наконец, махинеийские религиозные тексты из Синьцзяна хотя частично и были написаны в коренных парфянских областях, но переписывались в согдийской среде в VIII—IX вв., и к тому же в большинстве переводились со среднеперсидского, что не могло не сказаться на их словарном составе и синтаксисе.

При таком положении совершенно исключительное значение имеет открытие советскими археологами на протяжении 1948—1952 гг. свыше тысячи парфянских документов — острака. Несколько штук из них найдены в крепости Новой Нисы, а подавляющее большинство — в помещениях северного комплекса Старой Нисы. Представляя собой часть хозяйственного архива II—I вв. до н. э., они охватывают во времени около ста лет периода наибольшего расцвета военного могущества Парфянского государства. Написаны они в основной массе на неоформленных кусках битых толстостенных глиняных корчаг-хумов. Тексты, нанесенные с помощью кисти черными чернилами, выполнены, судя по черку, твердыми руками опытных писцов и написаны своим местным парфянским алфавитом. Выработавшийся на основе так называемой арамейской письменности, он возможно был создан при Митридатe I и имеет довольно архаический облик, сближающий его с арамейской канцелярской письменностью ахеменидского времени. Каждый знак написан отдельно, без всякой тенденции к слиянию с другими. Язык нисийских остраконов, по мнению первых исследователей, принадлежит одному из коренных парфянских диалектов. Часть слов в документах изображена арамейскими идеограммами (или гетерограммами), т. е. написана целиком по-арамейски, а произносилась по-парфянски. Судя по именам составителей нисийских документов (Ариабарзан, Артавирашт, Бахтдатак, Вахуман, Михредат, Роштан и др.), сами писцы по своему происхождению были парфяне¹). Из расшифрованных уже документов основная масса отражает обязательства по доставке с того или иного виногради́ка указанного на определенный год количества вина в хумах. Наряду с этим, имеются остраконы с иным содержанием, в частности хозяйственно-учетного порядка. Нисийские архивные документы обогащают словарный состав еще пока мало изученного парфянского языка и являются ценными материалами не только в лингвистическом и филологическом отношении, но и в общесторическом. С их помощью после полной расшифровки текстов удастся осветить ряд сторон из прошлого рабовладельческого общества Парфии²).

Наряду с парфянским языком и парфянской письменностью, в Аршакидском государстве были в употреблении греческий язык и греческая письменность. Последние не имели такого широкого распространения, как в государствах Селевкидском и Греко-бактрийском, но их частично употребляли даже в канцелярских нуждах при официальных внутренних сношениях с подчиненными эллинизированными городами и даже некоторыми селениями в западной части государства. Буквами греческого алфавита и с греческими словами на протяжении нескольких столетий

¹) Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, в. 2. Академия наук Туркменской ССР. М.—Л., 1951.

²) См. Материалы ЮТАКЭ, в. 2, М.—Л., 1951.

выбивались легенды монет общегосударственного чекана. Лишь при младших аршакидах с середины I в. н. э. на монетных кружках начинают появляться отдельные знаки парфянского алфавита, и только примерно с середины II в. н. э. (с царствования Митридата IV) часть монетных эмиссий выпускается с полными парфянскими легендами как по шрифту, так и по языку. Но крупные тетрадрахмы включительно до Вологаза V (207/8—221/2) попрежнему имеют греческие легенды, выполненные уже несколько искаженными буквами греческого алфавита. Некоторые цари и отдельные лица из парфян владели греческим языком, однако, в основном придворная среда, вероятно, только «баловалась» им, подобно тому как это было с французским у верхушки русского общества XVIII и XIX вв. Вполне возможно, что у парфянской рабовладельческой филэллинствовавшей верхушки сложился и употреблялся в быту даже свой жаргон с большим числом греческих слов.

Наконец, в старых месопотамских центрах в раннюю пору существования Парфянского государства продолжали некоторое время по традиции пользоваться вавилонской клинописью, применяя для этого глиняные таблички.

Наряду с острака в парфянской среде использовались для писания навошенные дощечки (πίναξ или *tabula cerata*), оправленные в деревянную рамку и скреплявшиеся иногда при помощи шнура друг с другом по две, по три и более в виде книжки. Писали по натертой воском поверхности, процарапывая буквы острием небольшой палочки—стиля, а затирали ненужный текст противоположным тупым и плосковатым его концом. В областях Южного Туркменистана этот способ писания был в широком употреблении. Изображения дощечек (пинака и диптиха) имеются на одном парфянском ритоне из Нисы. Стили, сделанные из слоновой кости, на тупом конце которых вырезана сжатая в кулак кисть человеческой руки или фигурка богини, найдены на городище Новая Ниса и в древнем Мерве.

В качестве материала при написании важных документов, священных текстов и иного характера крупных произведений книжной письменности применяли прочные, сделанные из кожи, дорогостоящие пергаментные свитки или волюмены¹⁾. При археологических работах на Старой Нисе были найдены серебряная скульптурная ножка, а также изящные фигурки Эрота и Афины, венчавшие крышки цилиндрических футляров — цист, которые служили для хранения в них этих свитков²⁾. Такие волюмены показаны в руках парфянских муз, вырезанных на фризе одного нисийского ритона из слоновой кости.

Грамотность имела очень слабое распространение в парфянском обществе, и письменность всецело была в руках знати, жрецов, представителей высшей бюрократии и крупных купцов. Но и в их среде ею практически владели, повидимому, не очень многие, на что косвенно указывает широкое применение резных печатей (гемм — инталий) с различными изображениями и иногда вырезанными по-парфянски именами их

¹⁾ В Шици при описании Аньси указано, что в Парфии «пишут на пергамене»; По Шы-гу, пергамин — это твердая кожа невыделанная, т. е. не доведена до мягкости. Н. Я. Бичурин. Собрание сведений..., ук. соч. ч. II, стр. 183.

²⁾ М. Е. Массон. Новые археологические данные к изучению истории Парфии. Известия АН Туркм. ССР, 1952, № 5.

владельцев. Этим же было вызвано появление большого числа профессиональных писцов, наиболее образованные из которых владели, наряду с парфянской письменностью, греческою, нормами канцелярского стиля и соответствующей юридической терминологией.

Представляя конгломерат племен и народностей, Парфянская держава в течение долгого времени не имела государственной религии. Одновременно сосуществовали многочисленные переплетавшиеся между собой культы различных областных и племенных божеств, олицетворявших под разными именами одни и те же силы или явления природы. В связи с этим совершенно неизбежной являлась широкая веротерпимость, с которой парфяне относились к религиям подвластных народов, становившихся их подданными.

Несомненно, что религиозные представления в самой дахо-парно-парфянской среде также не были однородны, завися от разного уровня общественного и хозяйственного развития отдельных племен. Фетишизм, анимизм и магия у оседлого земледельческого населения были сведены, безусловно, в более стройную систему, чем у полупоселых скотоводов и кочевников, хотя и у тех и у других боги и духи были уже подразделены на высших и низших. Особым почитанием пользовалось божество солнца, которое и раньше в массагетской среде среднеазиатских кочевников занимало первое место и которому они приносили в жертву коней¹⁾. В дахо-парфянской среде ему в образе сына Ахура-Мазды, Митры, бога растительности и одновременно покровителя пастухов и особенно воинов, также посвящали коней. Известно, что царь Вардан I (41/2—45) при этом, очевидно, не случайно выбрал белую нисийскую лошадь²⁾. Характерно, что в символическом пророчестве Апокалипсиса, написанного в конце I в. н. э., Парфия олицетворена в виде всадника опять же на белом коне. Связь одного из главнейших богов с конем объясняется той крупной ролью, какую играло это домашнее животное в парфянском обществе. Повидимому, здесь слились два культа: коня и солнца. Фигура коня помещена в качестве символа на одной из сторон нескольких серий парфянских монет в чекане многих аршакидских государей³⁾.

Из женских божеств парфянами особенно чтилась великая богиня-мать. В ней сложно сплетались представления о целомудренной девственности и матери, о богине животворных сил природы вообще и плодородии в частности. От глубокой древности была унаследована связь ее с текущей водой. Многогранный образ породил несколько ее ипостасей, почему она, в зависимости от наделяемых качеств, была известна под разными именами то Анахиты, то Нанайи, то Атергатис (в западных

¹⁾ Геродот, I, 216.

²⁾ J. M. Unvala. *Observations of the Religion of the Parthians*. Bombay, 1925, p. 17.

³⁾ Вероятным пережитком этого парфянского культа в известной мере является бывший широко распространенным еще в дореволюционное время в Южном Туркменистане культ Дуль-дуля, как звали легендарного коня халифа Али. Возможно, что обнаруженные в разное время в Бори и Армази три серебряных блюда с изображением жертевника и лошади, вопреки признанию их принадлежности к памятникам древнегрузинского искусства, представляют собой продукцию, появившуюся в парфянской среде. См. Ш. Я. Амир-Аншаевич. *Две серебряные чаши из раскопок в Армази*. ВДИ. 1950, № 1, стр. 91—101.

областях Парфии). С одной стороны, ее сближали с греческой девственной Артемидой, с другой — у парфян был широко распространен сладострастный культ Анахиты¹⁾. Особенно знаменит был ее храм в Экбатанах, упомянутый в дорожнике Исидора Харакского. Судя по большому количеству терракотовых скульптурных женских идолов, найденных среди развалин парфянских городов и селений Маргианы, там в народе богиня-мать особой популярностью пользовалась в образе задрапированной в тяжелые одежды женщины с зеркалом в руках. Наряду с этим встречаются народные терракотовые скульптуры с изображением нагой женской фигуры, с крутыми бедрами, пышной грудью и тiarообразным головным убором, в которой можно видеть изображение парфянской Афродиты. В условиях коренных парфянских областей, испытывавших постоянно недостаток воды, связь с ней «великой богини», покровительницы влаги, вполне закономерна. Отсюда понятен и отмеченный римским автором факт, что «в суевериях их (т. е. парфян) и в богослужении особенно уважается поклонение рекам»²⁾. Известно, что Тиридат III при переправе через Евфрат в 35 г. в качестве жертвоприношения в честь реки по парфянскому обычаю заколот коня³⁾. В числе прочих имелось божество луны. Наиболее популярный ее храм находился в Каррах. Вероятно, было местное божество, связанное с землетрясениями, разрушительные последствия которых нередко сказывались в основных областях Парфии. Вместе с тем, в них глубокие корни имела созданная при Ахеменидах религия, слившая в себе религию Ахурamazды Дария и Ксеркса, магизм Мидии и среднеазиатский зороастризм с его членением всего на доброе и злое начало и с поддерживавшимся им культом огня. Одним из главнейших святилищ «неугасимого огня» был хорасанский храм в Асааке. Почитание огня в целом, как стихии, не было, повидимому, доведено до той абсолютности, какой оно достигло позднее, поскольку известны случаи сожжения неприятельских трупов, что, как осквернение его чистоты, было бы совершенно невозможно при Сасанидах. Вероятно, не получило еще окончательной разработки и путаное учение о фравашах, восходящее своими первоначальными истоками к древним народным верованиям в существование души и к культу усопших предков. Во всяком случае, в раннем парфянском обществе сложившиеся у пестрого населения представления о божествах и духах оформлялись уже в некую сложную, хотя и нестройную систему. Обслуживавшая интересы рабовладельцев каста жрецов разных культов пыталась установить внутри ее определенную иерархию между всеми надуманными добрыми и злыми сверхестественными существами, которые к поре сложения государства Аршакидов в значительном своем большинстве были наделены в воображении людей антропоморфными и индивидуальными обликами.

Еще больший хаос в религиозные представления внесла своим синкретизмом филэллинствовавшая парфянская знать во главе с аршакидскими царями. Правящая верхушка ввела в свой быт изображения греческих богов разных рангов, отождествив их с тою или иною натяжкой

¹⁾ Б. Тураев. Парфия. Энциклопедический словарь Брокгауз — Эфрон, 44 стр. 914.

²⁾ Иустин, XLI. 3.

³⁾ Тацит, VI, 37.

со своими народными божествами. Это облегчалось тем, что подобный процесс слияния греческих и восточных богов уже давно протекал на территориях других эллинизированных стран, где Зевс был сопоставлен с Ормуздом, Апполон с Митрой, Геракл с Артагной и т. д. В парфянских храмах, царских дворцах, домах рабовладельческой парфянской аристократии в больших количествах появились купленные или захваченные в виде добычи статуи, передававшие в канонизированных эллинистическим искусством формах образы главных и второстепенных эллинских божеств. В разных областях государства появлялись местные подражания им. Полный пантеон «олимпийских богов», частично парфянизированных в своем облике в связи с новым их содержанием, изображен на фризах парфянских ритуальных ритонов из Нисы. Повидимому, эта иконография, принятая в среде представителей господствующего класса парфянских рабовладельцев, не проникла в широкие слои населения, хотя кое-где и оказывала иногда влияние на продукцию изготовлявшихся для народа глиняных идолов.

При таком положении во втором крупном периоде истории Парфянской державы, когда в политике проявлялось активное противодействие всему римскому (а, следовательно, отчасти и греческому), в целях получения нового средства объединения внутренне слабо спаянных между собой народностей и владений, наметилась государственная необходимость в учреждении «имперской религии». Основой для нее послужила наиболее всеобъемлющая, созданная при поздних Ахеменидах религия, которая, включая в себя элементы нескольких наиболее распространенных в Парфянском государстве религиозных течений, была объявлена Зороастризмом. Чтобы приблизить ее к потребностям условий новой исторической эпохи и обосновать все это на более или менее прочной отправной теоретической базе, при Вологасе I (52—77/8) была составлена первая редакция Авесты. В этот книжный свод оказались включенными, очевидно, с каким-то отбором различные сохранившиеся в письменной форме или в устной передаче отрывки религиозной литературы, гимны, молитвы, исторические предания и обрядовые предписания, которые затем были канонизированы. В новой ситуации по-иному должно было оформиться и положение государственных святынь, главной из которых считался храм в миллийском городе Гандзаке¹).

Что в самой парфянской среде преобладали религиозные представления, близкие к исповедывавшимся в других среднеазиатских странах, наглядно явствует из существовавшего здесь погребального культа. Подобно засвидетельствованным многими письменными источниками погребальным обрядам согдийцев, которые трупы своих покойников оставляли на растерзание специально содержавшимся для этого собакам — «погребателям», у парфян, по свидетельству римского историка, обычное погребение состояло в том, что тела умерших отдавали на съедение или птицам или собакам, а потом обнаженные кости зарывали в землю²). Областью, где практиковался подобный же обычай и откуда он может быть перешел в религию мидийских магов, римские авторы называют соседнюю с Парфиеной Гирканию. Там в парфянскую пору для «простого народа» содержались с этой целью общественные соба-

¹) Этот храм продолжал оставаться главной святыней и в государстве Сасанидов. В. В. Бартольд. К истории персидского эпоса, цит. соч., стр. 267.

²) Иустин, XLI, 3.

ки; богачи же воспитывали для этого псов особой «благородной» породы, причем считалось лучшей подготовкой к своим похоронам именно заблаговременное воспитание такого рода собак, которым после смерти хозяина предстоит растерзать его труп¹⁾. Этот способ погребения распространялся и на членов ветви династии Аршакидов, правившей в Гиркании в пору ее автономии, так как это засвидетельствовал один поэт II в. н. э., писавший, что у гирканцев полагается выставлять тела покинувших свет царей на съедение собакам²⁾. Обнаруженные погребения парфянской знати в отдельных камерах некрополя Новой Нисы были вскрыты советскими археологами уже потревоженными в древности, почему примененный там погребальный ритуал по ним пока установить не удалось. Поскольку в тексте Исидора Харакского для обозначения гробниц парфянских царей в Нисе употреблен термин *ταφον* (могилы, склепы), которым в древней арамейско-греческой эпитафии из Ликии переведено иранское слово *астодан* (т. е. костехранилище³⁾), можно полагать, что и в отношении членов династии Аршакидов, похороненных на Старой Нисе, также был применен общепарфянский способ погребения с поеданием трупов собаками и последующим захоронением уже очищенных от мяса костей. Поскольку Маргиана считается первой областью, в которой ученье Зороастра было признано со стороны народных масс⁴⁾, часть парфян исповедывала эту религию. Однако нельзя усматривать причастность к зороастризму государей старшей ветви Аршакидов в практиковавшихся в их среде многоженстве и браках на близких родственниках — матери и сестрах, поскольку это допускалось Авестой, а брак с матерью считался даже особенно благодатным⁵⁾. Ни то, ни другое не является специфичным только для зороастризма. Кроме того, в доказательство женитьбы на матери приводится только один и то сомнительный случай, когда Фраатак — пятый и единственный не отправленный в Рим сын Фраата IV, — отравил своего отца во II в. до н. э., сделал свою мать, царицу Музу, бывшую итальянскую невольницу, соправительницей, а затем, якобы из политических соображений предположительно закрепил это браком, каковой является не более, как домыслом исследователей и в действительности ничем не может быть доказан за полным отсутствием об этом сведений в письменных источ-

1) Цицерон. Тускуляanske беседы, I, 45; Секст Эмпирик. Пироновы положения, III, 226. Более поздние христианские авторы распространяли версию, по которой гирканцы оставляли на растерзание птицам и собакам полуживых стариков. См. Евсевий. Против Ковиниана, II. 7. Порфирий. Отрывок, IV. 2. По Страбону (XI, 11, 8), у соседних более диких каспиев стариков свыше семидесяти лет замаривали голодом и затем их трупы отдавались на съедение птицам и животным.

2) Силий Италик. Пуническое, XIII, 482. Для центрально-иранских и западно-парфянских областей такого рода погребальный ритуал ни археологическими исследованиями, ни письменными источниками не засвидетельствован. Найденные в Месопотамии саркофаги парфянского времени предназначены для трупоположения.

3) А. К. Иностранцев. О древнеиранских погребальных обычаях и постройках. Журнал МНП, 1902, № 3, стр. 107—108.

4) В. В. Струве. Восстание в Маргиане..., цит. соч., стр. 15. Автор проводит в своей работе мысль, что Маргиана вместе с соседними среднеазиатскими странами была родиной зороастризма. См. стр. 27.

5) Такую точку зрения проводили в своих работах ряд ученых: А. Гутшмид, А. Е. Крымский, Н. Дибвойз и др.

никах. Что же касается женитьбы на родных сестрах¹⁾, то этот обычай вообще широко практиковался царями восточных эллинизированных стран, в частности египетскими Лагидами или Птоломеидами, не имевшими никакого отношения к зороастризму. В этом можно усматривать скорее отражение старых родовых отношений и связь с матрилинейным порядком наследования.

Хотя Парфянская держава своими восточными пределами граничила со странами, где был широко распространен буддизм, считавшийся даже господствующей религией в государстве кушан, тем не менее он почти не проник в коренные парфянские области и, повидимому, в самой слабой степени затронул самих парфян. По буддийской литературе известен один аршакидский царевич, очевидно, из крайнего юго-восточного, так называемого Индо-парфянского владения, который, попав в Китай во II в. н. э., выступал там на протяжении свыше 20 лет в качестве переводчика религиозных сочинений с санскритского на китайский. Этот факт пока остается единичным. На территории Маргианы, Апарктикены и Парфии среди археологических памятников не установлено ни одного, который можно было бы связывать с ранним буддизмом, за исключением так называемых Тахтабазарских пещер по Мургабу, подлинное происхождение которых еще не определено. Характерно, что даже в приамударьинских областях Южного Туркменистана, непосредственно входивших в состав Кушанской империи, на месте поселений кушанского времени обычными находками являются терракотовые фигурки, изображающие закутанную в плотные одежды богиню Анахиту в местной трактовке. Буддизм за пределы Кушанской империи продвигался тогда с торговыми караванами купцов, причем возникавшие в разных отдаленных местах укрепленные буддийские монастыри-вихары служили своего рода торговыми факториями²⁾.

Христианство, явившееся, по словам К. Маркса, «выражением и продуктом краха античных порядков», не играло сколько-нибудь видной роли в жизни коренных областей Парфии. Выступившее в середине I в. н. э. как секта иудаизма, едва оформившееся во II в. как самостоятельная религия и до конца государства Аршакидов не сумевшее создать стройной идеологии, оно тем не менее довольно быстро завербовало себе сторонников среди трудящихся, особенно рабов, разоренных и обездоленных людей и в первую очередь на западных окраинах Парфянской державы. Согласно поздней христианской традиции, значительная колония адептов этой новой религии в юго-восточном индо-парфянском владении имелась уже в конце I в. н. э. По данным Бируни, у средневековых христиан Мерва существовало предание, что христианство там появилось только в начале III в. Их община ежегодно отмечала в 21-й день месяца хазиран поминовение некоего священника Берешии, который будто бы прибыл в этот город проповедовать новое учение через двести лет после Христа.

¹⁾ Согласно Авроманскому документу I в. до н. э., из трех жен упоминаемого в нем аршакидского государя две — Спака и Азата — были его единорожденные сестры. См. Е. Н. Миньс, цит. соч., стр. 28 и 31. Известно также, что Синатрук (77—70) был женат на своей родной сестре.

²⁾ М. Е. Массон. Городища Старого Термеза и их изучение. Труды УзФАН СССР, серия I, в. 2, Ташкент, 1940, стр. 91; его же, Термезская археологическая комплексная экспедиция 1936—1937 гг. Социалистическая наука и техника, Ташкент, 1938, № 7, стр. 82.

По сравнению с христианством более видное место в общественной жизни Парфянского государства занимало иудейство. И без того многочисленное еврейское население западных провинций значительно пополнилось притоком беженцев из римских провинций в результате частых войн и преимущественно после падения Иерусалимского царства. Занимаясь земледелием, ремеслом и торговлей, многие крупные еврейские общины достигли относительного благосостояния. Как ярые враги римлян, евреи были поставлены по политическим расчетам в особое положение. Они пользовались равными правами с парфянами. Им доверяли ответственные должности, даже комендантов крепостей. В I в. н. э. одному еврейскому священнику была поручена охрана Экбатанского дворца. Еврейское население управлялось зависимыми от правительства эсилархами (решгалутами — «князьями изгнания»); считавшимися потомками Давида и назначавшими от себя судей, так как евреи пользовались своей юрисдикцией. В ряде мест возникли духовные школы, развившие большую активность во втором периоде существования Парфянского государства. Особенно много евреев было в полусамостоятельном владении Адиабена (на Тигре), где в I в. н. э. их религию приняли все члены местной правящей династии. О распространении иудейства в коренных областях Парфии данных пока нет.

Из-за малого количества дошедших до нас письменных исторических источников о прошлом Парфии и пренебрежительного отношения в течение длительного времени буржуазной науки к памятникам материальной культуры этой эпохи на территории Ирана и Месопотамии¹⁾, вопросы культуры и искусства парфянского государства Аршакидов разработаны очень слабо. В части коренных земель собственно Парфии в этом отношении открываются большие возможности благодаря впервые начатому при советской власти широкому археологическому изучению памятников парфянского времени на территории Южного Туркменистана. Выявляемый здесь вещевой материал при рассмотрении его под углом зрения проблемы «двух культур», закономерно приложимой к исследованию рабовладельческого Парфянского государства, как и всякого другого общества с антагонистическими классами, становится очень наглядным по своей выразительности. Прежде всего добытый археологический инвентарь правящей верхушки общества по своему составу отличен от такового же широких народных масс. Наряду с этим, в культуре и искусстве местных рабовладельческих городов ясно проступают два периода, разные по содержанию и значимости. В смысле взаимоотношения своих «двух культур» парфянского общества первый — уже отмечавшийся выше как «филэллинский», когда в памятниках искусства, принадлежавших крупным рабовладельцам, видны явные признаки заимствований чужеземных форм, когда цари и представители верхушки тогдашнего парфянского общества пытались изучать греческий язык, механически переносили в Парфию некоторые достижения эллинисти-

¹⁾ Характерным примером могут служить раскопки французской археологической миссии в Сузах, где исследователи, чтобы быстрее добраться до древнейшей «крашенной керамики», стремились как можно скорее прорубиться через вышележащие культурные толщи парфянского времени, не уделяя им должного внимания и видя в них главным образом препятствие на пути к достижению поставленной цели. Еще раньше таким же образом были разнесены парфянские культурные слои Варка в связи с поиском древнемесопотамского Урука.

ческой культуры и даже усваивали иногда чуждые им придворные обычаи греко-римской рабовладельческой среды. Однако вкусам и прихотям царского двора и знати противостояла высокая традиция местного народного творчества, которое и создает на базе освоения достижений средиземноморской классики своеобразную парфянскую культуру. Второй период — «филопарфянский», — четко ощущаемый с I в. н. э., характеризуется дальнейшим развитием парфянской культуры на базе полной переработки «эллинистических» начал и торжества местных народных традиций при резком усилении движения против всего римского. Это находило отражение в той или иной мере, разумеется, во всех проявлениях культурной жизни Парфянского государства, хотя в настоящее время для некоторых из них проследить это невозможно.

В первую очередь это относится к разнообразным памятникам письменности. Известно, что у парфян была своя историческая литература¹⁾, но она полностью утрачена. Как указывалось выше, почти ничего не сохранилось от художественной парфянской литературы. Что касается среднеазиатского и восточно-иранского эпоса, то период господства Аршакидов, безусловно, не прошел для него бесследно. Какие из вошедших затем в среднеазиатскую литературу («Шахнамэ» Фирдоуси) рассказы слагались в эту эпоху, неизвестно, но несомненно, что тогда были внесены имена некоторых ее деятелей. Обращает внимание совпадение имен эпического Гударза, имевшего сына Гива и получившего во владенье Джурджан и Исфахан, с аршакидским историческим Готарзом, сыном Гева, бывшим правителем Гиркании. Влияние эпохи существования Парфянского государства сказалось и в том, что в жизнеописаниях героев вводились эпизоды подлинной деятельности представителей династии Аршакидов. Так, в повествовании об эпическом Гистаспе отдельные моменты совпадают с биографией Волагаза I: составление свода Авесты и борьба с аланами, которые впервые совершили набеги на Парфянские владения как раз при этом Волагазе²⁾. Большой цикл сказаний о богатыре Рустаме в основе своей восходит, по видимому, к сакско-парфянской среде.

Возможно, что кое-кто из Аршакидов или представителей парфянской знати, подобно Митридату Понтийскому или Артавазду армянскому, писали литературные произведения в подражание греческим образцам. Рабовладельческой верхушке парфянского общества, безусловно, были знакомы театральные зрелища в духе греческих спектаклей. Известно, что во время празднования по поводу бракосочетания сына Артавазда с армянской принцессой, армянская и парфянская знать во главе с парфянским царем Ородом I присутствовала на представлении трагедии Еврепида «Вакханки» в постановке придворных артистов³⁾. Остатки театра античного типа открыты в парфянском Вавилоне⁴⁾.

¹⁾ Ср. хотя бы слова Моисея Хоренского, который при описании поры владычества Парфии отметил, что эта эпоха имеет много историков из числа персов (парфян) и сирийцев, а также греков. Моисей Хоренский. История Армении. М., 1893, кн. II, 69, стр. 116.

²⁾ В. В. Бартольд. К истории персидского эпоса, цит. соч., стр. 258, 263—265.

³⁾ Плутарх, Марк Красс, 33.

⁴⁾ R. Koldewey. Das Wiedererstehende Babylon. Leipzig, 1925, s. 297, fig. 254.

Крупное шутовское триумфальное шествие в Селевкии по случаю победы над армией Красса было организовано Суреном с участием тамошних профессиональных актрис-гетер, распевавших издевательские смехотворные песни о слабости и малодушии разбитого римского полководца¹). На Старой Нисе выкопана форма для отливки из металла декоративной комической театальной маски мима²).

Анализ открытых на территории Южного Туркменистана архитектурных памятников времени существования Парфянского государства позволил советским исследователям отметить в них не просто отход от классических стилевых норм средиземноморской античности, а проявление большого самостоятельного художественного творчества. Уже в первом «филэлинском» периоде в здешней архитектуре рабовладельческой верхушки налицо лишь некоторая внешняя общность, но не тождество с эллинистической. Наряду с переработкой классических форм на местной базе, мы имеем в основе своеобразные решения планов и объемов самих зданий. Во втором периоде уже вполне завершается процесс сложения величавого парфянского стиля. При этом памятники Южного Туркменистана, имея ряд общих черт с одновременными им архитектурными объектами других областей Парфянской державы (Сеистана, Месопотамии), отнюдь не идентичны им, а являют собой как бы свою, может быть наиболее самостоятельную из всех остальных местную школу.

Основными строительными материалами здесь являлись битая глина — пахса и крупный, сырцовый, квадратный, иногда клейменный кирпич (варьирующий обычно в пределах от $39 \times 39 \times 12$ см до $42 \times 42 \times 14$ см и достигающий в более позднее время размеров до $44 \times 44 \times 10$ см). Жженные кирпичи, отличавшиеся высокой прочностью и употребленные вообще в ограниченном количестве, шли в лекальной форме на выведение стволов колонн: клинчатый — в качестве замков при выведении арок, квадратный ($38 \times 38 \times 8$ см) — на другие специальные места кладок. Камень (песчаники, известняки) использовался на базы и изготовление декоративных плит. Связующими растворами служили глина и гипс. Небольшие помещения перекрывались бескружальными сводами клинчатой кладки, а во втором периоде также и кладкой наклонными отрезками при пролете до 2 м. В более крупных помещениях применялись плоские деревянные перекрытия из балок прямоугольного сечения. В некоторых случаях делались кассетные потолки («дарбази») с центральным квадратным отверстием для пропуска света. Крыши покрывались иногда особого типа крупной плоской плиточной черепицей ($50 \times 35 \times 5$ см), сходной с применявшейся в городах Причерноморья.

Перекрытия часто покоились на колоннах. Базы их, кирпичные или каменные (в последнем случае чаще всего из зеленого песчаника), обычно имеют торовидную, как бы в виде сильно сплющенного шара, форму с полочкой. Плинт под ними квадратный или уступчатый. Диаметр тора варьирует от 40 до 90 см. Есть базы значительно более сложных про-

¹) Плутарх, Марк Красс, 32.

²) М. Е. Массон. Некоторые итоги работ ЮТАКЭ и перспективы археологического изучения Южного Туркменистана. Известия АН Туркменской ССР, 1951, № 1 стр. 93.

филей¹⁾). Стволы колонн или делались из дерева или выкладывались из жженого кирпича; стволы пристенных полуколонн бывали и из сырца. Капители набирались из отдельных терракотовых сильно выпуклых и удлинённых акантов с отогнутым наружу верхним листом. Небольшого диаметра полуколонны венчались закреплёнными на железных штырях терракотовыми плитками с отформованными на них горельефом восточными капителями праионического типа с круглым вдавленным глазком, втроекратно закрученными волутами и восьмилепестковыми розетками в центре. Полуколонны отличаются чрезвычайной стройностью (1:11), превосходящей нормы коринфского ордера греко-римской архитектуры. Появившиеся во второй период четырёхлопастные колонны, как бы слившиеся в пучок из четырёх стволов, имеют сечение до 2 м и отличаются большой мощью²⁾. Очень характерны наружные колонные айваны и оформление стен пилястрами или полуколоннами, в некоторых случаях со ступенчатым выступающим основанием (стереобатом). Интерьеры крупных помещений общественного назначения бывают разбиты полуколоннами по двум ярусам с устройством в верхнем из них ниш.

Для обычной штукатурки употреблялась глина и белый или слегка желтоватый алебастр (гульганч). При специальной штукатурке, применявшейся в парадных помещениях или в усыпальницах, к алебастру подмешивали глину, гравийный песок, толчёную керамику или тертый кирпич, а оштукатуренную поверхность покрывали малиново-красной (реже черной) краской с вероятным втиранием жиров и может быть с лощением.

Карнизы, тяги, пояски архитектурного декора выполнялись по глине, иногда из терракоты и ганча (ремонтные). Широко использовались плоские и профилированные терракотовые плиты с различными прорезными и барельефными изображениями: розетт, пальмет, луны, палицы, горита с луком, львиной морды и др. К таким же элементам относятся плоские декоративные зубцы — кунгра, зубчатые кирпичи и упоминавшиеся выше терракотовые аканты. Последние во втором периоде покрывались голубой и розовой краской. Тогда же вошли в употребление поливные аканты синей глазури. В архитектуре парадных помещений большую роль играли монументальные статуи.

В окраске больших площадей стен преобладали белая и различных оттенков красная краски; изредка применялась черная. Немногие другие (зеленая, золотая, розовая) шли на расцветку фриз и прочих архитектурных деталей.

К памятникам первого «филэллинского» периода принадлежат целиком небольшое прямоугольное храмовое сооружение на территории ново-писийского некрополя парфянской знати. Примкнутое к городской стене и вытянутое по главному фасаду на 23 м, оно поставлено на невысокую вынесенную вперед платформу, которая обведена колонным портиком-айваном. Высота стен здания достигала 10 м. Верхняя часть их выше крыши портика окрашена в белый цвет; нижняя, прикрытая айваном, — в малиново-красный, причем она оформлена здесь черными

¹⁾ Изображение см. Труды ЮТАКЭ, т. I стр. 209, и т. II стр. 36.

²⁾ Г. А. Пугаченкова, Архитектурные памятники Нисы. Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 201—240.

полуколоннами с праионическими капителями. Здание целиком воплощает принципы местной среднеазиатской строительной культуры¹⁾).

Своеобразную местную архитектурную концепцию отражает и большой квадратный дом — хранилище в северном комплексе Старой Нисы. Занимая площадь почти в 3500 кв. м, он сперва представлял обнесенный колонным айваном двор, с каждой стороны которого размещалось по три крупных, продолговатых, сообщавшихся между собой помещения с плоскими перекрытиями, высотой 4,5—5 м. Единственный вход в дом вел во двор с южной стороны. В каждой комнате по длинной оси стояло по четыре колонны, а вдоль стен были устроены широкие кирпичные суфы, служившие для размещения на них различных культовых объектов и предметов царского быта. Дом — хранилище, очевидно, был связан с культом могил парфянских царей. Во втором периоде по наполнении всех комнат, айван вдоль трех фасов заменили коридорообразными помещениями, которые также постепенно начали загружать по отдельным отсекам, в результате чего восточный коридор оказался разбитым на девять небольших комнат. Они сперва соединялись между собой, а затем по заполнении их разными предметами и замуровывании проходов оказались наглухо изолированными. Одна из них с двумя лестницами на крышу некоторое время служила кардегардией для караула. В южном айване интересен пристенный цилиндрический алтарь-жертвенник с росписью по белому фону в виде красных гирлянд, перевитых черными лентами. Входы во все заполненные вещами помещения были наглухо заложены и стояли опечатанными вплоть до разграбления всего дома после падения династии Аршакидов²⁾.

Не свойственное греко-римским традициям архитектурное решение имеет и крупный квадратный зал на Старой Нисе, внутренняя площадь которого измеряется почти 400 кв. м. Приподнятый примерно на двухметровой платформе из сырцового кирпича, он достигал в высоту до 10—11 м. В первый «филэллинский» период функционировали все три входа в главном западном фасаде и один в восточном. В середине стояли поддерживавшие плоское, деревянное архитравное перекрытие четыре круглые кирпичные столба (д. = 90 см). Внутренние углы зала раскрепованы на два уступа. Нижние части стен интерьера оформлены слегка выступающими, трехметровыми пилястрами, облицованными каменными плитами с канелюрами. Во втором ярусе стен размещены кирпичные полуколонки и декорации из различных терракотовых плит.

В течение следующего периода существования Парфянского государства зал, подвергшийся некоторому разрушению, был реконструирован. У трех входов главного фаса вывели монументальные пристенные пилеры, раскрепованные на пять уступов. Внутри каждый круглый столб ради прочности заменили имеющим почти в четыре раза большую площадь сечения пучком из четырех слитых воедино колонн. В окрашенных сплошь белой краской нижних частях, между срубленными пилястрами появились полуколонны из жженого кирпича. Во втором ярусе, покрытом красной краской, облегченные (деревянные внутри) полуколонны обрамляли высокие ниши с поставленными в них крупными глиняными

¹⁾ Г. А. Пугаченкова. Храм и некрополь в парфянской Нисе. ВДИ, 1953, № 2.

²⁾ М. Е. Массон. Новые археологические данные к истории рабовладельческого общества на территории Южного Туркменистана. ВДИ, 1953, № 4.

бронзовые перстни. В качестве материала использовались преимущественно различные местные и привозные самоцветы (сердолик, халцедон, лазурит и др.). Многие из употреблявшихся в Парфянском государстве гемм, особенно в первом «филэллинском» периоде — греческой работы, но подавляющее большинство более поздних изготовлено было местными мастерами. Судя по редчайшей коллекции оттисков парфянских печатей, открытых ЮТАКЭ на Старой Нисе и принадлежавших как светской, так и жреческой знати, предпочитались овальные, реже круглые геммы, небольших размеров, изысканной работы, с художественным изображением, часто в сопровождении парфянской надписи, заключающей имя владельца. В числе вырезавшихся на геммах различных божеств и фантастических существ особенно часты изображения зороастрийского крылатого гения Сероша, а также крылатой богини победы с венком в руке, который она иногда протягивает стоящему перед ней парфянскому всаднику. Излюбленными сюжетами для печатей знати были сцены с изображением различных животных (в том числе лошади), борьбы человека с чудовищем, пешей и особенно конной охоты на диких зверей, хищной птицы, накидывающейся на животное.

В связи с упоминавшейся оживленной торговлей слоновой костью, служившей драгоценным материалом для выделки предметов роскоши, в Парфии развился свой художественно-ремесленный промысел по ее обработке, изготовлявший продукцию как на внешний, так и на внутренний рынок. Парфянские городища Южного Туркменистана дали немало находок изделий из слоновой кости в виде бусин, пуговиц, колец, различных мелких украшений, резных пластин, отдельных элементов инкрустации шкатулок и ящичков с иногда очень сложными по композиции сюжетами (дионисийская сцена). В отмечавшемся выше доме — хранилище на Старой Нисе были обнаружены составные, сложных профилей, резные и точеные из кости ножки и спинки парадной мебели. Там же было выкопано несколько десятков уникальных высокохудожественных парфянских ритонов, сделанных из слоновых бивней наподобие рогов для вина и предназначавшихся в основном для культовых надобностей, в частности для жертвенных возлияний. Все они созданы в первый «филэллинский» период и несут черты восточно-эллинистической школы в композиции и выполнении разнообразных барельефов на фризовых венчаниях, где изображаются то двенадцать главных божеств в облике богов Олимпа, то музы, то вакхические и иные сцены. Традиции эллинистического искусства сказываются и в скульптурных фигурах нижних частей ритонов, представляющих богинь, кентавров и др. Но вложенное мастерами в унаследованные формы новое содержание сказалось во внесении ряда чуждых для эллинизма деталей: львopodobные грифоны наделены крупными рогами; кентавры—крылатые и несут на плече спокойно обнимающих их женщин и т. д. Наряду с этим, есть не имеющие параллелей в греческом искусстве фигуры полубыка-получеловека (парфянский Гопатшах), крылатого слона, отдельные мужские и женские головы, размещенные по кругу под верхними карнизами. В ряде сцен на фризах заключен интересный материал по парфянскому костюму, оружию, музыкальным инструментам, некоторым предметам бытового утвари. Предназначавшиеся для парадного употребления ритоны были украшены инкрустацией из кусочков разноцветного

сплошь покрытые позолотой или частично расцвеченные голубой и розовой краской.

Большой спрос на культовую скульптуру предъявляли парфянские храмы. Туда поступали в большом числе взятые в виде военной добычи разнообразные статуи чужих богов из захватывавшихся вражеских городов. Но, в основном, статуи своих божеств изготовлялись на месте из самых разнообразных, иногда весьма дорогих материалов. Так, больших размеров статуя Анахиты, которая была похищена из парфянского храма римским полководцем Антонием, составившим на ней целое состояние, была целиком сделана из золота.

На Старой Нисе к первому «филэллинскому» периоду принадлежит несколько небольших размеров, прекрасных каменных статуй преимущественно одиночных женских, хотя были и групповые (паниск и нимфа). Материалом для них, в основном, служил белый мрамор; серый, кроме подставок, использовался в составных статуях на изготовление частей человеческого корпуса, задрапированных одеждами. Все эти скульптуры, частично раскрашенные, выполнены мастерами, воспитанными на традициях эллинистической школы, но почти в каждом произведении налицо ряд отклонений от канонизированных в ней норм, что свидетельствует о творческой переработке образа в целях приближения его к парфянской среде.

Значительно самобытнее в этом отношении монументальные парфянские культовые статуи Старой Нисы, появившиеся там во второй период существования Парфянского государства. Они представлены полными изображениями стоящих мужских и женских фигур больше человеческого роста и сделаны прямо в Нисе парфянскими мастерами из сырой глины с применением свинцового, деревянного или камышевого каркаса. Они характеризуются гармоничностью форм тела и тщательностью отделки деталей одежды. При сплошной раскраске употреблялись красная, малиновая, розовая, желтая, золотая, коричневая, голубая, синяя, черная и белая краски различных оттенков. У оригинальных глиняных статуй Нисы нет аналогий в искусстве других областей Парфянской державы, но они хорошо сопоставляются с такими же одновременными алебастровыми статуями Термезского района и более поздними глиняными из Хорезма и Согда.

Кроме культовой, в Парфии была и мемориальная скульптура типа поставленной во 2 г. н. э. статуи стратега Суз Замаспу со стихотворной греческой надписью в честь этого военачальника или монументальной бронзовой статуи неизвестного знатного парфянина из Шами. Известны также монументальные высеченные в камне царские барельефы второго периода существования Парфянского государства с изображениями Готарза на Бисутунской скале и Артабана V с одним из его сатрапов в Сузах¹⁾.

В Парфии пользовалась большим спросом особая отрасль скульптуры, глиптика, т. е. искусство резьбы гемм с углубленным изображением (геммы — инталы), служивших украшениями, амулетами, знаками собственности, а главным образом печатями, причем их оправляли в золотые и

¹⁾ Показателем существующей в зарубежной науке тенденции всяческого занижения культуры парфян может служить, между прочим, идущее вразрез с фактами утверждение, якобы «парфянская знать не резала рельефов». См. W. Tarn. *Parthia*... *op. cit.*, p. 593.

стекла и стеклянными же вставками, оформленными в виде выпуклых миндалин. У некоторых ритонов стволы, карнизы и пояса акантов были изготовлены из серебра и позолоченной бронзы. В целом они представляли оригинальные произведения парфянского прикладного искусства в области малой пластики¹⁾.

Живопись в Парфянском государстве отведено было видное место как монументальному искусству, украшавшему стены зданий. О фресках в Аршакидских дворцах упоминают средневековые авторы²⁾. Представление о западно-парфянской живописи дают фрески раскопанных в Дуре Европос домов, где есть изображения сцен охоты и пира. Там же в храме Митры сохранилась роспись, сюжетом которой служит охота этого бога, изображенного в одеянии парфянского царя скачущим на коне и стреляющим из лука, в сопровождении священных животных — змеи, льва и кабана. Храм Пальмирских богов содержит фреску с изображением парфянского жречества. В коренных областях Парфии стенная живопись пока обнаружена в Нисе в виде орнаментальной росписи бордюров и упоминавшегося столбообразного алтаря-жертвенника.

В Парфянском государстве высоко была поставлена обработка металлов. Прославленное оружие из «маргианского железа» местные мастера украшали золотом и серебром³⁾. Из золота изготовлялись весьма крупные объекты, вроде трона Аршакидов, похищенного в 116 г. из Ктесифона Трояном. В числе золотых украшений в Южном Туркменистане в большом ходу были отштампованные из тонких листов золота разных форм бляшечки и обкладки, нашивавшиеся и накладывавшиеся на различные предметы. Некоторые парфянского происхождения серебряные предметы утвари отличаются интересными художественными достоинствами, как например блюдо с изображением пирующего в интимном кругу знатного парфянина⁴⁾. Ручки и крышки драгоценных сосудов иногда украшались мелкими скульптурами, известными по найденным на Старой Нисе, отлитым из бронзы и серебра, отработанным дополнительно резцом и покрытым частично позолотой изящным фигуркам орла, сфинкса, Эрота, Афины и др. Среди бывших в употреблении в Южном Туркменистане при парфянах бронзовых предметов встречаются изготовленные из сплава, в котором около 20% никеля и несколько менее 80% меди⁵⁾. Из свинца и олова в большом количестве изготовлялись всякие мелкие предметы, в частности амулеты, иногда художественной работы.

Особое место в обработке металлов занимала чеканка монет, выбивавшихся в Парфянском государстве из серебра и меди (бронзы). На лицевой стороне монетных кружков обычно помещали рельефный, повернутый влево, реже прямо погрудный портрет государя. На обратной — кроме обычной фигуры Аршака с луком в руке, еще изображение сидящего на коне или троне царя, различных божеств, фантастических существ, зверей, предметов и символов, в том числе принятую Аршакида-

¹⁾ М. Е. Массон. Некоторые новые данные по истории Парфии, цит. соч., стр. 45—46.

²⁾ Б. П. Денике. Искусство Востока. Казань, 1923, стр. 55.

³⁾ Иустин, ХLI, 2.

⁴⁾ Я. И. Смирнов. Восточное серебро. СПб., 1909, № 66, т. XXXVII.

⁵⁾ М. Е. Массон. Некоторые итоги работ ЮТАКЭ., цит. соч., стр. 92—93.

ми эмблему в виде месяца и восьмилучевой звезды¹⁾. На ранних монетах бюсты государей даны скульптурно и отображают портретное сходство. В более поздних, особенно выпускавшихся во втором периоде существования государства Аршакидов, рисунок становится контурно-схематичным, передающим только тип царя с присущей каждому индивидуальной прической. В областях Южного Туркменистана монеты общегосударственного чекана выпускались иногда на Нисийском монетном дворе²⁾. Во втором периоде существования Парфянского государства в Маргиане в течение некоторого времени выбивались медные монеты собственного чекана.

Большого совершенства в пору расцвета рабовладельческого общества в Южном Туркменистане достигли в своем производстве ремесленники-керамисты. В их продукции имеется несколько локальных комплексов, отличающихся друг от друга преимущественно деталями в формах сосудов того или иного назначения. Для всех этих групп общим является изготовление высокосортных, тонкостенных, гладких, изящных по своим очертаниям, без всяких орнаментов неглазурованных сосудов широкого потребления: плоских чаш и различных кувшинов (в том числе типа энохой). Самыми крупными сосудами являются корчаги-хумы, изготовлявшиеся без гончарного круга и имевшие объем от ста до двухсот с небольшим литров. В употреблении были также амфорообразные узкодонные сосуды, служившие определенной единицей емкости, и характерные круглые уплощенные фляги — мустахара иногда очень крупных размеров, являвшиеся в основном тарой для выючной перевозки вина и других жидкостей. Во втором периоде существования Парфянского государства началось производство глазурованной утвари.

О возможном местном изготовлении в парфянскую пору изделий из литого стекла говорят, повидимому, находки на Нисе кусков стеклянного «теста». В употреблении здесь были обнаруженные при раскопках сделанные из непрозрачного цветного стекла сосуды, иногда со следами росписи и позолоты, ромбические мозаичные плитки, крупные, чаще всего рубчатые литые бусы.

Парфяне выделяли различные сорта плотных тканей и, как отмечалось выше, ковры, бывшие хорошо известными в Риме. Возможно, что ими не только устилали пол, но декорировали также стены парадных помещений, обширные гладкие поверхности которых в раскопанных на Нисе зданиях лишены каких-либо украшений и лишь окрашены в ровный белый цвет. Представление о том, какими примерно были старые парфянские ковры, может отчасти дать раскопанный советскими археологами в 1949 г. в пятом Пазырыкском кургане на Алтае многокрасочный шерстяной ворсовый ковер с изображением идущих в ряд грифонов, самцов южного пятнистого оленя, близкого к современным

¹⁾ Эта эмблема не была знаком (тамгой) династии, хотя ее изображение встречается в чекане многих Аршакидских государей. Серебряный полумесяц венчал храм Шиз в Гандзаке, сохранивший значение главной святыни в государстве Сасанидов, в геральдике которых полумесяц всегда занимал видное место. Начиная с Иездегерда I (399—420) и до конца династии он появляется на монетах всех государей то в короне, то вместе со звездой по сторонам огня над алтарем, а под конец и вне круга. Ср. В. В. Бартольд. К вопросу о полумесяце, как символе ислама. Известия Академии наук, Пгтр., 1919, стр. 475—477.

²⁾ О парфянском чекане Нисы см. Труды ИЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 40.

ланиям, конных и спешившихся всадников в коротких одеждах, длинных штанах и своеобразных башлыках.

В оценке Парфянского государства в буржуазной науке существуют различные точки зрения. Господствовавшие прежде представления, будто своим развитием Парфия обязана почти исключительно восприятию с запада эллинизму с усвоением греческого языка и, в известной мере, основ античной культуры за последнее время сменяются иной трактовкой этого положения, но опять же с истолкованием не в пользу парфян. В Кембриджской древней истории даже ставится под сомнение, были ли в действительности Аршакиды и парфянская знать вообще затронуты греческой культурой¹⁾. Подходя с мерками, непреложными эталонами для которых служат или одни высшие достижения эллинской культуры или шедевры строительства Ахеменидов, буржуазные исследователи видят в дошедших до наших дней памятниках парфянского искусства или неумелые «варварские» подражания эллинистическим образцам или признаки прогрессивно нарастающего на протяжении существования государства Аршакидов культурного упадка. С самых крайних псизий почти полутысячелетнее существование Парфянской державы расценивается как неуклонная деградация культуры, как полный упадок архитектуры, как декомпозиция скульптуры и вырождение живописи. В стремлении осквернить злопахательством прошлое пробудившихся народов Среднего Востока, произведения парфянского искусства объявляются напоминающими «рецептивы доисторических примитивных ступеней, примитивность не юности, но импотентного возраста»²⁾.

Несправедливые оценки парфянской культуры складывались на протяжении длительного времени и начало их восходит еще к основным первоисточникам европейских исследователей—произведениям римских авторов, которые, высокомерно третируя все народы вообще, парфян прямо относили к группе варваров. Этого не сумел избежать даже названный Энгельсом «Вольтером классической древности» Лукиан. «Не заботило Аршакидов,—писал он, —прекрасное, и, выставляя что-либо на показ (в частности Лукиан имел в виду золотое дерево из сокровищ парфянских царей), думали они не о наслаждении зрителей, не об их одобрении, а лишь о том, чтобы поразить взоры: ибо варвары—друзья не крассты, а одного лишь богатства»³⁾. Из политических соображений Сасаниды принимали меры к тому, чтобы искоренить из памяти людей все, что как-либо было связано с порой существования Аршакидской державы. Им это удалось. Преданием было распространено представление, будто весь период парфянского владычества в жизни государства был эпохой распада⁴⁾. Средневековые исторические источники или замалчивали этот многовековый отрезок в жизни страны или кратко характеризовали его, как беспросветную узурпаторскую пору. Только в народной толще суровые войны, которые пришлось некогда вести пар-

¹⁾ The Cambridge Ancient History, IX, 1932, p. 591.

²⁾ E. Herzfeld. Iran in the Ancient East. London — New-York, 1941, pp. 285, 305—306.

³⁾ Лукиан. О доме, 5. Характерно, что не в пример XX веку, в XVII столетии в Англии историк-публицист Д. Милтон, сопоставляя Рим и Парфию и отдавая предпочтение первому, все же исключал Парфянское государство из числа владений, погруженных в варварство. Д. Милтон. Возвращенный рай, песнь 3.

⁴⁾ В. В. Бартольд. Иран, Ташкент, 1926, стр. 21.

фьянам, смутным отзвуком отложились в значении термина «пахлавон» (т. е. «парфянин») как «богатырь»¹⁾).

Работы советских археологов на территории Южного Туркменистана наглядно показали, что, вопреки высказываемым зарубежными учеными сомнениям, парфянская знать даже на территории коренных земель парфян была затронута эллинистической культурой. Однако не следует переоценивать степени ее эллинизации, которая и не могла быть всепоглощающей, так как ей противостояла высокая культурная традиция парфянского народа. В самой парфянской среде чрезмерное увлечение всем «западным» — эллинистическим и особенно римским — встречало решительный отпор уже в конце первого «филэллинского» периода. Воспитанному в Риме Ванону I (8/9—11/12) парфянская знать представляла обвинение именно в том, что, переняв римский образ жизни, он отступил от обычаев предков, «охотился редко, с лошадьми не возился, по городам являлся в посылках (а не верхом.—М. М.), презирал свой стол»²⁾).

Культура Парфянского государства в основе была и до конца оставалась своей, местной, творимой народами, входившими в его состав, развиваясь на определенном этапе с привнесением эллинистических элементов и воспринимая формы с сохранением своего содержания³⁾. При всем том, после археологических работ в Южном Туркменистане нет места высказывавшемуся В. В. Бартольдом положению, что науке неизвестно, сопровождалась ли войны парфян с восточными соседями, в частности с Греко-бактрийским царством, мирным культурным обменом⁴⁾. Широкие торговые и культурные связи северо-восточных областей Парфии наглядно доказываются археологическими наблюдениями советских специалистов. Выяснено также, что входившие в состав Парфянской державы области Южного Туркменистана, где протекал процесс зарождения государства Аршакидов, имели до самого конца большое значение в его жизни. Многочисленные новые открытия дают достаточные основания для признания парфянскими ряда памятников, которые раньше связывались с искусством сасанидского Ирана, и позволяют ставить вопрос, что именно Парфии обязаны страны Северной Индии кое-чем в их культуре, считавшимся привнесенным непосредственно с далекого эллинистического запада.

В свое время Карл Маркс отметил, что «из Парфянской империи развивалась Новоперсидская»⁵⁾. Русская дореволюционная наука также не отмечала никакого резкого изменения в процессе исторического развития страны⁶⁾, в то время как зарубежные специалисты до последнего

¹⁾ Б. Г. Гафуров. История таджикского народа, М., 1952, стр. 59.

²⁾ Тацит, II, 2. Через несколько лет Ванон потерял престол и вынужден был бежать в Армению.

³⁾ О расчленении сборного понятия «эллинистическая культура» на эллинистические культуры Греции, Египта, Пергама, Сирии, Парфии и Армении с правильным раскрытием их подлинного содержания, не отображаемого самим этим термином, подразумевающим «эллиническое начало», см. Б. А. Аракелян. Раскопки Гарни. ВДИ, 1951, № 4, стр. 116.

⁴⁾ В. В. Бартольд. Восточно-иранский вопрос, цит. соч., стр. 369.

⁵⁾ К. Маркс. Хронологические выписки. Римская империя до завоевания Италией остготами. ВДИ, 1939, № 2, стр. 5.

⁶⁾ См. В. В. Бартольд. К истории персидского эпоса, цит. соч., стр. 267: «Сасаниды только продолжали дело последних Аршакидов» и далее.

времени смене династии придают значимость поворотного рубежа. Изучение за последние годы сельских парфянских поселений Южного Туркменистана, чуть ли не на столетие переживших Парфянскую державу, показывает, что хотя падение государства Аршакидов и приход к власти династии Сасанидов были вызваны началом кризиса рабовладельческой формации, но окончательное крушение рабовладельческого общества с резко проявившейся на составе и облике археологического инвентаря переменной экономического базиса разразилось лишь с IV в., сопровождаясь, между прочим, упадком на некоторое время развитой до того жизни сельских районов¹⁾.

Историко-археологическое изучение всего Южного Туркменистана в целом установило непрерывную линию развития местных культур за разные эпохи, их самобытность и преемственность, а также наметило культурные и этногенетические связи туркменского народа с парно-парфянскими племенами. Древнейшей территориально-политической общностью, в рамках которой начался процесс этногенеза туркмен, являлись дахо-массагетские племенные союзы²⁾. Парфяне же были одной из нескольких этнических групп древности, к которым одновременно восходит этногенез туркменского народа, наследника богатого культурного прошлого обитаемой им страны³⁾.

¹⁾ М. Е. Массон. Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества на территории Южного Туркменистана. ВДИ, 1953, № 1, стр. 159.

²⁾ С. П. Толстов. Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии. Советская этнография, VI—VII, 1947, стр. 303.

³⁾ М. Е. Массон. К периодизации истории Туркменистана. Тезисы докладов на юбилейной сессии, посвященной 25-летию Туркменской ССР, Ашхабад, 1950, стр. 8.

МЕЛКИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ОКРЕСТНОСТЕЙ АШХАБАДА

Южная Туркмения исключительно богата археологическими памятниками. Величественные развалины старого Мерва, крепости Каахка, курганы Анау, огромные городища Нисы — все они давно уже привлекали внимание археологов и историков. Недаром их изучение русскими учеными началось почти буквально «на другой день» после присоединения Южной Туркмении к России. Однако, систематическое и планомерное изучение археологических памятников Южной Туркмении развернулось лишь в советский период, особенно после Великой Отечественной войны.

Археологические работы осуществлялись на целом ряде крупных объектов, изучение которых является первоочередной задачей.

Но, помимо крупных памятников, на территории Южной Туркмении разбросаны сотни, если не тысячи, мелких и мельчайших развалин укрепленных замков, деревушек, усадеб (ховли), мельниц, следов древних пригационных сооружений, старых кладбищ, сторожевых башен и т. д. Наиболее мелкие из них с трудом обнаруживаются на местности и не занесены даже на крупномасштабные карты. Обилие и незаметность затрудняют изучение их специальными археологическими экспедициями и делают особенно желательной и полезной работу краеведческих кружков и обществ, которые могут взять на себя задачу выявления, учета и первичной рекогносцировки мелких археологических и архитектурных памятников. Разумеется, необходимо, чтобы эта работа шла под руководством специалистов-археологов, в данном случае Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции.

Памятники окрестностей Ашхабада изучаются археологами, разумеется, не впервые. Обследование их началось еще в досоветское время. В 1915 г. в 1-м выпуске протоколов Закаспийского кружка любителей археологии и истории востока (далее—ПЗКЛА) был опубликован список археологических памятников Закаспийской области, составленный Э. Тэйле. В нем значится десять древних городищ, крепостей, мечетей и кладбищ, расположенных на территории нынешнего Ашхабадского района (указ. издание, стр. 39—40, 47). Описания и датировки памятников отсутствуют. Список все же представляет известный интерес, так как в нем фигурируют некоторые памятники, ныне исчезнувшие.

Гораздо более широко развернулось археологическое изучение окрестностей Ашхабада в советское время. Ашхабадские археологи (С. А. Ершов, А. А. Марущенко и др.) провели ряд полевых поездок, позволивших им собрать интересный материал (главным образом подь-

емный), частично экспонированный в музеях Ашхабада. В. Робинзон, например, в статье «Кала-Геами» (Туркменоведение, 1930, № 6—7) отмечает, что в окрестностях Ашхабада в изобилии встречаются развалины крепостей, мечетей, мазаров и курганов различных эпох и народностей. К сожалению, накопленный материал до сих пор большей частью не опубликован и не введен в научный оборот.

Лишь после Великой Отечественной войны началось сплошное обследование археологических памятников в окрестностях Ашхабада силами местных краеведческих кружков.

В Ашхабаде в настоящее время существует две руководимых автором настоящей статьи краеведческих организации с археологическим уклоном — историко-археологический студенческий кружок Туркменского государственного университета и общество «Юный историк» при республиканском Дворце пионеров; в это общество входят учащиеся 7—10 классов. Помимо этого, работает ряд школьных исторических кружков, в тематику которых входит и археология; особенно следует отметить кружок сельской школы пос. Первомайский (руководитель И. А. Урядов).

В результате деятельности этих кружков в окрестностях Ашхабада обследовано 108 памятников прошлого, от энеолита до XVIII—XIX вв. н. э.

На всех памятниках, обследованных молодыми краеведами, ими собирался подъемный материал (главным образом керамика), производился обмер памятника в целом и фотографирование. По возможности производились съемки планов, замеры строительных материалов, в первую очередь кирпича, и отдельных элементов памятника, запись легенд. Это позволило приблизительно датировать громадное большинство памятников и сделать некоторые выводы о прошлом Ашхабадского района.

В качестве примеров, иллюстрирующих формы и методы работы краеведческих кружков, можно рассказать об изучении членами общества «Юный историк» городища «Горка» в Ашхабаде и группы парфянских памятников севернее селения Куртли.

1. После участия в ряде полевых поездок на городища Нисы и Анау и ознакомления с задачами и методами первичной археологической разведки, ученик школы № 6 Н. Хомутцов, живший рядом с Горкой, решил осмотреть этот памятник. О собранных им фрагментах керамики, среди которых был фрагмент сосуда со штампованным изображением двух птиц, он доложил на очередном заседании общества «Юный историк». Немедленно была сформирована небольшая группа, которая получила задачу подробного осмотра памятника, обмера кирпичей, сбора керамики и других находок. Вслед за этим общество в полном составе занялось изучением Горки, причем удалось обнаружить несколько слоев, относящихся к IX—X, XI—XIII вв. и к позднему средневековью.

Собранный материал позволил составить описание памятника, которое вкратце приводится ниже.

2. Весной 1949 г. общество «Юный историк» перешло от изучения отдельных памятников к сплошному обследованию окрестностей Ашхабада. Изучая местность по карте крупного масштаба, ученики школы № 6 И. Егоров и Р. Денисов обратили внимание на ряд курганов в песках севернее селения Куртли. В середине июля группа членов общества — уже названные Егоров и Денисов, ученицы школы № 18 Са-

лихова, Николаева и др., — отправилась в окрестности Куртли с целью выяснить характер этих курганов. Оказалось, что севернее Куртли имеется ряд селищ и два крупных дөпе, на которых преобладала парфянская керамика, но встречалась керамика типа Анау II и Ак-тепе, а также средневековая. На основании этих данных 20 ноября 1949 г. была организована специальная полевая поездка под руководством автора настоящей статьи; в поездке, помимо членов общества, участвовали и некоторые учителя. Внимательное изучение района курганов позволило установить, что среди песков севернее селения Куртли находится небольшой мертвый оазис парфянского времени; он получил название оазиса Гюль-Задэ по имени самого значительного из памятников. Анализ подъемного керамического материала позволил восстановить в самых общих чертах историю этого оазиса, охватывающую период от III тыс. до н. э. до IX—XII вв. н. э., причем расцвет оазиса падает на эпоху парфян. Во время разведки были произведены обмеры и сняты планы некоторых памятников.

Общество «Юный историк» связано со специалистами-археологами научных учреждений Ашхабада, а с весны 1949 г. получает указания и помощь со стороны начальника ЮТАКЭ профессора М. Е. Массона. Работа общества «Юный историк» и студенческого историко-археологического кружка неоднократно освещались в республиканской печати¹⁾. Всего студентами и школьниками было совершено свыше 60 походов и поездок по окрестностям Ашхабада.

Все памятники, обнаруженные и обследованные краеведческими кружками в окрестностях Ашхабада, можно разделить на семь групп, выделяя, кроме того, археологические памятники, которые до настоящего времени не были обследованы или датированы, а также все архитектурные памятники.

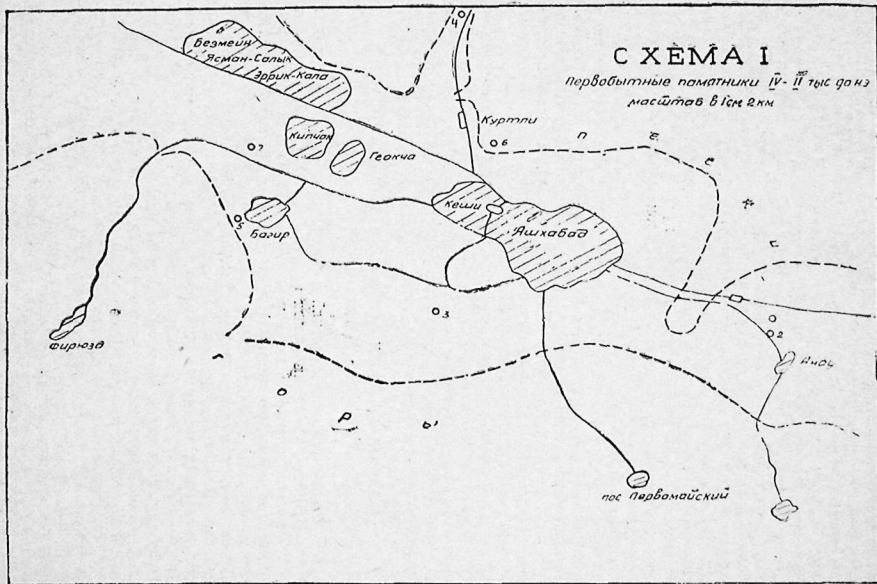
1. ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННОГО СТРОЯ (Схема I)

Следы первобытных поселений в окрестностях Ашхабада, помимо Нисы (I,5)²⁾ и широко известных курганов Анау (I, I,2) и Ак-тепе (I,3), зарегистрированы в двух местах; керамику типа Анау I и II (расписную и красную лощеную) и Ак-тепе дал курган Авадан-тепе (I,4) в песках севернее селения Куртли; керамика типа Анау II часто попадает на окраине соленых озер и болот юго-восточнее этого селения (I,6). Оба пункта связаны с низовьями большого ручья, который некогда протекал между селами Геокча и Кипчак и дальше мимо Эррик-Кала на Куртли, а ныне полностью разбирается на орошение. Оба пункта находятся на самой окраине населенной полосы, уже в зоне бугристых песков. Таким образом подтверждается предположение В. Ф. Гайдукевича³⁾, еще ранее высказанное А. А. Марущенко и Д. Д. Букиничем, что первобытные земледельцы эпохи энеолита (Анау I и II) селились в низовьях рек и ручьев, стекающих с гор Копет-Даг. Впрочем,

¹⁾ См., например, газету «Туркменская Искра» от 3/X-1948 г.

²⁾ Здесь и в дальнейшем римская цифра указывает номер схемы, арабская — номер памятника на этой схеме.

³⁾ В. Ф. Гайдукевич. К истории древнего земледелия в Средней Азии. ВДИ, 1948, № 3.

уже поселения эпохи бронзы (Ак-тепе, II тыс. до н. э.) передвигаются южнее, в полосу предгорий, что, быть может, связано уже с появлением поливного земледелия.

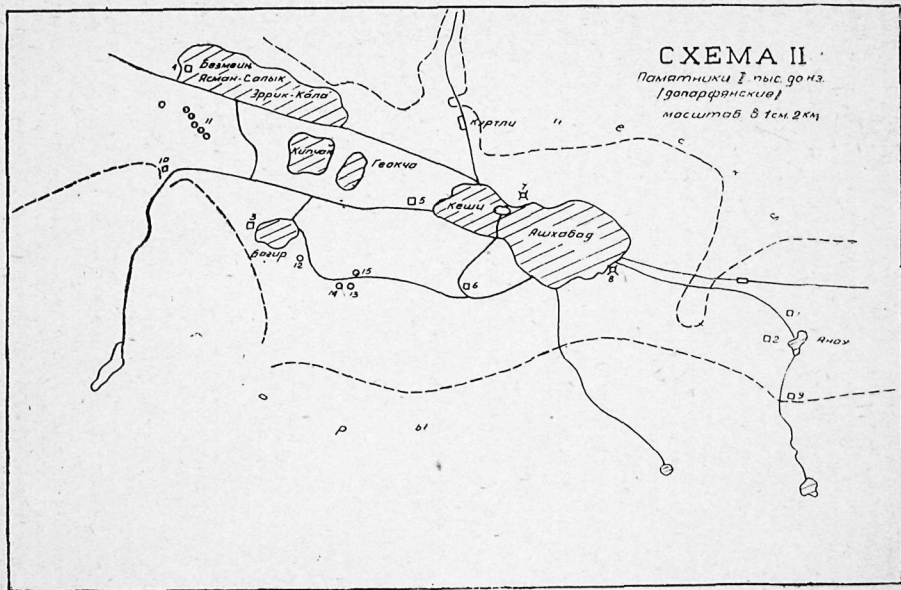
Дать подробные описания памятников первобытной эпохи в районе села Куртли затруднительно. Курган Авадан-депе, имеющий высоту 8 м и окружность около 300 м, не считая значительного шлейфа, был обитаем в парфянский период и дает даже керамику IX—XII вв. (правда, в очень небольшом количестве). Что касается находок керамики типа Анау II юго-восточнее сел. Куртли, то она попадает в котловинах выдува между песчаными буграми; район находок очень ограничен, что позволяет с некоторой вероятностью предположить здесь наличие поселения или стоянки, занесенной позднее песками. Пока трудно решить вопрос, связан ли этот пункт с поселением Авадан-депе. Во всяком случае, крашеной керамики типа Ак-тепе (светложелтой с изящной бурой росписью тонкими штрихами), обычной для Авадан-депе здесь не встречается. Найденная керамика вообще более груба, чем на Авадан-депе; красной лощеной керамики нет совсем. Если добавить к этому изученные ранее курганы Анау, Ак-тепе и первобытные слои Нисы, количество первобытных памятников (эпохи энеолита и бронзы) в окрестностях Ашхабада дойдет до шести. Кроме того, керамика этого времени обнаружена на селище у 17-го км Фирюзинского шоссе, в селе Кеши и в Бекровинской долине.

II. АНТИЧНЫЕ ПАМЯТНИКИ — ДОПАРФЯНСКИЕ (Схема II)

Наиболее интересным памятником этого периода в Ашхабадском районе является южный холм Анау (точнее его верхние слои — культура Анау IV). Керамика, близкая к Анау IV, обнаружена на нескольких курганах в окрестностях Ашхабада: курган в устье Фирюзинского ущелья (II, 10), курган в верхней части Бекровинской долины около лесопитомника (II, 6) и курган № 2 в окрестностях села Анау (II, 2). Последний памятник является остатком небольшого поселения и представляет возвышение высотой 2 м и окружностью 220 м. Стены не прослеживаются. Керамики мало и она мало выразительна, но все же можно без особого труда заметить аналогии с керамикой Анау IV. Близки к нему по типу и два других кургана в этом районе.

К допарфянскому периоду относятся и нижние слои кургана Аидеде в юго-западной части села Кеши (II, 5). Там собрана керамика темносерой глины с коричневатым оттенком в изломе. Недостаточная изученность раннеантичной керамики Южного Туркменистана не позволила датировать некоторые античные памятники Ашхабадского района. Все же можно предположить, что к допарфянскому периоду относятся следующие памятники.

1. На северо-западной окраине Ашхабада находится крепость Ясыдеде 1-й (II, 7). Городище овальной формы окружено несколькими буграми, очевидно, развалинами зданий. Весь комплекс очень сильно поврежден. Керамика довольно богата. Имеются фрагменты крупных хумов яркокрасной глины с темнокрасным ангобом и грубыми примитивной формы венчиками, кувшины светлокрасной глины с широкими горлышками, плоскими ручками и плоским дном, днища каких-то ци-

либрических сосудов, напоминающих своей нижней частью большие кружки (тоже яркочерной глины). Орнамента и глазури на сосудах нет. Крепость явно относится к античному периоду. Керамика подобного типа встречается на Геми-кала. Необходимо дальнейшее исследование крепости и особенно окружающего поселения.

2. Несколько восточнее мехстеклозавода находится городище (II, 8), обнесенное невысоким валом в виде неправильного многоугольника. Керамика городища крайне бедна и невыразительна, материала для датировки пока недостаточно. Но во всяком случае, это городище не средневековое, так как самые тщательные поиски не дали ни одного фрагмента с глазурью.

3. Около пос. Первомайский есть небольшой холм, именуемый «Верблюжьей горкой» (II, 16). На нем находят довольно много неполовной керамики, но она пока не изучена.

4. На южном берегу Ашхабада в 2200 м западнее с. Бекрова находятся развалины квадратного здания размерами 30×30 м (II, 13). Весь бугор сильно оплыл, но все же ясно прослеживаются толстые стены из круглого сырца шириной около 45 см при толщине 11 см. Керамика крайне невыразительная. Севернее и западнее этого здания имеются еще два бугра (II, 14 и 15), дающие аналогичный подъемный материал. На бугре в 1 км севернее квадратного здания (II, 15) выходы сырцового кирпича со стороны того же размера — 45×11 см.

5. К допарфянскому периоду относятся, вероятно, и нижние слои кургана Коша-депе в западной части Безменна (II, 4) и кургана в устье ущелья р. Кельтечинарка (II, 9). Много керамики этого типа дает и Бекрвинская долина.

Во всяком случае можно утверждать, что примерно в Ахеменидский период появились небольшие поселения в устье всех крупных ущелий в окрестностях Ашхабада (это верно также и для Геок-тепинского района). Без раскопок характер этих поселений неясен; поэтому трудно решить, чем вызвано их появление — простым освоением новых посевных площадей или усилением борьбы за воду и стремлением контролировать важнейшие водные источники. Для крепостей эти курганы, впрочем, слишком малы.

К античному периоду относятся и погребальные курганы, целая цепочка которых (свыше 12 штук) расположена южнее с. Безменна (II, 11). Отдельные курганы, возможно более поздние, разбросаны на равнине между Багиром и курганом Ак-тепе. Высота этих курганов не превышает 1—2 м, диаметр доходит до 20 м. Особенный интерес представляет курганный могильник южнее Безменна, так как памятники кочевников на территории СССР до сих пор почти не изучены.

III. ПАМЯТНИКИ ПАРФЯНСКОГО ПЕРИОДА

(Схема III)

Чрезвычайно богато представлен в окрестностях Ашхабада следующий исторический период, памятники которого характеризуются наличием сырцового кирпича размером около 40×40×12 см с большим содержанием самана и отличной неполовной и неорнаментированной керамикой, сделанной на гончарном круге. Значительная часть сосудов покрывалась бело-зеленоватым или шоколадного цвета ангобом, реже

светлокоричневым, черным и красным. Ручки сосудов обычно массивны, часто круглы в сечении, донца плоские, венчики крупных хумов представляют порой утолщения, но венчики сосудов средней величины довольно разнообразны по профилю (рис. 1, А—В).

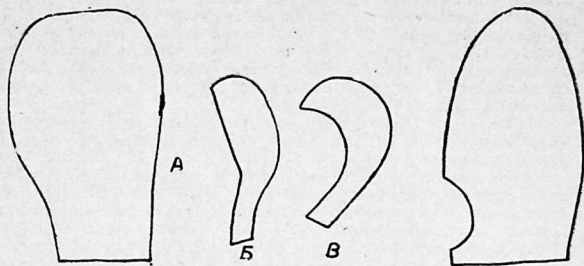

Рис. 1. Венчики хумов.

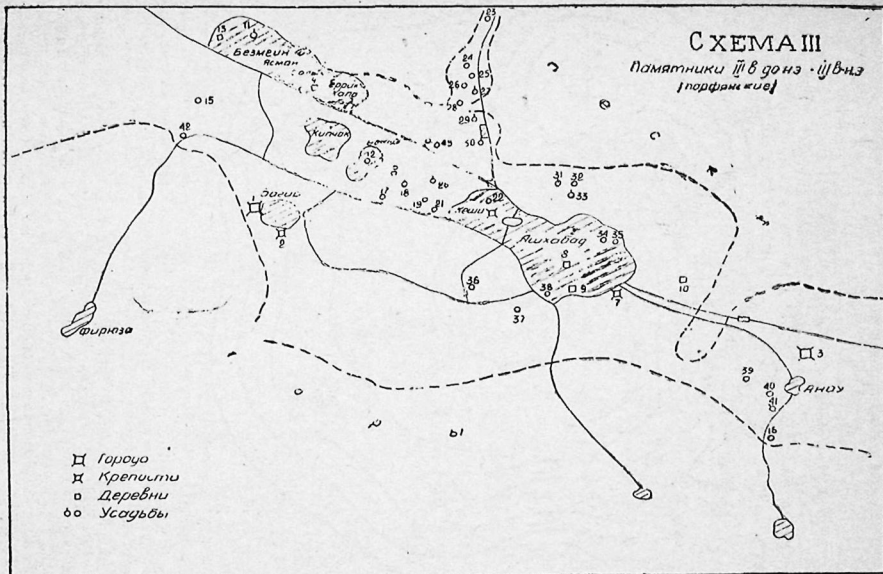
Встречается много фрагментов мелких тарелочек и чашек тонкой изящной работы. Глина обычно тщательно отмучена, очевидно, хорошо выдержана и обожжена равномерно до яркокрасного цвета. Встречается, впрочем, изящная сероглиняная посуда, подобная Ак-тепинской, но без орнамента и грубая сероглиняная посуда, напоминающая доскифскую и скифскую керамику Крыма и Северного Кавказа. Попадают фрагменты грубой кухонной посуды с дресвой. Иногда встречаются зернотерки. На основании аналогии керамического подъемного материала этих памятников с керамикой парфянских слоев Старой и Новой Нисы можно датировать эту группу парфянским временем (III в. до н. э.— III в. н. э.).

Парфянская керамика обнаружена на 42 памятниках в окрестностях Ашхабада, не считая городищ Нисы и парфянской крепости, лежащей в основе средневекового города Анау. Среди этих памятников можно выделить несколько типов.

А. Крепости. Лучшим представителем этой группы, довольно немногочисленной, является городище Зеленая горка 1-я (III, 7) на восточной окраине Ашхабада по дороге в Анау (рис. 2) Это неправильный многоугольник с понижением в центре. По периметру его можно заметить остатки семи башен, из которых шесть размещены попарно. Восточная сторона городища имеет в середине понижение, образовавшееся, видимо, на месте ворот. Стены и башни «Зеленой горки» сложены из сырцового кирпича $40 \times 40 \times 12$ см и поражают своей толщиной — они, по существу, сливаются в сплошной массив, в платформу, на которой, очевидно, размещалась позиция для стрелков, прикрытая более тонкой стенкой. Высота платформы была не менее 6—7 м. На северном углу городища обнажилась стенка, образующая входящий угол, — очевидно, это угол между стеной и выступающим вперед основанием башенки. Стенка была покрыта слоем грубой штукатурки, толщиной около 1,5—2 см. Кирпич содержит большое количество самана и поло-

СХЕМА III

Памятники III в до н.э. - II в н.э.
(порфировые)

жеп с перевязкой на глиняном растворе без самана. Городище усиленно разбирается на удобрение и на нужды строительства, но его общие очертания еще можно проследить.

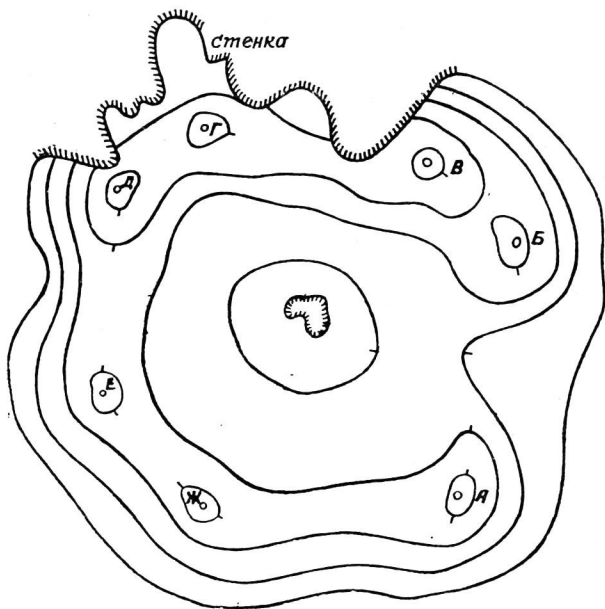

Рис. 2. „Зеленая горка“.

Керамика «Зеленой горки» не представляет чего-либо особенного по сравнению с остальными парфянскими памятниками. Фрагменты изящной мелкой посуды встречаются чаще всего в западной части городища, между башнями Д и Е. Обломки крупных хумов и зернотерки найдены в полуразобранной башне В; там же можно было видеть толстый слой обгоревшей земли, смешанной с золой и мелкими угольками, и большую, тщательно оштукатуренную яму для зерна. Можно пред-

положить, что жилые и хозяйственные помещения сосредоточивались в ее северной и западной части, которые и сейчас заметно выше. Вокруг крепости сохранились следы неукрепленного поселения.

Развалины второй парфянской (судя по типу кирпича и способу кладки) крепости находятся в центре села Кеши. Но это городище, называемое Кюня-кала 1-я (III, 6), в значительной степени разобрано. Уцелела лишь центральная часть массива, вышиной до 13 м. В нем сохранилась небольшая керамическая печь и ряд помещений, уставленных огромными хумами. На дне одного из хумов обнаружена черная масса, очевидно, остатки обуглившегося зерна. Керамика крепости относится, однако, к более позднему времени.

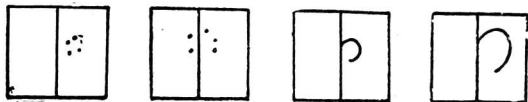

Рис. 3. Кирпичи с тамгами из Кеши.

На сырцовых кирпичах, размером от $40 \times 40 \times 12$ до $47 \times 47 \times 12$ см, обнаружены тамги (рис. 3) сходные с тамгами Джанбас-кала 1 в Хорезме¹⁾. Отличие лишь в том, что большинство кирпичей Кюня-кала имеют еще борозду, которая делит поверхность кирпича пополам. На вершине крепости обнаружено несколько кирпичей размером $40 \times 40 \times 11$ см, слабо обожженных до светложелтого цвета. Эти кирпичи также содержат саман.

Б. Укрепленные деревни. Наиболее хорошо сохранившимся памятником этой группы является городище Геами-кала (III, 10). Оно обследовано, но не датировано В. Робинзоном в 1929 г. Это почти квадратное городище 120×125 м со слегка приподнятыми краями и следами башен на углах (рис. 4). Оно ориентировано углами по сторонам горизонта. Северо-западная сторона его слегка выгнута — весьма возможно, что здесь помещались укрепленные ворота. Городище сильно испорчено во время постройки в центре его текинской крепости; кроме того, в северной части его было вырыто несколько ям для землянок. Здесь было собрано много фрагментов сосудов, сделанных из оранжево-красного теста и покрытых белым и коричневым ангобом; встречались фрагменты широкогорлых кувшинов, близких к ясы-депинским.

Еще хуже сохранились парфянские слои городища Арман-кала между селами Кеши и Геокча (III, 5). Городище, на котором существовало поселение в I—III и в XVII—XVIII вв., приобрело неправильную яйцевидную форму размерами 110×90 м. Основу его составляют развалины зданий с толстыми стенами из сырцового кирпича $40 \times 40 \times 10$ см. В южной части городища на дне ямы обнаружено 3 днища поставлен-

¹⁾ С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 95.

ных рядом хумов. Нижняя часть такого же хума обнаружена в основании внешней стены городища в его северном конце. Судя по размерам городища, оно в парфянское время приближалось по типу к Геами, представляя укрепленное общинное поселение, в котором обитало несколько семей. Жилые и хозяйственные постройки располагались в таких деревнях, очевидно, по периметру, как и в некоторых современных хорасанских укрепленных деревнях. Но внутренний дворик, видимо, был очень мал.

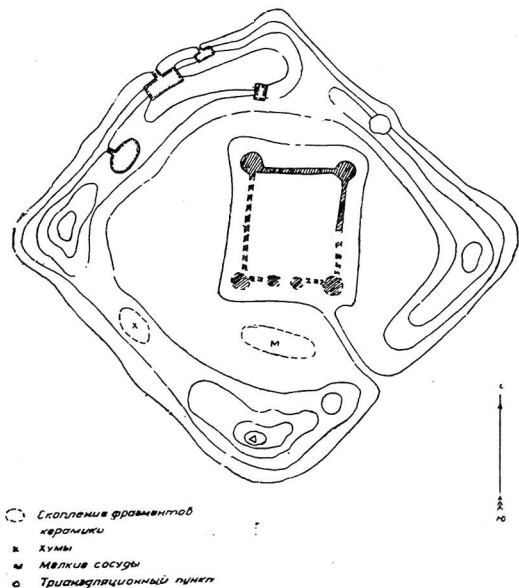

Рис. 4. План Геами-кала. Севернее колхоза „Пятилетка“ Ашхабадского р.-на.

Следует предположить, что подобные же укрепленные села находились на месте пынешних курганов Дингли-депе (III, 4) в Ясман-салыке, Ясы-депе 3-й на юго-восточной окраине Ашхабада (III, 9), а может быть, и в основании «Горки» в центре Ашхабада (III, 8), где

студентка вечернего отделения ТГУ т. Мордишева обнаружила (во время шурфовки этого кургана геологами) парфянскую керамику. Возможно, что и Коша-депе в Безмеине (III, 13) в парфянское время представлял укрепленную деревню, хотя и не такой строгой планировки, как Геами.

Все эти поселения, кроме последнего, плохо сохранились. Парфянские слои Дингли-депе, Ясы-депе 3 и особенно Горка исчезают под мощными средневековыми слоями. Характер парфянского поселения на месте Горки вообще трудно установить — возможно, что это была отдельная усадьба.

В. Усадьбы. Это самая многочисленная группа парфянских памятников. Среди развалин усадеб можно четко выделить «замки» и «крестьянские хутора».

Образцом памятника первой подгруппы может служить, например, Келлели-депе в 1,5 км южнее села Куртли (III, 30). Это курган высотой около 4,5 м и окружностью 170 м, не считая небольших шлейфов, отходящих на запад и на восток. Центральная часть кургана выше и обрывистей к северу, южный склон более пологий.

К этой подгруппе относятся также курганы Кюзе-Овлиа в Геокча (III, 12), Ходжа-мазари между Кеши и Геокча (III, 20), Авадан-депе (III, 23) и Гюль-Заде-депе (III, 27) севернее Куртли, Чопан-депе (III, 29) и безымянное тепе (III, 28) западнее того же села, Караковрэнли (III, 33) и курган с кладбищем (III, 31) севернее мясокомбината, курган № 1 (III, 40) в районе Анау и курган внутри Кырмыз-калы (III, 41).

Вторую подгруппу образуют курганы, немногим уступающие «замкам» по площади, но значительно более низкие — не выше 1—1,5 м. Образцом этой подгруппы памятников может служить курган Кичиджик-депе (III, 32) севернее мясокомбината. Высота его 1,2 м, окружность 160 м, керамика типично парфянская. Кроме него, следует назвать небольшой курганчик южнее Арман-кала (III, 17), остатки селища у Фирисзинского шоссе (III, 20), курганы Меджнун-депе (III, 24), № 2 (III, 25) и № 3 (III, 26) севернее Куртли, курган Шайтан-депе (III, 35) в колхозе им. Ворошилова и остатки селища в том же колхозе (III, 34), селище в сел. Карадамак (III, 38) и другое — в 1 км юго-западнее этого селения (III, 37) и курган № 3 (III, 39) в районе Анау.

Иногда памятники такого рода располагаются небольшими группами. Наиболее сохранилась такая группа из четырех курганов (в том числе один «замок») в 300 м западнее разезда № 43 (III, 45). Подобные же группы располагаются севернее Кюня-кала 1-я (Кеши, III, 22) и южнее Кюня-кала 3-я (III, 15).

По своим размерам все эти памятники больше всего напоминают развалины домов больших патриархальных семей, расположенных то поодиночке в нескольких сотнях метров один от другого, то небольшими группами. Это заставляет задуматься над вопросом о степени разложения сельской общины в парфянском обществе. Тот факт, что эти сооружения сильно разнятся по высоте, позволяет думать о значительном имущественном неравенстве этих выделившихся из общины семей; богатые и знатные семьи жили уже не в обычных скромных и, видимо, неукрепленных большесемейных домах, а в массивных домах-замках с толстыми и высокими стенами. Однако решительно утверждать что-либо

до проведения основательных раскопочных работ было бы преждевременно.

Особняком стоит курган Сары-хан-ишан-депе в Безмеине (III, 11). Он имеет правильную круглую форму и очень мало керамики. Парфянская керамика найдена также на «Зеленой горке» — 2-й (III, 18), Ай-депе (III, 19), на курганах в южной части Бекровинской долины (III, 36), в устье Фирюзинского ущелья (III, 42) и Кельтечинарского ущелья (III, 16).

По количеству памятников и площади освоенных земель парфянский период занимает первое место.

IV. РАННЕСАНИДСКИЕ ПАМЯТНИКИ

(Схема IV)

Эта немногочисленная группа памятников характеризуется некоторыми специфическими формами керамики: венчики крупных хумов, орнаментированные отпечатками пальцев (иногда в два ряда), венчики кувшинов меньшего размера, орнаментированные глубокими надрезами, затем слегка заглаженными, мелкая посуда серо-желтой глины. Донышки сосудов попрежнему остаются плоскими, глина крупных сосудов — яркочерной. Таким образом, сохраняя много общего с парфянской, керамика этого комплекса приобретает и новые черты — орнаментировку венчиков. Эту керамику можно датировать раннесасанидским временем (III—V вв. н. э.).

Керамика данного периода обнаружена на крепости Кюня-кала в Кеши (IV, 9), на городище Арман-кала в Геокча (IV, 5), на небольшом кургане Ак-депе 2-й (IV, 3) северо-восточнее устья Фирюзинского ущелья, на кургане Коша-депе в Безмеине (IV, 2), на городищах Зеленая горка 2-я (IV, 6), Ясы-депе 3-й (IV, 13) и Геами-кала (IV, 14).

Крепость Кюня-кала, судя по размерам кирпича, относится к парфянскому времени, но ее керамика относится к раннесасанидскому комплексу. Возможны два предположения: или в Южной Туркмении еще и при Сасанидах сохранялся крупный кирпич 40×40×12 см или, что кажется более вероятным, старая парфянская крепость использовалась и в сасанидское время.

Курган Ак-депе представляет собой развалины крупного дома-крепости, близкого по типу и размерам к «замкам» предыдущей эпохи. Трудно без раскопочных работ установить, был ли он построен в сасанидскую эпоху или, подобно Кюня-кала, относится к парфянскому времени, но был использован позднее.

Еще труднее сказать что-либо определенное о крепости Арман-кала, которая сильно разобрана на удобрение. Здесь керамика раннесасанидского комплекса перемешана с парфянской и средневековой. Вероятно, Арман-кала, Геами-кала. Ясы-депе 3-й продолжали и в это время оставаться укрепленными селами.

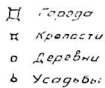
Зеленая горка 2-я представляет большую усадьбу с двором в центре и зданиями по периметру. Эта планировка резко отличается от общепринятой в данном районе.

В общем, следует отметить, что раннесасанидский период характеризуется, сравнительно с парфянским, очень малым количеством памятников, причем нет уверенности, что здания, содержащие керамику дан-

ПАМЯТНИКИ IV-VIII вв. н.э.
число в 1 см 2 км.

ПАМЯТНИКИ IV-VIII вв. н.э.

расстояние в 1 см 2 км.

ного комплекса, не были унаследованы от предыдущей эпохи, как это, очевидно, произошло с крепостью Кюня-кала.

Поселения этого периода занимают узкую полосу земли вдоль современного фирюзинского шоссе. В частности, в оазисе Гюль-заде и вообще севернее железной дороги раннесасанидская керамика до сих пор нами не обнаружена. Налицо явный экономический упадок всего района, упадок катастрофический.

V. ПАМЯТНИКИ VI—VIII вв.

(Схема IV)

Следующая группа памятников существенно отличается от рассмотренных размером кирпичей—сырцовые кирпичи уменьшаются до $37 \times 37 \times 8$ см, но попрежнему содержат саман. Распространен жженный кирпич—он обожжен до темнокрасного цвета и содержит отпечатки крупной соломы, сгоревшей при обжиге. Керамика изготовлена, главным образом, не из яркокрасной, а из серо-желтой и светлосерой глины и начинает украшаться прочерченным орнаментом в виде толстых волнистых линий. Венчики хумов сильно отогнуты, а под отгибом иногда появляется лепной орнамент. Ручки становятся плоскими.

Очень характерны глиняные крышки котлов орнаментированные по окружности отпечатками пальцев, а по середине — той же примитивной волнистой линией. Реже встречается неорнаментированная мелкая посуда. Сохраняются крупные хумы красной глины с белым или красным ангобом. Изредка встречаются фрагменты сосудов, сделанные из светлорасной глины и орнаментированные короткими неглубокими прямыми штрихами, параллельными или слегка расходящимися. Посуда этого типа очень обычна в Марыйской области, в частности на развалинах крепости Геок-депе около г. Сталинск и на Гяур-кала (развалины древнего Мерва). Весь этот комплекс непосредственно связан с предыдущим и может быть отнесен к позднесасанидскому периоду (предположительно VI—VII вв.) и, вероятно, захватывает и время арабов.

Находки, относящиеся к этому комплексу, собраны на девяти памятниках Ашхабадского района: на кургане Топчи-депе между селами Кеши и Геокча, на небольшом кургане с отметкой + 2 в 300 м севернее университета, кургане с оградой в верхней части оазиса Гюль-Заде, группе бугров между селами Багир и Безмеин, в нескольких сотнях метров севернее поворота на Безмеин с Фирюзинского шоссе, на кургане в селе Карадамак (IV, 12), на крепости Кюня-кала 1-я (IV, 1), на Зеленой горке 2-й (IV, 6) и на известных уже городищах Геами-кала (IV, 14) и Ясы-депе 3-й (IV, 13).

Кюня-кала кратко описана раньше. Топчи-депе представляет бесформенный остаток почти полностью разобранного кургана, основание которого состоит из четырехметрового слоя кирпичей $37 \times 37 \times 8$ см. Курган севернее университета представляет сильно поврежденные остатки невысокого здания, сложенного из сырцовых кирпичей $38,5 \times 38,5 \times 8$ см и покрытого толстой грубой штукатуркой с саманом. Окружность этого овального по форме кургана составляет 160 м. Сильно разрушен курган в Карадамаке (высотой 2 м, окружностью 150 м). Таким образом, четыре из девяти памятников этой категории сильно разрушены, так как

находились или находятся в густозаселенной зоне. Тем интереснее остальные.

Развалины по дороге в Безмени представляют группу бугров, расположение которых позволяет предположить, что они являются комплексом довольно значительной усадьбы. Курган № 1 был, видимо, жилым зданием (на нем отчетливо видны следы стен и комнат), а пара курганов вблизи от дороги—угловыми башнями двора с укрепленными воротами между ними. Но этому предположению противоречит отсутствие стен двора, хотя на местности и видны какие-то неопределенные линии, идущие от здания № 1 к «башням».

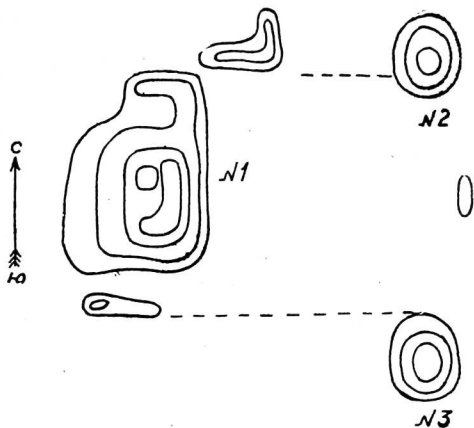

Рис. 5. Развалины усадьбы VI—VII вв. близ Безмена (центральный комплекс).

Масштаб 1 : 1500.

Вопрос о деталях всего комплекса зданий пока не может быть окончательно решен. На окружающей местности видны остатки валов (или развалившихся стен), окружавших центральный комплекс. Эти валы плохо прослеживаются, но все же можно предположить с большой вероятностью, что усадьба была окружена не менее чем двумя концентрическими оградами, образовавшими в плане четырехугольник. Вокруг разбросан еще ряд бугров и остатки более позднего кака.

Основной интерес привлекает, конечно, укрепленная усадьба; она в дальнейшем должна быть подвергнута более тщательному исследованию. Керамические находки состоят из кусков крупного темнокрасного жженого кирпича, фрагментов красноглинных хумов с белым ангобом

и больших обломков тонкостенного крупного кувшина из светлосерой глины, орнаментированного волнистой линией.

«Курган с оградой», расположенный в верхней (южной) части оазиса Гюль-заде, состоит из центрального бугра окружностью 90 м и высотой 2 м и группы мелких бугров, расположенных с южной стороны центрального. Еще южнее разбросано несколько могил, часть из которых несомненно туркменские. Весь этот комплекс обнесен квадратной оградой в виде вала с сохранившимися следами угловых башен. Сторона ограды равна 180 м. Керамика самого комплекса совершенно невыразительна, но вокруг него найдено несколько фрагментов неполивной керамики, орнаментированной короткими прямыми штрихами (сделанными, видимо, пальцем) и точками. Подобная керамика не встречается больше нигде на всей площади оазиса Гюль-заде.

Малое количество и скромные размеры памятников данной группы позволяют предположить, что и в период, предшествовавший арабскому завоеванию, район Ашхабада не вышел из состояния упадка, хотя некоторые успехи все же заметны: создается по меньшей мере четыре новых поселения, вновь осваиваются земли в верхней части оазиса Гюль-заде, заброшенного в предшествующий период. Очень важен для характеристики социального строя данного времени самый факт появления укрепленных усадеб, обнесенных одним или несколькими рядами стен с жилым зданием в центре. Господство этого типа поселения позволяет предположить обострение классовой борьбы, связанное с развитием феодальных отношений. Вряд ли укрепления «кургана с оградой» и поселения между Багиром и Безмеинном возводились с расчетом на сопротивление внешнему врагу — для этого они слишком слабы. Стены и башенки этих укрепленных усадеб напоминают больше о столь беспокойном для богатеев землевладельческой знати времени Маздака, чем о сокрушительных вторжениях эфталитов и тюрков.

Но в этот период еще полностью не исчезают и древние укрепленные села; правда, Арман-кала и Дингли-депе, видимо, уже прекратили существование, но Ясы-депе 3-й, Геами-кала, а возможно и Коша-депе еще продолжали жить.

VI. ПАМЯТНИКИ IX—XV вв.

(Схема V)

Эпоха завершения феодализации и расцвета феодального общества, оборванная монгольским завоеванием, представлена в Ашхабадском районе довольно значительным количеством памятников. Это, прежде всего, крупные феодальные замки, затем развалины довольно значительных усадеб, вроде современных хорезмских ховлы (хуторов) и, наконец, целый ряд других памятников различного, часто неопределенного типа. Подъемный материал этих памятников довольно богат и разнообразен — фрагменты керамики IX, X, XI, XII, начала XIII и много реже XIV и XV вв., металлические предметы, изредка монеты.

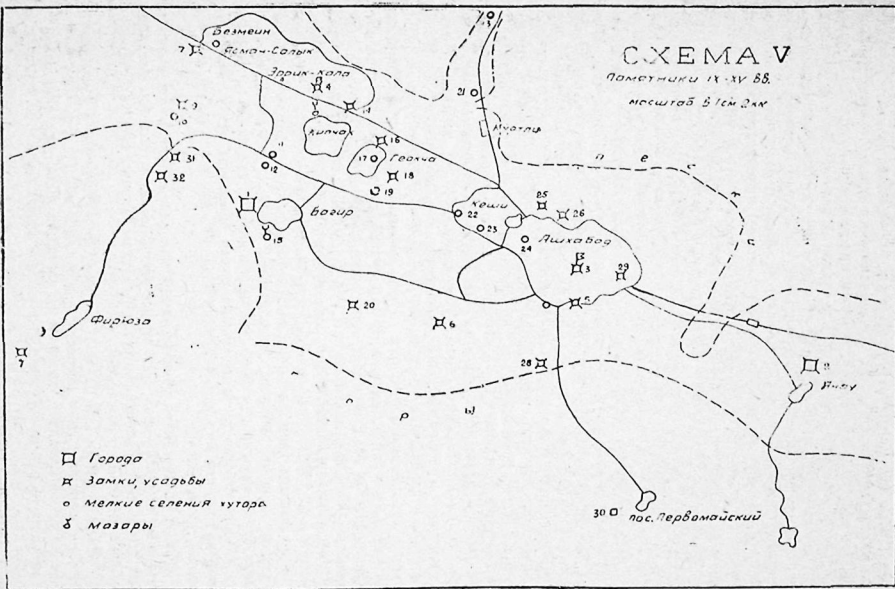
А. Развалины крупных феодальных замков, тяготевающие, очевидно, к средневековой Нисе, располагаются в Ашхабаде (курган «Горка», V, 3) и в селе Ясман-Салык (курган Дингли-депе, V, 4).

Курган Дингли-депе сильно разобран на удобрения. В основе его, как уже говорилось, лежат слои парфянского кирпича, но верхние слои

CXEMA V

ПОМЕТНИКИ IX-XV вв.

МОЩНОСТЬ В 1 СМ 2 КВ

дают сырцовый кирпич размером $30 \times 30 \times 5$ см, плоскость которого, так же как и парфянского, разделяется глубокой бороздой. Многочисленные фрагменты керамики, рассыпанные на самом кургане и на окрестных полях, позволяют датировать этот замок IX—XIV вв.

Курган «Горка» в центре Ашхабада также весьма сильно поврежден. Нижние слои его прикрыты слоем красной обожженной глины с содержанием угля, золы, обгорелых кусков глиняной обмазки крыши, сохранившей отпечатки камыша, обгоревших, закопченных фрагментов керамики. Среди керамических находок — обломки крупных хумов из серо-желтой глины со штампованными ромбами и розетками в верхней части, фрагмент сосуда из красной глины с частью штампованного изображения двух птиц, фрагменты плоских чашек серо-желтой глины, расписанных черной, зеленой и яркожелтой красками и покрытых плохой глазурью кремового цвета, почти полностью облетевшей. Сопоставление этих находок позволяет предположить, что нижние слои «Горки» являются остатками значительного, но вряд ли особенно высокого здания IX—X вв., которое погибло в результате большого пожара.

Позднее на развалинах был построен большой замок с круглыми башнями из жженого лекального кирпича, с большими комнатами, полы которых сохранили следы многократных обмазок. Стены выкладывались частью из сырца размером $30 \times 30 \times 6$ см, частью из великолепного жженого кирпича размером от $25 \times 25 \times 5$ до $22 \times 22 \times 4,5$ см. Стены некоторых комнат были покрыты белой ганчевой штукатуркой толщиной около 1 см и в свое время были, конечно, очень нарядны. В развалинах замка, которые составляют слой в 3—4 м, найдено много металлических предметов и фрагментов керамики. На восточной стороне «Горки» найдены обломки железного серпа, небольшая железная лопатка, обломки крупного железного кольца, фрагменты сосудов, покрытых белой глазурью с коричневым и оранжевым узором или великолепной бирюзовой и яркозеленой. Обращают на себя внимание фрагменты чирогов на высоких ножках и глиняная труба с ручкой, служившая, по определению профессора М. Е. Массона, для сзывания жителей в баню. Найдено довольно много фрагментов тонких стеклянных изделий и мелкие обломки бронзовых предметов, в том числе колец. Весь этот комплекс можно отнести к XI—XIII вв., но имеется в небольшом количестве и керамика XIV в. Высокое качество строительного материала, в частности обилие жженого кирпича, многочисленность металлических предметов, в частности бронзовых украшений, изящество глиняной и стеклянной посуды — все говорит о богатстве и роскошной жизни владельца замка. Развалины довольно крупного замка VIII—XII вв. (V, 20) расположены в 6 км юго-восточнее Багира.

От крупных замков, расположенных на равнине, резко отличаются каменные замки в горах. Эти горные твердыни были оплотом старинных диканских фамилий, которые в отсталых горных районах сохраняли свое значение порой вплоть до XVI в.

«Над округами Джурджана, — пишет ибн Хаукаль, — господствуют горы и неприступные крепости; там в наши дни (т. е. в X в., А. Р.) более тысячи крепостей, которые не достались Вашмгиру ибн Зияру¹⁾ и не ушли из рук их владельцев; у каждой крепости из них одно или

¹⁾ Правитель Джурджана и Табаристана из династии Зияридов (935—967).

два поместья. Тому, кто владеет Джурджаном, следуют с них деньги (мал), которые он и берет, а иногда они отказываются давать то, что с них следует в течение некоторого времени, а он по отношению к большинству из них может только договариваться и брать то, что может взять миром; если же он обходится с ними грубо, они оказывают сопротивление, так что он не может с ним справиться¹⁾). О своеволии джурджанских феодалов, опиравшихся на свои крепости, расположенные в недоступных местах, сообщает автор XVII в. Искандер Мунши, рассказывая о событиях второй половины XVI в.²⁾ Он называет этих мятежных феодалов „сияхпушами“, что, очевидно, связано с исмаилизмом, особенно широко распространенном в средние века среди горцев Северного Ирана, прочно сохранявших архаические полупатриархальные — полуфеодальные отношения.

Рис. 6. „Горка“ в Ашхабаде. Терракотовая труба.

Горные замки в большом количестве разбросаны вдоль всего Копет-Дага. Две подобные крепости — Кызлар-кала и безыменная крепость около пикета лесной охраны — находятся в Фирюзинском ущелье. Это настоящие орлиные гнезда, возведенные из дикого камня на вершине утесов, командующих над ущельем. Особенно эффектна Кызлар-кала (V, 32): основание ее стен и сейчас отлично видно с шоссе, которое делает крутую петлю, огибая скалистый утес, увенчанный крепостью. Крепость в плане имеет неправильную грушевидную форму, охватывая вершину утеса. Высота стен невелика — не выше 2 м, но большей частью много меньше. Внутренняя площадь не носит никаких следов построек; керамики также почти нет.

Вторая крепость (V, 31) была открыта комсомольцами — краеведами В. Маркиным и В. Асриевым летом 1948 г. Она также возведена на вершине скалистого утеса, но меньшей величины. На плоской вершине утеса видны следы валов и основания стен из дикого камня; в отличие от Кызлар-кала здесь можно заметить следы стен внутренних помещений, имеется и керамика, но весьма невыразительная. Эта безыменная крепость расположена в 500 м южнее устья Фирюзинского ущелья. С нее открывается великолепный вид на равнину и она, конечно, была

¹⁾ Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I, АН, 1939, стр. 181—182.

²⁾ Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. II, АН, 1938, стр. 89—98.

прекрасной базой для набегов на селения предгорий. Еще одна подобная крепость — Кала-Гаваш, как она называется в списке Тэйле,— находится в ущелье несколько выше Фирюзы (VI,7).

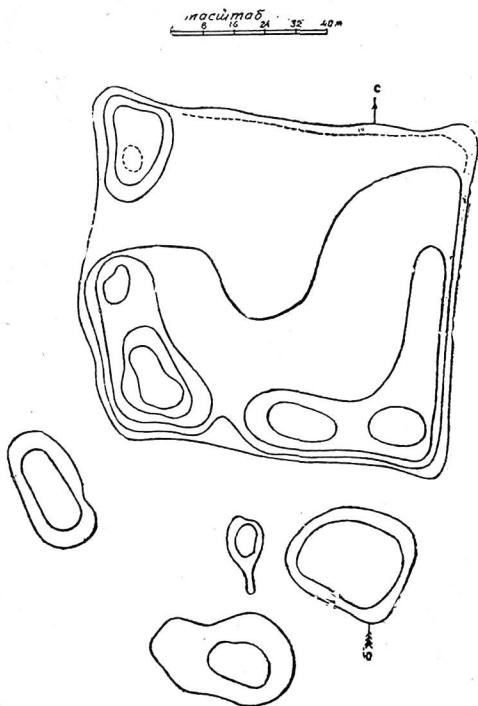

Рис. 7. Городище Чилияки (колхоз „14-лет Октября“ Ашхабадского р.-на).

Б. Усадьбы средней величины расположены вокруг крупных замков. К этой категории памятников относятся городище Чилияки (V, 29) в колхозе «XIV лет Октября» (село Ашхабад), курган № 1 севернее Мясокомбината (V, 26), городище Ер-кала в пос. Эррик-кала (V, 14), Кюня-кала 3-я, северо-западнее устья Фирюзинского ущелья (V, 9), селище у ответвления дороги на Безмеин с фирюзинского шоссе—всего

6 памятников. К этой же группе относятся курган Кюзе-Овлия в селе Геокча, курган № 4 севернее Мясокомбината (V, 25), городище в Берзенги (V, 28) южнее Ашхабада, остатки поселений в юго-западной части села Кеши (V, 22) и у конзавода (V, 23), селище Карагач-Овлия в селе Безмеин (V, 8), Ясы-депе 3-й (V, 5).

Эти памятники обычно представляют собой невысокое четырехугольное, часто квадратное городище. Примером может служить городище Чляки (рис. 7). Его размеры — 70×60 м, наибольшая высота (в южной части) 3 м. Северная и восточная стороны много ниже. По периметру идет небольшое возвышение, являющееся остатком стены. Жилые здания располагались в юго-западной части усадьбы. Южнее городища расположен ряд бугров с более бедной керамикой, очевидно, крестьянских домиков.

Некоторые городища, например Ер-кала (V, 14) и Ясы-депе 2-й (V, 7), отличаются значительно большими размерами, но все же сохраняют характер плоского городища со слабо заметной приподнятостью краев. Это, очевидно, уже не усадьбы, а небольшие укрепленные селения. Кое-где, обычно в непосредственной близости от усадьб, разбросаны группы мелких бугров; вероятно, большинство из них являлись крестьянскими дворами. Группа таких домов расположена у Кюня-кала 3-я (V, 10), Ясы-депе 3-й (V, 5), около Ак-тепе 1-й (V, 6), южнее Арман-кала (V, 18). Керамика на них беднее, чем на развалинах усадьб, но все же довольно богата и, несомненно, ремесленного, а не домашнего производства. Подобную же картину, по сообщению С. П. Толстова, дают и крестьянские усадьбы Хорезма XII—XIII вв.¹⁾ Небольшая группа бугров со средневековой керамикой находится на Фирюзинском шоссе севернее Новой Нисы (V, 11 и 12).

В. Особняком стоит городище Кюня-кала (V, 16) в селе Геокча (не следует смешивать с одноименной крепостью в Кеши, неоднократно упоминавшейся раньше). Это большое городище окружностью около 400 м, представляющее в плане неправильный многоугольник. По периметру его идут валы высотой 2—3 м сильно разрушенные и сглаженные. Керамика встречается в изобилии, особенно с внутренней стороны вала. Середина городища пуста и в настоящее время занята посевами. Подъемный керамический материал позволяет датировать городище XI—XIII вв. О его назначении судить пока трудно.

Чрезвычайно своеобразным является также городище «Тарелочка» (V, 30), обнаруженное краеведческим кружком школы пос. Первомайский на вершине одного из соседних холмов. Вся вершина этого высокого и крутого холма выровнена и представляет площадку, окруженную невысоким ватом. Никаких следов кирпичных построек на городище нет. Вероятно, это было временное укрепление, возможно, укрытие для семей и имущества окрестных жителей во время вражеских вторжений. Фортификационные работы заключались в том, что вершину холма срыли, оставив невысокие валы по краю. Довольно обильная керамика относится к IX—XII вв. Та же картина — обилие керамики при отсутствии следов построек, хотя бы отдельных кирпичей — наблюдается в ложине у подножья холма. Часто попадаются донца блюдец и тарелок с подглазурной росписью, изображающей птиц, фрагменты сосудов, покрытые

¹⁾ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 156, 159.

отличной белой глазурью с коричневым узором, фрагменты стеклянных изделий (иногда цветного стекла).

Кроме того, керамика IX—XIII вв. найдена на курганах Авадан-депе (V, 13) и Гюль-Заде-депе (V, 21), где, вероятно, существовали сторожевые укрепления, возведенные на развалинах древних поселений; керамика IX в. обнаружена в верхней части оазиса Гюль-Заде, керамика XII—XIII вв. на городище Арман-кала в селе Геокча, два фрагмента керамики XIV в. с черным узором по синей глазури—в селе Кеши, керамика XII—XIII вв. в селе Карадамак (V, 27). Однако в последних четырех пунктах невозможно установить характер поселений; в верхней части оазиса Гюль-Заде вообще нет поселения, которое можно было бы датировать IX—X вв., и керамика, возможно, была занесена туда случайно—пастухами или воинами, быть может, тем же постом, который оставил сходную керамику на самом кургане Гюль-Заде. Продолжало еще и в IX—XI вв. существовать поселение севернее университета (V, 24), возникшее в VI—VII вв.

Керамика IX—X, а особенно XI—XIII вв., говорит о больших успехах гончарного дела в Ашхабадском районе в рассматриваемый период. Помимо высококачественной глазури, поражает богатство и сложность орнаментики неполивных изделий. Всевозможные виды штамповки, как вдавленная так и выпуклая—в виде шишечек, звездочек, узора в виде буквы S, кружков, розеток и т. п., резной орнамент из сложных арабесок по серой глине, орнаментовка в виде процарапанной сетки—весь этот пышный декоративный стиль резко отличается неполивную керамику XI—XIII вв. от простых, но изящных красноглиняных сосудов парфянской эпохи. На городище Чилияки и на Горке встречена люстровая керамика.

Что касается более точной датировки, то два памятника—«Тарелочка» и курган у ТГУ (V, 24)—относятся к IX—XII вв.; 10 существовали с IX по XIII в., в том числе городище Ясы-депе 2; «Горка» и Денгиль-депе дожили до XIV в., а Кюня-кала 3 и Чилияки даже до XV—там были найдены фрагменты керамики со сложной синей росписью по белой глазури («тимуридская»), а на первом—бронзовая монета китайского типа с овальным отверстием в центре. На городище Арман-кала найдена керамика XII—XIII вв., но отсутствует весьма распространенная керамика IX—X вв. с подглазурной росписью. Таким образом, большинство памятников (7 из 11) не пережило монгольского завоевания. Лишь курган № 1 севернее мясокомбината был создан в монгольское время (XIII—XIV вв.), да в селе Кеши была найдена керамика XIV в. Таким образом, в монгольское время в окрестностях Ашхабада существовало, не считая Нисы, всего 7—10 поселений.

Обращает на себя внимание почти полное отсутствие керамики XV в. Известно, что керамика эпохи тимуридов очень богато представлена в Новой Нисе, что в середине XV в. существовал город Анау с великолепной мечетью. Но, видимо, в условиях непрерывных феодальных усобиц жизнь сосредоточилась, в основном, в этих сильно укрепленных городах, а сельские поселения все больше хирели и забрасывались.

Было бы очень интересно выяснить средневековые названия городищ и селищ IX—XIII вв. Средневековые авторы, особенно ас-Самани и Якут, называют много сел и укреплений в окрестностях Нисы, многие

из которых конечно соответствуют современным селищам и городищам. К сожалению, современные городища носят обычно поздние названия вроде Ер-кала (земляная крепость), Ясы-депе (плоский курган), Дингли-депе (обрушенный курган) и т. п. Все же можно попытаться сделать некоторые отождествления.

1. Уже А. А. Семенов высказал предположения о том, что современное село Безмеин соответствует средневековому селению Басма¹⁾. В «Житии Абу-Саида» упоминается название Яйсеме или Йисема, которое переводчик (С. Волин) рассматривает лишь как случайный вариант Басма²⁾.

Мне кажется более вероятным другое предположение,—что в данном случае средневековые авторы и переписчики, давая разное начертание (Басма-Йисема) смешивали два различных селения с близкими названиями; действительно, в настоящее время рядом с Безмеином находится село Ясман-Салык, которое может быть отождествлено с Яйсеме-Йисема. В таком случае название Басма может быть связано с группой памятников в районе Ясы-депе на западной окраине Безмеина, а Яйсеме — с курганом Дингли-депе в центре Ясман-салыка.

2. В том же «Житии Абу-Саида» говорится, что шейх, совершая паломничество к могиле Ахмед-и-Али Несеви, прибыл в селение Андарман, «лежащее на краю города» (т. е. Нисы, А. Р.), а затем «не пошел в г. Нису, а прошел по селениям ниже города, остановился в селении Радан и (затем) направился в Яйсеме»³⁾. С селением Андарман может быть связано городище Арман-кала⁴⁾. Правда, оно не расположено «на краю Нисы», т. е. Багира, а отстоит от него на 6 км, но, во-первых, легенды утверждают, что Андарман и Ниса были связаны сплошной цепью садов и построек (там действительно есть селища, например V, 19) а, во-вторых, быть может и выражение «на краю» не следует понимать буквально. Городище Арман-кала существовало чрезвычайно долго—от парфянского времени до XVII—XVIII вв. (с некоторыми перерывами), так что старое название могло сохраниться в несколько искаженном виде. Если это верно, то путь шейха Абу-Саида из Андармана (Арман-кала) по селениям «ниже Нисы» (современное селище Кюзе-Овлия и городище Кюня-кала в Геокча) в Радан (очевидно, городище Ер-кала в сел. Эррик-кала), а затем в Яйсеме (Дингли-депе в сел. Ясман-Салык) прослеживается полностью. В ближайших окрестностях Дингли-депе имеется несколько могил, поныне представляющих предмет поклонения (овлия), но до сих пор не удалось записать легенд, связанных с ними.

Памятники IX—XV вв. рисуют картину экономического расцвета Ашхабадского района в IX—XII вв., особенно в сельджукидо-хорезмшахский период, и значительного упадка в XIII—XV вв., несомненно, связанного с монгольским погромом. Известно, что монголы вырезали поголовно жителей Нисы и жестоко разграбили ее окрестности⁵⁾. Монгольское иго и феодальные убоицы при тимуридах привели к тому, что в

¹⁾ А. А. Семенов. По Закаспийским развалинам. Известия Средазкомстари-са, III. Ташкент, 1928, стр. 15.

²⁾ Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I, стр. 344.

³⁾ Там же, стр. 343—344.

⁴⁾ Этой мыслью я обязан Б. Кулиеву.

⁵⁾ Мухаммед ан-Несеви, Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. I, стр. 473—474, 476.

XIV—XV вв. в окрестностях нынешнего Ашхабада так и не восстановилось прежнего благосостояния. Непрерывные войны заставляют население стягиваться в укрепленные города, сельские районы пустеют. Таким образом, расцвет городов в XV в. носит весьма своеобразный характер.

VII. ПАМЯТНИКИ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ XVI—XVIII вв.

(Схема VI)

Памятники XVI—XVIII вв., не считая городов Нисы и Анау, распадаются на несколько групп: горные крепости, крепости на равнине, отдельные башни, укрепленные хутора, каки (водохранилища). Всего зарегистрировано 25 таких памятников.

А. Горные крепости. Судя по многочисленным фрагментам керамики XVI—XVII вв., крепости в Фирюзинском ущелье—безыменная (VI, 4), Кызлар-Қала (VI, 5) и Гаваш-кала (VI, 7) использовались и в этот период. Об этом сообщают и туркменские предания. Кызлар-кала якобы принадлежала иранским феодалам; они делали набеги на туркменские селения на равнине, уводили в плен девушек и продавали их у подножья скалы, на которой стояла крепость (Кызлар-кала—Крепость девушек). Вряд ли, впрочем, это название объясняется так просто—скорее мы имеем здесь дело с отзвуком более древних легенд и поверий, забытых современным населением. Интересно, что древняя каменная крепость, расположенная в горах южнее села Гяурс, также носит название Кызлар-кала.

Нет также данных о том, что в крепостях Фирюзинского ущелья в XVI—XVIII вв. кто-либо жил; скорее, они использовались лишь в качестве наблюдательных пунктов.

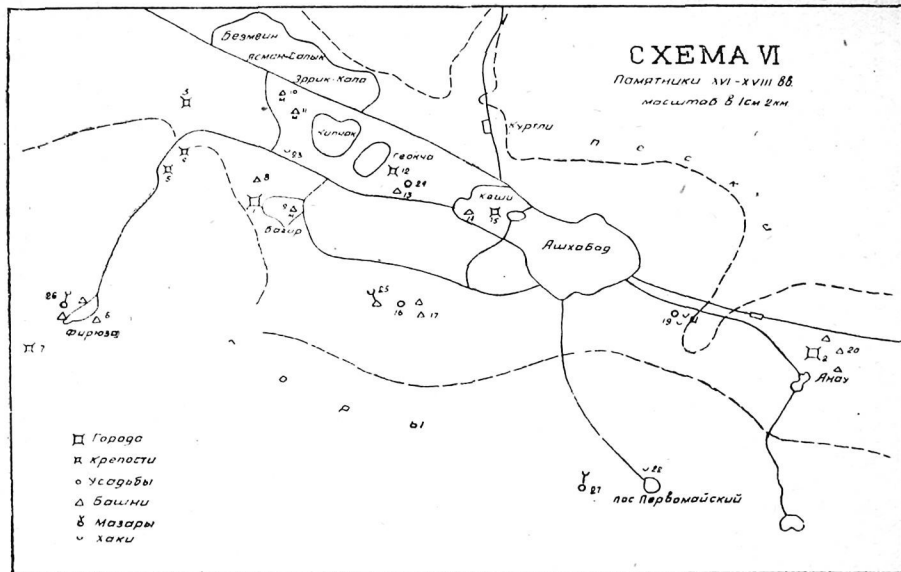
Б. Селения у подножья гор были также укреплены, причем, помимо внешних стен, имелись еще цитадели, внутри которых располагались дома знати. Подобные укрепленные селения существовали в Арман-кала (VI, 12) и Кеши (VI, 15). Об этих селениях говорят не только археологические данные, но и многочисленные легенды.

Арман-кала, о которой речь шла уже неоднократно, представляет плоское городище овальной формы, вокруг которого имеется значительный шлейф. Городище обнесено пахсовой стеной (сохранились ее остатки) и имеет овальную форму, вытянутую с запада на восток. Окружность городища — 350 м. На территории городища собрана керамика с глазурью черного, коричневого и желтого цветов. Легенды¹⁾ рассказывают, что Арман-кала была владением курдского хана, а затем была захвачена туркменами. Крепость Арман упоминается в хивинской хронике Муниса под 1818 г., когда там останавливалось хивинское войско²⁾.

От укреплений в Кеши сохранились лишь остатки четырехугольной пахсовой ограды вокруг кургана Кюня-кала. Фрагменты керамики с

¹⁾ Записаны студентами АГПИ т. Исафиловым и Дерякулиевым в колхозе «Яклым» осенью 1948 г.

²⁾ Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. II, стр. 413.

коричневой, желтой и темносиней глазурью, которые обнаружены как у паховой стенки, так и на вершине кургана, говорят о наличии здесь поселения XVII—XIX вв. Курган мог быть использован как наблюдательный пункт, а паховая стена, очевидно, образовывала стену цитадели, как и в Арман-кала. По преданиям, в Кюня-кала жил Шавердыхан (имя его носят высоты южнее Ашхабада), который был выбит из Кеши текинцами. Произошло это, как уверяют старики-кешинцы, почти одновременно с занятием туркменами Арман-кала.

Особняком стоит крепость Кюня-кала 3-я (VI, 3), расположенная северо-западнее устья Фирюзинского ущелья. Это квадратная крепость из пахсы, возведенная на средневековом городище, близкая по типу к текинским крепостям XIX в., но давно заброшенная и сильно разрушенная. Керамические находки позволяют датировать ее XVII—XVIII вв., но вопрос о том, была ли она основана иранцами или местными туркменами, остается пока открытым. Легенды на этот счет противоречивы. Крепость Кюня-кала нуждается в дополнительном изучении.

Развалины третьей крепости, по планировке близкой к туркменским, лежат юго-западнее с. Карадамак (VI, 18).

В. Сторожевые башни расположены двумя группами. Три башни находятся на высотах, окружающих поселок Фирюзу (VI, 6). Все три башни круглые; стены их, толщиной до 80 см, сложены из дикого камня и глины, середина заполнена глиной. В настоящее время во всех трех башнях над этим цоколем возвышается только невысокая (менее метра) стенка, возможно, представляющая лишь основание разрушенной стены. Высота башен составляет ныне 4—5 м, окружность внизу 20 м, вверху 10 м. Вход в две башни из трех возможен только по приставным лестницам (впрочем, сейчас на них можно взобраться и по камням). Около самой южной из башен на вершине холма имеется небольшая ровная площадка, края которой укреплены камнями (может быть, площадка для палатки) и две мусульманских могилы (VI, 26)¹⁾. Некоторые особенности представляет башня около входа в фирюзинский парк. Она построена не на вершине, а на склоне так, что вершина приходится на одном уровне с полом внутреннего помещения башни. В настоящее время над полом поднимается лишь небольшая стенка, сложенная из сырцового кирпича размером 37х37х7 см, причем глиняная масса кирпича содержит негнивший саман. Один ряд кирпичей поставлен на ребро. Но на фотографии 20-х годов, изданной в качестве почтовой открытки, башня имеет стены вышиной до 3 м с квадратными ружейными бойницами. Вероятно, такой вид был и у остальных башен. На вершине, прилегающей к только что описанной башне, также имеется выровненная площадка. Около вершины найдено несколько фрагментов хумов яркокрасной глины с белым ангобом.

Башни несомненно служили для наблюдения за Фирюзинским ущельем. С них могли подаваться дымовые сигналы в крепость. Кала-Гаваш, развалины которой лежат в ущелье южнее Фирюзы (она еще не обследована), а затем и дальше. Сооружение башен относится, вероятно, к XVIII—XIX вв.

¹⁾ Тэйле сообщает, что это могилы Сеид-Мансура и Ших-Абдуллы-Ансари, почитаемых курдами за святых людей (ПЗКЛД, в. I, стр. 47).

Другая группа башен находится восточнее Анау (VI, 20). Но эта группа башен детально не разведывалась и происхождение и назначение их не вполне понятны.

Много отдельных башен разбросано в селах Багир (VI, 8 и 9 и др.) и Кеши (VI, 14). Башни Багира описаны в статье В. Д. Жукова «Изучение пригорода Нисы в 1946 г.¹⁾».

Г. Севернее поселка Геами находятся развалины укрепленного хутора (VI, 19). Его размеры 30x24 м, по периметру четырехугольника заметны следы стен, в западной части возвышается бугор высотой 240 см — остатки жилого здания, возможно с башней. Внутренний двор невелик. Керамические находки — фрагменты сосудов с яркозеленой, коричневой и коричнево-зеленой глазурью; неполированная керамика имеет орнамент в виде параллельных волнистых линий. Можно с известной долей вероятности отнести этот хутор к позднему средневековью. Другой хутор еще более близкий по планировке к современному ховлы, расположен южнее с. Бекрова (VI, 16).

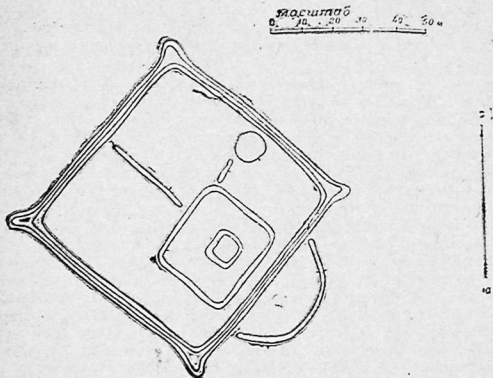

Рис. 8. Ховлы к востоку от Ак-тепе,

Д. Керамика позднего средневековья — коричневая глазурь, часто с желтыми узорами, черная, яркозеленая и темносиняя глазурь (последние два цвета сохранились и ныне), рубчатая поверхность неполивных изделий (или оборотной стороны поливных) — встречается также в верхних слоях «Горки» в Ашхабаде вместе с многочисленными тамдырами. Можно предположить, что на «Горке» размещался военный лагерь или какое-то кочевье (следов построек на верху «Горки» нет). Интересно, что старожилы-иранцы называют «Горку» Кала-и-Надир.

¹⁾ Труды ЮТАКЭ, т. I. Ашхабад, 1949, стр. 181 и сл.

Другая группа башен находится восточнее Анау (VI, 20). Но эта группа башен детально не разведывалась и происхождение и назначение их не вполне понятны.

Много отдельных башен разбросано в селах Багир (VI, 8 и 9 и др.) и Кеши (VI, 14). Башни Багира описаны в статье В. Д. Жукова «Изучение пригорода Нисы в 1946 г.¹⁾».

Г. Севернее поселка Геами находятся развалины укрепленного хутора (VI, 19). Его размеры 30х24 м, по периметру четырехугольника заметны следы стен, в западной части возвышается бугор высотой 240 см — остатки жилого здания, возможно с башней. Внутренний двор невелик. Керамические находки — фрагменты сосудов с яркозеленой, коричневой и коричнево-зеленой глазурью; неполивная керамика имеет орнамент в виде параллельных волнистых линий. Можно с известной долей вероятности отнести этот хутор к позднему средневековью. Другой хутор еще более близкий по планировке к современному ховлы, расположен южнее с. Бекрова (VI, 16).

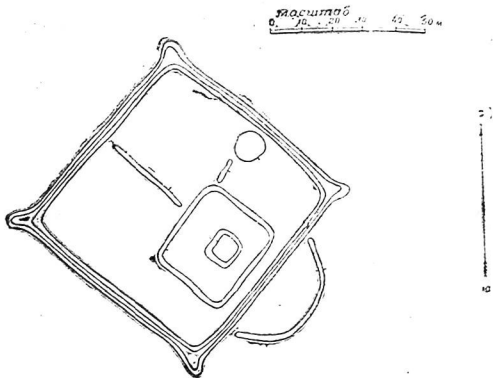

Рис. 8. Ховлы к востоку от Ак-тепе,

Д. Керамика позднего средневековья — коричневая глазурь, часто с желтыми узорами, черная, яркозеленая и темносиняя глазурь (последние два цвета сохранились и ныне), рубчатая поверхность неполивных изделий (или оборотной стороны поливных) — встречается также в верхних слоях «Горки» в Ашхабаде вместе с многочисленными тамдырами. Можно предположить, что на «Горке» размещался военный лагерь или какое-то кочевье (следов построек на верху «Горки» нет). Интересно, что старожилы-иранцы называют «Горку» Кала-и-Надир.

¹⁾ Труды ЮТАКЭ, т. I. Ашхабад. 1949. стр. 181 и сл.

Подобная же керамика встречается вокруг Топчи-депе («курган пушкарей»), верхняя часть которого представляет остатки круглой пахсовой башни (VI, 13).

Е. Помимо развалин жилых и оборонительных строений, обнаружен целый ряд хозяйственных сооружений, которые, судя по сопровождающей их керамике, относятся к позднему средневековью. Это главным образом каки—небольшие водохранилища. В окрестностях Ашхабада обнаружено пять подобных сооружений. Два кака овальной формы находятся восточнее села Геами (VI, 21), один подобный же как—несколько севернее Топчи-депе (VI, 24), один как ромбической формы (с полуразрушенной восточной стенкой) на дороге в Безмеин (VI, 23), около раннесредневековой усадьбы, другой как подобной же формы—у пос. Первомайский (VI, 22), крупный как расположен у средневековой усадьбы южнее Ашхабада (VI, 25).

Ввиду того, что текинцы сооружают каки прямоугольной формы, можно думать, что все перечисленные заброшенные каки принадлежали эпохе позднего средневековья до текинского завоевания, т. е. не моложе XVIII в. Керамика, попадающаяся на каках, — яркозеленая глазурь с рубчатой оборотной стороной сосуда, мелкие фрагменты светлокрасной глины почти современного типа—говорит об их небольшом, сравнительно, возрасте.

Возможно, что ко времени до текинского завоевания относятся и мельницы (VI, 10 и 11), развалины которых — башни и насыпи для желобов—расположены между селами Безмеин и Кипчак. Но они могли принадлежать и текинцам. Построены они так же, как и башни в Фирюзинском ущелье, только вместо камня употреблен кирпич.

Таким образом, для XVI—XVIII вв. можно констатировать расселение значительными поселками, иногда укрепленными (Арман-кала), всегда с цитаделями, внутри которых располагались дома знати. Полагая, что и внешнее поселение имело везде, а не только в Арман-кале хотя бы слабые укрепления. Отдельные хутора немногочисленны.

Картину дополняют горные крепости и сторожевые башни, часть из которых уже исчезла (см. ниже). Все говорит об упорных и систематических войнах, что подтверждается также и историческими источниками XVI—XVII вв. Эти феодальные и родоплеменные распри мешали развитию производительных сил, так сильно подорванных монгольским завоеванием. Большое количество каков заставляет думать о повышении роли скотоводства в хозяйстве Ашхабадского района.

К сожалению, археологические данные не позволяют еще выяснить этнический состав населения Ашхабадского района в XVI—XVII вв. Легенды о текинском завоевании говорят главным образом о борьбе с курдами и иранцами, но исторические источники говорят о том, что в XVI—XVIII вв. в районе Ашхабада жили туркмены племен афшар, али-эли и других¹⁾. Полагаю, что легенды сознательно умалчивают о борьбе между туркменскими племенами, акцентируя борьбу с иранцами; кроме того, в ряде случаев могло происходить объединение местных и пришлых туркмен под руководством текинских вождей и прежде всего Кеймир-Кера, крепость которого еще и сейчас показывают севернее Геок-тепе. После текинского завоевания поселения в районе Ашхабада

¹⁾ МИТТ—II, стр. 121 и др.

приобретают современные названия и размещение их почти не меняется до настоящего времени.

Помимо названных памятников, зарегистрирован ряд текинских крепостей, овлия, мазаров, частично разрушенных во время землетрясений. Приводим их перечень

Мечети, мазары, овлия

1. Развалины мазара (?) в устье Кельтечинарского ущелья.
2. Мазар по дороге между Анау и пос. Калининский (северо-западнее предыдущего).
3. Мазар Ак-ишана в селе Эррик-кала (разрушен и наполовину восстановлен).
4. Мазар Имам-Касыма в селе Кипчак.
5. Мечеть Кочкар-ата на восточной окраине Ашхабада (полностью разрушена).
6. Мазар Ярты-гумбез в песках в 20 км северо-восточнее Ашхабада.
7. Могила Сарыхан-ишана на кургане того же имени в селе Безмеин.
8. Священный камень с «отпечатком копыта Дуль-дуля» в селе Кеши.
9. Мазар Ходжам-дара в 4 км западнее пос. Первомайский.
10. Карагач-Овлиа — бугор со священным деревом в селе Безмеин.
11. Несколько могил со священными саксауловыми деревьями вокруг кургана Дингли-депе в Ясман-салыке.
12. Могила Ходжа-мазари на кургане того же имени между Кеши и Геокча.
13. Мазар Чопан-ата на юго-восточной окраине Ашхабада (почти полностью разрушен).
14. Священная скала, якобы отрубленная от горы мечом Али во время бся Али и Йезида. Находится в ущелье р. Кельтечинар.

Текинские крепости XVIII—XIX вв.¹⁾

1. Ак-кала в Кеши (полностью разрушена землетрясением 1948 г.)
 2. Куле-кала в селе Кеши.
 3. Арчын-кала в селе Кеши.
 4. Ходжанур-кала в селе Геокча.
 5. Нурсердар-кала в селе Безмеин.
 6. Салклы-кала в селе Безмеин.
 7. Геами-кала на городище того же имени.
 8. Кырмыз-кала южнее Анау.
- Помимо того, имеются сведения о некоторых памятниках, ныне исчезнувших.
1. Текинская крепость в селе Ашхабад (на месте нынешнего пивзавода), так называемая Кюня-кала 4-я.
 2. Такая же крепость на «Горке» в центре города.
 3. Городище XI—XIII вв. на месте нынешнего вагонного депо.
 4. Сторожевая башня на южном склоне высот Шаверды-хан южнее Ашхабада.

Следует отметить, что разведки краеведческих кружков Ашхабада не исключили села Багир, курганов и города Анау и кургана Ак-тепе,

¹⁾ Не включены крепости Багира, описанные В. Д. Жуковым в статье «Изучение пригорода Нисы в 1946 г.» (Труды ЮТАКЭ, т. I).

так как эти крупные объекты изучались и изучаются специальными археологическими экспедициями. Остались пока неохваченными разведкой территории сельсоветов Гяурс, Маныш, не изучена горная полоса и часть пустыни Кара-Кум, входящие в Ашхабадский район, но трудно доступные для работы краеведческих кружков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предварительное изучение мелких памятников окрестностей Ашхабада силами молодых краеведов, работающих в контакте и по указаниям ЮТАКЭ, позволяет прийти к некоторым выводам:

1. В историческом прошлом окрестностей Ашхабада до середины XVIII в. можно выделить два периода расцвета, когда шло освоение новых земель и увеличилось количество населенных пунктов — парфянский (III в. до н. э. — III в. н. э.) и период расцвета феодализма (IX—начало XIII вв.). Первый был оборван, очевидно, сасанидским завоеванием¹⁾, второй — монголами. Вполне очевидно также, что разгром парфянского царства, как и государства хорезмшахов, был вызван не случайными военными неудачами, а глубоким обострением классовых противоречий под покровом внешнего благополучия и процветания.

2. Нужно отметить также, что в рабовладельческий период была освоена большая площадь земли, чем даже в наиболее благополучный этап феодальной эпохи IX — XIII вв. Таким образом, на примере Ашхабадского района вновь подтверждаются выводы С. П. Толстова о связи сокращения орошаемых площадей с переходом от рабовладельческого общества к феодальному с его неизбежной феодальной раздробленностью и усобицами, облегчавшими кочевнические завоевания²⁾.

3. Сопоставление населенных пунктов XVI—XVIII вв. с современными селами, возникшими в основном в XVIII—XIX вв. подтверждает и другое положение Толстова о новом подъеме сельского хозяйства с конца XVIII в.³⁾, что для Ашхабадского района совпадает с периодом текинского завоевания и расселения. В частности, вновь осваиваются земли в районе Безмеина, Ясман-Салыка и Эррик-кала, заброшенные с XIII — XIV вв.

В заключение хочется выразить искреннюю благодарность тем, кто больше всего содействовал работе молодых краеведов-археологов — ректору Туркменского государственного университета действительному члену АН ТССР профессору П. А. Азимову, проректору ТГУ по научной и учебной работе доценту А. А. Курбанову, директору Дворца пионеров А. А. Восканьяну, Н. П. Круминой, а также многочисленным помощникам из числа колхозников, учителей, районных работников.

¹⁾ По наблюдениям ЮТАКЭ, больше чем завоевания Сасанидов в III в., сказались последствия кризиса рабовладельческого общества, археологически запечатленные с IV в. н. э. См. М. Е. Массон. Новые археологические данные по истории рабовладельческого общества Южного Туркменистана, ВДИ, 1953. № 1, стр. 159 (Ред.).

²⁾ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр 52.

³⁾ Там же.

Огромная заслуга в деле развертывания и направления краеведческой работы по археологии принадлежит коллективу ЮТАКЭ и в первую очередь действительно члену АН ТССР профессору М. Е. Массону и М. И. Вязьмитиной.

Ценную помощь краоведам не раз оказывал кандидат исторических наук археолог С. А. Вязигин.

Сейчас перед краеведческими организациями встает вопрос о более систематической работе в остальных районах ТССР, путем привлечения к работе учителей и школьников районных и сельских школ, студентов периферийных вузов и представителей других слоев населения. Частично эта работа уже началась и можно не сомневаться, что краеведческие организации Туркмении, работая с помощью и под руководством специалистов-археологов и в первую очередь ЮТАКЭ, добьются в дальнейшем более значительных результатов.

ГЛИНЯНАЯ ПЕЧАТЬ ИЗ СЕЛА ИЗГАНТ

12 ноября 1950 г. студенческий историко-археологический кружок Туркменского государственного университета имени А. М. Горького проводил очередную археологическую рекогносцировку на территории селений Бабараб и Изгант Геоктепинского района. Во время осмотра кургана Акча-депе в селе Изгант (35 км к северо — северо-западу от Ашхабада, на границе песков) студент т. Бегов обнаружил круглую двухстороннюю глиняную печать.

Курган Акча-депе, имеющий 3 м в высоту и около 200 м в окружности, окружен рядом мелких бугров, часть которых занята туркменским кладбищем. Собранная на поверхности керамика (не считая текинской керамики XIX в.) датируется главным образом парфянским и отчасти сасанидским временем. Преобладают фрагменты красноглиняных сосудов, покрытые белым или шоколадным ангобом, круглые в сечении ручки, плоские донца. Собрано несколько фрагментов с грубоватым прочерченным орнаментом в виде волнистой линии и серовато-желтым черепком без ангоба. Довольно обильны фрагменты сероглиняных сосудов. Таким образом, курган является остатком поселения парфяно-сасанидской эпохи. Однако решительно преобладает керамика I — IV вв. н. э. По месту расположения — на северной границе оазиса, почти уже среди песков — и по беспорядочной планировке, его, скорее всего, можно считать селением парфян кочевников или вернее полукочевников, которое продолжало существовать и в сасанидское время, хотя явно захирело и вряд ли дожило до конца VI в.

Печать, найденная здесь, изготовлена из хорошо отмученной глины и равномерно обожжена до оранжево-красного цвета, характерного для парфянской керамики. По форме она представляет не совсем правильный плоский цилиндр с изображениями на основаниях и проушиной для тесьмы или шнура на боковой поверхности. Высота цилиндра около 2 см.

Одна сторона печати представляет почти правильный круг диаметром 36 — 37 мм. На ней изображена фигура всадника на высоком медленно выступающем коне. Изображение очень схематично — всадник не имеет ног, голова и ноги лошади переданы очень условно, некоторые детали непонятны или спорны. И все же мастерски переданы особенности экстерьера лошади — высокого тонконового скакуна с лебединой шеей и высоко поставленным негустым хвостом. В этом, при всей своей наивности, реалистическом изображении, нетрудно угадать «величественных коней» Нисайи, упоминаемых Геротодом (3, VII, 40), из тех «небесных аргамаков», за которыми в Среднюю Азию являлись китайские армии

(I, т. П, 187) и которых местные легенды выводят от тысячи крылатых коней, пойманных и прирученных в Хазараспе хитроумным пророком Сулейманом. Тела подобных скакунов найдены в Пазырыкском кургале, а их потомки сохранились поныне в виде ахал-текинской лошади (2).

Менее понятна фигура всадника. Он несколько наклонился вперед и отбросил назад руку (?). Неясно, находится ли в этой руке какой-либо предмет (может быть меч) или это просто случайная царапина. Ног у всадника, как уже говорилось, нет. Ниже морды коня имеется непонятное углубление в виде короткой горизонтальной черты.

Рис. 1. Глиняная печать из села Изгант (натуральная величина).

Другая сторона печати представляет овал, величиной 37 на 32 мм. В центре композиции находится изображение дерева, ствол которого расположен на длинной оси овала. От ствола вверх отходят ветви — три вправо и четыре влево. Левее расположено второе дерево, ствол которого образует полукруг, идущий от основания первого дерева вдоль края печати; верхушка его ствола пересекает верхушку первого дерева и оканчивается каким-то свисающим утолщением. Вправо от ствола отходит четыре ветви, влево пять. Верхняя левая ветвь также имеет ответвление, идущее параллельно стволу. Справа от центрального дерева, изображенного более грубыми и толстыми чертами, расположено непонятное изображение из нескольких перекрещивающихся черточек. Здесь же расположена не то большая выбоина, не то какое-то совершенно непонятное изображение.

Всадник изгантской печати имеет весьма близкие аналогии в сакском и кушанском материале, а также в известных «хорезмийских всадниках» печатей, монет и чаш IV в. до н. э. — IV в. н. э. Так, например, всадник на высоком коне изображен на каменной печати, найденной на такыре в окрестностях Беркут-кала (С. П. Толстов, Древний Хорезм, табл. 83, рис. 1). Каменная печать из Беркут-кала сделана несравненно изящней глиняной изгантской, но в деталях изображения ног (особенно бабок) и высоко поставленного хвоста коня есть много общего. Конь с характерной лебединой шеей изображен на монете «безыменного царя» из Топрак-кала (Древний Хорезм, табл. 84, рис. 3).

На некоторых монетах (та же таблица, рис. 3, 5, 7, 11) за спиной всадника развешаются длинные концы головного убора — ленты или концы башлыка. Быть может нечто подобное изображают непонятные черточки и углубления за спиной всадника изгантской печати. Весьма близок к изгантскому также всадник, изображенный на дне хорезмской

чаши, помещенной справа — внизу на табл. 87 «Древнего Хорезма». Этот всадник, понятно, гораздо более сложен и детализирован, но поза коня со слегка приподнятой левой передней ногой и высоко поставленным хвостом, а также легкий наклон вперед корпуса и головы всадника, представляют близкие аналогии с изгантской печатью.

Грубое изображение изгантской глиняной печати и изящные фигуры «хорезмийских всадников» воплощают, очевидно, одно представление — образ божественного солнечного всадника — героя, прообраза Рустама, дожившего до наших дней в виде легендарного Али-Шахимардана на крылатом коне Дуль-дуле, одного из популярнейших героев туркменской мифологии. Мнимые «кормушки», «приколы» и «отпечатки копыт» Дульдуля в большом количестве показывают в самых различных уголках Туркменистана, в том числе в селах Кеши и Багир под Ашхабадом. Наиболее раннее упоминание об этой связи солнечного божества с конем мы встречаем в рассказе Геродота о массагетах, приносящих коней в жертву Солнцу (3, 1, 215). Конь, вероятно, был древнейшим тотемом массагетов; позднее он слился с новым космическим божеством — солнцем, воплотившись в образ светлого всадника-героя в золотом шлеме.

Таким образом, это изображение ведет нас в сако-массагетскую среду, что весьма важно для выяснения этнических связей населения Южного Туркменистана в древности.

Изображения деревьев также нередко встречаются на печатах и амулетах Древнего Востока. Так, на глиняных, фаянсовых и медных амулетах из Мохенджо-Даро часто изображены деревья, причем тех пород, которые и поныне считаются в Индии священными (7, стр. 67 — 70, табл. XVII — XVIII; 5, табл. 238). Некоторые из изображений отдаленно напоминают деревья изгантской печати (7, табл. XVII, рис. 12 и табл. XVIII, рис. 5). Более близкую аналогию представляют изображения деревьев (или камыша) на «амулете» из Каунчи-тепе (4, рис. 58-а); Г. В. Григорьев датировал соответствующий слой Каунчи-тепе второй половиной первого тысячелетия до н. э. (4, стр. 3 и сл.), но по более верному определению М. Е. Массона он относится к концу первого тысячелетия до н. э. и к первым векам нашей эры (6). На Каунчи-тепинском «амулете», однако, растения образуют лишь фон. Напротив, на изгантской печати, как и на некоторых печатах Мохенджо-Даро, дерево является идейным центром композиции, хотя тщательно, видимо, пытаться определить породу деревьев на изгантской печати — изображение слишком схематично. Следует лишь отметить, что подобные изображения — «елочки» — нередко встречаются на расписных сосудах актепинского типа в Южном Туркменистане (Алтын-депе, Ясы-депе, Парс-депе), на расписных сосудах Ирана и Белуджистана (5, табл. IV и 223), а также на керамике с прочерченным орнаментом из Дахистана (Изат-Кули и др.), Чанху-Даро (Индия, 7, табл. XXVIII, рис. 1) и Шурали-Сая (около Каунчи-тепе, 4, рис. 77). С другой стороны, почитаемые «священные деревья» еще недавно существовали в селах Безмеин (карагач-овлия) и Кеши (тут-овлия) Ашхабадского района.

Печать скорее всего может быть отнесена к парфянскому времени. По предположению профессора М. Е. Массона, она предназначалась для оттиска изображений на глиняных комьях и лепешках, которые укладывались на собранный урожай до определения размера налога. Как любезно указал мне М. Е. Массон, подобные печати вплоть до революции

употреблялись младшими чинами налогового аппарата при сборе налогов в Бухарском эмирате. Действительно, поверхность изганской печати носит несомненные следы употребления — изображения слегка заглажены, причем стерты и углубленные части. Это особенно заметно на изображении всадника, очевидно, эта сторона печати чаще употреблялась в дело.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бичурин Н. Я. — (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. АН СССР, 1950.
2. Витт В. О. — Лошадь Древнего востока, Сб. «Конские породы Средней Азии». Академия сельскохозяйственных наук, М., 1937.
3. Геродот. — Истории. Пер. Ф. Мищенко. СПб., 1888.
4. Григорьев Г. В. — Краткий отчет о работах Янги-юльской археологической экспедиции 1937 г. Ташкент, 1940.
5. Древний восток. Атлас по древней истории Египта, Передней Азии, Индии и Китая. Составил И. Л. Снегирев, Л., 1937.
6. Массон М. Е. — Археологические исследования в Узбекистане. Сб. «Наука в Узбекистане за 15 лет (1924—1939)», Ташкент, 1939.
7. Маккей Э. — Древнейшая культура долины Инда, М., 1951.
8. Толстов С. П. — Древний Хорезм. М., 1948.

К ИСТОРИИ ГОРОДА НИСЫ В XII В.

(По актам того времени)

Труд личного секретаря хорезм-шаха султана Текеша (568/1172 — 596/1200), Бахауддин-Мухаммеда Багдади, ат-Тавассул илат-Тарассул (Искание доступа к деловой переписке) дошел до нас в двух списках, в парижском и лейденском; по ним было сделано Ахмед-Бехмен-Яром в 1315/1936 г. тегеранское издание названного труда. Заключая разного рода государственные акты XII в., касающиеся целого ряда вопросов, связанных с устройством административно-правовой жизни обширной империи хорезм-шахов, этот крайне важный труд до сих пор остается совершенно неиспользованным советскими учеными, занимающимися феодальными и земельными проблемами средневековой Средней Азии.

Нам казалось небезинтересным остановиться на одном из подобных актов этого сборника, до сих пор не появлявшегося в переводах, как-то относящимся к городу Нисе и достаточно наглядно рисующим взаимоотношения сюзерена теократического мусульманского государства к своему вассалу вообще и в частности раскрывающему положение Нисийской области в империи хорезм-шахов XII в.¹⁾ Последние дорожили ею, стремились охранить там спокойствие и расположить к себе ее правителей. К тому же этот акт иначе освещает взаимоотношения султана Текеша к владельцам Нисы, чем те скудные и отрывочные известия, которые нам сообщает персидский историк XIII в. Ата-Мелик-и Джувейни.

Этот документ в персидском оригинале (государственным языком в империи хорезм-шахов был персидский) называется так:

«Указ, опубликованный в подтверждение земельных пожалований (икта'ат) по г. Ниса великому мелику Адуд-уд-Довля уа-д Дин Туган-шаху Абу-Бекру, сыну Абу-л-Муайида, — да будет над ним милость Аллаха!».

«Охранение прав (наших) приверженцев», — начинает свой указ хорезм-шах Текеш, — «покровительство (нашим) служащим, вознаграждение и милость тем, кои крепко держатся за веревку государства, кои вцепились в жилу повиновения (монарху), ухватились за подол искренней (ему) преданности и скреплены (с ним) многообразными проч-

¹⁾ Общую характеристику положения Нисы при хорезм-шахах, основанную на археологических данных и сведениях письменных первоисточников, см. М. Е. Мас-сон. Города Нисы в селении Багир и их изучение. Труды ЮТАКЭ, т. 1, Ашхабад, 1949, стр. 64 и сл.

ными нитями, честь каждого перед различием классов, несходством (их) интересов и разницею их степеней есть одно из справедливых божественных предписаний царям и (один из) устоев опор государства. У каждого из властителей, следующего сему предписанию и подражающего сему пророческому завету, окажется спутником божественная милость и будет споспешествовать счастье (во всяком) желании; связи его государства останутся крепкими, ожерелье его царства сохранится не рассыпанным; он обретет спокойствие от (всяких) поводов к смуте и его владения будут заключать в себе порядок, связанный со счастьем (подданных) и длительную согласованность всех государственных дел».

Дальше хорезм-шах указывает, что одна из божественных милостей, оказанных лично ему, за что он бесконечно благодарен творцу, есть та, что всякий, кто самоотверженно послужил ему, хорезм-шаху, и проявил преданность интересам государства, — тому ...«навстречу его кортежу, выезжает во всем своем блеске невеста-счастье и герой государства, приплясывая, оказывается в кругу его приказания, все наши усилия устремляются на возвышение его степени и повода желанья (нашего) направляются в сторону забот о нем» и т. д. На основании всего этого — «поскольку благородный господин «великий мелик», сын такого-то, — да увеличит Аллах его благородство и да сохранит его под сенью своей мудрости и милости! — вместе с тем, по умножению (своей) мощи и по превосходству силы, по обширности территории (своего) высокого положения и распространению площади (своей) собственности он больше, чем окрестные владетели, государи времени, цари эпохи и правители века, а по избытку учености и властвования, по разным видам искусства и по заботливости (о своем) владении он превосходит глав мира и гордых (своим положением) на земле, — он (уже) в течение долгого времени и с давних лет сделал искреннее расположение и повиновение нам соединенными со (всем) его временем, он признавал верность своему государству, (проистекающую) из дружественных отношений (к нему) нашего величества, он с (самого) начала непоколебимо проявляет чистую веру и полное доверие во (всех) мелочах приверженности (к нам), — да не причинит тому кто-либо ущерба! — В отношении забот о выполнении своего служебного долга он преумножает озою искренность, каковая всегда дает (свой) плод. И теперь в преданности (нашей) победоносной державе он опять подтверждает обновленные права на нашу к нему признательность и устанавливает правила отца по отношению к сыну. В степени (своей) искренности он представляет (нам) такие примеры, что признается (с нашей стороны) необходимым (подчеркнуть ему) право на нашу (ему) благодарность.

И осуществленное (им все то) предшествующее, что вспоминается нашим благословенным разумом, помогает (всему) последующему, стремление осуществить которое заслуживает (нашей) признательности. Ежедневно помощь его искренней преданности в служении нам становится все больше, а повиновение и послушание его все крепче утверждает государство; естественно (поэтому), что в смене дней и в непрерывном чередовании ночей наши особо преувеличенные милости направлены в сторону его жизненных обстоятельств и процветание (его) земельного владения увеличивается вследствие нашего (к

нему) расположения. И вскоре дыхания (на него) наших благоволений все непременно станут благоуханными и страницы (доходов с) его земельной собственности (мулк-и у) заполняется цифрами увеличения наших (ему) благодеяний.

Так как мы весьма много думаем о прибавлении ему икта и разного рода (других) милостей, то не может быть трудности в приведении в исполнение предыдущих примеров (сего) и утверждения (за ним) того, что было бы признано принадлежащим ему, — Селения Нисы, кои, согласно прежнего распоряжения, были во владении его дивана, мы пожаловали снова ему на основании (этого) прежнего решения и предоставили наместникам его дивана (бэнэвваб-и диван-и у) приказание и запрещение, развязывание и связывание, принижение и возвышение, ущерб и пользу, соединение и отделение разных обстоятельств (связанных с теми селениями), повышения и оставления в настоящем состоянии податей тех мест, дабы он осуществлял владение икта на прежних основаниях и подоходные поступления с него взымал бы, сообразуясь с расходами (по имениям).

Хотя (вышереченная) благородная сыновняя личность, — да длится ее благородство! — в (проявляемых ею) благодеяниях справедливости, правосудия и щедрости имеет прекрасные качества (чисто) природного порядка, как и притягательную (естественную) обаятельность, и совершенно не нуждается в побуждении (к нему), в лишнем разъяснении (важности сего) и в расширении (у него сих качеств) и (хотя) в нашем мнении считается доказанным, что воспитатель счастья на лоне божественной помощи в конечном счете не воспитал более достойного, чем он, и рука могущества на лугу творения не посадила молодого деревца более нужного, чем он, — мы (тем не менее) по чувству отцовского (к нему) расположения и в виде царственного совета в порядке напоминания и предостережения заповедуем (ему): «ибо» (сказано в Предвечном слове) «наставление приносит пользу»¹⁾, — чтобы во всех положениях он твердо помнил, (что) «в тот день ни одна душа не может ничего сделать для другой души: в тот день все во власти Аллаха»²⁾, когда он увидит могущество и достоинство (в своем) положении, каковые являются (проистекшими) из чудес божественной щедрости, то пусть вспомнит о своей подлинной слабости и унижении, кои зависят от человеческого существования; так как это обусловлено его благородными качествами, а его честная (прямая) натура славна, и известна ими, то пусть благотворительность и добродетель он поставит в начале (каждой своей) мысли и во главе (любого) из талисманов и пусть (всегда) думает о том, кто изглаживает реестры всех преступлений, потому, что (по Предвечному слову) «добрые дела удаляют худые»³⁾, то пусть он соделает припасом для будущей жизни и сокровищем для загробного мира благочестие и воздержание; (слова Аллаха): «берите с собою путевые запасы, но поистине самый лучший путевой запас есть благочестие»⁴⁾ пусть он считает приносящими плод наибольшего счастья и ключом к великому почету! (Сказано-же в бо-

¹⁾ Сура I, стр. 55.

²⁾ Сура XXXII, стр. 19 (по перев. Саблукова).

³⁾ Сура XI, стр. 116. (по перев. Саблукова).

⁴⁾ Сура II, стр. 193.

жественной книге: «поистине из вас наиболее достойный у Аллаха тот, кто более богобоязненный»¹⁾).

Продолжая и дальше давать этому икта'дару наставления этико-государственного характера, вроде того, чтобы он имел всегда в сердце страх перед Аллахом и удерживал себя от пагубных плотских страстей, не увлекался преходящими мирскими благами и т. п., хорезм-шах переходит к перечислению его нравственных и владельческих обязанностей перед проживающим на его землях народом.

«Мы повелеваем, — говорит султан Текеш, — чтобы с (своими) крестьянами²⁾, поскольку в отношении их существуют божественные указания, а разумные соображения об охране их интересов дошли (до нас) в велениях (пророка), — он шел дорогою справедливостей, чтобы очами милосердия смотрел на слабых, которым, кроме снисходительного отношения к ним господина, не бывает (другого) какого-либо подарка; чтобы он всех защищал и охранял от проявлений обид и от (всех) случаев (каких-либо) несчастий, чтобы многочисленным нуждающимся он сделался благодеющим и свывшимся с ними, чтобы он сделал справедливость и правосудие лозунгом (своего) времени, авангардом (всех своих) действий, украшением (всего) существующего в настоящем и капиталом после смерти, чтобы, согласно (словам Аллаха): «то, что полезно людям, — оно остается на земле»³⁾, считал причиной прочного счастья и порядком государства, чтобы он непреложно знал, что всеоживляющее лицо предмета желання показывает (свою) прелесть не иначе, как в красоте склонения к себе (через оказание) всем справедливости, — локон красавицы (поставленной пред собой) цели попадет в руку не иначе, как по милости слова правосудие (инсаф); процветание государства связано с увлекательной красотой правосудия; равно все дозволенное и запрещенное соединено с благодеяниями справедливости (адл). «Поистине Аллах повелевает (сказывать) справедливость и милости»⁴⁾).

«Мы повелеваем, — продолжает хорезм-шах, — чтобы обособленное положение тех крестьян (ра'айа), — как (наш) действительный приказ в отношении их, — он считал (существующим) в стране охранения (их интересов) и в укрепленной местности своего (к ним) милосердия, чтобы он направил (свою) энергию на (улучшение) их благосостояния и на осуществление их надежд, чтобы он сделал предметом специального увеличения (своего) сердечного беспокойства и внимания (своего) разума их интересы, кои стали растоптанными несчастными случаями, уничтоженными (разными) случайностями и остались во тьме несправедливостей; чтобы он считал необходимым защитить себя от вечных мук (памятуя слова Пророка): «самый злополучный из правителей тот, у которого мучаются его подданные», и чтобы он в этом отношении дал наказ (своим) заместителям (навваб), чтобы они от права покровительства (народу) не переходили к самоуправству, чтобы вы-

¹⁾ Сура IX, стр. 13.

²⁾ В тексте ба ра'айа, дословно «с поданными», но поскольку в подобных грамотах Текеша разумеется, главным образом, население сел, а в современном персидском языке этот термин означает крестьянина-арендатора, на правах издольщика платящего аренду землевладельцу натурой (обычная система землепользования в Иране), то я позволил себе перевести эти слова, как — крестьяне.

³⁾ Сура XIII, стр. 18.

⁴⁾ Сура XVI, стр. 92.

годы дивана не доводили мусульман до черты бегства (с своих мест); чтобы они проявляли (все) усилия и старания к снисканию (себе) хорошей репутации, так как (лишь) таким правильным расчетом можно составить себе доброе имя; чтобы они (крестьяне) обращались к нему (владельцу икта'), вспомоществуемые приветами и восхвалениями, ибо не может быть пользы народу от этой жизни перед переходом (в тот мир) и человеческого дохода в этом преходящем мире, кроме хорошей славы и прекрасных известий (о добром правителе), так как широкая молва об этой (доброй репутации), пересекая поверхность земли, опережает дуновение ветра, и прекрасный образ сего останется украшающим страницы дней до исчезновения (этого) мира.

С т и х (персидский)

Старайся приобрести доброе имя, но не деньги,
Ибо доброе имя лучше сотни тысяч преходящих сокровищ.

С т и х (арабский)

Разве ты не видел, что после людей навсегда
Остаются рассказы про них, а сам человек не вечен?

Пусть он (икта'дар) накажет, чтобы назначенные им сборщики податей и мутесаррифы были украшены справедливостью и доверием, чтобы были вне порочности и беспечности и чтобы непременно и действительно защищали (интересы населения), с тем чтобы кроме определенного законом и ясного хараджа не санкционировали возложение на крестьян (каких-либо других налогов и податей), чтобы не налагали (на них) не обусловленного обычаем и (того, что квалифицируется) как определенно неодобряемое новшество, которыми не будут довольны ни господь, ни народ, и появление коих непозволительно в учении о справедливости; чтобы они уничтожали следы того, что хорошие люди не охотно избирают, чтобы они осуществляли права дивана (жишь) в свое время способами, (указанными) древними обычаями, и так бы действовали (в этом случае), чтобы подать полностью получалась вместе с сокровищем доброго имени, и благословления добрых пожеланий (крестьянства) достигли бы наших счастливых дней и эпохи сего (нашего) сына.

Пусть он накажет (поместным) начальникам-блюстителям порядка (шехнэган) и уполномоченным, чтобы они были рачительны в возвышении знамен веры и благоразумны в утверждении распоряжений по имению (мулк), чтобы проявляли усердие в поощрении и поддержании добродетельных людей (ахл-и салах) и в наказании и устрашении негодяев (ахл-и фэсад) так, чтобы поступающие хорошо были покойны под сенью изобилия и тишины, (под) покровительством справедливости и сострадания (к ним), а преступные были бы стерты на территории устрашения ударами пинка несчастья, потому что если под защиту законов о наказаниях войдет снисходительность и вместо исполнения их предписаний останется хотя бы малейшая часть неисполненной, то в мозгу каждого получится впечатление о ничтожной пользе (от таких законов), интересы же государства пострадают, а в отношении (самой) смуты (все) распоряжения окажутся (только) воображаемыми; опоры царства придут в сотрясение, вреда от сего (получится) множество и поправить его будет трудно. Пусть он проявит решимость, чтобы по желанию прес-

тупника не было бы покушающегося опорочить (то или иное) семейство; чтобы от прибегающего к защите, будь то богатый или бедный (его слуги), не отвращались и чтобы в охранении женской чести, имущества (подданных) и (их) крови они достигли бы просторов предусмотрительности и усердия и так, как (гласит) божественное повеление: «не убивайте души, которую запретил (убивать) Аллах, за исключением достойной этого»¹⁾, не усердствовали бы в пресечении естества жизни мусульман, в разрушении здания, воздвигнутого мудростью (предвечной) Истины (по отношению к) освобожденному от наказания по правилам шариа, по ясному доказательству в учении о наказаниях, (что это либо не подлежит казни), и после испрошения пощады и капитуляции его. «Кто убьет правовежного умышленно, тому наказанием будет ад (в котором он пребудет) вечно»²⁾ (говорит Аллах в Коране), потому что в действительности известно и подтверждено, что душа есть некая драгоценная жемчужина в море природы, в поисках которой ничья дерзновенная рука не может ее коснуться, кроме водолаза, лучшего из творцов³⁾. И человеческая личность священна в мире бытия, потому что кроме как с помощью (божественных слов): «будь и она стала»⁴⁾, — она не выходит из-за покровы небытия в хранилище бытия, чтобы потом по (предвечному) слову: «затем мы производим из этого другое творение»⁵⁾, появиться ей на четырех базарах человеческой природы, повернувшись лицом к четырем стихиям⁶⁾. Посему пусть он (икта'дар), сообразясь с разумом, признает осторожность в охранении такой драгоценной жемчужины и старание сберечь такое ценнейшее ожерелье (одною) из необходимейших (своих обязанностей).

Пусть он распорядится, чтобы (его подчиненные) никакою мелочью не пренебрегали в охранении путей в том икта' и в устранении того, кто их прерывает, чтобы они приводили в исполнение условия божественного повеления в отношении возмездия (за это) тем, которые будут достойны (сего); «тем, которые воюют против Аллаха и его посланника и стараются распространить на земле нечестие, им воздаянием будет (только) то, что они или будут убиты, или распяты на кресте»⁷⁾; чтобы они записывали в реестр доброе имя того (нашего) сына (сопровожаемое) почетом и уважением (всех) путников; чтобы они в охране жизни и имущества последних удовлетворяли (требованиям) наилучше-

¹⁾ Сура VI, стр. 152 и сура XVII, стр. 35.

²⁾ Сура IV, стр. 95. В тексте грамоты султана Текеша этот стих приведен с несколько иным началом, чем в ныне употребляемом Коране, именно: **قَمْن قَتْل**

вм. **ومن يقتل**

³⁾ Т. е. Аллаха.

⁴⁾ Выражение, неоднократно встречающееся в Коране; см. в сурах: II, стр. 111, III, стр. 42, 52; VI, стр. 72; XVI, стр. 42; XIX, стр. 36; XXXVI, стр. 82 и X, стр. 70.

⁵⁾ Сура XXIII, стр. 14.

⁶⁾ Чтобы понять это место грамоты, следует иметь в виду, что «по воле Аллаха» человек возникает из семени, из которого сначала образуется сгусток крови, а потом путем дальнейшего формирования образуется человеческий зародыш; находясь в утробе матери, он подчиняется воздействию на него четырех стихий: земли, воды, воздуха и огня, ибо под их влиянием в нем смешиваются в различных количествах четыре жидкости: кровь, мокрота, черная желчь и желтая желчь; из преобладания той или иной образуется соответствующий характер человека по его рождению, когда он уже непосредственно испытывает на себе влияние всех четырех стихий. Эти и есть «четыре базара» настоящей грамоты.

⁷⁾ Сура V, стр. 37.

го оберегания; чтобы они не считали допустимым распространение разбоев и потерю имущества мусульман, потому что следующие по дорогам путники суть даровые вестники, бескорыстно разносящие похвалы (за безопасность дорог) и их благодарность и восхваление во всех странах и частях света станут превосходным проводником хорошей репутации (правителя) и прекрасной (о нем) памяти, (поэтому) ни один благоразумный и здравомыслящий человек не пожалеет оказать небольшое покровительство (таким) даровым вестникам и, в благосклонной заботливости об этих бесплатных и незаинтересованных восхвалителях, не будет их притеснять».

Дальше хорезм-шах выражает уверенность, что владетель икта, при его проницательном уме, все здесь высказанное примет во внимание, поступит по сему и что ни малейший ущерб в нарушение законов справедливости не коснется никакой твари.

«У имамов, судей, ученых, людей с достатком (куфат), эмиров, начальников войск, великих людей, уважаемых и прочих сословий (тэ-вайиф), (а равно) всех крестьян селений Нисы (каффэ-йи райа-йи дйхха-й Ниса), кои были и суть в икта' богохранимого дивана (вышеназванного) благородного лица, кои имеют (свою) долю в изобильной справедливости (к ним) и полном сострадании к плодоносящим (садам) их жизни, неуклонное поведение таково: да признают они своего мутесаррифа из сего дивана, — да хранит его Аллах! — за то особенное счастье, которое получено ими; да умножат они молитвы за (нашу) победоносную державу и похвалы (ей), в службе и повиновении тому дивану да выполняют (все) то, что обусловлено обычаем и крайнюю степенью старания; да вносят они сборщикам податей того дивана ежегодно подать и налоги полностью и целиком, без представления (каких-либо) мешающих (сему) извинений и отговорок происшествий, predeterminedенным судьбою; да признают они приказ благородного господина, состоящего (у нас) на положении сына, — да пребудет он с избытком благородным! — наравне с нашим приказом и его слово наравне с нашими распоряжениями; да идут на встречу смысла (сего) приказа с повиновением и по силе возможности несут (свою) службу и исполняют нравственные и религиозные обязанности!

Необходимо всем идти этим путем, иметь со всех сторон закрытым путь (к постороннему) вмешательству, разорвать (нити) привязанности к благам мира; благоволения и одобрения нашего величества, коих требуют все счастливые, да вводят они в свой обиход, чтобы обрести совершенную долю и полное счастье от счастья обоих миров и от вечного спасения, если то угодно будет единому и великому Аллаху»¹⁾!

Этим заканчивается жалованная грамота — наказ хорезм-шаха Алауддин-Текеша владельцу, несомненно, обширных земельных пожалований в одной из цветущих областей Хорасана, Нисы. По существу впрочем, в этой грамоте содержится лишь подтверждение того, что прежде пожалованные селения Нисы ныне закрепляются за таким-то на правах «икта», т. е. временного земельного пожалования. Так как, несомненно, в первоначальной грамоте о пожаловании нисийских поселений они все перечислялись и, быть может, указывались границы их земельных наделов, как это бывало принято в таких актах, то в приве-

¹⁾ Ат-Тавассул ила-т-Тарассул, стр. 30—38.

денной грамоте все это отсутствует во избежание повторения. Если мы теперь не можем определить, где лежали эти селения, какова была общая площадь их и какой был состав населения, то не подлежит никакому сомнению, что территория настоящего икта была весьма обширна и на ней жили все почти классы тогдашнего общества. В грамоте упоминаются прежде всего имамы, т. е., очевидно, не рядовые предстоятели на молитве мусульман, а те богословы, которые являлись бесспорными авторитетами и руководителями в религиозных и юридических вопросах. За ними следуют судьи (кудат), поскольку в грамоте они упоминаются во множественном числе, то, следовательно, данное икта' состояло из нескольких судебных участков, во главе каждого стоял отдельный судья (кады); это же указывает на значительность территории икта'. Обращает на себя внимание упоминание живущих на этой территории князей (умэра) и начальников войск (сепаксатаран), что с присоединением к ним ученых, зажиточных людей, великих, уважаемых «и прочих сословий» (вэсаер-итэвьянф) говорит за то, что эта икта' представляла собою как бы кусок государства хорезм-шаха; выделенный во временное пользование определенному лицу со всеми живыми людьми и с теми государственными в нем порядками и законами, которые регулировали жизнь этих живых людей.

Настоящая грамота упоминает отныне подчиненных икта' дару шихнэ (употреблено во множественном числе), вероятно, не в значении полицейстера, градоначальника или префекта, как это дают словари, а в смысле правителя, начальника отдельного округа, применяя сюда значение термина шихнэ в государстве сельджуков, как это можно видеть не только из грамоты VI в. (XII в. н. э.), одного из «великих сельджуков» о назначении некоего Ямин-уд-Дина на должность «шихнэ»¹⁾ или из слов Низам-ул-Мулька, первого министра «великих сельджуков», Алп-Арслана (1063—1072) и Мелик-шаха (1072—1092) о правах шихнэ²⁾, но и из свидетельства монгольского историка Джувейни, рассказывающего о том, как отряд Чингизовых войск гнался за хорезм-шахом Мухаммедом, сыном хорезм-шаха Текеша: «когда султан Мухаммед прошел через Хорасан, то Яма и Субутай последовали за ним в погоню со всею быстротою, как огонь, и в действительности они были ураганом. Большинство районов Хорасана оказалось на (пути) прохождения их войска, и мало осталось мест, где бы не прошел их полк. И где бы они не шли, то (во все) попадавшееся им на пути области (вেলাят) они посылали послов, объявляли (через них) о прибытии войска Чингиз-хана, об его предприимчивости на войне и об упорстве, грозили (беспощадно расправою) за отказ от принятия повиновения, они то уменьшали, то увеличивали (свои строгости). Всюду, где принимали их мирные предложения, они давали шихнэ грамоту с алою тамгою»³⁾.

Таким образом, из этого свидетельства с несомненностью следует, что под шихнэ разумелись правители или начальники округов, которым полководцы Чингиз-хана, в случае добровольно выраженной ими покорности, выдавали как бы охранную грамоту от имени Чингиза с прило-

¹⁾ См. Розен В. Образчик персидского канцелярского слога 6-го в. гиджры. ЗВО. т. VIII, СПб., 1894, стр. 153—157.

²⁾ Siasset Nameli. Text persan. Paris, 1894, pp. 43—54.

³⁾ The Tarikh-i Jahan-Gusha of Ala-ud-Din Ata Malik-i Juwayni. Part I. Leiden—London, 1912, p. 117.

женем большой четырехугольной красной печати вместо его подписи. С лицами малыми, занимавшими подчиненное положение второстепенного или третьестепенного значения, монгольские полководцы не стали бы вступать в переговоры; шихнэ, по всей видимости, находился в непосредственном подчинении хорезм-шаху. Кроме того, следует отметить и то обстоятельство, что во всех тех случаях, где говорится о шихнэ того или иного города той эпохи, разумеется не градоначальник, а вместе и градоначальник и правитель всего округа или провинции. В этом смысле термин шихнэ понимал в середине прошлого столетия и В. Бернауер в своем следующем переводе одного места Рашид-ад-диновой истории Газан-хана:

«Все лица, имеющие эти контрольные меры веса, будут зарегистрированы в (особых) списках (дэфатер), чтобы никто не мог допустить обмана или ошибки, и весы будут внимательно проверяться каждый месяц. Всякий, имеющий неправильный вес, то-есть или слишком большой, или слишком малый, или имеющий втайне поддельное клеймо,— будет доставлен к губернатору (шихнэ), который подвергнет его наказанию установленным порядком»¹⁾.

Грамота упоминает мутесаррифов, служащих управления или дивана настоящего икта, с функциями, так сказать, участковых поземельно-податных начальников или инспекторов, персон. видимо, немаловажного значения, на что указывают слова султана Текеша «к имамам, судьям, ученым, к зажиточным людям, к эмирам, начальникам войск, к великим и уважаемым людям и к прочим сословиям, а равно ко всем крестьянам селений Нисы», — чтобы они «признавали своего мутесаррифа из сего дивана»; т. е. по всей видимости, мутесаррифов в диване или в данном поместном управлении иктадарства было несколько и они распределялись по округу или участкам, так что разнородное в социальном отношении население каждого участка должно было знать и признавать своего мутесаррифа. Во всяком случае, служебные обязанности мутесаррифа и'амиля — непосредственного сборщика податей, тесно соприкасались, подтверждением чего может служить запись того же хорезм-шаха Текеша, сделанная на обороте — вакф-намэ Шихабуддина в порядке разрешения ему пожертвовать в вакф земельную недвижимость. В этой записи султан Текеш наказывает вакфодателю: «Образ действий каждого амиля и мутесаррифа, кои будут в той местности, где есть настоящее вакфное имение, таков: они всячески должны заботиться и чрезмерно пешихся о нем; всякое течение оросительной воды, которая определена тому месту, и воду, назначенную его движимым имуществом да доставляют они полностью без упущения и без отлагательства; те земли, процветание и польза коих имеют отношение к великим богоугодным делам, да орошают они во-время; кроме правительственного хараджа (хэрадж-и дивани), который определен в законах и показан в дефтерных записях, (пусть ни с чем иным) не обращаются к мутеваллию того (вакфа); да признают они свою обязанностью охранение сего объекта (благотворительности) от поставок провианта и чрезвычайных налогов (ма'уунат вэ эварез); да имеют они спокойными и беззаботными больших людей и (рядовых) рабочих сего (вакфа), да охраняют (их) от бесплатных нарядов на разные работы,

¹⁾ W. Behrnauer. Memoire sur les institution de police chez les Arabes, les Persans et les Turks. Paris, 1841, p. 14.

все для того, чтобы с каждым днем все более увеличивалось процветание тех мест благотворения и чтобы были более многочисленны поводы (считать) благодетельной эпоху нашей державы»¹⁾.

Следует заметить, что поскольку в этой записи на мутесаррифа и амиля и возлагаются обязанности следить за правильной и своевременной подачею оросительной воды, то можно думать, что в круг служебной компетенции мутесаррифа входили обязанности (или, по крайней мере, часть их) позднейших арык-аксакалов. Для уточнения существа власти мутесаррифа в государстве хорезм-шахов не бесполезно обратиться к монгольскому историку Рашид-ад-Дину (ум. в 1318 г.) Подробно излагая правление персидского ильхана Газан-хана (1295—1304), он часто упоминает должность мутесаррифа в государстве персидских монголов, в том числе и в актах Газан-хана, написанных и преподанных им к исполнению по случаю проведения им ряда реформ финансово-податного характера. Там мы находим достаточно четкое определение функций мутесаррифа, каковая должность в государстве персидских монголов осталась существовать, несомненно, от предшествующей эпохи хорезм-шахов. Поэтому с большою долею вероятия можно допустить, что определение функций мутесаррифа, приводимое в истории и документах Газан-хана, тождественно с функциями мутесаррифа эпохи хорезм-шаха Текеша, несмотря на разницу в 100 лет, отделявших эти два царствования. По Рашид-ад-дину «мутесаррифы областей, вследствие нераспорядительности прежних везиров (т. е. министров) и хакимов (т. е. губернаторов) алчно расхищали (государственные средства)²⁾, мутесаррифы областей выписывали чеки на получение с крестьян и ремесленников (райат) денег и довольства натурой³⁾, люди, бравшие на откуп причитающиеся казне налоги, имели только одну корыстную цель—стать мутесаррифами и делать, что хотят⁴⁾, когда налог «тагар» (шедший монгольскому войску) переводился на области и мутесаррифы при выдаче зазнавались, монголы набрасывались на них и под предлогом истребования тагара чинили в областях насилия»⁵⁾.

Сопоставляя все эти данные о служебной компетенции мутесаррифов, мы с большою долею вероятия можем сказать, что мутесаррифы были финансово-податные чиновники как в центральном правительственном аппарате, так и в областных и окружных диванах; они ведали учетом и поступлением налоговых сборов, приемом их на местах (в областях и округах) от амилей или сборщиков податей и отправлением в казну; от них же зависела выдача письменного наряда или чека (бэрат) тому или иному лицу или воинской части на получение с определенного места денежного, пищевого или фуражного довольствия; к их функциям относилось также наблюдение за регулярным орошением пахотных земель подведомственного им района. Все это вместе взятое, весьма вероятно, ставило поместных мутесаррифов в подчиненное положение валию и шихнэ, как губернаторам и окружным начальникам, поскольку

¹⁾ Ат-Тавассули и Ат-Тарассул, стр. 117.

²⁾ Рашид-ад-Дин. Сборн. летописей, т. III. Перев. с персидск. А. К. Арендса, М.—Л., 1946; стр. 214.

³⁾ Указ. труд; стр. 253.

⁴⁾ Указ. труд; стр. 257 (из фирмана Газан-хана).

⁵⁾ Указ. труд; стр. 281.

мы из грамоты султана Текеша видим, что владетель лена (икта)¹ сам назначает амилей (сборщиков податей) и мутесаррифов.

Если три вышеназванных правительственных должности шихнэ, мутесарриф и амиль в империи хорезм-шахов, в домонгольскую эпоху, были главнейшими определявшими бытие и материальное состояние каждого гражданина этой империи, то, спрашивается, кто же был тот владетель икта, которому верховная власть вместе с доходами от пахотных земель селений Нисы, а равно с купцов, ремесленников и других обывателей, передавала в распоряжение и всю военную и гражданскую часть той, несомненно, огромной населенной площади, где был и губернатор, и военные власти, чины финансово-податного ведомства, судьи и прочие, — которые теперь подчинялись дивану или управлению этого лица, а служащим его дивана верховная власть страны предоставляла неограниченное право управления всей этой территорией, переданной в икта?

Явление, казалось бы, не совсем обычного порядка. Грамота хорезм-шаха Текеша называет икта'дара этих обширных населенных земель «великий владетель» (малик-и кабир) Адуд-уд-Довла Туган-шах Абу-Бекр-бен Абу-л-Муайид. Первые два слова «великий владетель», несомненно, указывают на высокое служебное положение адресата грамоты, что подтверждается высказываниями в самом тексте грамоты, что это лицо обладает и высоким положением, и превосходною (надо полагать, военную) силою, и обширную территорией, большими, чем все то, что имеют окрестные государи и владетельные особы. Из последующих собственных имен этого «великого владетеля» обращает на себя внимание двойственность их происхождения: среди чисто мусульманских арабских имен есть тюркское с персидским титулом — Туган-шах. Такое лицо было в истории хорезм-шаха Текеша и играло известную роль в его борьбе со своим братом Султан-шахом. В то время в той части Хорасана, где лежали города Серахс, Мерв, Ниса, Нишапур и другие, господствовали турки-гузы. Один из их главных эмиров, Ай-Аба с арабским титулом «Муайид-уд-Довла», — помогающий государству, отец Туган-шаха, владел областью Нишапура и Нисы, вероятно, считаясь вассалом хорезм-шахов. Он в истории той эпохи так и называется «мелик Муайид».

19 реджеба 560 г. хиджры (1 июня 1165 г. н. э.) или, по другой версии, — 19 реджеба 565 г. х. (8 апреля 1170 г.) в столице Хорезма, в гор. Гургандже, умер отец султана Текеша, Иль-Арслан. На престол вступил числившийся наследником престола его младший сын Султан-шах, фактическим же правителем государства (мудаббир) была его мать, Мэликэ Туркан. Старший сын Иль-Арслана (от другой жены), Текеш, в это время был наместником Дженда; за ним послали посла, но он отказался приехать в Гургандж. Чтобы привести его к покорности, собрали против него войско. Узнавши об этом, Текеш покинул Дженд и бежал к дочери верховного хана кара-хитаев, носившей тогда ханский титул. Государством же управлял от ее имени ее муж, Фурма (Курма). Явившись к супругам, султан Текеш стал просить их помочь ему овладеть престолом Хорезма, обещая за это сокровища и богатства Хорезма. Вместе с тем он обещал по овладении Хорезмом ежегодно доставлять гур-хану дань. И царица кара-хитаев послала вместе с Текешем своего мужа с войском в Хорезм. Когда там узнали о приближении кара-хи-

таев, то Султан-шах с матерью, прежде чем дело дошло до битвы, бежали на юг, к мелику Муайиду.

22 раби'-ул-Ахира 568 г. х. (11 декабря 1172 г.) султан Текеш вступил в столицу Хорезма и занял престол. Фурма с надлежащими почестями и почетом вернулся обратно. Мать Султан-шаха, узнав об этом, послала драгоценные подарки мелику Муайиду с обещанием уступить ему часть территории Хорезма, если он поможет вернуть верховную власть в стране ее сыну, причем она ссылалась на общие симпатии к ней и ее сыну населения и войск Хорезма, Муайид был ослеплен словами царицы. Мобилизовав свои войска, Муайид с Султан-шахом и его матерью начал поход на Хорезм. Когда приблизились к городу Супюрли, в 20 фарсангах от столицы Хорезма, ныне не существующему, ибо он уже в XIII в. был снесен водами Аму-Дарьи, — то оказалось, что войско Муайида не может все сразу выйти из пустыни, поэтому двинули его отдельными отрядами, следовавшими друг за другом, не зная, что хорезм-шах Текеш стоит в Супюрли. Мелик Муайид находился во главе передового отряда; когда достигли Супюрли, то Текеш атаковал этот отряд и истребил его большую часть. Мелик Муайид был взят в плен и приведен к хорезм-шаху, тот приказал его разрубить пополам перед дверью своего помещения. Это произошло в 9 день месяца зи-л-хиджжа 569 г. хиджры (11 июля 1174 г.). Султан-шах с матерью бежали в Дахистан. Текеш, преследуя их, направился туда же. Овладев Дахистаном, он убил мать Султан-шаха и вернулся обратно. Султан-шах спасся бегством в Шадиях, предместье Нишапура поблизости пребывания Туган-шаха, сына упомянутого мелика Муайида, который был заместителем своего отца, Султан-шах пробыл несколько времени в Нишапуре; так как Туган-шах не был в состоянии оказать ему помощь ни войском, ни средствами, то Султан-шах отправился отсюда к султанам Гура, т. е. к владетелям той горной области, из которой вытекает река Герируд и реки, текущие на юго-запад, в Сеистан¹⁾. По образному выражению историка этой эпохи, в Гуре Султан-шах «ухватился за подол их помощи»; гурские султаны встретили прибывшего со всеми теми почестями, которые подобают гостям такого клана, к которому принадлежал Султан-шах. Тем временем хорезм-шах Текеш наводил порядок в Хорезме и скоро государственные дела «приняли у него правильное направление». В то же время послы кара-хитаев настойчиво напоминали султану Текешу о выполнении данных им обещаний и все повышали свои требования; в связи с этим все население было враждебно настроено к кара-хитаем, пока дело не дошло до убийства одного из знатных кара-хитаев, прибывшего с посольством в Хорезм и державшего себя весьма высокомерно. Вследствие этого между хорезм-шахом и кара-хитаем возникли большие пререкания.

Когда Султан-шах узнал об открытой вражде брата с царицей кара-хитаев, он обрадовался, счел этот момент благоприятным для своего личного благополучия и решил обратиться за помощью к кара-хитаем. Гурский султан Гиясуддин по его просьбе дал ему всякого рода военное снаряжение, оружие и средства для поддержания своего блеска, и Султан-шах направился к кара-хитаем. Говорят, что проводивши своего гостя, Гиясуддин обернулся к своим эмирам и сказал: «приходит мне

¹⁾ В. В. Бартольд. Историко-географический обзор Ирана. СПб., 1903, стр. 36.

в голову, что от этого человека много произойдет в Хорасане всяких волнений и нам тоже придется перенести через него большие неприятности и затруднения». Слова эти были своего рода пророческими.

Когда Султан-шах прибыл к кара-хитаям и убедительно доказал им, как расположено к нему население и войска Хорезма, кара-хитан отпустили в помощь ему большое войско под командованием мужа царицы, вышеупомянутого Фурма. Когда кара-хитан дошли до пределов Хорезма, султан Текеш распорядился затопить водами Аму-Дарьи всю местность, лежавшую на их пути; сам же в своей столице стал деятельно готовиться к отпору врагам. Когда Фурма остановился перед воротами столицы и ближе ознакомился с положением дел, то убедился, что население Хорезма кроме вражды и ненависти никаких других чувств к Султан-шаху не питает, поэтому он счел за благоразумное вернуться назад. Султан-шах, увидев, что его предприятие не осуществилось, обратился к Фурма с просьбою дать ему отряд войска, который проводил бы его в Серахс. Кара-хитайский полководец согласился на это. Султан-шах с отрядом кара-хитаев напал на серахского мелика Динара, бывшего одним из гузских эмиров, и многих из его войска перебил. Мелик Динар, спасаясь, бросился в крепостной ров, наполненный водою, откуда его из крепости еле извлекли. Уцелевшие от истребления гузы спаслись в крепости. Султан-шах направился в Мерв, где и поселился. Кара-хитайский отряд вернулся обратно.

Из Мерва Султан-шах продолжал тревожить Серахс непрерывными нападениями, пока гузы не рассеялись. Когда укрывшийся в крепости мелик Динар ослабел и большинство из окружающих его лиц от него отвернулось, он отправил посла к Туган-шаху с просьбою обменять ему Серахс на Бестам. Туган-шах согласился на это и послал в Серахс эмира Омара Фирузкухия с тем, чтобы мелик Динар сдал ему крепость. Мелик Динар исполнил это и отправился после этого в Бестам. Тем временем султан Текеш, выступив в поход на Иран, достиг Джаджерма; мелик Динар, оставив свое владение, присоединился к Туган-шаху. Последний вызвал из Серахса Омара Фирузкухия, отправив туда на смену ему бывшего раба его отца, эмира Кара-Куша; Султан-шах с отрядом менее, чем в 3000 человек, выступил в Серахс, пренебрегая нарушением мирного договора и доброго согласия с Туган-шахом. Последний, услышав об этом, выступил против него на Серахс, во главе хорошо вооруженного 10-тысячного отряда. 6 зи-л-хиджжа 576 г. хиджры (24 апреля 1182 г.) между обеими сторонами произошло сражение, в котором Туган-шах потерпел поражение и победителю досталась большая добыча из брошенного лагеря Туган-шаха; в числе ее, между прочим, Султан-шаху досталось 300 комплектов игры в нард.

Эта победа доставила Султан-шаху обладание не только Серахсом, но и Тусом и их округами. Будучи человеком волевым и воинственным, не в пример Туган-шаху, но увлекаясь музыкою и другими удовольствиями, он теперь стал все время делать набеги на владения Туган-шаха. В результате этого войска последнего пришли в «расстроенное состояние», эмиры и вельможи Туган-шаха перешли на сторону Султан-шаха, так что, по образному выражению историка, «у его владения померк блеск». Туган-шах неоднократно обращался с просьбами о помощи к султану Текешу и к султану Гура, посылая к ним послов, а однажды самолично прибыл в Герат, где просил дать ему войско для отражения

Султан-шаха, но все было бесполезно: никто из упомянутых лиц не отозвался на его призывы. В безнадежном положении почью 12-го мухаррема 581 г. хиджры (15 апреля 1185 г.) Туган-шах умер. На его место посадили его сына Санджар-шаха, атабек которого, Менглибек, скоро забрал всю власть в свои руки и стал фактическим правителем большей части владений Туган-шаха.

В последующей борьбе братьев, хорезм-шаха Текеша и Султан-шаха, Менгли-бек выступил на стороне последнего.

Такова история «великого владетеля», Абу-Бекра Туган-шаха, рассказанная историком монголов и хорезм-шахов Джувейни¹⁾, принадлежащим к следующему XIII в.

Сопоставляя эти исторические данные с содержанием грамоты хорезм-шаха Текеша, мы можем прийти к следующим выводам, небезинтересным для государственного устройства империи хорезм-шахов XII в. Как выше упомянуто, южная часть этой империи, ныне занятая южной частью Туркменской ССР, и северные районы современного Хорасана были в подчинении тюрков-гузов. Не прошло и тридцати лет с тех пор, как восстание гузов, обитавших до того по берегам среднего течения Аму-Дарьи, подвергло страшному разорению весь Хорасан, население которого пережило неслыханные ужасы убийств, диких насилий и грабежей. Не создав своей верховной государственной власти в царстве так называемых «великих сельджуков», гузы тем не менее оказались господами положения в Хорасане, где их родовыми главарями были захвачены богатые населенные местности; отсюда пошли эти гузские «мелики», права и звание которых узаконили сменившие сельджуков хорезм-шахи. Как мы видели из приведенного рассказа Джувейни о борьбе хорезм-шаха Текеша с своим братом Султан-шахом, персидский историк одинаково называет меликами как второстепенных поместных правителей, вроде Серахского мелика Динара, так и их сюзеренов, мелика Муайида и мелика Туган-шаха. Между тем, из вышеприведенной грамоты султана Текеша совершенно точно усматривается, что Туган-шах был «великий мелик»; несомненно, это звание прилагалось и к его отцу, Абу-л-Муайиду, который был главным начальником гузов и владел Нишапуром, Тусом и другими городами Хорасана²⁾. Поместные правители, зависевшие от «великого мелика» и носившие арабское название «эмиров», т. е. князей, были только «меликами» по отношению к своему сюзерену. Хорезм-шахи же, надо полагать, смотрели на себя, как на верховных сюзеренов, этих «великих меликов», хотя их отношения к ним ни в коей мере нельзя было назвать дружественными или, по крайней мере, лояльными. Ни в исторических трудах, ни в настоящей грамоте хорезм-шаха Текеша не имеется никаких указаний, чтобы «великий владетель» Абу-Бекр «Туган-шах владел в это время Нисою в качестве вассала Текеша», как говорил акад. Бартольд³⁾. В 1165 г. во время борьбы отца Текеша, хорезм-шаха Иль-Арслана, Ниса, находившаяся во власти Муайида, была захвачена хорезм-шахом и подчинена ему. Муайид и его сын Туган-шах всегда жили в главном городе своих владений, в Нишапуре. Можно думать, что за

¹⁾ См. The Tarikh-i Jahan-Gusha, II. Leiden—London, 1916, pp. 17—23 (перс. текста).

²⁾ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II СПб., 1900, стр. 359.

³⁾ В. В. Бартольд, указ. труд, стр. 364.

утрату Нисы и в целях умиротворения сильных гузских феодалов, хорезм-шах Текеш, или первоначально его отец, дал на правах икта ряд населенных земель в области Нисы «великому мелику» гузов. Если бы последний, будучи вассалом хорезм-шахов, владел также и Нисой, то по сути дела он ни в каких икта не нуждался, ибо такие сильные вассалы, как Муайид или Туган-шах, не посылали своим сюзеренам всех доходов с своих владений, а платили им только дань; они не были губернаторами вверенных им провинций, а самостоятельными начальниками больших территорий, доходы с которых шли в их диваны.

Вышеназванное пожалование в икта «великому мелику» деревень Нисы, как мы видели, было сделано не за счет личных земельных фондов государя, как поступали при «тамлике» т. е. при дарении земли в собственность, а, несомненно, из хераджных земель, находившихся в исконном владении земледельческого населения. И это обстоятельство вместе, так сказать, с «искательным» тоном грамоты, которой хорезм-шах, всячески возвеличивая «великого мелика», отмечает его заслуги перед престолом и подчеркивает полное к нему свое расположение, — опровергает вышеприведенные исторические данные, что Туган-шах, воюя с братом Текеша, Султан-шахом, не получал от хорезм-шаха никакой поддержки. По приведенной грамоте можно судить, что в момент ее составления отношения хорезм-шаха Текеша к Туган-шаху были «дружественными».

Возвращаясь к существу содержания этой грамоты, мы должны отметить следующее. Оставляя за иктадаром право пользования всеми податями и налогами с дарованных ему земель, хорезм-шах в своей грамоте дает наставления, как этот «великий властитель» должен относиться к местному населению; особенно он считает нужным обратить внимание Туган-шаха на положение крестьян в его икта, чтобы с них брали лишь то, что полагается, чтобы их не притесняли, не проявляли в отношении их произвола и т. п. Вероятно, недавние ужасы гузского хозяйничанья в Хорасане, особенно тяжело испытывавшиеся сельским таджикским населением (по терминологии хорезм-шахской эпохи), побуждали султана Текеша к таким напоминаниям тюрку-гузу, Туган-шаху.

Разумеется, заместители Туган-шаха в его икта не очень-то строго следовали благим правилам, указанным в грамоте на его имя и крестьянам оставалось лишь то «утешение», что их государь не щадил перлов своего красноречия, чтобы убедить Туган-шаха «в необходимости управлять справедливо, честно и гуманно»¹⁾.

Из грамоты хорезм-шаха мы можем представить себе всю эту картину произвола, насилий и угнетения широких масс, которые допускались иктадарами и которые, по образному выражению этой грамоты, в преследовании выгод дивана «доводили мусульман до черты бегства (со своих мест)». Султан Текеш почему-то очень настойчиво и пространно внушает «великому владетелю», Туган-шаху, чтобы он проявлял твердую решимость в охранении женской чести, имущества и жизни населения, проживающего на землях его икта; можно подумать, что представители, или уполномоченные иктадара («заместители его дивана», по терминологии грамоты) есть заведомые грабители, насильники и убийцы. Он останавливается на том, чтобы «великий владетель» не пренебре-

¹⁾ В. Розен. Образчик персидского канцелярского слога, цит. соч, стр. 157.

гдѣ никакой мелочью в охранѣ дорог в его икта, чтобы они были безопасны во всехъ отношеніяхъ, и приводит в назиданіе кораническій стихъ, гдѣ за подобное полагается убійство или распятіе на крестѣ. Можно предположить, что подчиненные владельца икта¹ если не сами были придорожными разбойниками, то во всякомъ случаѣ, ихъ покровителями и соучастниками.

Мнѣ кажется, что подобное содержаніе грамоты имело глубокий смыслъ и значеніе. Несомненно, на отведенныхъ Туган-шаху пахотныхъ земляхъ селеній Нисы осуществлялъ свои права иктадара не самъ Туган-шахъ, а «навабы его дивана», посланные собирать подати и налоги, управлять населеніемъ в административномъ порядкѣ и командовать имеющимися тамъ войсками. Основные власти в районѣ икта: шихнэ, мутесарифы, амили или сборщики податей и военный командный составъ, — по смыслу грамоты, — все зависятъ отъ иктадара (владельца икта²): онъ имъ приказываетъ и ими распоряжается, следовательно, онъ ихъ и назначаетъ. Изъ этого же можетъ следовать то, что на подобные должности или места Туган-шахъ, несомненно, стремился назначить лицъ или ему близкихъ, или техъ, кому доверялъ.

Если значительная часть территории Нисы была дана Туган-шаху на правахъ лена (икта³) во временное пользованіе, то вся прочая территория Нисы была областью хорезм-шаха Текеша, гдѣ сидѣлъ его наместникъ. Это подтверждается нижеследующей грамотой того же султана Текеша на имя губернатора (вали) Нисы, Имадуддина, которую я позволю себѣ привести здѣсь полностью в русскомъ переводѣ. В ней говорится объ увеличеніи ему земельной аренды (икта⁴ат), довольства натурою (нанійарэ) и жалованіи (мэваджебъ). Имадуддинъ в исторіи хорезм-шаха Текеша не упоминается (у Джувейни)¹). Можетъ быть даже эта грамота не была вручена ему, а только былъ заготовленъ проектъ ея, если судить по тому, что в ней в 2—3 мѣстахъ говорится: «пустить такой-то», не приводя его имени; увеличивается ему жалованіе «на столько-то тысячъ динаровъ» и проч. Но для пониманія смысла выдачи первой грамоты на имя «великаго мелика» главы гузовъ, Туган-шаха, она имѣетъ большое значеніе, да и не только в этомъ отношеніи: она сообщаетъ намъ некоторые любопытные черты также и изъ области административнаго строя имперіи хорезм-шаховъ наканунѣ монгольскаго нашествія. Ихъ мы отметимъ послѣ приведенія настоящей грамоты.

«Каждому, кому споспешествовало вечное счастье в осуществленіи основъ (его) благополучія, — начинаетъ хорезм-шахъ свое обращеніе къ правителю Нисы, — кому благоприятствовала небесная помощь в сооруженіи міродержавія, в работѣ блестящаго меча, в чьей державѣ вечное царство оказало помощь, конюшему чьихъ распоряженій выразилъ поиниженіе могущественный повелитель, распространеніемъ ароматовъ чьей славы заблагоухали (все) страны света, от чьихъ добродетелей порозовѣло лицо дней, чью покорность и повиновеніе милость творца украсила подписью: «повинуйтесь темъ изъ васъ, кто облеченъ властью»²), чьего имени почитаніе и восхваленіе разъяснено поясненіемъ (Предвѣчнаго

¹) Составленную М. Е. Массономъ генеалогическую таблицу Хамзаидовъ, наслѣдственныхъ правителей Нисы второй половины XII — отчасти первой четверти XIII вв. [къ которымъ принадлежалъ Имадуддин] см. Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабадъ, 1949, стр. 115 (Ред.)

²) Сура IV, стр. 62.

слова): «не превознесли ли мы тебя в славе твоей»¹⁾, с чьим мнением и знаменем наравне идут (божественное) могущество и помощь, (направленные) к пользе друзей и к удалению врагов, и с лицемерием чьего достоинства (небо) сделало его спутниками благо и успех в покровительстве добродетельными и в унижении порочных, — тому необходимо при (всех) изменениях обстоятельств и при (всех) увеличениях дел внимать божественному слову, гласящему: «и тогда тот, кто сделал добра весом в одну пылинку, — увидит его, и тот, кто сделал зло весом в одну пылинку, — увидит его»²⁾).

Тот, кто подвязал ихрам службы ему и вступил в харим³⁾ искренней преданности ему, (кто) вцепился в ремни подседельника повиновения ему и ухватился за крепкую веревку его государства, (кто) овладел ликом любви в изыскании его расположения и вышел навстречу счастью служить ему, распространяя благодарность за (такую) милость, кто выполнил условия искреннего расположения и покорности в осуществлении обязательств службы ему, у того с избытком исполнятся притязания на царственное внимание и старание (получить) государеву милость по определению (Аллаха): «кто предстал с добрыми делами»⁴⁾ в отношении приближения к нему (государю), его уважения, вознаграждения и почитания, тому в жизни воочию удастся увидеть плоды (своей) искренности и блеск (своего) особенного счастья.

И еще, всякий отвернувшийся от ярма повиновения его повелению, будет им покинут на произвол судьбы и зачислен в мятежники эпохи, (кто) допускает за былые отношения, основанные на (законных) правах, воздаяние в виде неблагодарности и ослушания, (кому) злополучие (всяческих) соблазнов внушает его сердцу и мыслям порочную службу (бэд бэхти, а может быть и взяточничество), для того (наша) царственная справедливая решимость, к которой прибавляется особенная милость согласно божественному велению «это вам за то, что заготовили ваши руки»⁵⁾, приведет в движение (все) причины к наказанию и расправе в целях его ущемления так, чтобы силу огня ужаса и ветер нерадивости исторгнуть из головы того презренного при посредстве удара блестящего меча по (его) фигуре, ибо никакая другая тварь не следует иначе, как по большой дороге покорности и по пути повиновения.

И когда тот, кто признал эти два основных положения и продолжал руководствоваться этими двумя правилами, (как и) всякий, кто увидел вознаграждение за свой труд, пожал возделанное (им) поле своего делания, в подтверждение сего доставил к подписи (слова Аллаха): «если будете делать добро, то будете делать добро для самих себя; и если будете делать зло, то также для себя»⁶⁾, и отличил друга настоящего от друга лицемерного, — у того всегда одежда миродержавия станет отмеченною украшением счастья, (его) намерения и желания осуществят-

¹⁾ Сура XCIV, стр. 4.

²⁾ Сура XCIX, стр. 7.

³⁾ Чтобы понять это метафорическое выражение, следует знать что ихрамом у паломников-мусульман в Мекку и Медину называется особая одежда, надеваемая ими при вступлении в священную область: она состоит из двух кусков материи, покрывающих верхнюю и нижнюю части туловища. Харимом называется заповедное, как бы священное место.

⁴⁾ Сура VI, стр. 161, сура XXVII, стр. 91 и сура XXVIII, стр. 84.

⁵⁾ Сура III, стр. 178 и сура VIII, стр. 53 (по переводу С а б л у к о в а).

⁶⁾ Сура XV, стр. 7.

ся более лучшим образом, у близкого и дальнего, у покорного и мятежного псявится в повиновении (его) приказанию (полное) согласие в словах, крестьяне же и рабы умножат ежечасное (ему) повиновение.

Сообразно указанию того выражения и применительно к тому положению, которое господь, — да станет всеобъемлющим его благодеяние и да исполнится его слово — начертал (своим) царственным письмом на челе нашей эпохи: «подлинно земля принадлежит Аллаху; он передает ее в наследство тем из рабов своих, кому захочет»¹⁾ (поскольку) он раскрыл перед нами сокровища (своего) милосердия, сыпал голы наши тончайшими частицами (своих) благостей и все (наше) государство довел до такой степени, которую «ничье око не видело, никакое ухо не слышало и какая не мнилась человеческому сердцу»²⁾ (поскольку) он даровал нам силу охранять слуг наших и мощь давать (достойное) возмездие (всем) злоумышленникам, — хвала Аллаху за то, что он пожаловал (все это) — то достойная твердость суждения и (надлежащая) проницательность в том будут (у нас), чтобы мы непременно подвергали наказанию и возмездно всякого, кто выступит за черту (наших) велений; когда же кто-либо вследствие бывших болезней (полученных) на службе у нас, попросил бы помощь сообразно той степени заслуг, кои он имеет, то мы окажем (ему таковую) в изобилии, соответственно с его правами (на нее), чтобы он за долг почитал увеличивать (свою) благодарность (за оказанную ему) милость, а мы (согласно хадиса Пророка) «благодарящий достоин увеличения» (милости), — умножим (ему) разного рода (свои) благоволения).

Что касается вышереченного такого-то, — да продлит Аллах навсегда (все то, чем он располагает и да окажет он ему свою помощь) — то хотя он от эмиров (своего) времени и военачальников (данной) эпохи отличается преизбытком (своего) первенства и на ристалище современных великих людей, подобно одиночным витязям, смело выступает вперед, претендуя на то, чтобы опередить быстрых из нас³⁾ и в ряду мужей дела, как витязь, он восклицает (по-арабски): «разве здесь нет сражающихся?» — то никого нет из вождей мира и из храбрецов полей битв, который бы достал рукою (до какой-либо из) сторон его достижения или бросил (свой) взор на пук волос его знамени.

В течение ста тысяч веков (проносящихся над) небесной сферой иди пешком и (ты не увидишь, чтобы) подобного ему вывел всадник на поле битвы.

При всем этом в служении (нашему) двору и в покорности нашему величеству он проявляет непоколебимую твердость и усердие, всегда у его отцов в государственном совете были прекрасные места, привлекательное положение, высокие степени и большие должности, и до сих пор (их) достойный отпрыск, при посредстве нашего покровительства и попечения, обладает седалищем власти и начальствования; в смене дней и в перемене жизненных обстоятельств он проявляет непоколебимость в отличном служении (нам), обусловленном его отменными навыками; и в испрашивании нашего мнения он соединяет заступничество с доводами (в пользу этого). Естественно, что в (нашем) благословенном сердце окончательно решено обеспечить его несомненные права (на на-

¹⁾ Сура VII, стр. 135.

²⁾ Арабское выражение.

³⁾ В тексте — арабское выражение.

шу признательность к нему) изобилием (наших) милостей и сделать его предметом зависти равных (ему) и счастливым (среди) подобных (ему). В настоящее время мы увеличили его жалование на столько-то тысяч динаров, установили в пользу его (взимание) подаей с мест, кои определены (ему) диваном прошений, представляемых на высочайшее воззрение (эз диван-и 'ард), — да хранит его Аллах! — и приказали (предоставить) владение теми местами на правах его икта', (а равно) и ключи разрешения и связывания, приказания об исполнении и запрещении в тех местах (путем) применения его похвальных качеств и одобрительных поступков.

Мы приказали ему, чтобы он, подобно рабу, стал покорным (всем) условиям, (необходимым в управлении) областью, чтобы он (все свое) внутреннее и внешнее имел украшенным страхом божьим, который является самой крепкою вещью, за которую берутся рукою. «Бойтесь Аллаха и знайте, что поистине Аллах зрит все, что вы делаете»¹⁾ (сказано в Предвечном слове), почему при посредстве счастья служить нам, при изобилии силы и мощи, при множестве своей челяди (хэшэм) и слуг пусть он помнит о непреложности (коранического выражения): «о дне, когда человек побежит от брата своего»²⁾, и ветвь своего счастья да видит он свежую в длительности (своих) похвал за божественные милости, (оказанные ему) и за пребывание (в исполнении) условий и служения нам.

Крестьян и ремесленников того места (рэайан-и ан мовзэ'ра) кои суть рабы творца, богомольцы за нашу державу и созидатели (баз кэ-шидэган) его богатства, да содержит он в спокойной жизни и в легкости (их положения) так как в том — благоволение всевышнего творца, потому что заботливость о бедняках и крестьянах их стороны (т. е. где они проживают), врождена в естестве разума и всякий, в мере (своего) состояния и по степени своей власти, сообразно (слову Пророка): «все ваше — пасуещеся», за них наказывается и отвечает. В сохранение про запас своего счастья, в уплату за божественные милости, за продолжительность и устойчивость (своего) жизненного благополучия да ухватится он крепко за руку милости и справедливости (к народу) и да сделает себя самого мишенью для стрелы несчастья за сердечные огорчения несчастных и за тяжкие вздохи угнетаемых³⁾, (ибо сказано в предании): «бойтесь мольбы угнетенного, так как она «пальма завесы».

Да скажет он своим заместителям (навваб), чтобы они при требовании поземельной подати не налагали на крестьян выходящего (за пределы) договоренности и тяжести, когда они не имеют силы переносить (свои) затруднения, ибо «Аллах обязывает человека только к тому, что для него удобоисполнимо»⁴⁾, (сказано в Предвечном слове); при проверке финансовых расчетов и при расстройстве (их) чтобы не покрывали (недочетов) за счет слабых и взимали бы подати дивана с медлительностью, а не так, чтобы крестьянин свалился с ног, встал бы с места и (тотчас его) схватили бы с места и повели на правёж, потому что

¹⁾ Сура II, стр. 233.

²⁾ Сура V, стр. 84. т. е. о дне страшного суда предшествующий (83-й) стих этой суры: «и вот когда раздастся оглушительный звук трубы (архангела)»...

³⁾ В тексте дословно — «заранне—утренний вздох угнетенных».

⁴⁾ Сура II, стр. 286. Ср. также в суре XV, стр. 7.

поспешность в сборе податей есть причина возбуждения отвращения (к власти), а не плодородное дерево приумножения (богатства).

Необходимо, чтобы (вышеупомянутый) такой-то, — да хранит Аллах его своею помощью и да дарует ему от своих щедрот (некое) приумножение! — считал сии (наши) приказания гордостью своего времени и взирал бы (на нас) очами покорности и зависимости, чтобы он стал соучастником в получении заслуженной (нашей) похвалы и нашего доверия и чтобы увеличилось у него искреннее желание в его угождении (нам) и почете (по отношению к нам). Аллах всевышний да делает его соответствующим к приятию того, что мы сделали необходимым для него, и да воспримет он то, к чему мы ведем его верным путем, потому что он соответствует идущему прямо к цели и (есть) добрый вестник для рабов наших¹⁾.

Путь начальствующих лиц, знатных людей, крестьян, (рядовых) жителей, землевладельцев (эрбаб-и зэраат) и ремесленников (эсхаб-и сэна'ат) той местности (т. е. Нисы) — да сохранит ее Аллах! — таков: да признают они вышеназванного (такого-то) своим правителем (вали), владельцем земли, пожалованной ему в лен (мукти), своей конечной инстанцией (мэал) и лицом, к которому обращаются (марджа'), да не отвращают они лица своего от повиновения и покорности ему, потому что с этим соединены наши милости (ко всем упомянутым классам), да доставят они его управителям (э'мал) полностью и целиком подати и налоги (мал вэ му'амэлэ) за (сей) 73 года²⁾ и за те, что будут после этого, и в уплате сего никаких отговорок и причин не приводят, да не выставляют себя маломощными и бессильными, да дают его заместителям покорно материальное обеспечение, обращаясь к ним, стараясь и спеша, да уважают его сборщиков податей, да пребудут почтительны (к ним) и да находят защиту (против них) в его сострадании и благородных качествах, да встретят они потребность (в настоящем) приказе очами послушания и да опасаются (для себя) бедствия, (вызываемого) уклонением (от него), ибо (эта) опасность не останется скрытой, — дабы стать им заслуживающими приумножения (нашего к ним) сострадания и достойными (нашей) постоянной (к ним) милости³⁾.

Из этой грамоты хорезм-шаха Текеша, написанной на имя наместника или правителя, губернатора Нисы, с несомненностью следует, что Ниса с ее областью принадлежала султану Текешу, очевидно, с того 1165 г., когда его отец Иль-Арслан, отнял ее у отца Туган-шаха, главы тюрков-гузов, как это мы выше упоминали, но за что-то, по какому-то договору или условию за прежним владельцем этой территории на правах временного лена, оставлены были какие-то земли, все доходы с которых шли в его пользу, а после его смерти — его преемнику — сыну.

Можно думать, что жалованье (мэваджиб) наместнику не только Нисы, но и других областей, было, вероятно, не твердо фиксированное, ибо в грамоте сказано об увеличении его ему на столько-то тысяч динаров. Помимо этого, наместнику Нисы предоставляется на правах временной аренды (икта') владение рядом мест во вверенной ему об-

¹⁾ Все это — арабское выражение, неизвестно мне откуда взятое.

²⁾ Т. е., очевидно, за 573-й год хиджры, соответствующий 1177—1178 г. н. эры.

³⁾ Ат-Тавассул ила-т-Тарассул, стр. 95—100.

ласти, где он может полновластно распоряжаться, как это можно судить по словам грамоты: «мы приказали (предоставить) ему владение теми местами на правах его икта' и ключи разрешения и связывания, приказания об исполнении и запрещении в тех местах».

Можно думать, что в эту эпоху губернатор или наместник в дополнение к своему жалованию получал еще на правах ленного владения в своей области населенные земли; подтверждением этого может служить грамота того же хорезм-шаха Текеша на имя эмира — командующего войсками, Таджуддина, на управление округом Барчанлыг-кентом. В ней хорезм-шах дарит этому эмиру находящийся в округе рабат Туганин, с которого он отныне должен получать в свою пользу все подати и налоги. Правда, это пожалование юридически оформлено по-разному: наместник Нисы получил поместья на правах икта', т. е. во временное пользование, а эмир — командующий войсками в Барчанлыг-кенте получил названный рабат, как ин'ам, т. е. подарок; в первом случае пожалование через известное время возвращалось сюзерену, во втором — его нельзя было требовать обратно.

Едва ли можно вывести заключение из этой последней грамоты, султана Текеша, что раз наместник Нисы получал жалование, то таковое же получали в его государстве и все лица, состоящие на государственной службе. Дело в том, что в толкованиях самых авторитетных в мусульманском мире законоведов, аш-Шафи' (ум. в 820 г. н. э.) и Абу-Ханифы (ум. в 767 г. н. э.), допускаются казуистические мнения по этому предмету, вроде того, что по аш-Шафи', если жалование не было определено чиновнику при назначении его на должность, то он не имеет на него права, а по мнению Абу-Ханифы, он должен быть тогда вознаграждаем соответственно с оказываемыми им по службе успехами. «Но немногие чиновники пользуются постоянным содержанием из государственной казны. Обыкновенный способ вознаграждения лиц, состоящих на военной или гражданской службе состоит в уступке в пользу их некоторых государственных доходов. Эта уступка называется икта' и состоит в том, что чиновнику уступается подать (харадж) с известной деревни или округа, которую нередко он должен взимать сам. Подобным образом все доходы государства, исключая зеката, могут быть временно уступлены¹⁾. Таким образом, отсутствие штатно-окладной системы и начала «кормления» служилого сословия в мусульманских странах, — следовательно, и в империи хорезмшахов, — базировались на разъяснениях основ мусульманского права первых веков ислама. Что в империи султана Текеша отсутствовала твердая штатно-окладная система, на это, как будто, указывают слова грамоты наместнику Нисы, обращенные к разным сословиям области, чтобы они доставляли чинам областного управления наместника «с покорностью материальное обеспечение» (истигна).

Ф. Энгельс в письме к К. Марксу от 6 июня 1853 г., приводя свои общие взгляды на положение на Востоке земледелия в связи с орошением, высказал следующее обобщающее положение: «Правительства на Востоке всегда имели только три ведомства: финансовое (ограбле-

¹⁾ Фан-ден Берг, Л. В. С. Основы начала мусульманского права согласно учению имамов Абу-Ханифы и Шафии. Перевод проф. Гиргаса. СПб., 1882; стр. 181—182. Также—Тарихи Тамаддуни-л-Исламийи, сост. Джурфун Зейдан, Том 1, Каир, 1902, стр. 178—180.

ние собственного населения), военное (грабеж внутри и в соседних странах) и ведомство общественных работ (забота о воспроизведении»¹⁾). Эти слова вошли и в статью К. Маркса «Британское владычество в Индии», в которой Маркс писал, что «в Азии с незапамятных времен существовало лишь три отрасли управления: финансовое ведомство, или ведомство по ограблению своего собственного народа, военное ведомство, или ведомство по ограблению других народов и, наконец, ведомство публичных работ»²⁾.

Когда писались эти высказывания основоположников научного коммунизма (1853 г.), в Европе были весьма слабо представлены переводы восточных авторов с фактами из области поземельно-податных отношений, и, тем не менее, приведенные слова Ф. Энгельса и К. Маркса как нельзя точнее определяют все существо управления народом в восточных деспотиях, правительства коих проявляли попечение о народном благе лишь в теоретической форме (вроде писания только что приведенных грамот), но не в действенной, а чины финансового и военного ведомств этих деспотий являлись, прежде всего, именно грабителями собственного народа.

¹⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXI, 1932, стр. 494.

²⁾ Там же, т. IX, М., 1933, стр. 347.

ТРУД СЕЙФИ, КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВОСТОЧНОГО ХОРАСАНА

Период XIII—XV вв. представляет исключительный интерес для изучения социально-экономической истории средневекового Ирана, это — период наиболее полного развития феодального общества Ирана и сопредельных стран, служивший предметом углубленного внимания и дискуссий советских историков-востоковедов за последние два десятилетия. Первосточники данного периода передают нам обильные данные социально-экономического порядка. Однако неблагоприятной стороной для исследования оказывается то, что большинство исторических источников относится к группе произведений придворной историографии и, следовательно, в большей или меньшей степени выражает тенденции центральных правительств, правивших в Иране и сопредельных странах (Хулагуидов, Джелаиридов, Тимуридов и т. д.) и защищает их социальную политику. Эти источники представляют, чаще всего, точку зрения тех групп класса феодалов (гражданская бюрократия, мусульманское духовенство), которые были заинтересованы в поддержке центральной власти: и централизаторской политики (Рашид-ад-дин Фазуллах Хамадани, Хамдуллах Казвини, Хафиз-и-Абру, Абдуреззак Самарканди и др.). Известным противовесом против одностороннего освещения фактов историками этой группы служат произведения локальной, провинциальной историографии, авторы которых обычно также представляют классовую феодальную точку зрения, но при этом отражают интересы местной провинциальной феодальной знати, в большей или меньшей степени противопоставленные интересам центрального правительства. Весьма верно замечание проф. С. П. Толстова о том, что в период XIII—XV вв. «противоречие между главными фракциями правящего класса достигает еще большей остроты, чем во времена Мухаммеда» (хорезм-шаха)¹⁾. Поэтому, привлекая к научной разработке источники разных групп, отражающих тенденции отдельных фракций классов феодалов, исследователи приобретают возможность ознакомиться с различным освещением одних и тех же фактов под углом зрения социально-политической направленности авторов изучаемых трудов. Такое сопоставление помогает нам отнестись к сообщениям источников с большим критицизмом и избежать односторонних и ошибочных выводов.

К сожалению, число выявленных до настоящего времени произведений местной провинциальной историографии упомянутого периода, за

¹⁾ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, М.—Л., 1948, стр. 319.

исключением, быть может, историографии областей прикаспийского побережья (Захир-ад-дин Мар'аши и другие авторы), не громадно, и они дают в общем значительно меньше сведений о социально-экономической жизни, нежели произведения придворной историографии. К тому же, например, анонимная «История Систана»¹⁾, доведенная до 725 г. х. — 1324/5 г. н. э., в основной своей части относится к XI в. н. э.; персоязычная «История Исфахана», составленная в 729 г. х. — 1329 г. н. э. Хусейном ал-Хусейни ал-Ави,²⁾ в главной своей части представляет переработку арабоязычного описания Исфахана «Махасин Исфахан» («Красоты Исфахана») Муфаддала ал-Мафаррухи, составленного в 421 г. х. — 1030 г. н. э. Больше социально-бытового материала дают местные произведения агиографического характера, как например жития суфийско-дервишского шейха Сефи-ад-дина Исхака ал-Ардебили (1254—1334 гг.),³⁾ но этот материал очень тенденциозно освещен и требует сугубо осторожного подхода.

При подобном положении дел выявление и публикация каждого нового источника по локальной истории областей и городов Ирана является крупным событием в области иранистики. Недавно в научный обиход вошел персоязычный источник по локальной истории города Херата⁴⁾ и его области, входившей в состав владений местной (гурской) династии Куртов или Куртидов (1247—1381 гг.). Этот источник, раньше хотя и известный по заглавию, но практически являвшийся недоступным для исследователей, — «Тарих намэй-и Херат» («Книга истории Херата») Сейфа ибн-Мухаммеда ибн Я'куба ал-Херевн, известного также под нисбой ас-Сейфи. В Херате, бывшем в X—XV вв. одним из крупнейших городов не одного Хорасана, но и всего Среднего Востока, сложилась местная школа историографии. До нас дошли сведения о существовании многих специальных трудов по истории Херата в средние века — арабоязычных, позднее и персоязычных. Османский арабо-

تاریخ سیستان تألیف در حدود ۷۲۵-۴۴۵ بتصحیح ملک الشعرای بهار ...
ندر تیران سال ۱۳۱۴ شمسی هجری طبع کردید (персидский текст с введением)

²⁾ Рукописей этого сочинения в СССР не обнаружено; оно издано в 1328 г. х. соин. = 1349 г. н. э. в Тегране под заглавием محاسن اصفهان ترجمه под редакцией Аббаса Экбала. Подробный переосказ (на английском языке) труда ал-Ави, с обширными цитатами персидского текста, дан у Э. Г. Броуна, Account of the Manuscript History of Isfahan. Herford, 1901.

³⁾ Ибн Базз аз Таваккуль, Сафват ас-сафа, рукопись Ленинградской гос. публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина (ЛГПБ), каталог Б. Дорна, № 300.

⁴⁾ За последние годы в нашей научной литературе вошло в привычку писать «Герат», что не соответствует ни принятой в нашей же литературе транскрипции, ни живому произношению (таджикск. «Харот», узбекск. «Хрот»). Если принять транскрипцию «Герат» и проводить ее последовательно, то пришлось бы ввести в нашу литературу такие формы, как «Гамадан», «Кугистан», «Гарун ал-Рашид», «Гашим», «Гезарасп», «Гиндустан» и «гинду», «Гештадсер», «Гумаюн» и т. д.; однако, пишут «Хамадан», «Кухистан» и т. д. и только для одного «Герата» почему-то делается исключение. В оправдание такой непоследовательности обычно ссылаются на то, что будто бы «так принято» в отечественной востоковедной литературе. Это, однако, заблуждение: крупнейшие русские и советские востоковеды-арабисты В. Р. Розен, Н. А. Медников и иранисты Н. В. Ханыков; В. А. Жуковскій, А. Е. Крымский, также А. Ю. Якубовский (в ранних своих работах) писали «Херат». Эту транскрипцию здесь и мы удерживаем.

язычный библиограф XVII в. Хаджжи Халифа называет 7 таких «Истрий Херата»: труды Абу Исхака Ахмеда ибн Иасина ал-Хаддада (умер 343 г. х.—954 г. н. э.), Абу Исхака Ахмеда ибн Иунуса ал-Базза, Абу Насра 'Абдуррахмана ибн 'Абдулджаббара ал-Фами (умер 546 г. х. = 1151 г. н. э.), Абу Насра 'Абдуррахмана ал-Кайси, Абу Рауха 'Исы (умер 544 г. х. = 1149 г. н. э.), также известного таджикского персоязычного поэта XV в. Нур-ад-дина 'Абдуррахмана Джами (все арабоязычные, все с одним и тем же заглавием «Тарих Херат»), также труд Муин-ад-дина Мухаммеда аз-Замчи ал-Исфизари (умер в 897 г. х. = 1491 г. н. э.), персоязычный, но с арабским заглавием «Китаб раузат ал-джаннат фи аусаф мединат ал-Херат» («Книга райского сада относительно качеств города Херата»)¹). Перечень Хаджжи Халифы не полон.

Из перечисленных Хаджжи Халифою трудов упоминание об «Истории Херата» 'Абдуррахмана Джами, возможно, ошибочно, ибо до нас не дошло каких-либо других известий о том, чтобы Джами был автором такого исторического труда. Другие упомянутые труды, кроме труда Исфизари, считаются утраченными. Труд Исфизари известен в значительном количестве рукописей в хранилищах СССР, зарубежного Востока и Запада,²) хотя доньше не издан³). Исфизари является оригинальным источником по истории Хератской области в XV в.—времен Тимуридов. Кроме того, оригинальным в труде Исфизари является обширное географическое описание почти всего Хорасана, относящееся к XV в.⁴), впрочем, менее ценное, нежели описание Хорасана начала XV в., содержащееся в географическом труде Хафиз-и Аbru⁵): не в пример Хафиз-и Аbru, Исфизари не дает почти никаких цифровых данных и сообщает экономические сведения лишь очень общего характера. В изложении истории Херата дотимуридского времени Исфизари не оригинален. Эта часть его труда оказывается лишь обширной компиляцией, основанной на разнообразных источниках. В частности, Исфизари ссылается, как на первоисточники, на 4 специальных труда по истории Херата, именно на арабоязычные труды Абу Исхака Ахмеда ал-Хаддада и Абу Насра 'Абдуррахмана ал-Фами, на стихотворную персоязычную «Курт-намэ» Раби'и Бушенджи и на книгу Сейфи Херевии, т. е. упомянутую уже «Тарих намэй-и Херат».

Из этих четырех трудов два первые—труды ал-Хаддада и ал-Фами—упоминаются также и у Хаджжи Халифы; о двух последних трудах он не упоминает. «Курт-намэ»—огромная историческая поэма-месневи, составленная Раби'и Бушенджи в целях прославления хератской династии Куртов (Куртидов) в первые годы правления мелика Фахр-ад-дина Кур-

¹) См. об этом подробно в историческом введении проф. Мухаммед-Зубейра ас-Сиддики к изданию текста «Тарих намэй-и Херат» (о последнем см. ниже), перс. введение стр. 5, английский. введение стр. VII—VIII.

²) Перечень неизвестных рукописей см.: Storey, Persian literature, a bibliographical survey, sect. II, fasc. 2.

³) Мы пользовались списком «Раузат ал-джаннат» Института востоковедения АН УзССР (в Ташкенте), рукопись № 788 (неописанная).

⁴) На базе этого описания проф. А. А. Семеновым написано исследование, пока неопубликованное, «Экономическая жизнь Хорасана в XV в.».

⁵) Мы пользовались рукописью Института востоковедения АН УзССР (в Ташкенте), № 5361.

та (между 694 г. х. = 1295 г. н. э. и 706 г. х. = 1307 г. н. э.). «Курт-намэ» также утрачена, или по крайней мере до сих пор не обнаружена, и ее историческая и литературная ценность не может быть вполне установлена. Однако она обильно использована, как первоисточник, и у Сейфи, и у Исфизари. Последний упомянутый у Исфизари источник — «Тарих намэй-и Херат» Сейфи долгое время практически также считался утраченным. Поэтому и труд Исфизари, поскольку все основные первоисточники его казались утерянными, сохранял донныне большее значение, нежели он того заслуживал. Опубликование «Тарих намэй-и Херат», одного из первоисточников труда Исфизари, сильно снижает для нас ценность последнего в части изложения событий 1220—1321 гг.

Труд Сейфи Хереви дошел до нас в рукописи Калькуттской публичной библиотеки, считавшейся единственной. Обширная заметка об этой рукописи была опубликована Хан-Бахадуром Маулави в 1916 г.¹⁾ Не приходится сомневаться в том, что на Востоке существовали и другие списки труда Сейфи, но они оставались невыявленными и неизвестными исследователям. По крайней мере один из этих списков в последние годы был выявлен в СССР проф. Б. Н. Захедером²⁾. В секторе рукописей Института востоковедения АН СССР (ИВАН) в Ленинграде имеется рукопись под заглавием تاریخ هرات или تاريخ كرت ملوك كرت, дефектная, без начала и двух последних глав, оказавшаяся по сличению тем же трудом Сейфи Хереви³⁾. Эта рукопись не обнаруживает сколько-нибудь заметных различий в тексте от калькуттского печатного издания (см. о нем ниже). Все же труд Сейфи практически оставался неиспользованным исследователями и не привлекался к научной разработке.

В 1944 г. профессор Калькуттского университета Мухаммед Зубейр ас-Сиддики выпустил в свет долго готовившееся им издание персидского текста труда Сейфи (Сейфа ибн Мухаммеда ал-Хереви) под упомянутым заглавием «Тарих намэй-и Херат»⁴⁾. Заглавие это принято издателем; оно условно, так как в различных местах труда он именуется разлѣчно⁵⁾. Публикация труда дана на основании упомянутой калькуттской рукописи, которую издатель считал единственной. Несмотря на выдающуюся эрудицию издателя, проф. Сиддики, издание «Тарих намэй-и Херат» далеко нельзя признать безукоризненным. Необходимость пользоваться единственной рукописью, видимо, создавала затруд-

¹⁾ Journal of the Royal Society of Bengal, 1916, pp. 165—184.

²⁾ Рукопись из личной рукописной коллекции Б. Н. Захедера (Москва).

³⁾ Рукопись ИВАН № С-1834. Рукопись в свое время была мне указана Н. Д. Миклухо-Маклаем.

⁴⁾ The Tarikh nama-i Harat (the history of Herat) of Sayf ibn Muhammad ibn Yaqub al-Harawi, edited with introduction by Muhammad as-Siddiqi, 1944.

⁵⁾ То «Тарих-намэ», то «Тарих-и Херат». — Рукопись из коллекции Б. Н. Захедера, по его словам, озаглавлена «Маджмуй-и Гийяси» («Гийясово собрание»). Последнее заглавие, возможно, ошибочно дано рукописи переписчиком, ибо из слов самого автора, Сейфи, можно сделать вывод, что заглавие «Маджмуй-и Гийяси» было дано им другому своему труду, посвященному «этической науке», см. цит. изд. «Тарих-намэй-и Херат», перс. текст, стр. 3. در علم اخلاق نسخه كه

موسم است بمجموعه غياثي پرداخته بود

нения для издателя. Помимо этого, один только перечень опечаток, допущенных в издании, занимает 23 страницы¹⁾.

О калькуттской рукописи, положенной в основу публикации, издатель проф. Сиддики говорит следующее:²⁾ «Насколько я осведомлен, существует только один подлинный список этой книги³⁾. Он принадлежит Бухарскому отделению Хиндустанской императорской (= шаханшахской) библиотеки в Калькутте⁴⁾ и сохраняется в разделе рукописных книг под № 58. Формат его in folio⁵⁾, а размер (листа) $12\frac{3}{4} \times 9 : 9\frac{1}{2} \times 6\frac{1}{2}$. Список содержит 275 листов. Каждая страница имеет 25 строк, а каждая строка содержит до 18 слов. Список выполнен четким, очень красивым насхом. Заголовки ('унваны) написаны красивым красным (или «кармазинным», «пурпуровым» — «кирмиз») письмом, бумага плотная, белого цвета. Имена поэтов и авторов, приведенные в тексте⁶⁾, выписаны на полях книги красными (= кармазинными) чернилами. Дата написания рукописи не упомянута, но по почерку, бумаге и прчим особенностям можно сказать, что она была скопирована в восьмом веке (хиджры), когда еще не истекло много времени после составления книги. Книга слегка повреждена и в начале источена червями, но по счастью никакая часть текста или страницы книги не пропала». Происхождение рукописи неизвестно. Судя по печатям и записям на листах списка, он был вывезен из Кабула в Индию чагатайским (= «могольским») наместником Зафар-ханом (умер 1073 г. х. = 1663 г. н. э.), после которого достался сыну последнего 'Инайят-хану, библиотекарю великого могола Шах Джехана; после того рукопись побывала в руках многих знатных людей, и, наконец, в конце XVIII в. попала в библиотеку медресэ Джелалия в городе Бухар в Бенгалии.

Автор «Тарих намэй-и Херат» Сейф ибн Мухаммед ибн Я'куб, принявший нисбу «Хереви» и тахаллус «Сейфи», в своем труде сообщает некоторые сведения о себе⁷⁾. Он родился в Херате около 681 г. х. = 1282 г. н. э.; по происхождению он был, вероятно, таджик и горожанин из средних слоев. Он получил тщательное литературное образование; еще двадцатилетним юношей приобрел известность в качестве стихотворца, стал одним из сорока придворных поэтов владетеля Херата, мелика Фахр-ад-дина Курта (1295—1307 гг.), в честь которого сложил 80 касыд. Крупнейшим и известнейшим произведением Сейфи была

1) «Тарих намэй-и Херат», раздел غلطنامه, стр. 1—23; при этом приведенный перечень опечаток оказывается еще неполным.

2) Цит. изд., персидск. введение, стр. 24—25; английское введение; стр. XXIV.

3) Там же, перс. введение تا جايکه مطلع هستم بیش از يك نسخه اصلی از این کتاب وجود ندارد

4) Там же متعلق به شعبه بوهار کتابخانه شاهنشاهی هندوستان

5) Там же (в английск. введении; в персидск. введении: اودق ان قطع بزرک

6) Там же Речь идет об авторах поэтических и исторических сочинениях, цитированных в труде Сейфи.

7) Цит. изд. стр. 380, 443, 461 и др.

поэма «Сам-намэ», посвященная куртидскому сановнику (кайммаку-наместнику мелика) Джемал-ад-дину Мухаммеду Саму, врагу монголов, оказавшему сопротивление монгольскому эмиру Буджаю, возглавлявшему карательную экспедицию против Херата в 1307 г. После занятия Херата Буджаем, Сейфи был арестован вместе с Самом, обвинен в пропаганде против монгольского владычества, — уликою служила его проникнутая антимонгольскими настроениями поэма «Сам-намэ», — и едва избежал казни¹⁾. По заданию мелика Гийяс-ад-дина I Курта (1307 — 1328 гг.), Сейфи составил между 1321 и 1328 гг. свой труд по истории Херата. Год смерти Сейфи неизвестен.

«История Херата» Сейфи — огромный труд²⁾, охватывающий столетний период от первого вторжения монголов в Хорасан в 617 г. х. = 1220 г. н. э. до 721 г. х. = 1321 г. н. э. Сейфи использовал для своего труда много первоисточников: в небольшой мере арабоязычную «Историю Херата» Абдурахмана Фами XII в., недошедшую до нас, затем очень обильно использована и цитирована «Курт-намэ» Раби'и Бушендж, также утерянная или пока не обнаруженная³⁾. Сейфи использовал и персоязычных историков XIII в. — Джуджани («Тарих-и Сирадж-и Минхадж», т. е. «Табакат-и Насири»), Джувейни («Тарих-и джехан гушай», Сейфи называет этот труд также «Тарих-и 'Алайи») и Рашид-ад-дина Фазлуллаха Хамадани («Тарих-и Газани»), которого Сейфи называет Рашид-ад-доул⁴⁾. Сейфи ссылается также на какой-то труд по истории Хорасана («Тарих-и Хорасан»), не называя имени его автора; неясно, какой именно труд по истории Хорасана использовал Сейфи. Некоторые исторические сведения, например рассказ о совещании великого хана Оготай-каана со своими нойонами о восстановлении Херата в 634 г. х. = 1236/7 г. н. э.⁵⁾ (после разрушения города в 619 г. х. = 1222 г. н. э.), Сейфи заимствовал из сочинения «Ахлак-и хани» («Ханская этика»), на которое ссылается также и Исфахари в связи с теми же событиями⁶⁾. «Ахлак-и хани» до недавнего времени также считалось утраченным сочинением. Есть известие, что это сочинение обнаружено и издано недавно в Иране. По словам проф. Сиддики, несмотря на все старания, он не мог получить из Ирана ни экземпляра этой книги, ни каких бы то ни было сведений об ней и об ее содержании⁷⁾.

Очень часто Сейфи ссылается на «рассказчиков» («рави», мн. ч. «равный»), т. е. на передатчиков устных рассказов и воспоминаний о судьбах города Херата; в таких случаях Сейфи сопровождает изложение событий ссылками: «я так слышал от рассказчиков хератских...»⁸⁾, «рассказчик говорит так...»⁹⁾ и «рассказчик описывает так...»¹⁰⁾, «неко-

1) «Тарих намэй-и Херат», цит. изд., перс. текст, стр. 539—540.

2) В цит. изд. Сиддики персидский текст занимает 786 страниц.

3) Об этих источниках см. выше.

4) Цит. изд., перс. текст, стр. 101, 304.

5) Цит. изд., стр. 96—101.

6) Раузат ал-джаннат, цит. рук., л. 2146 и след.

7) Тарих намэй-и Херат, цит. изд., перс. введение, стр. 17; английский. введение, стр. XV, прим. 5.

8) Цит. изд. стр. 81 چنین شنیدم از راویان هرات

9) Там же, стр. 152 راوی چنین گفت

10) Там же, стр. 200 راوی چنین تقریر کرد

торые люди говорили...»¹⁾). Иногда он ссылается на показания определенных лиц, старожиллов Херата, очевидцев, или слышавших от отцов и дедов рассказы об исторических событиях; при этом приводятся иногда любопытные детали. Так, говоря о страшной разрухе после первого вторжения монголов в Хорасан в 617 г. х. = 1220 г. н. э., Сейфи прибавляет: «От покойного маулаи Насир-ал-миллет-ва-д-дина Чишти, — да соделает аллах благоуханной могилу его, — я слышал так: он говорит, что от пределов Балха до предела Дамгана целый год люди постоянно ели человеческое мясо, собак и кошек, ибо чингизхановцы сожгли все продовольственные амбары...»²⁾). Начиная с последних годов VII в. х. — XIII в. н. э. Сейфи часто говорит о событиях, как очевидец.

Книга Сейфи написана литературным персидским языком, с немногими сравнительно таджикизмами и местными выражениями³⁾. Повествование живое и образное, хотя изложение часто оказывается многословным и растянутым. Книга изобилует цитатами из Корана и хадисов, пересыпана во множестве стихами поэтов арабских — Мутанабб⁴⁾, Абу-Фираса⁵⁾, Абу-Нуаса⁶⁾ и др. — и особенно персидских и персоязычных таджикских и азербайджанских поэтов X—XIII вв. Дакики⁷⁾, Фердоуси⁸⁾, Фаррухи⁹⁾, 'Унсuri¹⁰⁾, Анвари¹¹⁾, Минучихри¹²⁾, Абу-л-'Ала Ширвани¹³⁾, Хагани¹⁴⁾, Сузени¹⁵⁾, Рашид-ад-дина Ватвата¹⁶⁾, Низами Гянджеви¹⁷⁾, Сенайи¹⁸⁾, Ферид-ад-дина 'Аттара¹⁹⁾, Са'ди²⁰⁾, и других. Особенно много стихов приведено из «Курт-намэ» Раби'и Бушенджи²¹⁾. Цитируется также персидский домострой XI в. «Кабус-намэ»²²⁾. Приво-

1) Тарих намэй-и Херат, стр. 84 قومی گفتند

2) Там же, стр. 87. چنين شنيدم که او گفت از حدود بلخ تا حد دماغان...
یکسال بیوسته خلق گوشت آدمی و سگ و کر به می خوردند چه جنکین خانیان
جمله انبارها سوخته بودند...

3) В этом отношении труд Сейфи сильно отличается от доведенной до 725 г. х. = 1324/5 г. н. э. анонимной «Истории Систана», настолько перегруженной местными (систанскими) идиомами и выражениями, что издатель книги акад. Мелик аш Шуарай-и Бехар счел нужным приложить к своей публикации специальный лексикон — см. цит. изд., стр. ۱۰ — یو

4) Сейфи, цит. изд. стр. 51, 129, 275, 433, 459, 543, 638, 726, 761 и др.

5) Там же, стр. 146.

6) Там же, стр. 353, 365.

7) Там же, стр. 60, 68, 75, 110, 150, 204, 239, 300, 366, 440 и др.

8) Там же, стр. 21, 49, 73, 105, 119, 126, 135, 159, 254 и др.

9) Там же, стр. 7, 259, 597, 621, 735 и др.

10) Там же, стр. 69, 112, 317 и др.

11) Там же, стр. 28, 33, 40, 52, 316, 470, 529 и др.

12) Там же, стр. 8 и др.

13) Там же, стр. 2, 117, 142, 253, 261 и др.

14) Там же, стр. 3, 5, 29, 52, 171, 277, 286 и др.

15) Там же, стр. 148, 222.

16) Там же, стр. 31, 67, 71, 86, 108, 123, 146, 167; 190; 228 и др.

17) Там же, стр. 60, 68, 73, 133, 172, 196, 204 и др.

18) Там же, стр. 140.

19) Там же, стр. 153, 624, 670 и др.

20) Там же, стр. 154, 267, 375, 382, 385, 441 и др.

21) Там же, стр. 2, 5, 54, 76, 91 и др.; всего приведено 64 стихотворных цитаты из Раби'и.

22) Там же, стр. 184.

дит Сейфи и свои собственные стихи¹⁾). Приведено также немало цитат из местных хератских поэтов. В ряде случаев стихотворные цитаты дают образное изображение событий, как например стихи Раби'и Бушенджи, рисующие разруху в Хорасане после вторжения чагатайского царевича Ясаура в 1318 г.²⁾. Стихотворные цитаты у Сейфи представляют и самостоятельный интерес для изучения, так как среди них могут оказаться такие стихи, которые не сохранились в дошедших до нас диванах классических поэтов.

Исторический труд Сейфи состоит из 138 глав (зикр); перечень их приведен в предисловии автора³⁾. Из числа этих глав первые две вводные посвящены основанию города Херата и приписываемым пророку Мухаммеду хадисам, относящимся к Херату. Главы 3—9 описывают вторжение войск Чингиз-хана в Хорасан в 1220—1222 гг., разрушение Мерва, Нишапура, крепостей Гура, Кусуйи, двукратное взятие Херата монголами в 1221 и в 1222 гг. и разрушение его⁴⁾. Далее подробно изображаются судьбы Херата в период запустения (1222—1236 гг.)⁵⁾, когда улицы города, от обвалов разрушенных зданий и разливов кяризов (подземных каналов) и каналов, стали непроходимыми, и город стал «убежищем и местом обитания волков и лисиц». В городе не было иного населения, кроме 40 человек (исключительно мужчин из разных социальных слоев), случайно уцелевших от меча во время всеобщей резни, присланной монгольским полководцем Ильчигидаем в 1222 г.

Рассказывая о жизни этих 40 человек в развалинах Херата в течение 14 лет, Сейфи приводит, на основании рассказов стариков, любопытные подробности, позволяющие судить, насколько катастрофическими были последствия чингизханова нашествия в Хорасане.

По рассказу Сейфи, 40 уцелевших после разгрома хератцев первые 4 месяца питались, между прочим, трупами людей и животных, потом стали делать вылазки за черту развалин города в поисках пищи, но найти ее в обезлюженных окрестностях было чрезвычайно трудно. Поэтому на второй год они разделились на 4 группы, по 10 человек в каждой; одна группа осталась в Херате, а три остальных группы отправились на грабеж в дальние районы Мерва, Хафа и Гарчистана. В Гарчистане (в верховьях р. Мурраба) они ночью отбили у монгольского отряда 50 лошадей и пригнали их в Херат. Другая группа хератцев близ Мерва напала на проходивший караван и отбила у него 10 харваров (ослиных выюков) зерна. Зерном и лошадиным мясом хератцы питались во второй год. На третий год они снова пошли на грабеж и в Керманской пустыне, примерно в 500 км от Херата, ограбили купеческий караван, шедший из Египта в Китай, убив при этом 50 из людей каравана. При разделе добычи на долю каждого из хератцев досталось по 5 харваров сахару и сластей и по 1 харвару египетских и шуштерских шелковых тканей. Они оделись в шелка и весь год питались сахаром. На четвертый год они послали некоторых своих людей снова за 500 слишком километров в район Мерва для обмена части шелковых тканей

¹⁾ Сейфи, стр. 480, 497 и др.

²⁾ Там же, стр. 689.

³⁾ Там же, стр. 9—24.

⁴⁾ Там же, стр. 49—80.

⁵⁾ Там же, стр. 81—93 (главы 10—11).

на пшеницу и ячмень¹⁾). Из этого рассказа видно, насколько был разорен Хорасан: пищу нельзя было добывать ближе, как за 150—500 км., и то только грабежом проходящих караванов.

Далее Сейфи приводит подробный рассказ о восстановлении и заселении города Херата при великом хане Оготай-каане в 1236 г. и излагает историю Херата в первые годы восстановления (1236—1245 гг.)²⁾. Дальнейшее изложение (начиная с главы 21) превращается в историю династии Куртов (Куртидов) и военную историю Хератского княжества Куртов, в частности бесчисленных феодальных усобиц Куртов и их вассалов и соседних владетелей. Особенно подробно изложено правление меликов Фахр-ад-дина и Гийас-ад-дина I с 693 г. х. = 1294 г. н. э. до 721 г. х. = 1321 г. н. э. Рассказ о событиях этого времени, о которых автор говорит как очевидец, занимает большую часть книги³⁾.

Труд Сейфи, как сказано, основанный на ряде первоисточников, в свою очередь послужил источником для ряда более поздних персоязычных историков—Хафиз-и Аbru, Абдурезака Самарканди и упомянутого уже хератского историка второй половины XV в. Му'ин-ад-дина Мухаммеда Исфизари. Хафиз-и Аbru и в своем географическом труде (во вкрапленных туда исторических экскурсах)⁴⁾, и в своей «Зейли-и джами ат-таварих» («Продолжение собрания историй» Рашид-ад-дина)⁵⁾ обильно черпает из труда Сейфи сведения по истории Хорасана и излагает их в сокращенном виде.

Рассказ Исфизари, относящийся к событиям 1220—1321 гг. н. э., также в большей своей части основан на труде Сейфи. Так, целиком Исфизари заимствует у Сейфи рассказ о взятии монголами Нишапура⁶⁾, в частности подробности, вроде того, что у монголов, осаждавших Нишапур, было 3000 самострелов (чарх андаз), 100 камнеметных орудий типа манджник и 'аррада, 1000 стенобитных орудий харак, 4000 штурмовых лестниц, 1700 аппаратов для метания горящей нефти (нафт-андаз)⁷⁾ и 2500 харваров (ослиных व्यюков) камня, доставленного из нишапурских гор, или, что после взятия Нишапура монголами было вырезано будте бы 1747000 одних только мужчин, не считая женщин и детей⁸⁾. Исфизари повторяет Сейфи также в рассказах о 40 уцелевших

¹⁾ Сейфи, стр. 87—90.

²⁾ Там же, стр. 93—140 (главы 12—20).

³⁾ Там же, стр. 389—786 (главы 77—138).

⁴⁾ Хафиз-и Аbru, рукопись Института востоковедения АН УзССР (в Ташкенте), № 5361, лл. 3246—3916. Хафиз-и Аbru до такой степени зависит от рассказа Сейфи, что повторяет даже явные ошибки последнего. Например, под 669 г. х. = 1270/71 гг. н. э. (цит. рук. л. 344а) Хафиз-и Аbru повторяет невероятное утверждение Сейфи (стр. 331), будто монгольские войска за 10 месяцев израсходовали 40 000 туманов (400 000 000 динаров), тогда как в то время годовой доход государства Хулагуидов не превышал 1700—1800 туманов (17—18 миллионов динаров).

⁵⁾ См. например, рассказ об опустошении Хорасана чагатайским царевичем Ясаурумом: Хафиз-и Аbru, Зейли-и джами аттаварих, изд. перс. текста д-ра наук Ханбаба Байяни, Тегеран, 1317 г. х. соли. стр. 87—96, 104—112; ср. Сейфи, цит. изд. стр. 741.

⁶⁾ Сейфи, цит. изд., стр. 58—63 Исфизари, цит. рук. лл. 666—686.

⁷⁾ Так у Сейфи, стр. 60; у Исфизари, цит. рук., л. 67а, указано ошибочно 700 «нафтандаз».

⁸⁾ Сейфи, стр. 63; Исфизари, цит. рук. л. 686. Цифра эта невероятна.

после резни 1222 г. хератцах¹⁾); об уведённых монголами в неволю хератских шелкоткачах и их цеховом старшине Изз-ад-дине Мукаддаме²⁾), о восстановлении Херата и правлении в нем хакима 'Изз-ад-дина и монгольского шихны Кустая³⁾), об их неудачной попытке наложить барщину на жителей селения Яздуйя⁴⁾), о правлении шихны Харлуга⁵⁾ и т. д. Исфизари, однако, повторяет рассказ Сейфи не буквально, а в вольной передаче и в сокращенном виде. Например, повторив сообщение Сейфи о восстановлении в 638 г. х. = 1240/41 г. н. э. меликом Маджд-ад-дином Каливейни знаменитого канала Инджиль (Анджир) и моста на нем, причем к работам были принудительно привлечены ра'иййаты⁶⁾), Исфизари, однако, не приводит сообщения Сейфи о том, что одновременно тот же мелик вновь заселил селение Шам'ан'⁷⁾.

Вообще, Исфизари в данной части своего труда явно не оригинален. Местами Исфизари ссылается на те же первоисточники («Ахлак-и хани» и «Тарих-и Хорасан» неизвестного автора), на которые в соответствующих местах рассказа ссылается и Сейфи;⁸⁾), повидимому, Исфизари и заимствовал эти ссылки из Сейфи, а не из первоисточников. Только сравнительно редко Исфизари приводит сообщения других источников, которых нет у Сейфи⁹⁾).

Как сказано выше, труд Сейфи, начиная с 21-й главы, прежде всего политическая история княжества и династии Куртов и меньше всего история города Херата. Сейфи не дает географического описания Хератской области (=княжества Куртов), какое мы находим в географическом труде Хафиз-и Аbru и у Исфизари, как не дает и общего описания города Херата, не интересуется внутренней жизнью города и его сельского округа и касается отдельных деталей этой жизни лишь изредка, обычно тогда, когда говорит о бедствиях, постигших Херат, или о законодательной и строительной деятельности меликов из династии Куртов. Однако в совокупности таких деталей, разбросанных в разных местах книги, довольно много, и благодаря им мы можем составить представление о некоторых сторонах внутренней жизни города и сельского округа. Приведем здесь краткую сводку сведений из Сейфи о судьбах Херата за столетие.

Прежде всего, на основании данных Сейфи мы можем сделать вывод, что после своего восстановления в 1236 г. Херат в течение почти целого столетия далеко не мог сравняться по размерам и хозяйствен-

¹⁾ Сейфи, стр. 81—91; Исфизари, цит. рук., л. 214а и след.

²⁾ Сейфи, стр. 107—108; Исфизари, цит. рук. лл. 2186—2196; этот отрывок из Исфизари приведен у В. В. Бартольда, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. 1, Тексты, стр. 165.

³⁾ Сейфи, стр. 109—114; Исфизари, цит. рук., лл. 2196—2216.

⁴⁾ Сейфи, стр. 111—112; Исфизари, цит. рук. лл. 2206. У Сейфи «яздуйя», в цит. рук. Исфизари ошибочно «Баздуйя».

⁵⁾ Сейфи, стр. 117—123; Исфизари, цит. рук. лл. 2216.—2236.

⁶⁾ Сейфи, стр. 127: رعایا بکار جوی باز کردن رغبت کردند

Ср. Исфизари, цит. рук., л. 224а: رعایا بکار کردن رغبت نمودند

⁷⁾ Сейфи, стр. 127: و قریه شمعان را بحال آبادانی باز آورد

⁸⁾ Сейфи, стр. 95—100; Исфизари, цит. рук., л. 2146 и след.

⁹⁾ См., например Исфизари, цит. рук., лл. 776—78а, где приведена ссылка на рассказ «Тарих-и Вассаф» о Насир-ад-дине Туси и о взятии Багдада монголами.

ному значению с тем, что представлял этот же город при Гуридах в XII в. и позднее при Тимуридах в XV в. Хамдуллах Мустоуфи Казвини определяет численность населения Херата при Гуридах в 444000 домов (= семейств),¹⁾ т. е. принимая обычное среднее число членов семьи в 4—5 человек, около 2000000 душ. Джузджани утверждает, что во время поголовного истребления жителей Херата монголами только в одной четверти города было убито 600000 человек²⁾. Сейфи сообщает, что при движении Тулуй-хана к Херату в 1221 г. в Херате и его округе было призвано к оружию 190 000 человек³⁾; определяя число способных носить оружие 10% всего населения, получим общую цифру населения города и его округа примерно 2 000 000 человек. Наконец, Сейфи пишет, что в 1222 г. монголы вырезали в Херате 1 600 000 человек (вероятно, вместе с сельчанами, искавшими убежища в стенах города)⁴⁾. Принимать все эти цифры за вполне достоверные мы никак не можем, однако, было бы опрометчиво считать их простым измышлением названных авторов. Уже одно то, что подобные цифры, и притом приблизительно одинаковые, могли быть названы разными авторами, заставляет полагать, отбросив преувеличения, что к началу XIII в. Херат, едва ли не крупнейший в то время город Среднего Востока, имел по меньшей мере несколько сот тысяч жителей.

Сейфи сообщает, что в 638 г. х. = 1240/41 г. н. э., т. е. через 4 года после восстановления Херата, в нем уже числилось, согласно переписи, 6900 душ населения⁵⁾. Известным показателем возрождения жизни города и его сельского округа являются приводимые Сейфи под 639 г. х. = 1241/2 г. н. э. низкие рыночные цены: 100 манов зерна стоили пол динара (вероятно, по золотому курсу), 1 баран—4 данга, 1 ман сахару—2 данга⁶⁾. В 668 г. х. = 1269 г. н. э. в Херате, по приказу Абака-хана монгольского, была построена карханэ⁷⁾. Так назывались мастерские, в которых работали рабы. О дальнейшем росте города Сейфи не сообщает определенных данных. Начиная с 70-х гг., этот рост был прерван рядом новых погромов.

Рост могущества Куртов и их нелояльность по отношению к Абака-хану, монгольскому государю Ирана из династии Хулагуидов, вызвали, по приказу последнего, выселение всех без исключения жителей Херата в 669 г. х. = 1270 г. н. э.⁸⁾. В 671 г. х. = 1272/3 г. н. э. город был вновь заселен, и в нем произведена, по указу Абака-хана, новая перепись населения⁹⁾; однако, цифровых данных Сейфи не приводит. В 687 г. х. = 1288 г. н. э. Херат был разграблен монгольскими кочевни-

¹⁾ Хамдуллах Казвини, Нузхат ал-кулуб, изд. Ле Стрэнджа, Gibb memorial series, том XXIII/1, персидский текст, стр. 152.

²⁾ Джузджани, Табакат-и Насири, изд. перс. текста Nassau-Lees, стр. 351—352.

³⁾ Сейфи, стр. 67.

⁴⁾ Сейфи, стр. 80.

⁵⁾ Сейфи, стр. 127; Исфизари, цит. рук., л. 224а.

⁶⁾ Сейфи, стр. 130; 1 динар (золотой) тогда равнялся 10 дирхемам; 1 данг = $\frac{1}{6}$ часть дирхема.

⁷⁾ Там же, стр. 285—286.

⁸⁾ Там же, стр. 330—331. Этот рассказ воспроизведен в географическом труде Хафиз-и Абру, цит. рук., л. 344а—344б.

⁹⁾ Там же, стр. 334—340.

ками-никудерийцами¹⁾, не признававшими власти Хулагуидов²⁾). В 688 г. х. = 1289 г. н. э. никудерийцы подвергли Херат новому разгрому, на этот раз настолько сильному, что город был обезлюжен. Часть жителей была уведена никудерийцами в неволю, остальные горожане, — среди них был и шестилетний Сейфи, — покинули разоренный город; за одной из групп беглецов, ушедших по исфизарской дороге, никудерийцы погнались и захватили в полон 500 человек³⁾. В следующем году, как передавал Сейфи очевидец, в Херате оставалось не более 100 жителей; при этом в кварталах, в которых раньше было по сотне домохозяев, теперь кое-как ютилось по 2, либо по 5 человек, не больше⁴⁾. В таком состоянии Херат оставался три года⁵⁾. В 690 г. х. = 1291 г. н. э. монгольский царевич Газан, бывший в то время наместником Хорасана, издал ярлык о новом заселении Херата и о принудительном возвращении туда беглецов⁶⁾. Шесть месяцев спустя монгольские эмиры вернули в Херат 5000 домохозяев (= глав семейств)⁷⁾, следовательно, не менее 22500 душ. В последующие годы приток населения в Херат из разных мест Хорасана продолжался⁸⁾. Судя по приведенным цифрам, население Херата в то время исчислялось десятками тысяч, а не сотнями тысяч, как при Гуридах и позднее при Тимуридах. В 695 г. х. = 1295/6 г. н. э. хан чагатайских монголов Дува страшно опустошил Хорасан и увел оттуда около 200000 жителей в рабство⁹⁾. Хотя Херат и не был взят, но эта катастрофа не могла не оказать влияния на экономическую жизнь его. В 696 г. х. = 1296/7 г. н. э. ильханский полководец Кутлугшах осадил Херат, в котором нашел убежище мятежный монгольский эмир Ноуруз; последний был выдан меликом Фахр-ад-дином, и Херат не пострадал¹⁰⁾. В этом году в городе и его округе, вместе с округом Гур, считалось 50000 человек, способных носить оружие¹¹⁾, следовательно население обоих округов не могло быть меньше полумиллиона.

В 698 г. х. = 1298/9 г. н. э. монгольский царевич Харбендэ (= Ольджайту-хан) осадил Херат в наказание за союз мелика Фахр-ад-дина с мятежными никудерийцами, но снял осаду, взяв контрибуцию¹²⁾. Когда после вступления Ольджайту-хана на ильханский престол мелик Фахр-ад-дин не принес вассальной присяги ильхану, в 706 г. х. = 1306/7 г. н. э. Херат снова осаждался монголами: сперва Данишменд-бахадуром¹³⁾,

¹⁾ Эти монголы кочевали к северу и к югу от Хиндукушских гор в нынешнем Афганистане и, повидимому, были предками хезарэйцев.

²⁾ Сейфи, стр. 379—381.

³⁾ Там же, стр. 381—383.

⁴⁾ Там же, стр. 382.

⁵⁾ Там же. Сейфи замечает, что так как в разоренном городе не было никакой жизни, то историк нечего было и описывать за эти годы (стр. 383).

⁶⁾ Там же, стр. 384. О ярлыке Газана и ал-тамге эмира Ноуруза см. ниже, на стр. 155—156.

⁷⁾ Там же: پنج هزار کدخدای هروی

⁸⁾ Там же, стр. 385 از اطراف ممالك خراسان خلق روی بیراة آورد

⁹⁾ Там же, стр. 401—418. На стр. 416 интересны стихи Раби'и Бушенджин, рисующие страдания хорасанских полоняников. Рассказ Сейфи в сокращении приведен в географическом труде Хафиз-и Абру, цит. рук. л. 360а и след.

¹⁰⁾ Сейфи, стр. 421—429.

¹¹⁾ Там же, стр. 425.

¹²⁾ Там же, стр. 431—435.

¹³⁾ Там же, стр. 461—497.

затем эмиром Буджаем¹⁾. Во время второй осады, продолжавшейся 5 месяцев, Херат пережил сильный голод: умерло 6000 человек, а 5000 бедняков²⁾ вышли из города, но воины Буджая ударами сабель и палок погнали их обратно в город. В то же время на походном базаре в лагере эмира Буджая, благодаря подвозу из деревень, 100 манов пшеницы продавались всего за 2 динара, а 100 манов сластей—за 7 динаров³⁾. 21 зи-л-хиджжа 706 г. х. = 23 июня 1307 г. н. э. Херат сдался эмиру Буджаю, который арестовал 78 сторонников династии Куртов (в числе арестованных, как сказано выше, был и наш историк Сейфи), приказал разрушить городские стены и башни и выселить из города всех без исключения жителей⁴⁾. Когда через несколько месяцев горожане получили позволение вернуться, они увидели Херат до такой степени разрушенным, разрытым, и сожженным, что можно было подумать, будто этот город оставался в развалинах уже долгие годы. Большая часть города, в частности базары Исфаинский и Ферахский, была разрушена, как и ханака (дервишеская обитель), построенный меликом Фахр-ад-дином⁵⁾. Воины Буджая оставались в Херате два года и удалились в 708 г. х. = 1308/9 г. н. э., взяв контрибуцию⁶⁾. В 712 г. х. = 1312/13 г. н. э. в связи с тем, что мелик Гийяс-ад-дин I Курт был вызван в орду ильхана и обвинен в измене, эмир Буджай и шихна Дулдай с монгольскими войсками снова заняли Херат и стали разорять горожан конфискациями и чрезвычайными сборами. Монетный двор, городские ворота и мосты эмир и шихна отдали жадным откупщикам тамги (налог с торговли и ремесла), которые обирали всякого путешественника и купца. По словам Сейфи, тирания дошла до крайних пределов⁷⁾. Только в 714 г. х. = 1314/15 г. н. э., после примирения Ольджайту-хана с меликом Гийяс-ад-дином I Куртом, последнему было возвращено управление городом Хератом, однако под контролем монгольского шихны Айюба⁸⁾.

В 718—719 гг. х. = 1318—1319 гг. н. э. Хорасан и Систан были опустошены чагатайским царевичем Ясавуром⁹⁾. В месяце раби' I 719 г. х. = мае 1319 г. н. э. Ясавур осадил Херат, сжег и уничтожил весь хлеб в окрестностях, убил до тысячи человек из сельского населения, но через месяц снял осаду¹⁰⁾.

Приведенная краткая сводка судеб Херата по летописи Сейфи убеждает нас, что в течение менее столетия Херат, неоднократно разоряемый и четыре раза обезлюженный, не мог пережить сколько-нибудь длительного и прочного хозяйственного подъема. При этом монгольские ильханы Хулагуиды, боясь усиления и обогащения своих и без того могуще-

¹⁾ Сейфи, стр. 503—541. Эти две осады описаны Сейфи как участником обороны города, очевидцем событий, очень подробно.

²⁾ Там же, стр. 534: *ضعفوا و غربا و اوباش*

³⁾ Там же, стр. 533. Хератский ман—около 3750 граммов.

⁴⁾ Там же, стр. 536—539.

⁵⁾ Там же, стр. 540—541.

⁶⁾ Там же, стр. 564.

⁷⁾ Там же, стр. 591—595.

⁸⁾ Там же, стр. 619—624.

⁹⁾ Рассказ Сейфи об этом нашествии очень подробен (стр. 640—769 с перерывами).

¹⁰⁾ Там же, стр. 716—717.

стренных и не всегда покорных вассалов Куртов, видимо сознательно старались, начиная с 1269 г., не допускать роста и процветания столицы Куртов—Херата. Поэтому невозможно согласиться с тезисом акад. В. В. Бартольда о том, что «с этого времени (= с утверждения династии Куртов.—И. П.) начинается процветание Герата, как главного города во всем Хорасане»¹⁾. Тезис этот еще совсем недавно был поддержан А. М. Беленицким: «Полностью восстановил свое бывшее значение Герат при Куртах... При них Герат снова стал одним из крупнейших центров Хорасана»²⁾. Мы уже видели, насколько эфемерным было «процветание» Херата при первых четырех меликах из династии Куртов. Период действительного роста Херата, вначале медленного, наступил позже, во втором десятилетии XIV в., когда ильханы Хулагуиды отказались от борьбы с Куртами и примирились с ними (после 1314/15 г.). Нашествия хулагуидских монголов на район Херата после этого прекратились. Лишь к 30-м гг. XIV в. относится первое ясное упоминание источника о процветании Херата³⁾. Однако даже и при последних Куртах город еще далеко не «восстановил свое бывшее значение». Об этом отчасти можно судить из сравнения следующих данных. В X в., по словам Ибн Русты⁴⁾, в округе Херата было до 400 селений, а в начале XV в., по сообщению Хафиз-и Аbru⁵⁾, там было всего 167 селений в 11 булуках (волостях). Период наибольшего блеска, когда Херат превратился в величайший город всего Среднего Востока, наступил только в XV в., как справедливо указал проф. М. Е. Массон⁶⁾.

Рассказ Сейфи обрывается на том времени, когда мелик Гийас-аддин I Курт, примирившись с Ольджайту-ханом хулагуидским, стал энергично укреплять свое могущество в восточном Хорасане, подчинив себе всех своих возмущившихся вассалов и соседних владетелей⁷⁾.

Труд Сейфи позволяет установить границы Хератского княжества (меликства) династии Куртов. Уже вскоре после утверждения этой династии, в 647 г. х. = 1249/50 г. н. э. владения ее обнимали 7 туманов⁸⁾—всеенно-административных округов, которые должны были (в теории) выставлять по 10000 воинов ополчения, следовательно все феодальное ополчение владений Куртов могло доходить до 70000 воинов. Хамдуллах Казвини около 1340 г. говорит, что вся Хератская область состояла из 9 туманов, и что в состав ее, помимо округа Херата, входили вилайеты Исфизар, Фушендж (= Бушендж), Бахерз, Бадгис, Джам, Чишт, Хаф, Зава, Гур и Гарча (= Гарчистан)⁹⁾. Но еще к концу XIII в. в состав владений Куртидов входили не только все эти вилайеты, т. е. уже вся Хератская область, но и валайеты, лежавшие вне ее пределов: Серахс¹⁰⁾,

¹⁾ В. В. Бартольд. Историко-географический обзор Ирана, СПб., 1903, стр. 38.

²⁾ А. М. Беленицкий. Историческая топография Герата в XV в., в сборнике «Алишер Навои», М.—Л., 1946, стр. 176.

³⁾ Ибн Баттута. Изд. Дефремери и Сангинетти, арабск. текст. и французский перевод, т. III, стр. 63.

⁴⁾ Ал-алак ан-нафиса; изд. de Goeje, стр. 173.

⁵⁾ Цит. Ташкентская рук., лл. 2256—2276 (селения перечислены).

⁶⁾ М. Е. Массон. К исторической топографии Герата XV века, в сборнике «Великий узбекский поэт», Ташкент, 1948, стр. 123.

⁷⁾ Сейфи, стр. 739—741, 750—759, 765, 783—786.

⁸⁾ Там же, стр. 189.

⁹⁾ Хамдуллах Казвини, Нузхат ал-кулуб, цит. изд. перс. текста, стр. 151—154.

¹⁰⁾ Сейфи, стр. 505.

Талекан¹⁾, Ферах²⁾, Систан³⁾, Афганистан⁴⁾ (южная часть нынешнего Афганистана между верховьями р. Хильменда и Сулеймановыми горами). В 697 г. х. = 1297/8 г. н. э. Газан-хан хулагуидский прислал мелику Фахр-ад-дину Курту ярлык на «меличество города Херата до реки Синд (= Инд) и до пределов Амуий» (= р. Аму-дарьи) в воздаяние за верность и за выдачу мятежного эмира Ноуруза⁵⁾.

Как и во всех вассальных владениях Хулагуидского государства, в княжестве Куртов местный наследственный князь (мелик) формально разделял власть с наместником монгольского хана—шихною; этот персидский термин, как видно из других источников, был синонимом монгольского термина «даруга» и монголо-тюркского (?) «баскак»⁶⁾. Шихна должен был контролировать власть мелика и собирать дань в пользу хана. Монгольские шихны в Херате пребывали постоянно в течение всего периода, описываемого Сейфи. Так, в 40-х гг. XIII в. в Херате был шихна Харлуг, в 50-х годах шихна Джаху⁷⁾, в 661 г. х. = 1262/3 г. н. э. был назначен шихна Меркитай⁸⁾; в 679 г. х. = 1280/81 г. н. э., одновременно с утверждением на меликстве Шемс-ад-дина II (Младшего) Курта, шихною при нем назначен был Кыпчак, согласно ярлыку Аргун-хана⁹⁾; в 712 г. х. = 1312/3 г. н. э. шихною в Херате был Айюб¹⁰⁾, под 714 г. х. = 1314/5 г. н. э. упоминаются, как шихны в Херате, Ибрахим, Юсуф, Куджри, Айюб¹¹⁾. Монгольский шихна в Херате имел свой особый дворец (кушк)¹²⁾. Однако, на практике влияние шихны падало по мере роста могущества меликов Куртов, и чаще всего шихна не дерзал вступать в явный конфликт с меликом. Изредка шихны пытались устраивать заговоры против Куртов. В 1263 г. шихна Меркитай, купивший после взятия монголами Багдада (1258 г) за 5000 динаров красивую пленницу—дочь одного из приближенных последнего 'аббасидского халифа, теперь подарил ее сыну Тадж-ад-дина Хара, куртидского наместника (каиммакама) в Херате, подружившись с последним. Меркитай уговорил Хара составить заговор против мелика Шемс-ад-дина I (Старшего) Курта, говоря: «ты будешь мелик, а я—шихна»¹³⁾. Но заговор не удался¹⁴⁾.

¹⁾ Там же, стр. 186.

²⁾ Там же, стр. 186, 504—505, 726, 783—786.

³⁾ Там же, стр. 190, 230—243 и др.

⁴⁾ Там же, стр. 190, 199, 214 и след. и др.—Уже в 648 г. х. = 1250/51 г. н. э. владетели «всего Афганистана» мелики Шаханшах и Бахрамшах подчинились мелику Шемс-ад-дину I Курту и дали обязательство вносить его финансовым чиновникам (уммалъ) ежегодно дань, какую он повелит (назначит): *بدان قدر مال که فرماند*

سال بسال بعمل او تسليم کنیم
⁵⁾ Сейфи, стр. 430: *و پادشاه غازان بسبب آن وفاداری که امیر نوروز را بکرفت بر لیغ ملکی شهر هراته تا آب سند وحد امویه مع تشریفات فاخره جهت او بفرستاد*

⁶⁾ По мнению проф. А. А. Семенова, термин «баскак»—кыпчакского (половечского) происхождения.

⁷⁾ Сейфи, стр. 127 и след.

⁸⁾ Там же, стр. 274.

⁹⁾ Там же, стр. 367.

¹⁰⁾ Там же, стр. 595.

¹¹⁾ Там же, стр. 624.

¹²⁾ Там же, стр. 184 и след.

¹³⁾ Там же, стр. 277.

¹⁴⁾ Там же, стр. 274—277.

Несмотря на попытки ильханов Хулагуидов ограничить или даже уничтожить власть Куртов в Хератской области [отравление мелика Шемс-ад-дина I в Тебризе в ша'бане 676 г. х. = январе 1278 г. н. э.¹⁾], арест мелика Фахр-ад-дина Курта по приказу Газан-хана в 695 г. х. = 1296 г. н. э.²⁾, капательные экспедиции против Херата в 698 г. х. = 1299 г. н. э.³⁾ и 706 г. х. = 1306/7 г. н. э.⁴⁾], могущество Куртов в конечном счете возросло. Государство ильханов Хулагуидов представляло, — применяя к нему глубокое определение И. В. Сталина об империях рабовладельческого и средневекового периодов, — лишь конгломерат стран и народностей, объединенных завоеванием, эфемерное административное объединение ряда стран и областей, в экономическом и этническом отношении слабо связанных или вовсе не связанных друг с другом⁵⁾. Поэтому попытки Хулагуидов вести централистическую политику оказались в конечном счете неудачными и не могли остановить ни процесса роста феодальной раздробленности, ни попыток административного объединения земель отдельными владетельными феодалами вокруг местных центров, одним из которых был Херат.

По отношению к центральной ханской власти Куртиды с самого начала старались проявлять значительную самостоятельность. Еще до образования Хулагуидского улуса, в 646 г. х. = 1248/9 г. н. э. назначенный по приказу чагатайского хана Ясу-Менгу великим битикчием в Херат некий Шереф-ад-дин был арестован меликом Шемс-ад-дином I Куртом⁶⁾. Последний имел ввиду устранить стеснявшего его чиновника центральной власти, однако применил для этого демагогический прием. Он обвинил битикчия Шереф-ад-дина в том, что тот произвольными поборами и взысканиями калана и других податей при посредстве истязаний и конфискаций разорял ра'ийитов Хератского округа и Гура и вызвал массовые побегы их. В присутствии монгольского шихны мелик велел дать битикчию 100 палок, а потом присудил его к смерти. Жена битикчия, желая спасти мужа, поднесла мелику Шемс-ад-дину блюдо, наполненное жемчугами и рубинами. Мелик разгневался и сказал, что его приговор не может быть отменен даже за казнохранилища Каруна и сокровища всей населенной четверти мира. Битикчи Шереф-ад-дин был казнен⁷⁾.

В XIII в. хератские мелики Куртиды вносили в казну ильханского наместника Хорасана и только изредка в казну самого ильхана часть налоговых поступлений, однако, какую именно, Сейфи не сообщает. В 669 г. х. = 1270 г. н. э. эмиры и везиры Абака-хана жаловались ему на то, что «из подати Херата в благоденственную казну падишахову ничего не поступает⁸⁾». В 672 г. х. = 1273/4 г. н. э. уполномоченные Абака-

1) Сейфи, стр. 357—361.

2) Там же, стр. 418—420.

3) Там же, стр. 431—435.

4) Там же, стр. 461—541.

5) См. об этом: И. В. Сталин, Марксизм и национальный вопрос, Сочинения, ОГИЗ, 1946, т. 2, стр. 293, 295; И. В. Сталин, Относительно марксизма в языковедении, изд. «Правда», 1950, стр. 10.

6) Сейфи, стр. 174—180.

7) Там же, стр. 172—180.

8) Там же, стр. 331.

хана, произведя перепись в Херате, взыскали с ра'ийитов крупные налоговые суммы¹⁾.

В 698 г. х. = 1299 г. н. э. царевич Ольджайту согласился снять осаду Херата, когда горожане во главе с шейх-ал-исламом Шихаб-ад-дином обязались внести контрибуцию в 100000 динаров²⁾. В 708 г. х. = 1308/9 г. н. э. мелик Гийяс-ад-дин I Курт обязался внести контрибуцию эмиру Буджаю в виде отступного, дабы ильханские войска очистили город³⁾. В 716 г. х. = 1317 г. н. э. ильханский наместник Хорасана эмир Ясавул наложил на жителей Хорасана чрезвычайный сбор ('авариз) в 300000 динаров, из них 50000 динаров было наложено на город Херат. Наибы эмира Ясавула с 50 всадниками прибыли в Херат в «праздник жертвы» ('ид и курбан, 23 февраля 1317 г.), палочными ударами выгнали горожан из соборной мечети; всякого, кого им удавалось схватить, облагали штрафами по 100 и по 200 динаров и истязали, избив и сделав нетрудоспособными до 200 горожан; на другой день еще до заката солнца собрали на базаре и на главных улицах сумму в 50000 динаров⁴⁾. Кроме того, население Херата сильно страдало от постоя ханских войск и чиновников. В 675 г. х. = 1276/7 г. н. э. мелику Шемс-ад-дину I Курту было предложено явиться в ханскую орду; при этом ему было указано, что, в случае его отказа, в Херат будет послан на постой сын сахиб-дивана Шемс-ад-дина Мухаммеда Джувейни, хаджа Беха-ад-дин, с 2000 воинов, а их содержание обойдется мелику в 50000 динаров, не считая расходов на вьючных животных, вооружение и обмундирование воинов⁵⁾.

В 719 г. х. = 1319 г. н. э. впервые сообщается, что ильхан Абу-Са'ид Бахадур-хан освободил на три года население Хератской области от «тягостей (податей) калан и кубчур и чрезвычайных сборов ('аваризат), для дивана Хорасана»⁶⁾. Позднее, в 30-х гг. XIV в., согласно данным Хамдуллаха Казвини, с Херата, как и со всех восточных областей государства Хулагуидов, в центральный диван не поступало никаких податных сумм⁷⁾. Однако владения Куртов, по крайней мере, до 1321 г., не были свободны от податных сборов в диван наместника Хорасана⁸⁾.

¹⁾ Сейфи, стр. 340.

²⁾ Там же, стр. 438—439.

³⁾ Там же, стр. 564.

⁴⁾ Там же, стр. 649; در روز عید قربان از جمله نواب او یکی خضرو
دؤم فیروز با پنجاه سوار بفرای آمدند و هم از کرد راه خلق شهر را
بزخم چوب و چماق مجروح کردند و خلق را از مسجد جامع بتعلی
کردن بسته بیرون آوردند و هر کس که می گرفتند صد دینار و دوپست
دینار بر او حواله میکردند و در سوق و طرق دوپست تن بشکنجه خسته
و بیکار کردند القصة روز دیگر بپنکام زوال مبلغ پنجاه هزار دینار از
سکان هراة پستانند

⁵⁾ Там же, стр. 347.

⁶⁾ Там же, стр. 745: قلات از رحمت سال مردم هراة از رحمت قلات
و قوبجور و عوارضات دیوان خراسان معاف و مسلم باشند

⁷⁾ Нузхат ал-кулуб, цит. изд., перс. текст, стр. 154.

⁸⁾ Сейфи, стр. 783 и след.

Княжество Куртидов было таким же феодально-раздробленным владением (сеньорией), как и все государство Хулагуидов. Под непосредственной властью Куртидов был Хератский округ и горный округ Гур, с крепостью Хайсар, часто служившей резиденцией Куртидов. Другие округа находились под управлением вассалов (хакимов и меликов) Куртидов, состав которых хорошо выясняется из рассказа Сейфи. В труде последнего, в разных местах, упоминаются следующие непосредственные вассалы (местные владельцы из таджиков, систанцев, гурцев и афганцев): мелики гарчистанский, талеканский, джурзиванский, тавалинский, азабский, исфизарский, хафский, ферахский, систанский, владельцы Афганистана, райсы Кусуйи, Бахерза, Джама и Серахса¹⁾ и другие. У каждого из этих владельцев были свои вассалы, которых Сейфи называет а'йянами и за'имами²⁾, а у последних вассалами были рядовые ленники—сипахии, «воины ополчения и слуги»³⁾, наделенные земельными владениями (амлак)⁴⁾. Разумеется, крупные вассалы Куртидов часто оказывались непокорными, и труд Сейфи наполнен рассказами о походах меликов хератских против мятежных вассалов, которые часто искали поддержки у центральной ханской власти. Вот один из примеров, приведенных у Сейфи⁵⁾. В 647 г. х. = 1249/50 г. н. э. мелик Сейф-ад-дин гарчистанский отказался «явиться на служение» к мелику хератскому Шемс-ад-дину I Курту, говоря, что «мелик Шемс-ад-дин — такой же мелик, как и я». Мелик Шемс-ад-дин Курт послал в Гарчистан войско (т. е. феодальное ополчение) из 400 человек всадников и пехотинцев, которые разграбили несколько селений, составивших личное имение или домен (хассэ) мелика Сейф-ад-дина, захватили без числа богатства, имущество и скот и вернулись невредимо и с добычей⁶⁾. Мелик Шемс-ад-дин сделал демагогический жест: из богатой добычи, захваченной в Гарчистане, взял себе только список Корана да меч, 5000 динаров роздал в виде милостыни беднякам, а всю прочую добычу разделил между воинами ополчения (сипахиями). Тем временем мелик Сейф-ад-дин гарчистанский бежал к монгольскому наместнику

¹⁾ Сейфи, стр. 186, 400, 444, 504—505, 777.

²⁾ Там же, стр. 626: *و از اکناف و اطراف خراسان ملوک و حکام* — «Со всех сторон и частей Хорасана пришли в Херат мелики хакимы, а'йяны, за'имы и толпы народа»;

там же, стр. 676 *خواجگان و زعمای شهر سجستان*

— «Ходжи и за'имы города Седжестана» (=столицы Систана Зиренджа);

там же, 755: *حکام و زعمای ولایت خواف* — «хакимы и за'имы Хафского вилайета»-и др.—Как известно, арабский термин «за'им» (мн. ч. «зу'ума») был широко известен и в османской Турции в значении владельца крупного лена (зи'амета).

³⁾ Там же, стр. 754. *حشم و خلم*; ср. стр. 776.

⁴⁾ Там же, стр. 754.

⁵⁾ Там же, стр. 186—189.

⁶⁾ Там же, стр. 188: *در غرجستان چند دیهرا که تعلق بخاصهٔ ملک صیف‌الدین داشت غارت کردند و مال و اجناس و مواشی بی حد بدست آورد و سالهان و غانمان مراجعت نمود*

Хорасана Аргун-аке (из племени ойратов), которому жаловался на мелика хератского. Но и последний послал к Аргун-аке доверенного человека, эмира Нусрета, с жалобой на мелика гарчистанского. Аргун-ака, не желавший ссориться с сильным вассалом, связав мелика Сейф-ад-дина, отослал его к мелику хератскому «и снова написал ал-тамгу, дабы никакой мелик и эмир в семи туманах области Херата не смел поступать вопреки приказу мелика Шемс-ад-дина»¹). Мелик Шемс-ад-дин велел казнить мелика Сейф-ад-дина²). Рассказ этот дает представление о масштабах и характере частных феодальных войн. Военная добыча была едва ли не главным стимулом верности ленников-сипахиев своему мелику.

Сейфи рисует нам социальное лицо одного из вассалов мелика Гийяс-ад-дина Курта—наследственного хакима округа Хаф, ходжи Маджда Хафи; большая часть земель округа принадлежала ему лично³). У него было три замка (хисар): Майиджнабад, Катрийян и Нийязабад. Последний замок, расположенный на столь крепкой и высокой вершине, что через нее проходили облака, считался неприступным и не боялся осадных орудий ('аррада и манджник). Ходжа Маджд легко выставлял 1000 всадников ополчения. Какой бы мятеж ни возникал в Хорасане, ходжа Маджд его поддерживал. Мелик Гийяс-ад-дин осадил и довел до сдачи замок Нийязабад. Ходжа Маджд, посоветовавшись со своими вассалами-а'ийянами, накибами и за'имами, подчинился мелику Гийяс-ад-дину, который оставил ходже Маджду часть его владений и замок Майиджнабад и дал жалованную грамоту ('ахд-намэ)⁴).

Иерархия сеньоров и вассалов нашла выражение в том, что владельческие феодалы носили монгольские титулы темников (эмиров тумана) и эмиров тысяч, сотен и десятков. Труд Сейфи даст возможность проследить до 4—5 рядов иерархически подчиненных друг другу феодалов. Эпоха XIII—XV вв. была временем завершения развития военной системы и феодальной иерархии в странах Среднего Востока. Кроме хакимов и меликов иранского (таджикского и др.) происхождения, в Хератской области были и феодальные владельцы из монгольской военно-кочевой аристократии, главным образом в округе Бадгис, который, благодаря своим великолепным пастбищам, всегда привлекал коческиков⁵). После монгольского завоевания Бату-ханом был поставлен в Бадгисе эмир Джиджигай⁶) и трое мулязимов (= нукеров — «военных слуг», т. е. вассалов) последнего — эмиры Кабарту, Суку и Татай-Тимур, из ловчих (джанвердаран) Бату-хана⁷). До утверждения династии Куртов в Херате монгольские эмиры Бадгиса получали от

¹) Сейфи, стр. 189: و بتجدید آلتماغ نوشت که هیچ ملک و امیر در هفت تومان هراة برخلاف حکم ملک شمس الدین نرود

²) Там же, стр. 190.

³) Там же, стр. 754: او بود و اکثر ولایت خوای در تصرف او بود

⁴) Там же, стр. 376 и след.

⁵) О значении Бадгиса для кочевого скотоводства см. В. В. Бартольд. Историко-географический обзор Ирана, стр. 34.

⁶) جيجیغای — Мы не уверены в правильности чтения.

⁷) Сейфи, стр. 228.

правителей Херата регулярные «дары»—каждый раз по 10 вьючных лошадей-улаг (для перекочевков), по 2 шатра (юрты) и по 300 динаров 'адли¹⁾). В 656 г. х. = 1258 г. н. э. мелик Шемс-ад-дин I Курт отказал эмирам Бадгиса в этих «дарах»²⁾. Это вызвало войну между обеими сторонами, причем монголы воспользовались помощью возмущившегося против Куртов мелика 'Али ибн-Мас'уда систанского, но мелик Шемс-ад-дин вновь подчинил Систан и обратил в бегство монголов³⁾. Позднее Куртиды, повидимому, подчинили себе не только монголов Бадгиса, но и часть никудерийских монголов, которые не признавали над собою ничьей власти и «не были верны никакому падишаху, хакиму и мелику»⁴⁾; своими грабительскими набегами никудерийцы держали в страхе весь Хорасан, Систан и Керман. В 1299 г. никудерийский эмир Бука с 3000 воинов поселился во владениях Куртов, признав их власть и получив от них пожалования. Курты использовали никудерийцев для похода против непокорных владетелей Кухистана, Фераха, Систана и Джурзивана⁵⁾. В 721 г. х. = 1321 г. н. э. мелик Гийяс-ад-дин Курт при помощи никудерийцев разбил и подчинил своих непокорных вассалов, мелика Янал-тегина ферахского и мелика Кутб-ад-дина исфизарского. Верность никудерийцев Куртидам была куплена в этом случае, как и в других подобных случаях, богатой военной добычей: при походе на Ферах никудерийские эмиры захватили 20000 голов овец и рогатого скота, после похода на Исфизар потребовали для себя возделанные поля двух деревень из личного имения (хассэ) мелика Янал-тегина⁶⁾ и вернулись домой «с беспредельной добычей и с бесчисленным полнсм»⁷⁾.

Как сказано, Сейфи был сторонником династии Куртов и противником монголов. Враждебная центральной власти ильханов Хулагуидов тенденция проявляется у Сейфи, между прочим, в сочувственном отношении к эмиру Ноурузу, поднявшему мятеж против Газан-хана⁸⁾. Впрочем, Сейфи осторожен, и антимонгольская тенденция у него не выражена резко и открыто. В качестве придворного историографа династии Куртидов он, конечно, крайне пристрастен, лъстив и необъективен. Однако, в сопоставлении с источниками, стоящими на промонгольской точке зрения, для проверки сообщений последних данные Сейфи представляют большую ценность. Кроме того, Сейфи нередко приводит такие подробности относительно внутренней жизни изолированных феодальных мирков Хорасана, Систана и Афганистана, каких мы не найдем у Джувейни, Рашид-ад-дина и других историков первой категории, не проявляющих специального интереса к местной провинциальной жизни.

О жизни народных масс Сейфи говорит мало и скупо. В этом сказывается классовая феодальная направленность рассказа Сейфи. О феодальных повинностях и податях крестьян, о набегах кочевников, о неурожаях и голодовках, о массовом уходе чужих крестьян феодалами во

¹⁾ Сейфи, там же.

²⁾ Там же.

³⁾ Там же, стр. 229—241.

⁴⁾ Там же, стр. 432.

⁵⁾ Там же, стр. 431—433.

⁶⁾ Там же, стр. 786.

⁷⁾ Там же.

⁸⁾ Там же, стр. 384—385.

время междоусобных войн и о захватах при этом крестьян в полон, иначе говоря в рабство, Сейфи упоминает лишь попутно с изложением феодальных междоусобий. Очень интересный пример принудительного массового переселения крестьян Сейфи приводит в связи с рассказом о мятеже чагатайского царевича Ясавура. Последний, вынужденный уступить престол чагатайских ханов в Средней Азии своему сопернику Кёбёк-хану, решил совершенно обезлюдить сельские районы, лежавшие между Термезом и Самаркандом и увел с собою множество среднеазиатских крестьян в Хорасан (1316 г.). Из них 50 тысяч захватили в полон хорасанские монгольские эмиры, заключившие союз с Ясавуром. Остальных невольных переселенцев Ясавур разместил сперва в районе Шапур-гана, но с наступлением зимы велел им переселиться на р. Мургаб, думая там обосноваться, заселить земли и весной разделить их между своими эмирами¹⁾.

Когда же Кёбек-хан с войском зимою перешел р. Аму-дарью, Ясавур приказал переселенцам немедленно сняться с места и идти в район Херата, которым он думал завладеть. По словам Сейфи, «обездоленные люди, голодные и голые, пешком отправились в ту пустыню, и около 100 тысяч человек, женщин и мужчин, погибли от холода, и голод среди них достиг такой степени, что один ман съестных припасов (та'ам) стоил 1 динар»²⁾. В то же время походная казна Ясавура была полна рубинов и прочих драгоценных камней и разных богатств³⁾.

О захватах таджикских крестьян в рабство во время междоусобных войн, даже и после принятия хулагуидскими монголами ислама, вопреки мусульманскому праву, запрещающему обращать в рабство мусульман, Сейфи упоминает неоднократно⁴⁾. Не всегда этим занимались одни монголы. Владелец Хафа ходжа Маджд захватывал мусульман в полон и передавал их (в виде дани?) в руки воинов царевича Ясавура⁵⁾.

Сейфи охотно приводит примеры жестокой эксплуатации таджикских крестьян монгольскими эмирами и чиновниками⁶⁾, но избегает сообщать о подобных же действиях хератских мусульманских феодалов. Что касается самих меликов хератских из династии Куртов — Шемс-ад-дина I (Старшего), Шемс-ад-дина II (Младшего), Ала-ад-дина, Фахр-ад-дина и Гийяс-ад-дина I, то все они в изображении Сейфи оказываются необыкновенно мудрыми, строгими, но справедливыми, народолюбивыми и заботившимися о ра'ийятах правителями. Что это тенденциозная историческая неправда, легко доказывается уже тем, что, характеризуя административную деятельность первых четырех Куртидов, Сейфи не сообщает никаких конкретных фактов, которые свидетельствовали бы об облегчении податей и повинностей ра'ийятов. О «ра'ийятолюбии» названных меликов Сейфи говорит в общих и трафаретных выражениях и притом очень кратко, — очевидно потому, что о каких-либо конкретных законодательных актах в пользу крестьян и нечего было сказать⁷⁾. Иное дело

¹⁾ Сейфи, стр. 643—644. Рассказ заимствован и приведен в сокращении Хафиз-и Абру; см. Зейл-и джами' ат-таварих, цит. изд. Байяни, стр. 64.

²⁾ Там же, стр. 644.

³⁾ Там же.

⁴⁾ Там же, стр. 597, 643, 676, 689, 752, 786.

⁵⁾ Там же, стр. 755.

⁶⁾ См., например, там же; стр. 174—180; 593.

⁷⁾ Там же, стр. 367—368, 373, 374—375, 439—441.

жители стольного города Херата. Заинтересованные в росте и процветании этого города Куртиды предоставляли ему разные льготы. В 698 г. х. = 1299 г. н. э. мелик Фахр-ад-дин освободил хератцев от податей калан и 'аваризат (чрезвычайные сборы) в пользу дивана¹⁾. Демагогические приемы, в целях укрепления симпатий хератцев к Куртидам, последние практиковали часто: раздачи беднякам хлеба и денег (из военной добычи), основание благотворительных учреждений. Что касается прочих законодательных актов Куртидов, то Сейфи с восторгом сообщает о следующих «благodeяниях» мелика Фахр-ад-дина: запрещение женщинам днем выходить из дома²⁾, — каждую женщину, застигнутую днем вне дома, мухтасиб с позором проводил с непокрытой головой по улицам и кварталам; преследование профессиональных плакальщиц на похоронах³⁾, педерастов и азартных игроков, — последних выводили на базар с обритой бородой; запрещение пить вино, — пьяниц заставляли в цепях месить глину и лепить кирпичи и т. д.⁴⁾. Все подобные мероприятия отвечали духу официального ханжеского благочестия, в то время насаждаемого в Херате суннитскими богословами ханефитского толка при поддержке Куртидов⁵⁾.

Относительно мелика Гийас-ад-дина I Курта Сейфи сообщает, что этот мелик, отправляясь в хаджж в Мекку и оставляя своим наместником сына, указал ему требовать с ра'ийотов подати в положенное время и до своего возвращения не выписывать на ра'ийотов ассигновок (хавалэ) для взыскания сверхсметных сборов⁶⁾. В общем же система податей и повинностей ра'ийотов во владениях Куртов оставалась и при этом мелике такой же, какой она была во всем государстве Хулагуидов.

Судя по отдельным фактам, приведенным у Сейфи, можно думать, что Куртиды старались главное бремя податей и феодальных повинностей перекладывать преимущественно на плечи крестьян своих вассалов. Сейфи приводит два примера подобных приемов. Получив ал-тамгу наместника Хорасана эмира Хусейна о поставке для хорасанского феодального ополчения (сипах) 5000 харваров («ослиных выюков») зерна в 1321 г., сын мелика Гийас-ад-дина Курта, Шемс-ад-дин, управляющий Хератом в отсутствие отца, наложил этот сбор на мелика Янал-тегина ферахского. Тот, собрав своих везиров и придворных и сильно жалуюсь на ежегодные податные притеснения со стороны мелика Гийас-ад-дина, просил их совета. Везиры и придворные советовали написать в ответ: «теперь конец года, наше зерно израсходовано; через месяц, сняв урожай, мы сможем послать, сколько требуется с сего вилайета». Мелик Янал-тегин, однако, сильно расстроенный, не согласился с ними, говоря, что притеснения и поборы мелика Гийас-ад-дина превосходили всякую меру, и что настало время дать им отпор. «Знайте, — сказал Янал-тегин, — что я ни под каким видом ничего не отдам в диван Херата из пода-

¹⁾ Сейфи, стр. 439.

²⁾ Там же, стр. 441 حکم فرمود که عوارات بروز از خانه بدر نیایند

³⁾ Мусульманская религия осуждает оплакивание умерших, как пережиток язычества.

⁴⁾ Сейфи, стр. 442.

⁵⁾ См. об этом также у Ибн Баттуты, изд. Дефремери и Сангвинетти, арабск. текст и французск. перевод, т. III, стр. 69—70.

⁶⁾ Сейфи, стр. 776—777.

тей и зерна сего вилайета». В этом смысле и был послан ответ в Херат. Мелик хератский послал 2000 инкудерийцев, которые разорили Феракский округ¹⁾.

Другой пример такой политики, приведенный у Сейфи, относится еще к начальному периоду правления династии Куртов²⁾. Во время погловного избиения жителей Херата монголами в 1222 г. некий монгольский эмир (= нойон) Байнал убивал доставшихся на его долю людей на северной окраине города. Его мулязимы (= нукеры) посоветовали ему: «Оставь в живых толпу людей, дабы они стали твоими ра'ийятами». Байнал объявил, что всякий, кто найдет убежище в ограде (хаит), находящейся близ Вороньей мечети (Месджид-и Заган), останется невредимым. Около тысячи мужчин и женщин таким образом спаслись. Основанное ими селение называлось Хаит, принадлежало монгольскому эмиру, и жители его не платили податей—калана и кубчура—в диван; на хаитийцев из дивана не выписывали никаких ассигновок (хавалэ, берет) на сверхсметные сборы. Когда в Херат прибыли посланцы (ильчи) наместника Хорасана Аргун-аки, мелик Шемс-аддин I Курт велел возложить издержки (ихраджат)³⁾ по их содержанию на хаитийцев и выписать на них ассигновку (хавалэ). Монгольский шихна Харлуг протестовал, говоря, что хаитийцы никогда не платили ничего в диван, и что ими владеет в данное время монгол, сын Ягмыша-ильчи, одного из приближенных Хулагу-хана. Мелик разгневался, своею рукою выписал ассигновку в 2000 динаров на хаитийцев и повелел: «Всегда, когда возлагают ассигновку на ра'ийятов, пусть в первую очередь наложат ассигновку на хаитийцев, а потом уже на (прочих) ра'ийятов»⁴⁾. Шихна Харлуг, крайне обиженный, на другой день сказал мелику: «О, мелик, в тот день, когда я прибыл в этот город, в этом вилайете было (всего) сто человек, не больше. Доне я старался и понес много трудов и забот, дабы собрать (всех) этих ра'ийятов, ты же захотел убийствами, битьем и конфискациями (снова) рассеять этих людей»⁵⁾. Эта отповедь, сделанная монгольским чиновником первому мелику Куртиду, заставляет думать, что последний был не менее жестоким эксплуататором ра'ийятов, нежели монгольские завоеватели. Так отдельные факты, приведенные Сейфи, говорят против его общей тенденции идеализации Куртов.

Сейфи сообщает сведения о городском строительстве в Херате при Куртах. За последние годы в СССР появились очень интересные работы по исторической топографии Херата (А. М. Беленицкого, М. Е. Массона)⁶⁾, авторам которых труд Сейфи был еще недоступен, и вопрос о

¹⁾ Сейфи, стр. 783—784.

²⁾ Там же, стр. 182—184.

³⁾ Арабское выражение «ихраджат» (букв. «расходы», «издержки») было техническим обозначением целой группы сборов на содержание ильчиев, воинов на постое и разных звеньев бюрократического аппарата.

⁴⁾ Сейфи, стр. 133: *و فرمود که هر کاه که بر رعیت حواله کنند بعد از آن بر رعیت نخست بر حایطیان حواله دارند*.

⁵⁾ Там же.

⁶⁾ А. М. Беленицкий, Историческая топография Герата в XV в. Сб. «Алишер Навои». Ин-т Востоковедения АН СССР, 1946, стр. 175—202. М. Е. Массон, К исторической топографии Герата XV в. Сб. «Великий узбекский поэт», АН УзССР, Ташкент, 1948, стр. 120—145.

строительстве в Херате при Куртах трактовался преимущественно на основе данных Исфизари. В частности А. М. Беленицкий был использован рассказ Исфизари о реконструкции хератских городских укреплений¹⁾; рассказ Исфизари основан на рассказе Сейфи, более подробном и позволяющем сделать более точные выводы, нежели на основе рассказа Исфизари²⁾. Не вдаваясь здесь в подробности, заметим, что на сообщениях Сейфи подтверждается следующий вывод М. Е. Массона: «Что же касается самого восстановления гератских укреплений членами династии Куртов, то у А. М. Беленицкого нет оснований, излишне доверяя Исфизари, считать, что оно началось в 699 г. х.... По Рашид-ад-дину, силу и крепость цитадели и стен Херата высоко оценивали воины Кутлугшаха, стоя под ними летом 696 г. х. (1297 г. н. э.), т. е. за три года до упомянутых А. М. Беленицким работ по новой реконструкции при Фахр-ад-дине гератских укреплений»³⁾. Упомянутое в статье М. Е. Массона показание Рашид-ад-дина подтверждается и Сейфи, который приводит слова мятежного эмира Ноуруза, искавшего убежища в Херате от посланных за ним в погоню Газан-ханом войск Кутлугшаха: «Боже сохрани, чтобы я поверил слову и обещанию эмира Кутлугшаха! У нас не будет лучшего и более крепкого убежища и места, нежели Херат. Теперь в этом городе находится более пятидесяти тысяч вооруженных людей. Большинство войска эмира Кутлугшаха или погибнет или одержит победу под этим городом»⁴⁾.

Насколько Сейфи сообщает для данного периода больше подробностей, нежели компиляция Исфизари, можно судить по следующему примеру. А. М. Беленицкий, на основании Исфизари, «Муджмал-и Фасихи» и 'Абд-ур-Резака Самарканди, приходит к выводу, что во время Куртов, так же как и в X в., городские стены Херата имели всего четверо ворот: ворота Фирузабад, ворота Ансари, ворота моста Инджиль и ворота Хуш⁵⁾. Однако, Сейфи дважды перечисляет 5 ворот в городских стенах Херата⁶⁾: ворота Бераман⁷⁾, которые вели к мосту Инджиль (или Анджир) вблизи Кухендиза («Старый замок») и к местности Бераман⁸⁾, и которые, быть может идентичны с «воротами моста Инджиль»; ворота Иракские (дервазэй-и 'Ираки), которые вели к валам (мулаеватат) и садам Синан (багат-и Синан); ворота Фирузабад⁹⁾, которые вели к Ферахскому мосту, и дальше по дороге в Ферах, вблизи Картабар; ворота Хуш или Хошк¹⁰⁾, которые вели к мосту Ригинэ («Песчаному»), к Ханту («Ограда») Меркитая¹¹⁾ и к улице Бад-и

¹⁾ А. М. Беленицкий, цит. статья, стр. 176.

²⁾ См. у Сейфи, стр. 439—441 (глава 85).

³⁾ М. Е. Массон, цит. статья, стр. 124—125.

⁴⁾ Сейфи, стр. 425.

⁵⁾ А. М. Беленицкий цит. статья, стр. 176. Ниже (стр. 181) А. М. Беленицкий упоминает еще о «воротах Иракских» и «воротах мелика», как существовавших уже позднее в XV в. при Тимуридах.

⁶⁾ Сейфи, стр. 712—713.

⁷⁾ Об этих воротах см. еще у Сейфи, стр. 440.

⁸⁾ В Берамане остановился царевич Ясавур во время осады им Херата (Сейфи, стр. 712).

⁹⁾ Об этих воротах см. также у Сейфи, стр. 702, 704, 740, 753.

¹⁰⁾ Об этих воротах см. также Сейфи, стр. 41, 702.

¹¹⁾ Быть может, идентичен с Хантом, упомянутым раньше (Сейфи, стр. 182—184).

Мурган; ворота Меликовы (дервазэй-и Мелики) в «улице Кухендиза», которые вели к садам (загородным) и к дороге в Баг-и Сефид («Белый сад»). Не имея здесь возможности подробно трактовать о вопросах, связанных с топографией Херата, мы ограничимся этим примером и заметим, что в данной области, со введением в научный обиход труда Сейфи, многое прояснится или будет разрешено по-новому.

Рассказ Сейфи о реконструкции городских укреплений Херата в 699 г. х. = 1299/1300 г. н. э. интересен также указанием, что к этим работам в принудительном порядке¹⁾ привлекались ра'ийяты не только из Херата, но из многих довольно далеких округов, подвластных Куртам. «И он (=мелик Фахр-ад-дин Курт), — повествует Сейфи, — начал всех ра'ийятов Херата, Исфизара, Гура, Гарчистана, Азаба, Херат-руда, Фушенджа, Харэ, Кусуйи и Бахерза для строительства башен, крепостных стен и рва»²⁾.

Нет сомнения, что и до, а еще более после этих работ Херат был чрезвычайно сильной крепостью. Однако мы все же должны отнестись критически к тем наивным восторгам, какие Сейфи, панегирист династии Куртов, а вслед за ним и Исфизари, расточает по поводу строительства этих стен. Сейфи уверяет, что после этих работ «он (мелик Фахр-ад-дин) столь укрепил город, что никакой падишах и государь, с сильными войсками, не видел возможности осадить город»³⁾. Что рассказам Сейфи и Исфизари нельзя верить буквально, видно из того, что семь лет спустя, в 706 г. х. = 1306/7 г. н. э., как уже было сказано, Херат был дважды осажден хулагуидскими войсками, доведен до сдачи и затем на время лишился своих укреплений. Невозможно поэтому принять слишком категорический вывод А. М. Беленецкого: «Зависимость Куртов от монгольской власти в конце концов оказалась почти исключительно внешней, и попытки вмешательства в дела Герата хорасанских наместников, которым официально принадлежала высшая власть над владениями Куртов, наталкивалась на успешное вооруженное сопротивление правителей Герата. Не в малой степени успех этот был обусловлен тем, что куртским правителям удалось восстановить и даже усилить городские укрепления Герата»⁴⁾. Как мы уже видели выше, вооруженное сопротивление Куртов не всегда было успешным (сдача Херата войскам Буджая в 1307 г.). Что Куртам удалось расширить свои владения и значительно ослабить вмешательство ильханов Хулагуидов в свои дела, это верно. Но этот успех Куртов, конечно, был обусловлен не столько восстановлением и усилением городских укреплений, как думает А. М. Беленицкий, сколько более сложными причинами, именно феодаль-

¹⁾ Несомненно, здесь имеется в виду феодальная повинность «бигар» (перс.) или «хашар» (арабск.) — принудительная и притом бесплатная работа в пользу государства или владельца земли, барщина.

²⁾ Сейфи, стр. 440: و تمامت رعایا هرات و اسفزار و غورو و غرجستان و آزاب و هرات رود و فوشنج و خره و کوسویه و باخرز بعمارت برج و بارو و دخنق مامور کردانید

³⁾ Там же: شهر را اجنان استوار کردانید که هیچ بلاد شاهی و شهریاری را بالشکرهای کران بمحاصره او چشم درنیدند

⁴⁾ А. М. Беленицкий, цит. статья, стр. 176.

ным распадом государства Хулагуидов, в связи с общим ростом феодальной раздробленности в XII—XIV вв., и отсутствием прочных экономических связей Хорасана с западными областями государства Хулагуидов.

Однако Курты все же не добились того, чтобы монгольское владычество превратилось в «почти исключительно внешнее». Что монгольские наместники Хорасана не только делали «попытки вмешательства в дела Герата», но и в известных пределах осуществляли реальную власть над владениями Куртов, видно из того, что вплоть до конца периода, описанного Сейфи, как мы уже говорили, наместники Хорасана собирали податные суммы с владений Куртов¹⁾. Не подтверждается и другой вывод А. М. Беленицкого, что «Герат и его район оказались единственной областью Хорасана, *сравнительно рано*²⁾», освободившейся от монгольского наместника и гарнизона³⁾. Как мы видели выше, монгольский наместник (шихна) в Херате упоминается у Сейфи еще под 714 г. х. = 1314/5 г. н. э.⁴⁾. Полной фактической независимости Курты добились, вероятно, только ко времени политического распада государства Хулагуидов.

Возвращаясь к вопросу об использовании раийитов на строительных работах в порядке повинности, заметим, что, по рассказу Сейфи, Курты, усмирив своих непокорных вассалов, заодно круто расправлялись с раийитами этих последних. Так, мелик Гийяс-ад-дин I Курт, усмирив в 719 г. х. = 1319 г. н. э. непокорного вассала мелика Яналтегина ферахского, увел толпу «мятежников в цепях в Херат и там назначил их к делу устройства рва и стен крепости⁵⁾». «И ферахийцы, — повествует далее Сейфи, — каждый день до второго намаза месили глину и лепили кирпичи для цитадели (хисар), бани, дворца (кушк), бассейна (хоуз) и ханакаха мелика ислама (= Гийяс-ад-дина), а после второго намаза они, как разбежавшиеся скороходы, толпами и группами, по десять и по пять человек, бродили по базарам, улицам и домам и нищенством и выставлением на показ своей бедности добывали пропитание и одеяние⁶⁾».

Ценно в труде Сейфи, между прочим, то, что в нем приведены различные официальные документы, в копиях или сокращенном изложении. Приводим здесь перевод ал-тамги эмира Ноуруза по поводу заселения Херата после разорения его никудерийцами в 688 г. х. = 1289 г. н. э., адресованной к феодалам Хорасана⁷⁾: «Ярлык падишаха Газана, сына

1) Сейфи, стр. 649, 745, 783. Подробности см. выше.

2) Курсив наш.

3) А. М. Беленицкий, цит. статья там же.

4) Сейфи, стр. 624 (см. выше).

5) Там же, стр. 739: در زنجير كشيد و بكار عمارت خندق و باره حصار مامور كردانيد

6) Там же, стр. 742: و فراهيان هر روز تا نماز ديگر در پاي حصار و حمام و كوشك و حوض و خانقاه ملك السلام كل ميكشيدند و خشت ميزدند و بعد از نماز ديگر چون فراش ميثوت فوج فوج و گروه گروه ده كان و بنجكان در بازارها و كويها و سرايا ميكشند و بكداي و اظهار بي نواي خورش و بوش حاصل ميكرد

7) Там же, стр. 384.

Аргун-хана, сына Абака-хана, постоянно действителен в том смысле, дабы я, Ноуруз, довел город Херат до состояния населенности и процветания¹⁾ и из разных частей Хорасана снова потребовал бы там, что когда прибудет к вам копия ярлыка справедливого падишаха Газана и моя ал-тамга, и вы осведомитесь об их содержании, вы снова отошлите людей хератских, которые в том вилайете²⁾ находятся, не препятствуйте им идти в эту сторону (= в Херат)³⁾ и не стремитесь к ослушанию и уклонению от высочайшего указа падишаха нашего времени, дабы та область⁴⁾ от резни и грабежа пребывала невредимой и безопасней⁵⁾. Ал-тамга эта датирована 690 г. х. = 1291 г. н. э., когда царевич Газан был еще только наместником Хорасана, почему он и не именуется в тамге ханом и султаном.

Из прочих документов, приведенных у Сейфи, отметим: письмо эмира Ноуруза к мелику Шемс-ад-дину II (Младшему) Курту⁶⁾; ответ на письмо последнего⁷⁾; договорные грамоты ('ахд-намэха) чагатайского царевича Ясавура и хулагуидского хана Абу-Са'ида⁸⁾; письмо мелика Гийяс-ад-дина Курта к эмирам Хорасана по поводу ожидаемого похода царевича Ясавура из Земиндавера к Херату, написанное в месяце сафаре 718 г. х. = апреле 1318 г. н. э., после получения писем от хакимов Газны и Гермсира с уведомлением о военных приготовлениях Ясавура⁹⁾; содержание письма царевича Ясавура к мелику Гийяс-ад-дину Курту, писанного в месяце джумаде II 718 г. х. = августе 1318 г., и ответное письмо последнего¹⁰⁾.

Сейфи уточняет датировки правления меликов из династии Куртов. Согласно Сейфи, жалованная грамота великого хана Менгу-каана о назначении мелика Шемс-ад-дина I (Старшего) Курта правителем Херата и соседних областей была выдана в месяце рамазане 645 г. х. = январе 1248 г. н. э.¹¹⁾ Если не самое содержание грамоты, приведенное у Сейфи, то датировка ее, вызывает сомнение. В ней, в числе отданных этому мелику в управление округов и областей, поименованы: Джам, Бахерз, Кусуйя, Харэ, Фушендж, Азаб, Тавалик, Гур, Фируз-кух, Гарчистан, Мургаб, Фарйаб, Меручак и земли до реки Амуйя, Исфизар, Ферах, Седжестан (= Систан), Текинабад, Кабул, Тирах, Бустистан и Афганистан до берегов р. Синда (Инда) и до границ Индии (Хинду)¹²⁾.

Некоторые из этих областей были подчинены Куртами силой оружия позже, как, например, Афганистан в 648 г. х. = 1250/51 г. н. э. Джу-

1) Термин «абадани», как отметил еще В. В. Бартольд (Введение к изданию «Худуд ал-алем», М.—Л., 1930, стр. 26, прим. 1) не поддается точному переводу, означая «состояние населенности и процветания»; мы переводим его этими двумя словами.

2) Т. е. те хератцы, которые разбежались после погрома 1289 г.

3) Сейфи, стр. 384: آمدن بدین جانب مانع نباید و

4) Букв. «те пределы» آن حدود

5) Там же: از قتل و نهب سالم و ایمن باشد

6) Там же, стр. 386.

7) Там же, стр. 387—389.

8) Там же, стр. 659—669.

9) Там же, стр. 678—680.

10) Там же, стр. 680—688.

11) Там же, стр. 169—171.

12) Там же, стр. 169.

войны также упоминает о пожаловании Куртам монгольским великим ханом Менгу-кааном, «меликства Херата, Систана, Балха и всей стороны до границ Хиндустана», но дает другую датировку—649 г. х. = 1251/2 г. н. э.¹⁾ Мелик Шемс-ад-дин I был отравлен в Тебризе в месяце ша'бана в 676 г. х. = январе 1278 г. н. э.²⁾ Мелик Шемс-ад-дин II (Младший, он же Руки-ад-дин) правил не в 677—682 гг. х. = 1278—1283 гг. н. э., как указано у С. Лэн-Пуля — В. В. Бартольда³⁾, а в 676—694 г. х. = 1278—1294/5 г. н. э. Его сын и преемник мелик Фахр-ад-дин, согласно Сейфи, в течение 7 лет содержался отцом в заключении⁴⁾, в 693 г. х. = 1293/4 г. н. э. бежал к эмиру Ноурузу и по ходатайству последнего был прощен отцом⁵⁾. Меликом хератским Фахр-ад-дин стал только в 694 г. х. = 1294/5 г. н. э.⁶⁾ Его отец Шемс-ад-дин II, проживавший на покое, умер в 705 г. х. = 1305/6 г., сам же мелик Фахр-ад-дин умер 24 ша'бана 706 г. х. = 28 февраля 1307 г. н. э.⁷⁾ Следовательно, он правил не в 684—707 г. х. = 1285—1307 г. н. э., как у Лэн-Пуля — Бартольда⁸⁾.

Отметим в заключение некоторые ценные для исследователя внутренние истории Хорасана детали, содержащиеся в труде Сейфи. Одним из важных вопросов социально-экономической истории стран Среднего Востока является сохранение еще в XIII—XV вв. рабовладельческого уклада в феодальном обществе, причем труд рабов применялся отчасти в поместьях землевладельцев и в государственных мастерских (карханат)⁹⁾. Только у Сейфи мы находим краткое сообщение о построении карханэ в Херате в 663 г. х. = 1264/5 г. н. э. по приказу хулагуидского государя Абака-хана. Мелик Шемс-ад-дин I хотел построить карханэ внутри города, дабы эта постройка способствовала его процветанию, но монгольский шихна Меркитай воспротивился, говоря, что согласно указам Чингиз-хана и его преемников никакой мелик или шихна не должен возводить построек (общественных?) внутри города Херата¹⁰⁾. Несмотря на все старания мелика Шемс-ад-дина, карханэ было построено за городом, к югу от него. Для карханэ из разных местностей Хорасана были присланы мастера и строители¹¹⁾; напротив карханэ устроили базар близ Фирузабадских ворот. В соответствии с тем, что мы знаем об органи-

1) Тарих-и джехан гушай, изд. перс. текста Gibb memorial series, т. II, стр. 255.

2) Там же, стр. 362.

3) Стэнли Лэн-Пуль, Мусульманские династии. Перевел с английского с примечаниями и дополнениями В. Бартольд, СПб, 1899, стр. 212.

4) Сейфи, стр. 391—392, со ссылкой на «Курт-намэ» Раби'и Бушенджи.

5) Там же, стр. 397—399.

6) Там же, стр. 400.

7) Там же, стр. 509—510.

8) Лэн-Пуль, цит. соч. стр. 212.

9) И. П. Петрушевский, Хамдаллах Казвини как источник по социально-экономической истории Вост. Закавказья в «Известиях АН СССР», ОНН, 1937, № 4, стр. 916; А. М. Беленицкий, К вопросу о социальных отношениях в Иране в хулагуидскую эпоху. «Советское востоковедение», т. VI, 1948, стр. 122—124.

10) Сейфи, стр. 285: حکم پادشاه جنکین خان واکتای خان و هلاکوخان و آبقاخان آنست که هیچ ملک و شحنة اندرون شهر هراقره اعمارت نکنند

11) Там же: القصبه از اطراف خراسان استادان واره وبنان باهر حاضر کردند

зации карханэ¹⁾), можно не сомневаться в том, что там под началом мастеров (устадан), вероятно свободных, работали и ремесленники-рабы, хотя Сейфи не сообщает никаких подробностей относительно внутренней организации карханэ. Сейфи говорит лишь, что следы строений карханэ существовали еще в его время²⁾.

Заслуживает внимания сообщение, что мелик Шемс-ад-дин I боролся с исмаилитской пропагандой. В 666 г. х. = 1267/8 г. н. э., проезжая по мосту канала Инджиль, он увидел двух подозрительных людей и спросил их: «Вы кто такие?»—«Мы странники из Абиверда». Мелик велел задержать и допросить их. Каждому из них дали по 200 палок, тогда они сознались (или, быть может, были вынуждены к «сознанию» истязаниями³⁾), что они исмаилитские агенты, прибывшие из Кухистана⁴⁾), дабы убить мелика Шемс-ад-дина⁵⁾). Этот рассказ показывает, что и после падения исмаилитского государства в Иране (1256 г.) исмаилиты продолжали считаться политически опасными. Мы убеждаемся также, что во время монгольского владычества, при режиме повсеместного прикрепления ра'йятов к месту приписки, передвижение по городам Ирана для «простых людей» вовсе не было делом свободным и безопасным. На общую подозрительность властей указывает и персоязычный сборник официальных документов начала второй половины XIV в. (около 1360 г.). «Дастур-ал-катиб», в котором приводится указ, повелевающий градоначальникам задерживать и подвергать строгому допросу бродяг и странников при малейшем подозрении⁶⁾).

Интересно сообщение Сейфи о существовании в Херате христианской общины еще в первой четверти XIV в. Это едва ли не самое позд-

¹⁾ Рашид-ад-дин, Джами' ат-таварих, Стамбульская рукопись (фотокопия ИВ АН), лл. 667—672; Рашид-ад-дин. Сборник летописей, т. III, русский перевод А. К. Арендса, М.—Л., 1946, стр. 300—302.

²⁾ Сейфи, стр. 285: کارخانه عالی که امروز آثار آن لایح است ساختند

³⁾ Кухистан в XII—XIII вв. был одним из главных очагов исмаилитства.

⁴⁾ Сейфи, стр. 302.

⁵⁾ Рукопись ИВАН, без № (снятая В. Тизенгаузеном копия с венской рукописи — 185), л. 526; там же, лл. 2026—203а (из инструкции эмиру'асасов—начальнику

ночных стражей): اکبر کسی را از رنود و اویش بترددیند گرفته بعسس کاه
برند تا او بتحقیق حال آن کس مشغول شده اگر محل تهمت باشد
موقوف داشته تلایب و باز خواست بلیغ بجای آرد و اگر مردی پیشه کاریا
از تهمت دور باشد رسم عسسی سته رها کند

—«Если он (= эмир'асасов) заметит кого-нибудь из подонков и черни шатающимися, то, схватив, пусть отведут того человека в караульную, дабы заняться выяснением обстоятельства его; если будет основание для подозрения, пусть он учинит наказание и основательный розыск, если же окажется, что это ремесленник или не подозрительный, пусть, взяв с него сбор в пользу 'асаса, освободит». — В ферхенге Шемс-и Фахри (изд. К. Залемана, Казань, 1885, стр. 134—135), составленном в 745 г. х. = 1344 г. н. э., мы находим указание, что для свободного передвижения необходим

был пропуск «гузарнамэ» و گذرنامه
مکتوب جواز که در راهیا بنمایند و
بگذرند... در مسالک مسافر تقدیر از نفاذش برد گذرنامه

—«Гузар-намэ—пропускная грамота, которую предъявляют на дорогах и проходят. На дорогах путник несет (с собою) предписание о проходе своем—гузар-намэ (—проходная грамота)».

нее упоминание о христианских общинах в Хорасане. К 70-м гг. XIII в. относится упоминание о христианском (несторианском) монастыре и епископе в Тусе¹⁾. О христианах в Херате, сколько нам известно, имеются упоминания, относящиеся к предмонгольскому времени²⁾. По рассказу Сейфи, в 720 г. х. = 1320 г. н. э. несколько человек из христиан приняли ислам³⁾. Мелик Гийяс-ад-дин, «дабы прославить ислам и склонить зиммиев (ахл-и зиммэ)⁴⁾ к вере Ахмедовой» (= мухаммеданству), повелел сказать новообращенным чрезвычайные почести—возить их по городу верхом на пожалованных лошадях с барабанами и «знаменами ислама», одарил их и «каждому из них отдельно дал высокую грамоту, действительную навечно и повсеместно, изыскающую в том смысле, что да будут они изъяты и освобождены от всех чрезвычайных налогов ('аваризат) и отягощений диванских»⁵⁾. Легко можно догадаться, что подати и повинности, от которых были избавлены новообращенные, были возложены на их прежних единоверцев, дабы оказать на них давление и побудить к принятию ислама.

Сейфи упоминает о борьбе Куртов с «разбойниками». По всей вероятности, значительная часть этих «разбойников» состояла из беглых крестьян и обедневших кочевников, подобных тем крестьянским повстанцам, о которых сообщает Рашид-ад-дин⁶⁾. «Разбойники» иногда поддерживали мелких феодалов, не желавших подчиниться Куртам. Так, в 654 г. х. = 1256 г. н. э. мелик Шемс-ад-дин I осаждал крепость Дуки, принадлежавшую некоему Синдану афганцу⁷⁾, собравшему тысячу храбрых людей «из 'ра'ийятов, слуг и гулямов своих⁸⁾»; кроме того, к защитникам крепости присоединилось «около тысячи других людей из укрывающихся (т. е. беглых крестьян — И. П.) и придорожных разбойников»⁹⁾.

К югу от крепости Дуки, взятой меликом Шемс-ад-дином I, «толпа афганских разбойников»¹⁰⁾, числом до 700 человек, в течение будто-бы «псчти ста лет» держала в своих руках все дороги. В 655 г. х. =

1) Histoire de Mar Jabalaha, patriarche des Nestorians, traduite du Syriac et annotée par J. B. Chabot, Paris, 1895, p. 26.

2) Хамдуллах Казвини, Нузхат ал-кулуб, цит. изд., перс. текст, стр. 152; Минхадж-ад-дин Джужджани (Табакат-и Насири, изд. перс. текста Nassau Lees, стр. 351—352) говорит о гибели в Херате во время резни 1222 г. как мусульман, так и «неверных».

3) Сейфи, стр. 782: جند تن از ترسايان مسلمان شدند

4) Зиммии—иноверцы, подданные мусульманского государства, уплачивающие подушную подать (христиане, евреи, зороастрийцы).

5) Сейфи, стр. 782: و هر يك را عليحده مثال عالي لايزال في الاقطار
نافذا ناطق در معنى آنكه از كل عوارضات و زحمات ديوانى معاف و مسلم باشد داد

6) Джамии' ат-таварих, Стамб. рукопись, лл. 642, 639. 644; Сборник летописей, т. III, русск. перевод А. К. Арендса, стр. 268—270.

7) Сейфи, стр. 214: سندان افغان

8) Там же, стр. 215: از رعيت و خدم و غلمان سندان

9) Там же стр. 214: از متواريات و قطاع طريق قرب هزار مردديگر

10) Там же, стр. 221: طايفه دزدان افغانى

1257 г. н. э. мелик послал против них 2000 своих нукеров, которые разбили и пленили «разбойников». Из числа пленных 70 человекам отрубили руки. «И всех жен, детей, приверженцев и последователей, стада и табуны их привели на служение к мелику»¹⁾.

Заслуживает внимания сообщение Сейфи о том, что собственное ополчение Куртов состояло из гурцев, хератцев, т. е. хератских таджиков, систанцев, белуджей и халаджей т. е. хильджиив²⁾.

На основании труда Сейфи можно наметить следующую схему периодизации истории города Херата.

I этап—от вторичного взятия города монголами в ноябре 1222 г. до 1236 г. В это время город лежал в развалинах; город и округ были почти полностью обезлюжены.

II этап—от восстановления города по указу великого хана Оготай-каана в 1236 г. до 1269 г. В это время город постепенно заселялся и возрождался, хотя, конечно, далеко не мог достигнуть того уровня развития, какого он достиг к началу XIII в. До 1268 г. рост Херата, видимо, еще не внушал особых опасений монгольским ханам.

III этап—от войны Абака-хана хулагуидского и Борак-хана чагатайского за обладание Хорасаном и от указа Абака-хана о выселении из Херата всех жителей в 669 г. х. = 1270/71 г. н. э. до оккупации Херата монгольским эмиром Буджаем в 712 г. х. = 1312/3 г. н. э. и примирения мелика Гийяс-ад-дина с Ольджайту-ханом. Еще со времен Чингиз-хана в верхних слоях монгольских завоевателей существовало реакционное течение ревнителей монгольской кочевой старины, враждебно относившихся ко всякому сближению с покоренными оседлыми народами, к оседлой культуре и городской жизни и считавших опасным возрождение больших «мусульманских» городов-эмпориев, разрушенных при Чингиз-хане³⁾. Еще когда Оготай-каан в 1236 г., по совету своих приближенных—таджикских купцов и откупщиков, задумал восстановить Херат, многие монгольские эмиры (= нойоны) возражали, говоря, что горожане таджики за крепким валом, стенами, башнями и рвом спокойны не будут и приказам правителей монгольских покорны не будут, а подымут мятеж⁴⁾. Тогда эти соображения не были приняты великим ханом, который считал полезным возродить этот город. Но за тридцать слишком лет после 1236 г. взгляд монгольских завоевателей изменился. Город Херат переживал, как казалось им, слишком бурный рост. В 1248 г. он стал центром быстро усилившегося княжества Куртидов, которые уже в 60-х гг. XIII в. стали проявлять сепаратистские тенденции, поддержав врага Хулагуидов, чагатайского хана Борака

¹⁾ Сейфи, стр. 223.

²⁾ Там же, стр. 506—507.

³⁾ В. В. Бартольд, История Туркестана, стр. 39, 40—41; его же, История культуры жизни Туркестана, стр. 89—92; А. Ю. Якубовский, Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Вост. Европой в X—XV вв., в «Материалах по истории Узбекской, Таджикской и Туркестанской ССР», М.—Л., 1933, стр. 53—54; его же, тимур (опыт характеристики), «Вопросы истории», 1946, № 8—9, стр. 49—52; С. П. Толстов, По следам древнехорезмской цивилизации, М.—Л., 1948, стр. 318—319; И. П. Петрушевский, Из истории Бухары в XIII в., «Ученые записки Ленинградского университета», Серия востоковедческих наук, вып. 1, 1949, стр. 111—112.

⁴⁾ Исфизари, цит. рук., л. 220а. Рассказ Исфизари основан на более подробном рассказе Сейфи (стр. 96—103), который ссылается на «Ахлак-и хани».

(1269 г.). Да и Борак вторгся в Хорасан отчасти потому, что его привлекали богатства Херата. Курты извлекали из Херата большой доход, укреплявший их могущество, а сами избегали платить подати в центральный ханский диван. Город тогда уже располагал укреплениями и башнями¹⁾. Все это группа монгольских эмиров указала Абака-хану и добила его указа о выселении всех без исключения жителей Херата в 1270 г.²⁾. После этого, как было сказано выше, город несколько раз подвергался осадам, разграблениям и обезлюживался монголами³⁾. Таким образом, в течение этого этапа рост Херата несколько раз прерывался благодаря этим катастрофам, отчасти в связи с политикой ханов Хулагуидов. Во всяком случае, не может быть и речи о том, чтобы этот этап считать временем роста и мирного расцвета города Херата.

IV этап—с 1314 г. н. э. до завоевания его Тимуром в 1381 г. С 1314 г. монгольские нападения на Херат прекратились. Кровавое нашествие царевича Ясавура на Хорасан в 1318—1319 гг. и гражданская война в Хорасане 1337—1353 гг. в связи с образованием Сербедарского государства не сопровождались взятием Херата, хотя, вероятно, отрицались неблагоприятно на его экономическом развитии. Все же в течение данного этапа город переживал медленный экономический рост, связанный, как правильно отметил проф. М. Е. Массон, не столько с восстановлением городских укреплений Куртами в XIII в. (и, прибавим мы, не столько с усилением политического могущества династии Куртов), сколько с «положением на пересечении торговых путей между Западной Азией, Туркестаном, Китаем и Индией при отсутствии конкуренции со стороны находившихся тогда в страшном разорении Мерва и Балха»⁴⁾. Падение тяжелого монгольского владычества в Хорасане (между 1336 и 1353 гг.) также должно было способствовать экономическому росту Херата, хотя, конечно, этот рост не идет в сравнение с тем процветанием, какого этот город достиг позднее, в XV в.

Указанная периодизация является, конечно, первой наметкой. Построению более точной периодизации мешает крайняя скудость сообщений источников о внутренней жизни Херата при Куртах. Как мы уже говорили, в этом отношении Сейфи не является исключением; о внутренней жизни Херата, о жизни городских кварталов, ремесленных цехов и духовных корпораций, о базарах и торговле города, он не сообщает почти ничего. О горожанах Сейфи говорит только в связи с рассказами об осадах города или о строительных работах Куртов в Херате, и если упоминает о купцах⁵⁾ или о ремесленниках⁶⁾, то лишь вскользь и в самых общих выражениях.

Приведенная схема периодизации относится лишь к истории самого города Херата, а не к истории княжества Куртов. История последнего изучена еще недостаточно, и периодизация ее являлась бы преждевременной.

¹⁾ Это видно из Сейфи (стр. 331), согласно которому монгольские эмиры предлагали Абака-хану «разрушить ворота и башни его» (города Херата)—
درب و برج او خراب كنيم

²⁾ Сейфи, стр. 331—333.

³⁾ См. выше, стр. 139—142.

⁴⁾ М. Е. Массон, цит. статья, стр. 124.

⁵⁾ Например, Сейфи, стр. 593.

⁶⁾ Там же, стр. 624.

Общий вывод: труд Сейфи, несмотря на его тенденциозность и панегирический тон по отношению к династии Куртов и на известную односторонность в изображении событий, является ценным источником по истории Восточного Хорасана, как политический, так и социально-экономической (феодалыные отношения). Благодаря независимости Сейфи от официальной точки зрения ильханского (Хулагуидского) правительства, сообщения Сейфи о состоянии сельского хозяйства и феодальных отношениях в Восточном Хорасане дают полезный для исследователей корректив к сведениям Рашид-ад-дина и других историков — сторонников ильханов. Как современник и отчасти очевидец (для периода 1289—1321 гг.) изображенных им событий, Сейфи, как источник, гораздо ценнее для исследователей, нежели относящиеся к этому же периоду рассказы более поздних компиляторов — Хафиз-и Аbru и Му'ин-ад-дина Исфизари.

ХАНАКА В МЕХНЕ

Культурная деятельность передовых представителей русской интеллигенции в дореволюционном Туркменистане захватывала различные области жизни края — в частности область археологии.

Живой интерес к остаткам материальной культуры древности был проявлен уже в первые годы после вхождения Закаспия в состав России¹⁾. Между прочим, еще в 80-х годах была осуществлена фото-фиксация ряда старинных памятников монументальной архитектуры.

Часть этих снимков, бывших на руках проф. В. А. Жуковского, перешла в архив Археологической комиссии, откуда после революции попала в фототеку Института истории материальной культуры АН СССР (ныне его Ленинградского отделения). Некоторые из них лишены подписей, а потому до последнего времени оставались не определенными, поскольку самих памятников, разобранных ради кирпича, давно уже не существует²⁾. Один из этих не определенных снимков (шифр 0—680,19) изображает монументальное, полуразрушенное здание с массивным куполом на барабане; отпечаток с него имеется также в рукописном отделе Института востоковедения АН СССР в Ленинграде, причем на обороте указано лишь, что фотография попала сюда из собрания академика В. В. Бартольда. Был ли этот снимок выполнен А. В. Комаровым (до 1888 г.) или самим В. А. Жуковским в 1896 г. во время его второй поездки с археологической целью в Закаспий³⁾, установить пока невозможно.

Опознать же сам памятник нам удалось при просмотре фотографий собрания Музея истории УзССР (в Ташкенте). Здесь оказалась фото-репродукция с картины маслом 1902 г. художника К. С. Мишина, изображавшей тот же архитектурный памятник, который представлен на упомянутой фотографии из ЛОИИМК. На обороте надпись: «Мечеть в Меана»⁴⁾. Все разъяснилось.

Так называемой мечети в Меана давно уже не существует. Повидимому, полуразрушенный памятник рухнул при землетрясении, кирпич был разобран жителями Меаны, после чего остался стоять единственный устой его былой порталной арки. В таком виде застал его в

¹⁾ См. статью «Закаспийская область в археологическом отношении», Туркестанские ведомости, 1888, № 24—25.

²⁾ См. например два кирпичных мавзолеев (как будто с одного из мургабских гор-родищ), опубликованных в нашей статье «Архитектурные памятники Дахистана, Аби-верда, Серахса», Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951 [1953].

³⁾ Отчеты Археологической Комиссии, 1896, стр. 105.

⁴⁾ По данным А. А. Семенова, подлинник картины хранился в Туркменском государственном музее.

1926 г. А. А. Семенов¹⁾), в таком виде он был обследован VII отрядом ЮТАКЭ в 1949 г.²⁾.

Здание стояло в комплексе с доныне сохранившимся мавзолеем шейха Абу-Саида Мехнейского. Детальной историко-архитектурной характеристике последнего мы посвящаем специальную статью. Здесь же коснемся его лишь в меру связи с историей создания «мечети».

Рис. 1. Ханака в Мехне. Фото конца XIX столетия.

Мехне упоминается арабскими географами начиная с X в. Макдиси пишет о нем, как о городе области Абиверд: «Мехне — маленький город, вокруг него стена, в нем соборная мечеть, которая пришла в ветхость»³⁾; в «Худуд ал-алем» добавлено, что он «лежит в пустыне»⁴⁾. Между тем биограф Абу-Саида, Мухаммед Ибн-ал-Мунаввар отмечает,

¹⁾ А. А. Семенов. По закаспийским развалинам, Известия Средазкомстариса, вып. III. Ташкент 1928, стр. 71; его же. Развалины Мейхене и Чехче в древнем Хаверане, Известия Таджикского филиала АН СССР, 1946, № 12, стр. 49, 60.

²⁾ Отряд работал в составе М. Е. Массона, Г. А. Пугаченковой и К. Мухаммадбердыева.

³⁾ Материалы по истории туркмен и Туркмении (МИТТ), т. I, М.—Л., 1939, стр. 192, 201 — прим. 2.

⁴⁾ МИТТ, I, стр. 212.

что в XI в. Мехне процветал, вмещая множество жителей¹⁾). Археологические наблюдения 1949 г. на городище Меана также наглядно показали, что наиболее интенсивное развитие города падает именно на XI—XII вв. Неисчислимые бедствия были нанесены ему в середине XII в. гузами, почему в начале XIII столетия Якут именует его лишь «селением Хабрана»²⁾).

К XI в. раннесредневековый городок Мехне, густонаселенная часть которого располагалась возле крепости, стал заметно многолюднее. Город начал интенсивно разрастаться. Экономика Мехне, лежавшего на большой дороге из Серахса в Мерв, в значительной мере базировалась на хлебной торговле; область Абиверд почиталась в средневековье одной из «житниц» Хорасана; великолепные урожаи зерновых культур составляют и в наши дни основное богатство колхозов Меанинского района. Археолого-топографическое изучение городища, осуществленное в 1949 г. М. Е. Массоном, показало, что территория Мехне XI—XII вв. характеризуется довольно четкой планировкой — наличием нескольких длинных, почти параллельных улиц, расчлененных отрезками улочек к ним перпендикулярных. Большая часть домов была здесь воздвигнута из сырового кирпича, некоторые — из жженого, причем иные из них были облицованы плитками резной терракоты³⁾).

Мавзолей Абу-Саида появляется в Мехне в пору сложения и утверждения сельджукского государства, в пору экономического подъема Хорасана.

Личность этого шейха (968—1049 г.) не раз привлекала к себе внимание исследователей⁴⁾. Для нас он интересен не своим теософско-литературным наследием, не «житиями» и не поучительными сентенциями, но как видная историческая фигура, сыгравшая немалую роль в некоторых эпизодах политической и духовной жизни северного Хорасана XI в.

Сын богатого аттара (аптекаря) Абул-Хайра, вращавшегося в среде придворного окружения Махмуда Газневидского, Абу-Саид получил превосходное образование. Но в противовес своему выдающемуся современнику — стихийному материалисту, врачу и философу Авиценне, Абу-Саид с юных лет отдался изучению богословских наук. Человек, несомненно, больших природных дарований, впитавший тонкости современной ему культуры, он пошел по пути мистических исканий, став одной из главных фигур в суфизме, широкое распространение которого отме-

1) МИТТ, I, стр. 344.

2) МИТТ, I, стр. 342.

3) М. Е. Массон. Некоторые итоги работ ЮТАКЭ и перспективы археологического изучения Южного Туркменистана. Известия АН Туркменской ССР, 1951, № 1, стр. 95—96.

4) Наиболее разработанная литература об Абу-Саиде Мехнейском, с критическим изданием текстов—его или о нем, содержится на русском языке. См. В. А. Жуковский. Тайны единения с богом в подвигах старца Абу-Саида. СПб., 1899. Его же. Жизнь и речи старца Абу-Саида Мейхенейского. СПб., 1899. А. А. Семенов. Мусульманский мистик и искатель бога X—XI вв. по Р. Х. Асхабад, 1905. А. Крымский. История Персии, ее литературы и дервишской теософии, т. II. М., 1906, стр. 69 и сл. А. А. Семенов. По закаспийским развалинам... цит. соч., Его же. Развалины Мейхене... цит. соч., Извлечения из «Асрар-ат-тавхид фи макама шейх Абу-Са'ид» Мухаммеда ибн ал-Мунаввара Мейхени, в пер. С. В. Волина. МИТТ, I, стр. 343 и сл.

чено в Хорасане XI—XII вв. Аскетизм, подвижничество, общение с другими видными суфиями эпохи, основание первой в Хорасане дервишской обители — ханаки, проповедь отречения — всем этим Абу-Саид завоевал в свое время широкую известность.

В беспокойную эпоху, протекавшую среди непрерывных феодальных войн, борьбы за территории и власть, своеволия и произвола правящих классов, неуверенности в завтрашнем дне, суфизм был для народа той тонкой отравой, которая усыпляла души, парализуя в них волю к активной борьбе, к протесту, к осуждению существующих порядков. Вот почему «еретические», противные догматике ортодоксального мусульманства теософские положения суфизма не только не встречали оппозиции в среде местных крупных светских феодалов, но даже, напротив, ими поощрялись. Представители различных династий, феодалы — обладатели обширных территорий или претенденты на них, богатые купцы, государственные деятели, охотно признавали своими «пирами» — духовными наставниками видных вождей суфизма.

К числу последних принадлежал и шейх Абу-Саид. Покинув Газну и пройдя ступени обучения у известных шейхов Мерва и Серахса, он прибыл в Мехне, где подверг себя «искусу одиночества». Здесь он провел большую часть своей жизни, хотя впоследствии переселился в Нишапур. Возросший авторитет Абу-Саида побудил обратиться к нему за «благословением на власть» сельджукидов Чагры и Тогрула, между которыми он распределил завоеванные области, «вручив», как пишет его панегирист, первому Хорасан, второму Ирак¹⁾. К нему специально заезжал на пути в Мерв известный государственный деятель Низам-аль-Мульк²⁾. По смерти Абу-Саида шейхи не замедлили создать культ вокруг его могилы. В следующих столетиях к последней проявляли знаки внимания Султан Санджар³⁾, хорезм-шах Иль-Арслан⁴⁾, Газан-хан⁵⁾.

Вопрос о времени создания мавзолея Абу-Саида уточняется некоторыми историческими сведениями. Умер он в 1049 г., причем по одним данным, якобы, он был погребен в Нишапуре, но по другим, в день смерти находился в Мехне, где и был похоронен⁶⁾. Однако никаких сведений о могиле Абу-Саида в Нишапуре как в средние века, так и в наши дни нет. Между тем, культ усыпальницы этого шейха в Мехне, отпавший еще до недавнего времени, засвидетельствован разнообразными историческими источниками с XII века.

К XI в. на окраине Мехне, в стороне от густо застроенных улиц и базарных площадей, стоял старый рабат Зак'ал. Есть известие, что в период прохождения «искуса одиночества» Абу-Саид по ночам уходил из своего дома в «старый рабат», внутри которого была мечеть. Мечеть эта, видимо, была также старой и плохо охранялась, ибо здесь он записался изнутри и до утра творил молитвы. Согласно Мухаммед ибн ал-Мунаввару, Абу-Саид купил себе участок старого рабата, отстроив здесь большой дом. Здесь поселились суфии и место стало именоваться «машадом» («святыней»). Фарид-ед-дин Аттар (XIII в.) сообщает, что когда

¹⁾ МИТТ, I стр. 344.

²⁾ МИТТ, I, стр. 346.

³⁾ МИТТ, I, стр. 347.

⁴⁾ МИТТ, I, 348. В. А. Жуковский. Жизнь и речи... цит. соч., стр. 3—4.

⁵⁾ Рашид-ад-дин. Сборник летописей. т. III, М.—Л., 1946, стр. 228—229.

⁶⁾ А. А. Семенов. Тайны единения... цит. соч., стр. 40.

перед смертью Абу-Саида друзья спросили, желает ли он быть погребенным «на земле шейхов и великих людей», последний отказался, возразив, что желает покониться на том же холме, что и простой люд¹⁾). Мухаммед ибн ал-Мунаввар пишет значительно точнее, что шейх скончался в большом помещении (сума'а) своего вышеупомянутого дома в Мехне, «что против машада», где и пожелал быть похороненным²⁾). А. А. Семенов истолковывает это в том смысле, что «...Теперешний мавзолей стоит там же, где был машад, может быть даже план мавзолея, столь простой и вместе с тем удобный для дервишских радений взят строителем с плана машада. Что касается дома шейха, то он мог помещаться или на том месте, где теперь стоят руины мечети, или с юго-восточной стороны мазара... Дом шейха был немалый (его называли сараем, т. е. дворцом). В нем была обширная сума'а, т. е. помещение для дервишеских собраний....»³⁾).

Нам представляется, однако, возможным совсем иное истолкование текста. «Дом» Абу-Саида был не просто жилой дом, не дворец-сарай (для шейха-подвижника сооружение роскошного дворца было бы по меньшей мере поступком непоследовательным). Но это была обширная дервишская обитель, т. е. ханака, вмещавшая большой зал для радений (сума'а), окруженный множеством жилых келий-хужр. Местоположению же ханаки как раз и соответствуют остатки той архитектурной руины напротив мавзолея, о которой идет речь в настоящей статье. «Машадом» в XI в. именовался весь участок и строения Абу-Саида на территории брошенного «старого рабата». После же смерти шейха и сооружения для него напротив ханаки мавзолея, «машадом» стали уже именовать эту усыпальницу, как главную святыню всего комплекса; именно так ее и называет в XII в. Мухаммед ибн ал-Мунаввар.

Что касается времени сооружения мавзолея, то нет сомнений, что это произошло вскоре же после смерти Абу-Саида (1049 г.), так как кончина столь влиятельного лица, еще при жизни облеченного ореолом святости, не могла не вызвать у его последователей и поклонников стремления увековечить его память созданием над его могилой особой монументальной постройки. Возведение мавзолеев в Хорасане над прахом видных деятелей суфизма вообще получило чрезвычайно широкое распространение в XI—XII вв.⁴⁾ О культе «священной усыпальницы» Абу-Саида в Мехне в XII в. пишет его биограф Мухаммед ибн ал-Мунаввар⁵⁾. Архитектурный стиль мавзолея также подтверждает его датировку XI столетием.

В последующем мавзолей подвергался реставрациям. Наиболее значительная из них, связанная с нанесением мозаичных облицовок снаружи и живописи внутри, восходит, как устанавливается стилистическим анализом, к началу XIV столетия (прежние исследователи относили ее к тимуридской эпохе). Следующие по времени ремонтные работы осуществлялись одновременно с возведением монументального здания, ле-

¹⁾ А. А. Семенов. Развалины Мейхене... цит. соч., стр. 47.

²⁾ Там же.

³⁾ Там же, стр. 60.

⁴⁾ Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Дахистана... цит. соч., стр. 247.

⁵⁾ МИТТ, I, стр. 347.

жавшего на одной с ним осн. Одновременность работ устанавливается одинаковым стандартом кирпича и типа скрепляющего раствора.

Здание этой новой ханаки лежало на оси мавзолея Абу-Саида. Оно возведено из жженого кирпича квадратной формы, размерами от 25,5 до 27 см на 5 см толщины, на ганчевом растворе, подшлифованного с лицевой стороны.

Вход был обращен в сторону мавзолея и выделен возвышенным пештаком со сводом глубиной около 5 м. В центре размещалось обширное квадратное помещение с четырьмя арками на осях, сообщавшееся с прилежащими по трем сторонам (кроме северо-восточной) одноэтажными комнатками. Перекрытием главного зала служил стрельчатый купол на высоком барабане, основанном на восьмигранном ярусе подпружженных арок и арочных парусов, полуобрушенная конструкция которых видна на публикуемой фотографии (рис. 1). Кладка арок осуществлена «отрезками», в два ряда плашмя положенного кирпича, над которыми лежит разгрузочный ряд кирпича на-ребро. В подкупольном барабане на главных осях и диагоналях здания располагалось по большому окну стрельчатой формы, в прямоугольном обрамлении. Переход от него к скупье купола подчеркнут гульдастой из кирпичей диагональной кладки.

На сохранившейся ныне руине восточного устоя видно, что помещения были оштукатурены ганчем, причем контуры арок были подчеркнуты профилированными тягами, а углы главного зала заполняла лепнина крупных сталактитов, оформлявших арочные паруса.

В целом, судя по старой фотографии, здание оставляло впечатление величия, достигавшееся не только масштабами (высота его от первоначального уровня земли до вершины купола достигала примерно 30 м), но и монументальными пропорциями простых и строгих архитектурных форм. Жители Мехне еще помнят его голубой купол, однако, никаких других изразцовых облицовок здание, повидимому, не имело.

Сооружение это являет собою, судя по сопоставлению данных историко-топографического порядка и письменных источников, руины мехнейской ханаки. Однако это уже не ханака Абу-Саида, отстроенная им в XI в., но новое сооружение, воздвигнутое на ее развалинах.

Как установлено А. К. Писарчик, согласно норм мусульманского права, строительство на месте пришедших в упадок культовых сооружений построек гражданского назначения недопустимо и почитается святотатством. Как правило, в течение веков здания мусульманства либо подвергались ремонтам, либо на месте старых возводились новые аналогичные по назначению. Такова, например, судьба бухарской мечети Магоки-Аттари¹⁾, гератской Масджиди-джума²⁾ и многих других. Таким образом, водвигнутое напротив мавзолея Абу-Саида сооружение являло собою перестроенную ханаку, которая может быть одновременно выполняла функции мечети.

¹⁾ В. А. Шишкин. Мечеть Магоки-Аттари в Бухаре. АН УзССР. Труды Института истории и археологии. Материалы по археологии Узбекистана. Ташкент, 1948, стр. 3 и сл.

²⁾ М. Е. Массон. К исторической топографии Герата. Сб. «Великий узбекский поэт», Ташкент, 1948, стр. 129 и сл.

Появление ханака, которое, по словам В. В. Бартольда, тесно сплелено с историей мусульманского отшельничества, отмечается уже к X в., а распространение их в Азии, по мнению этого исследователя, шло с запада на восток¹⁾. Сооружение ханака в Хорасане связано с развитием здесь в XI—XII вв. дервишизма. Ханака Абу-Саида по времени появления была одной из первых, если не первой. Бедствия, которым подвергся Мехне в период «гузской смуты» (середина XII в.) и позднее, в эпоху монгольского нашествия, могли иметь последствием разрушение этой постройки, на месте которой предприимчивыми шейхами, обитавшими при «машаде» Абу-Саида, было позднее воздвигнуто новое здание ханаки, возможно даже на фундаментах старой, повторяя древний план.

Дата строительства может быть уточнена на основании архитектурного стиля самой ханаки. Характер крупной сталактитовой лепнины в угловых парусах главного помещения близок к таковой же в мечети Анау (1456 г.). Пропорции главного архитектурного объема, его мощный высокий барабан, основанный на восьмиграннике тропов, силуэт стрельчатого купола сближают его с одной из купольных построек тимуридской эпохи к северо-западу от Герата²⁾. Но особенно близка общая композиция мехнейской ханаки к зданию XV в. в Мазари-Шерифе близ Балха³⁾, которое включает большое центральное помещение крестовидного плана, с хужрами в углах, с крупными арками по фасадам, перекрытое куполом на монументальном барабане с восьмью большими окнами⁴⁾. Как гератскую, так и балхскую постройку отличает от мехнейской ханаки лишь наличие развитого изразцового декора, которого (за исключением облицовки купола) лишена наша ханака. Создается впечатление, что сооружение это было воздвигнуто во всех своих конструктивных элементах и даже закончено внутренней отделкой, но какие-то обстоятельства помешали нанесению на него обычных для монументальных сооружений XV столетия облицовок из цветных глазурованных кирпичей или наборных мозаик. Строительство мехнейской ханаки, повидимому, произошло к концу правления Султан-Хусейна Байкары, причем отделочные работы были приостановлены на грани XV—XVI вв. в период, ознаменованный тяжкими междоусобиями в Хорасане.

Планировка среднеазиатских ханака характеризуется наличием большого центрального зала для свершения дервишских радений (зикр-хана) и окружающих его келий-хужр для пребывания самих дервишей. Таковы ханаки Файзабад в Бухаре (XVI в.)⁵⁾, Надира Диван-биги (XVII в.) в том же городе, Касым-шейха в Кермине⁶⁾. Отличаясь сравнительно ограниченным числом помещений, более ранняя ханака Абу-Саида в Мехне имеет в конечном счете ту же планировку. В общей

¹⁾ В. В. Бартольд. О погребении Тимура, ЗВО, т. XVIII. 1915, стр. 7.

²⁾ O. Niedermeier. Afganistan, Leipzig, 1924, Abb. 164.

³⁾ Датировку даем по стилю архитектурных форм и облицовок этого памятника. Возможно, что здание было воздвигнуто в связи с теми строительными работами, которые предприняты были в Мазари-Шерифе в 1481 г. Султан-Хусейном Байкарой по поводу «открытия» здесь мнимой могилы пророка Алия. (См. В. В. Бартольд. Мир-Али-Шир и политическая жизнь. Сб. «Мир-Али-Шир», Л., 1928, стр. 137—138).

⁴⁾ Afganistan... op. cit., Abb. 192.

⁵⁾ Б. Н. Засыпкин. Архитектура Средней Азии. М., 1948, рис. 84.

⁶⁾ А. К. Писарчик. Памятники Кермине. Академия Архитектуры СССР. Сообщения института истории и теории архитектуры, в. 4. М., 1944, рис. 6.

Композиции здания доминирует монументальный объем зикр-ханы — «сума'а», выделенной монументальным куполом на барабане.

Характерен ансамблевый принцип постановки ханаки напротив мавзолея Абу-Санда в приеме «кош» (т. е. спаренных, противолежащих зданий), очень типичный для феодального среднеазиатского зодчества и, повидному, определившийся уже с раннего средневековья.

Ханака в Мехне дает интересный пример монументального здания, воздвигнутого зодчими Южного Туркменистана в XV столетии, стилистически сближающегося с постройками Восточного Хорасана тимуридской эпохи.

О СТЕННЫХ ИЗОБРАЖЕНИЯХ В МАВЗОЛЕЕ ТАУРУЗ-СУЛТАН (Северо-Восточная Туркмения)

Мавзолей Тауруз-султан, мало известный памятник, расположен в области хорезмских земель древнего орошения, примерно в 70 км к юго-западу от Куны-Ургенча. Он находится у юго-западного угла известных развалин Ярбекир-кала в песчаной пустыне на окраине обширной площади ныне опустевшего культурного ландшафта. Вокруг мавзолея—типичное пустынное кладбище иомутов из многих могил, отмеченных красным плоским кирпичом, взятым, очевидно, из развалин Ярбекир. Последние относятся, судя по карте С. П. Толстова¹⁾, к раннему, домонгольскому средневековью. Обращают на себя внимание хорошо заметные остатки

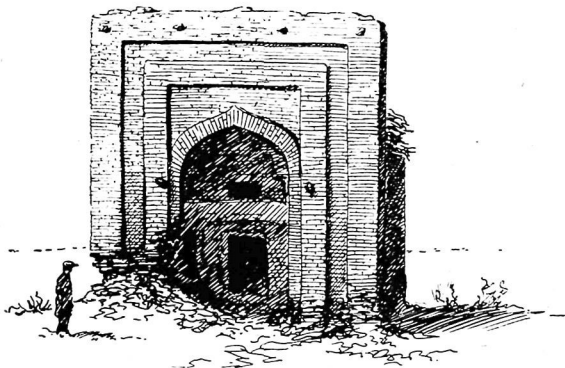

Рис. 1. Мавзолей Тауруз-султана. Главный фасад.

мощной оросительной системы и различных, ныне совершенно разрушенных, сооружений из красного кирпича, находящихся уже за пределами

¹⁾ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948, Карта в приложении.

Крепостного вала Ярбекир-кала. Кроме этих древних сооружений, имеются и более новые, в частности — остатки небольших укреплений, уже из сырцового кирпича и, вероятно, относящихся к XVIII—XIX столетиям. К числу этих новых сооружений относится, судя по словам местных жителей, и интересующий нас мавзолей. Сам мавзолей — удовлетворительной сохранности, простого устройства, небольших размеров. Ни внешней, ни внутренней керамической отделки нет; не нашли мы и ее следов. Находящаяся в мавзолее могила Тауруз-султана поддерживается в большом порядке и теперь. Внутренняя отделка мавзолея — из белой штукатурки. Общий вид мавзолея виден на прилагаемом рисунке. Отсутствие времени (нам приходилось заниматься зоологическими исследованиями) не позволило произвести каких-либо обмеров памятника и установить по расспросам, кто был Тауруз-султан.

На наш взгляд, значительный интерес представляют собою обнаруженные нами на стенах мавзолея различного рода изображения. Насколько известно, подобного рода рисунки весьма редки в туркменских памятниках, в особенности поздних. Нам лично приходилось только видеть (например, в мечети Машад близ развалин Месториана) изображения ладони — иногда сделанные черной краской, иногда вырезанные по штукатурке — с соответствующими надписями — именем посетителя мавзолея или каким-либо священным текстом; иногда родовые тамги (тагма) молящихся. Изображений же людей или животных мы не встречали — в этом, вероятно, сказывается общая суннитская традиция (иначе дело обстоит у иранцев-шиитов).

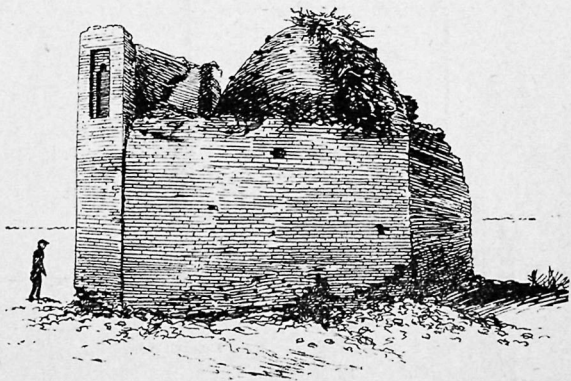

Рис. 2. Мавзолей Тауруз-султана. Общий вид.

Нельзя, впрочем, утверждать, что изображения животных были совершенно чужды туркменам. О «соколиных» онгонах огузских племен

упоминал, как известно, Рашид-ад-дин. Зооморфные, «животные» мотивы сохранились в орнаментах туркменских ковров. Так, у текинцев в орнаменте «куш» (птица) и «донгуз-бурун» (кабанье рыло), у арабачи — в узоре «таук-нуска» (стилизованное изображение курицы), у чаудорэв в композиции «кушлы» (птичья), в гёлях сарыкских ковров¹⁾. В иомутских коврах также имеются элементы орнамента, изображающие верблюда, козла, птицу. Надо еще упомянуть о некоторых изобразительных мотивах надгробий в Южной Туркмении, описанных М. Е. Массоном²⁾. Из других зооморфных изображений общеизвестны драконы в мечети Анау. Можно вообще предполагать, что изображения людей и животных имели широкое распространение в народном искусстве Средней Азии в домусульманские времена, и традиции эти сохранялись и в первые века после арабского нашествия. Так, в X в. Нершахи видел «идолов», продававшихся на базаре в Бухаре, ибн-Хаукаль видел изображения зверей в Самарканде. Весьма любопытны стилизованные изображения хищных зверей, вероятно, львов, во дворце в Старом Термезе³⁾. Изображения животных имеются и в среднеазиатской керамике IX—XII вв.⁴⁾. Много примеров «животных» мотивов в искусстве древнего Хорезма приведено С. П. Толстовым⁵⁾.

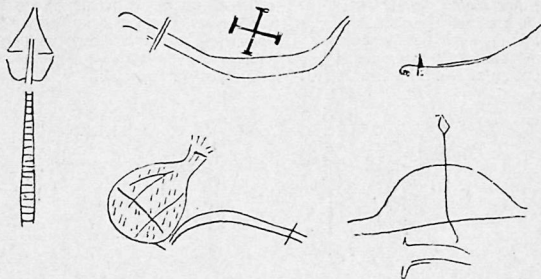

Рис. 3. Оружие.

Однако в более поздние века эти мотивы исчезают, сохранившись, по видимому, лишь в узорах ковровых изделий. Мы полагаем поэтому, что ставить все упомянутые выше факты в прямую связь с описываемым в этой статье памятником едва ли возможно.

¹⁾ В. Г. Мошкова. Племенные гёлы в туркменских коврах. Советская этнография, 1946, № 1, стр. 145—162.

²⁾ М. Е. Массон. О происхождении некоторых каменных надгробников Южного Туркменистана. Материалы ЮТАКЭ, вып. I, Ашхабад, 1949, стр. 46 и сл.

³⁾ Б. П. Денике. Изображения фантастических зверей в термезской резной декорации. Искусство Средней Азии. РАНИОН. М., 1930, стр. 81 и сл.

⁴⁾ В. Н. Чепелев. О народной линии в искусстве феодального Востока. Искусство, 1936, № 1.

⁵⁾ С. П. Толстов, цит. соч., рис. 89 и др.

Изображения на стенах мавзолея Тауруз-султана весьма разнообразны. Некоторые из них сделаны черной краской, большинство же вырезано или процарапано по штукатурке. Занимают они все внутренние стены мавзолея примерно на высоту человеческого роста или даже несколько более. Сохранность большинства изображений вполне удовлетворительная (выцвели только некоторые сделанные краской надписи и рисунки). Представление о наиболее характерных, типичных изображениях, и некоторых надписях дают прилагаемые здесь рисунки, выполненные с натуры и в масштабе участником нашей экспедиции зоологом А. А. Келейниковым.

В общем, изображения могут быть разбиты по таким категориям.

1. Обычные изображения руки (ладонь с несколько раздвинутыми пальцами). Иногда рядом начерчено оружие (сабля-клыч) или тамга; в одном случае рядом с рукой и клычем — схематическое изображение отрубленной человеческой головы. Нередко на ладони надпись — имя или священный текст.

2. Изображения различного оружия. Очень многочисленны. В одном случае изображено копьё. Несколько чаще встречаются изображения натянутого лука со стрелой, что, вероятно, позволяет несколько уточнить датировку рисунков, так как при появлении русских в Туркмении лук, насколько знаем, уже не пользовался массовым распространением среди туркмен; впрочем, надо заметить, что рисунки, судя по их сохранности, — явно разновременны. Наконец, из холодного оружия весьма часто изображается кривой клыч типичного туркменского образца, без гарды на эфесе. Не менее часто — огнестрельное оружие.

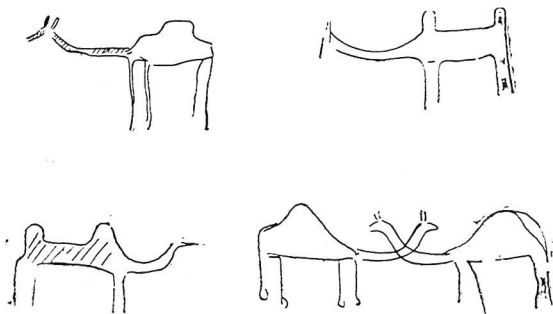

Рис. 4. Верблюды.

Главным образом это старинные туркменские ружья на сошках-хырли. Иногда встречаются сдвоенные изображения таких ружей. В одном случае нарисовано ружье со штыком и, наконец, в одном случае — пушка и ядра. На одном рисунке рядом с клычем нарисована отрезанная голова со стекающей из шен кровью.

3. Изображения домашних животных. Весьма многочисленны. Среди них одnogорбый и двугорбый верблюды, бараны, но главным образом лошади. Последние весьма разнообразны по манере изображения,

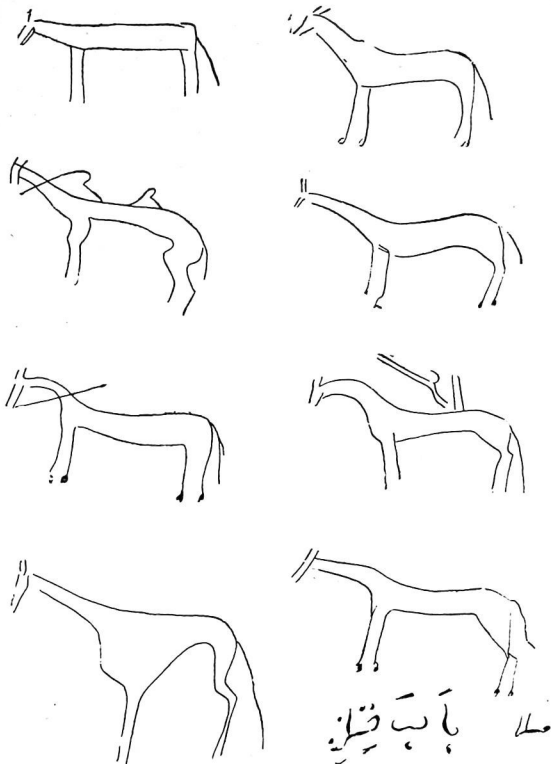

Рис. 5. Изображения коней.

но рисунки в общем — при всей их стилизации и обобщенности — хорошо передают, как правило, тип туркменского кровного коня. Лоша-

ди иногда нарисованы неоседланными, иногда только взнузданными, иногда — с уздечками и седлами или, наконец, мы видим заседланного кося и рядом — оружие (хырли).

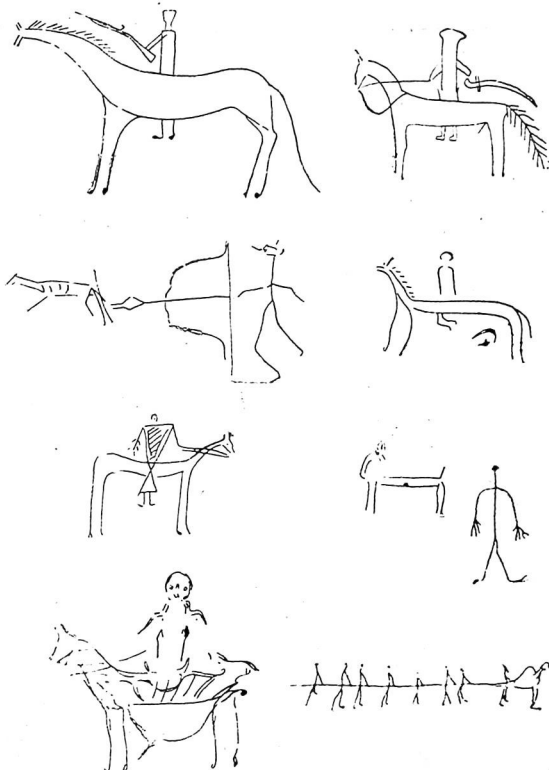

Рис. 6. Изображения всадников и аламана.

4. Изображения диких животных. Из них с достаточной долей уверенности можно привести такие. В одном случае нарисован тигр. В

двух — охота крупной кошки, по нашему мнению гепарда, на джейранов. В одном случае — фигура крупной кошки, скорее всего леопарда. В небольшом числе случаев фигуры джейранов, диких козлов-теке, горных баранов-архаров, один рисунок, повидимому, изображает кулана.

5. Изображения человека. Иногда это совершенно примитивный схематический рисунок. Но чаще всего это фигуры всадника-джигита верхом на лошади, обычно с вооружением (клыч или хырли). Нередко на рисунке можно усмотреть характерный головной убор — тельпек.

Заслуживают внимания изображения лучников. Все они весьма примитивны — хотя бы по сравнению с фигурами всадников. Иногда при натянутом луке со стрелой только намечены ноги человека. Один рисунок изображает весьма схематизированную фигуру человека, стреляющего из лука по джейрану.

Есть и рисунок, отображающий результат успешного аламана: за верблюдом привязанные к длинному канату или веревке идут семь пленников.

6. Тамги (тагмы) разных туркменских родов — повидимому не менее 5, а скорее 7.

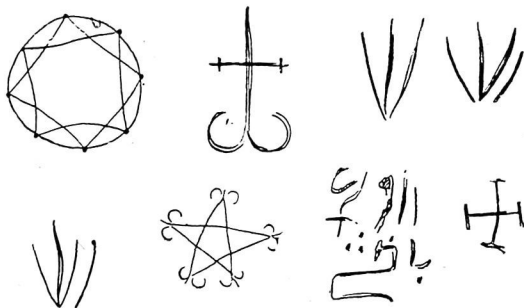

Рис. 7. Тамги.

Принятая нами интерпретация значения рисунков была проверена у местных хранителей памятника и не встретила у них каких-либо возражений.

Большинство рисунков — хотя и в примитивной манере — сделаны мастерски и хорошо передают сюжет; в особенности это относится к образам животных. Человеческие рисунки менее выразительны. Разновременность рисунков кажется нам очевидной и по сюжетам (луки и ружья со штыком), и по характеру изображений. Изображения в мавзолее Тауруз-султан интересны не только потому, что дают известное представление о мало известных сторонах народного изобразительного искусства у туркмен, но и о некоторых сторонах их жизни и быта.

Несколько замечаний относительно изображений диких животных в мавзолее. Большинство из них весьма убедительны и хорошо показывают и интерес к природе (и охоте) у авторов рисунков, и большую наблюдательность этих авторов. По мнению В. А. Ватагина, осмотревшего этот материал, интерпретация образа животного у авторов рисунков в Тауруз-султан приближается к лучшим образцам так называемого «звериного» стиля, бывшего когда-то широко распространенным в народном искусстве на обширных пространствах Азии и Юго-Восточной Европы. Это невольно наводит на мысль, что подобного рода изображения у туркмен едва ли были единичными и что рисунки в Тауруз-султане в конце концов не представляют собою какого-либо уникального исключения. С другой стороны, это отмеченное В. А. Ватагиным обстоятельство имеет известное значение для выяснения источников туркменского народного искусства.

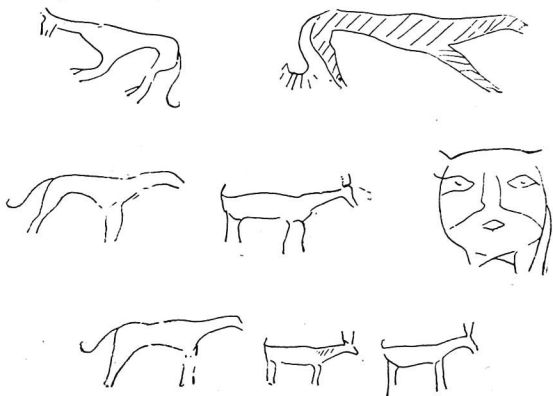

Рис. 8. Ширы [тигры]; гепарды, преследующие джейранов.

Другие замечания относятся к зоологическим вопросам. Любопытно, что среди рисунков нет ни одной фигуры, изображающей собак и птиц. Рисунки изображают главным образом охотничьих животных. Относительно фигуры тигра можно сказать, что он ныне в северо-восточной Туркмении уже не встречается и даже нахождение его в пределах Кара-Калпакии — во всяком случае регулярное — стало сомнительным. Но во времена Хивинского похода 1873 г. он был на территории Хивы — в ее приамударьинских частях — вполне обычен¹⁾; он встречался тут еще и в первых двух десятилетиях текущего века, как более или менее обычный зверь. Гепарда в настоящее время на северо-востоке Туркмении также нет — его распространение в этой республике

¹⁾ М. Н. Богданов. Очерки природы Хивинского оазиса и пустыни Кызылкум. Описание Хивинского похода 1873 года, вып. XII, Ташкент, 1882.

ограничивается югом и западом страны. Указания М. Н. Богданова о том, что в его время гепард был «обыкновенен в дельте Аму-Дарьи, также в камышевых зарослях за Куня-Ургенчем и на Айбугире» — явно невероятны. Гепард — обитатель пустынь и полупустынь, но отнюдь не тугаев и не камышей. По поводу изображений гепарда в мавзолее Тауруз-султан (их, как мы указывали, два) следует заметить, что в качестве охотничьего животного гепарды (у туркмен «алладжа-барс») довольно широко применялись в Иране, главным образом для охоты на диких копытных — джейранов и т. п. — по крайней мере до конца прошлого столетия. Возможно, что изображения гепардов — в обоих случаях в комбинации с джейранами — относятся именно к таким охотничьим животным. Это в таком случае пополняет наши сведения по истории охоты у туркмен.

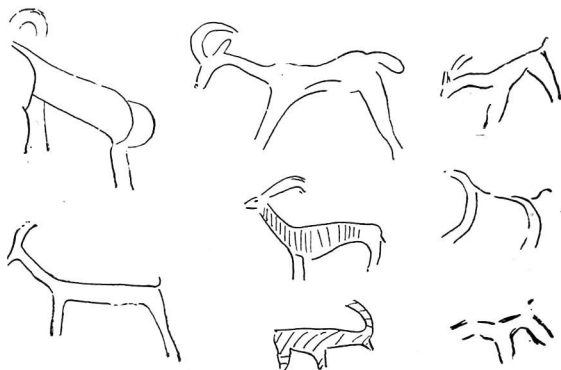

Рис. 9. Архар, козлы—теке; куланы (?).

О рисунке кулана. Кулан в северо-восточных Кара-Кумах давно отсутствует — во времена М. Н. Богданова он, повидимому, регулярно встречался только в пустынях у Сарыкамыша. Но Вамбери (1865) упоминает, что он в конце мая на Каплан-кыре встретил сотни куланов¹⁾. Наконец, изображения горных баранов и козлов, а также фигура леопарда показывают, что воинственные охотники, оставившие нам изображения на стенах мавзолея Тауруз-султан, широко кочевали: козлов во всяком случае, так же как и леопарда, они могли добывать только в горах Южной Туркмении (вероятно, и баранов, впрочем встречающихся на западе Туркмении по горкам и останцам в пустыне). Косвенное под-

¹⁾ A. Vambery. Voyage d'un faux derviche dans l'Asie Centrale, Paris, 1865, p. 110

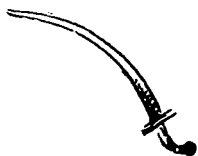
тверждение этому мы видим в нахождении в мечети на кладбище в Бедеркенте рогов архара (по данным нашей экспедиции весной 1952 г.).

Рис. 10. Надписи в мавзолее Тауруз-султана.

Попадают рога архаров на кладбищах и в других местах, отдаленных от современной области распространения этого зверя (например, в Машаде в Месторианской пустыне и т. д.). Наконец, еще одно замечание. Об отсутствии изображений птиц мы уже упоминали; внимания заслужи-

ما فوق الحدا
رفتم

بشیر و نه جتال

سم باد لا اکر کلا اکر
کجه ح سکر اکر
بکر سلا ح بی نفس ککر اکر
کا بعد ککر

Рис. 11. Надписи в мавзолее Тауруз-султана.

вает, в частности, отсутствие изображений соколов, хотя с ними, в особенности с балобанами, в Кара-Кумах охотятся до настоящего времени.

Материалы, изложенные в этом сообщении, собраны не специалистами археологами, а зоологами, попутно с основной их работой, во время экспедиции в северо-восточную Туркмению в апреле — мае 1952 г. Цель работы — привлечь внимание к интересному и мало известному историческому памятнику, проливающему в какой-то мере свет на некоторые стороны истории народного изобразительного искусства у туркмен в позднейшие времена. Изображения в мавзолее Тауруз-султан кажутся нам отголоском старого среднеазиатского искусства.

От редакции. Здание мавзолея, именуемого теперь усыпальницей некоего Тауруз-султана, в литературе до сих пор не было известно. Судя по фотографиям, оно напоминает памятники XIV в. и, возможно, построение его относится к этому времени. Зарисованные авторами статьи нанесенные краской или процарапанные на штукатурке внутренних стен изображения и надписи разновременны по своему происхождению. Самые ранние из них не старше конца XVIII в. Надписи с точки зрения палеографической сделаны очень примитивно. В большинстве это короткие росписи разных посетителей. Читаются следующие имена: мулла Ширин, мулла Мухаммед Рахим, мулла Кучук, мулла Аюб Керим (расписался дважды), Пир-заде Джалял (расписался дважды) и др. Дважды встречается благочестивое мусульманское восклицание «басмалла» (во имя аллаха!) и даже полная калима (исповедание веры). В одном случае проставлено цифровое обозначение даты, которую по копии точно разобрать нельзя. Несомненно, однако, что здесь обозначен один из годов первой четверти XIX столетия.

Изучения росписей XVIII—XIX вв. внутри намогильных сооружений Туркменской ССР до сих пор не производилось, хотя они как памятники народного изобразительного искусства представляют несомненный интерес. Не менее важен и сбор изображений родовых тагм с установлением их принадлежности, что послужит новым материалом при выяснении истории передвижений туркменских племен за последние столетия.

К ИСТОРИИ ПЛЕМЕНИ МУРЧАЛИ

Археологическими исследованиями ЮТАКЭ установлено, что нынешняя территория расселения туркмен племени мурчали с древнейших времен входила в область интенсивной политической и культурной жизни народов Средней Азии. Близ современного селения Мурча, на месте холма Боканынг-депесы обнаружены остатки парфянской деревни. Само селение возникло на данном месте уже в раннефеодальную пору (VI—VII вв.) близ хорошо укрепленной крепости и существовало, с некоторыми перерывами, на протяжении многих веков.

В письменных источниках селение Мурча под таким наименованием впервые упоминается в сочинении гератского историка XV в. Хафиз-и Аbru, при перечислении местностей, входящих в области Абиверда, Нисы и Языра. Здесь, вместе с целым рядом населенных пунктов Язырского округа, названо и селение Мурси¹⁾.

Древняя крепость и современное селение Мурча находятся в 6—7 км. западнее средневековых Язырских центров Так-Языра и Дуруна, а по современному административному делению в 4 км к юго-западу от железнодорожной станции Бахарден Ашхабадской области.

Если о туркменах вообще имеется достаточно сведений, опубликованных в исторической и географической литературе, особенно за последние два столетия, то об изучаемом нами племени мурчали имеются лишь самые скудные литературные данные в несколько строк; заключенные в них сведения сводятся в основном к тому, что якобы они не туркмены, а пришлый откуда-то народ. В частности указывается, будто «само селение Мурча занято остатками арабов»²⁾, что «нохурли и мурчали — народ с примесью иранского элемента»³⁾ и что вообще происхождение племен Нохур и Мурча неизвестно⁴⁾.

Проводимое автором археолого-этнографическое изучение селения Мурча и племени мурчали приводит к иным выводам о принадлежности мурчали к местному коренному населению. Это, между прочим, подтверждается и данными народных преданий.

О происхождении туркменского племени мурчали имеется несколько преданий. Одно из них, сообщенное нам местным жителем Ата Ходжа Назар оглы (85 лет), гласит, что мурчинцы являются коренными оседлыми жителями этого края, о чем якобы свидетельствует и древняя кре-

¹⁾ МИТТ. I, стр. 529.

²⁾ Н. И. Гродеков. Война в Туркмении. СПб., 1883, стр. 34.

³⁾ Е. Штейнберг. Очерки по истории Туркмении, 1934, стр. 5.

⁴⁾ Обзор Закаспийской области с 1882 по 1896 г., издание второе, Асхабад, 1897, стр. 17—18.

пость — кала, основание которой относится к незапамятным временам. Впрочем, в памяти стариков сохранились смутные предания, что некогда предки мурчинцев якобы жили в низовьях какой-то реки (видимо, речь идет о реке Мургабе или Аму-Дарье), но по неизвестной причине переминулись с востока сюда и обосновались в нынешнем селении Мурча.

По словам Ата Ходжа Назар оглы, до прихода текинцев в этот край в нем, кроме мурчинцев, жили нохурли, али-эли, мехинли, анау-эли, эмре-эли, занимая территорию по северному склону гор Копет-Дага, начиная от города Кызыл-Арвата до реки Джейхуна (Аму-Дарья).

Во времена хана Искандера¹⁾ почти все мурчинцы ушли в пределы Ирана от притеснений, чинимых им со стороны вождей пришедшего в Дурун туркменского племени эмре-эли. В этот период мурчинцы посылали своих уполномоченных к вождю туркменского племени Кеймир-Кёру, жившему тогда около гор Больших Балхан, с просьбой об оказании им помощи, дабы избавиться от пришлых эмре-элинцев. Кеймир-Кёр направил свои отряды против эмре-элинцев; эмре-элинцы не в силах были совладать с текинцами и ушли через пески Кара-Кумы в сторону Хивы, после чего мурчинцы из Ирана вновь переселились на свои родные места.

С приходом в край текинцев положение мурчинцев не очень изменилось. Недолго пришлось прожить им спокойно в Ахале. Феодално-родовые вожди текинцев организовывали угон их скота и захват урожая. Мурчинцы вынуждены были бежать в горы и в Иран, где они поселились в местечке Порси-Сув. И до того и после они несколько раз переходили то в Иран, то в Ахал. При начинавшемся угнетении со стороны вождей текинцев они бежали в Иран, а утеснения со стороны персидской администрации вынуждали их возвращаться в Ахал. Временами мурчали жили в «нейтральных» зонах в горах между Ахалом и Ираном.

Несмотря на свою малочисленность мурчинцы, повидимому, с давних времен хранили и хорошо осознавали племенное единство, не сливаясь с окружающей этнической средой. Ассимиляции препятствовали строго соблюдавшиеся, даже до недавнего времени, эндогамные запреты; мурчинцы не выдавали своих девушек замуж в другие туркменские племена, как равным образом не брали себе невест из других туркменских племен. Однажды всё же мурчинцы решились нарушить свой древний обычай, отдав замуж девушку мурчанку за одного влиятельного духовного лица с целью уладить взаимоотношения с текинцами. Это якобы помогло, и в дальнейшем мурчинцы жили более спокойно, лишь уплачивая текинцам дань.

Другое предание гласит, что мурчинцы раньше жили в Афганистане в местности Андхой. Затем персидским шахом Надыром в первой половине XVII в. они были переселены в Ахал из Афганистана. Между прочим, сами мурчинцы сейчас считают себя принадлежащими к тюркскому племени овшар (Афшар), из которого происходил и Надыр-шах.

Второй вариант этого предания гласит, что когда мурчинский род находился еще в Афганистане, было четыре брата: Овшар, Каркын, Кызык, Бегдин. Старший брат Овшар, поссорившись со своими братья-

¹⁾ Речь идет не об Александре Македонском, а о некоем персидском военачальнике.

мий, перешел из Афганистана в Ахал. От старшего брата Овшара и образовалось якобы племя мурчали¹).

Оседлое туркменское племя мурчали (мурчели) в основном состоит из двух больших родов: Юзбашы и Овшар (афшар): Юзбашы в свою очередь делятся на четыре отдельных рода: дабашы, гечи, новрайы, хивали, а Овшар на пять отдельных родов: похли, копек (кяризген), боягчы (бегмемед), эрвап, чакан (см. схему).

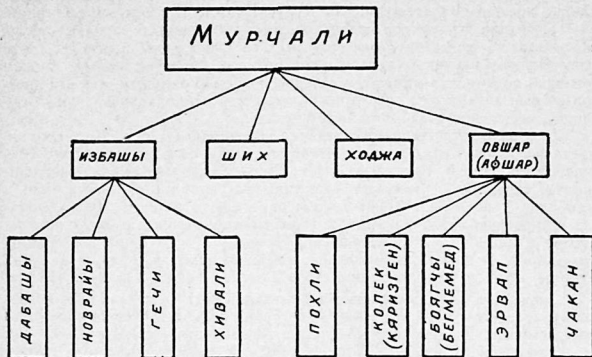

Рис. 1. Схема внутривнутриплеменного деления мурчали.

Относительно происхождения большинства этих групп существуют различные народные предания. Приведем краткое содержание некоторых из них.

Само название племени мурчали (мурчинец, мурчинский) происходит, конечно, от названия места их поселения. Слово *мурча* в переводе означает бедный, слабый, небольшой, муравей, и т. д.²). Наиболее древними родовыми группами с незапамятных времен осевшими в Мурча, о происхождении которых нет никаких сведений, считаются в народе два рода: овшар (одно из 24 огузских — племен) и арвап или эрвап—хозяин, бояр у современных мурчинцев в значении кетхуда, т. е. старейшина, староста.

Данные относительно отдельных групп, входящих в племя мурчали, сообщаемые преданием, значительно лаконичнее. Так о родах Юзбашы и Дабашы рассказывают, что прежде таких групп не было и они образовались во время нахождения в Иране. Тех, на кого были воз-

¹) У Абул-Гази-Бахадур-хана, в «Родословной туркмен» и Махмуда Кашгарского упоминаются Аушар, Кызык, Бекдели, Каркын в числе 24 огузских племен.

²) И. Д. Ягелло. Персидско-арабский словарь. Ташкент, 1910, стр. 1613.

ложены обязанности местной иранской знатю по сбору подати, трудовой повинности, стали называть юзбашы (командир сотни), дабашы (командир десятка). Впоследствии название должностных чинов получило свое отражение в названии родовых групп. При опросе стариков выясняется, что из родовой группы юзбашы и дабашы в большинстве случаев избирались старосты аула. Очевидно, эта была влиятельная верхушка племени мурчалы.

Хивали (хивиней), как показывает само название, переселились из Хивы; прежде они находились в Дуруне и относились к эмре-элинцам.

Название двух родов отдела овшар — «копек» обозначает кобель, а «похли» — грязный, нечистоплотный (в буквальном переводе), хотя современные мурчинцы утверждают, что род этот был назван именем «похли» потому, что отличался сквернословием. Возможно, что эти презрительные названия как-то отражают классовое расслоение родовой общины, выделение в ней сословия бедноты.

Боягчы («красильщик») считаются коренными мурчинцами. Они занимались красильным производством, первыми овладев искусством окрашивания тканей. Краски добывали из растительного сырья. Так, например: сары чоп — живокость желтая, растущая в диком состоянии в изобилии у подножия Копет-Дага в окрестности селения Мурча, давала прекрасную желтую краску, которая употребляется для окрашивания шелка и ниток. В качестве красящего вещества использовались гранатные корки. В начале изготовление красок было сосредоточено в руках боягчы, но в дальнейшем этим стало заниматься все население мурча.

Гечи (гечили — козодержатель, имеющий коз) — получили свое название вследствие того, что люди этой группы имели, в пределах нескольких десятков, мелкий рогатый скот, в особенности коз. Мурчинцы, как правило, мелкого рогатого скота не имели, а ту незначительную группу людей, которая занималась разведением мелкого рогатого скота стали называть гечили.

Кроме вышеуказанных родовых групп, имеется несколько семейств из групп духовенства — ших и ходжа, которые причисляются к мурчинцам. Во главе последних стоял некогда Карагул ходжа, чтимая могила которого находится с южной стороны от селения Мурча.

В настоящее время главным местом расселения мурчинцев является селение Мурча. При русских мурчинцы были поселены в большом числе в Дэв-кала и в Дайна. Нужно отметить, что если в Дэв-кала мурчинцы жили частично до русского завоевания, то в Дайна поселение мурчинцев появилось лишь после прихода в край русских¹⁾. До этого из боязни врагов они вынуждены были концентрированно жить лишь в районе нынешнего аула Мурча под защитой хорошей старинной крепости.

Вопреки взглядам некоторых авторов (Боголюбов, Гродеков, Кияшко и др.) о происхождении мурча, можно считать, что для южной части Туркмении они являются коренным оседлым туркменским населением, издревле имевшим высокую земледельческую культуру, свою местную народную архитектуру, а также развитое шелководство и шелкоткачест-

¹⁾ «Происхождение племени Нохур и Мурча неизвестно. В настоящее время они занимают аулы Нохур, Мурча и Дайна — который образовали отделившиеся в 1887 г. 17 семейств из аула Мурча». Обзор Закаспийской области с 1882 по 1890 г., издание второе, Асхабад, 1897. стр. 17—18.

во. Антропологические показатели свидетельствуют о том, что мурчинцы ярко выраженные европеоиды, очень близкие к закаспийскому варианту, с рядом признаков, свойственных другим туркменским племенам.

Что касается вопроса этногенеза современных мурчинцев, то не следует рассматривать это племя как единое целое, которое оставалось на протяжении многих веков без всяких изменений; надо видеть в нем конгломерат различных этнических групп, накапливавшихся на протяжении целого ряда веков вокруг какого-то основного ядра.

И Н С Т Р У К Ц И Я

ПО ПОЛЕВОМУ ОБСЛЕДОВАНИЮ СТРОИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ В ДРЕВНИХ СООРУЖЕНИЯХ И ОТБОРУ ПРОБ ДЛЯ ЛАБОРАТОРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ¹⁾

Полевое обследование строительных материалов в древних сооружениях должно дать полное представление об их ассортименте и сохранности в различных частях сооружения. Одновременно с обследованием отбираются пробы строительных материалов для лабораторного исследования: проверки их физико-технических свойств, восстановления состава и установления видов примененного для их изготовления сырья, при учете месторождений в районе сооружения.

Порядок проведения обследования

А. Установление и фиксация основного материала сооружения (камень, жженный кирпич, сырцовый кирпич, пахса, гипсо- или глинобетон и т. п.). Желательно производство фотоснимка общего вида сооружения.

Б. Установление разновидностей материала в отдельных частях сооружения: фундаменте, цоколе, стенах, лестницах, перекрытиях, внутренних стенах, половых покрытиях, подвальных помещениях (склепах), пролетных строениях и опорах мостов и акведуков, облицовках пола и стен колодезных сооружений и т. п.

В. По отдельным материалам:

1. Камень. Фиксируются размеры, типы обработки и кладки: бутовой, булыжной, штучной. Устанавливаются разновидности примененного камня. В случае кладки из штучного камня, производится фотографирование ее вместе с масштабной рейкой.

Отбор проб: отбиваются кусочки камня для химического и минералогического анализа размером 6—10 см³.

¹⁾ Участники почти всех раскопочных и маршрутных археологических работ, независимо от прямых задач археологического исследования, постоянно сталкиваются при изучении объекта или района с большим числом разнообразных и разновременных памятников архитектуры. Но даже предварительное их изучение не должно ограничиваться описанием и графической фиксацией, но требует исследования их строительных материалов. При взятии проб последних для осуществления технологических и химических анализов необходимо соблюдение определенных требований, изложения каковых, однако, до сих пор не содержится ни в одном из опубликованных руководств. В порядке проведения методической работы для восполнения этого пробела кандидатом технических наук Н. С. Гражданкиной по поручению ЮТАКЭ и составлена настоящая инструкция. (Прим. ред).

2. Ж ж е н ы й к и р п и ч. Производятся замеры кирпича в кладке не менее 20—25 шт. для установления крайних пределов колебаний размеров. Отдельные разновидности кирпичей фотографируются с масштабной рейкой. Желательно фотографировать по три кирпича на каждую группу: верхняя и нижняя постели и ребро.

Путем просмотра кирпичей устанавливается способ их формовки (наливка в земляную форму, набивка бездонной формы на майдане, заполнение ящичной формы). Обращается внимание на следы срезывания формовочной массы, на отпечатки поверхности майдана на постелях, на состояние боковых поверхностей кирпича и на искривление кирпича.

Фиксируется наличие или отсутствие специальных знаков на поверхности кирпича: продольные полосы параллельно ребру, или диагональные с угла на угол, а также иные специальные знаки на кирпичах. Отмечается цвет, характерный для основной массы кирпича и встречающихся разновидностей. О расцветке нельзя судить по цвету внешней обложки кирпича, который может образоваться в результате атмосферных воздействий. Необходимо сделать ряд мелких отколов, вскрывающих подлинную расцветку.

Фиксируется современное состояние кирпича, следы разрушения от воздействия ветра и грунтовой сырости. Замеряется толщина шва и количество рядов кирпича и швов на погонный метр кладки.

Отбор проб: желательно отобрать 2 целых кирпича основной расцветки прямоугольной формы или 2 половинки различных кирпичей квадратной формы — для испытания на изгиб и сжатие. Кирпич неосновного цвета, а в случае невозможности взятия целых кирпичей и основного цвета берется в отдельных кусках с таким расчетом, чтобы из каждого можно было приготовить по 3 кубика с размером стороны, равным толщине кирпича. В случае, если отбирается проба кирпича из гидротехнического сооружения, объем кусков должен браться с расчетом изготовления из него 6 образцов для дополнительного испытания в насыщенном влагой состоянии.

3. О б л и ц о в о ч н а я к е р а м и к а. а) *Неполивная облицовочная керамика*. Так же как и для жженого кирпича фиксируется расцветка и размеры керамических изделий. Отмечается способ крепления облицовки: в перевязку с основной массой кладки, примораживание облицовки к телу сооружения быстро твердеющим раствором и т. п.

Фотографируются изразцы со сторон: лицевой поверхности, тыльной и боковой сторон (обязательно вместе с мерной линейкой).

Просмотром изразцов устанавливается способ формовки: вытачивание из кирпича (если изразцы фигурные), излом обычного кирпича со шлифовкой лицевой поверхности, набивка в специальные формы, лепка от руки. Наличие боковых вырезов или штампа на тыльной поверхности для лучшего сцепления с раствором и т. п. Фиксируется сохранность облицовки на наружных и внутренних стенах и внизу их — в сфере влияния грунтовых вод.

Отбор проб: берутся изразцы основного цвета или их куски таким образом, чтобы можно было приготовить 4 кубика для испытания на сжатие и морозоустойчивость. Если есть возможность, хорошо взять образцы керамики дополнительных цветов.

б) *Поливная керамика*. Повторяется то же самое, что и для неполивной керамики. Дополнительно отмечается состояние глазури и берутся изразцы или их кусочки с таким расчетом, чтобы были налицо все разновидности расцветки.

Глазурь на основании из кашина. Если одноцветная глазурь наложена на отдельные изразцы из кашина, то обследование их и отбор проб производится так же, как и изразцов с керамическим основанием.

Кашинная мозаика отбирается в виде куска, вместе со скрепляющим ее раствором. При обследовании обращается внимание на сохранность поливы различных красок, желательно, чтобы в состав пробы входили все представителы цветов.

4. Строительные растворы. После обследования, устанавливающего разновидности растворов в отдельных частях сооружения, производится отбор проб такого объема, чтобы было возможно приготовить из нее 3 кубика, размером $2 \times 2 \times 2$ см — в надземной части сооружения и 6 штук в части, находящейся в условиях постоянной влажности, как например, — подводные части гидротехнических сооружений и фундаментные или подземные — гражданских.

В том случае, если раствор находится в порошкообразном состоянии или имеет очень малую толщину, следует взять пробу в объеме 100—150 г для химического и минералогического анализов.

Просмотру подлежат растворы:

- а) в основной кладке стен,
- б) в наружных швах кладки,
- в) в расшивке швов сооружения,
- г) в кладке цокольной части,
- д) в кладке фундамента,
- е) в кладке арок, порталов, барабанов и куполов,
- ж) растворы, укрепляющие облицовку,
- з) растворы, служащие основанием под облицовку,
- и) штукатурные растворы и лепные орнаменты,
- к) растворы из кладки внутренних стен,
- л) растворы из кладки и штукатурки подземных или подводных частей сооружения.

Отбираются большие (для изготовления образцов) пробы всех разновидностей раствора; пробы однотипных растворов, но из отдельных частей сооружения отбираются малые — 100 г для микроскопического просмотра, с целью уточнения полной однородности с основной пробой. Полезно брать большие пробы (если это позволяет состояние сооружения) и в том случае, когда одинаковые растворы находятся в различных условиях (например, выше и ниже постоянного уровня воды), для проверки влияния среды на материал.

5. Бетон. Отмечается материал бетона: глинобетон, известковый бетон, гипсобетон, бетон на сложном вяжущем типа кыра, гравийно-песчаный бетон, бетон на кирпичном щебне и т. п. Фиксируется плотность укладки, равномерность перемешивания, степень сохранности.

Отбор проб: а) в том случае, если разрешают условия, следует выломать или выпилить 2—3 куска с таким расчетом, чтобы было можно изготовить кубы, размером около $10 \times 10 \times 10$ см, б) если выломка больших кусков не возможна, берутся пробы крупного заполнителя и

куски скрепляющего заполнитель раствора в том же объеме, что и пробы строительных растворов.

6. Сырцовый кирпич. Производится обмер сырцового кирпича, отмечается его сохранность, плотность, обработка, масса кирпича, наличие примесей, равномерность структуры и связь с раствором.

Проба берется лишь для химического анализа в размере 10 см³, лучше из глубины кладки, где материал меньше подвергался различным воздействиям. При наличии в кирпиче особых примесей, следует взять кусок кирпича такого объема, чтобы из него можно было приготовить 3 кубика с размером стороны равным толщине кирпича.

7. П а х с а. Отмечается форма кладки: блоки, ленты, сплошная стена, чередование с кладкой из сырцового кирпича, высота стен, состояние поверхности, состояние стен и башен у основания (желательно фотографирование сооружения и деталей кладки).

Б л о к и — измеряются, отмечается способ их изготовления: трещины по заранее намеченным направлениям, или изготовление на месте отдельных сколов.

П о л о с ы — измеряется толщина полос, толщина чередующихся слоев кирпичной кладки, наличие и частота трещин.

8. Д е р е в о. Отмечается место применения, сохранность внутри и вне кладки. Отбираются пробы в объеме 8—10 см³ в местах наибольшей сохранности и при различных, характерных для данного сооружения случаях порчи.

Пробы нумеруются и под этими номерами заносятся в полевой журнал вместе с записями результатов обследования и фотоснимков. Каждая проба снабжается этикеткой, содержащей: номер пробы, дату взятия, наименование сооружения, место взятия пробы.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ ПАРФИИ

Дополнение 1: 1947—1952

(Под редакцией Е. К. БЕТГЕРА)

I. ИСТОРИЯ

1947. Машкин Н. А. История древнего Рима. М., Госполитиздат. 680 с. с илл. и карт.
Гл. XX, 5 — «Парфия и Рим в середине I в. до н. э.». (с. 297—301) и др. См. в указателе под словами «Парфия», «Парфяне», «Парфянская война».
1948. Еремян С. Т. Основные черты общественного строя Армении в эллинистическую эпоху. Известия (Акад. наук Арм. ССР), Обществ. науки, № II, с. 33—73.
С. 43—44: О государственном строе Парфии в связи с государственным строем Армении эпохи Аршакидов. 2
1948. Ковалев С. И. История Рима. Л., Изд-во Ленингр. гос. ун-та. 807 с.
Войны Рима с Парфией. См. в указателе под словами «Парфия», «Парфяне». 3
1948. Кудрявцев О. В. Восточная политика Римской империи в начале правления Нерона. (Критический обзор историографии вопроса.) — ВДИ, № 2, с. 83—95. 4
1948. Кудрявцев О. В. Римская политика в Армении и Парфии в первой половине правления Нерона. — ВДИ, № 3, с. 52—65. 5
1948. Толстов С. П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., Изд. МГУ. 352 с. с илл.; 88 л. илл. (Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова).
Гл. IV, § 2 «Возникновение греко-бактрийского и парфянского царства» и сл. (с. 232—247). 6
1949. Бокщанин А. Г. Битва при Каррах. (Война Марка Лициния Красса с Парфией в 54—53 гг. до н. э.) — ВДИ, № 4, с. 41—50. 7
1949. Вязигин С. А. Материалы по исторической географии Туркменистана. (Сообщение II). — Известия Туркм. филиала Акад. наук СССР, № I, с. 17—21.
Приведены сведения древних авторов (Страбона и Плиния) о Парфии. 8
1949. Кудрявцев О. В. Рим, Армения и Парфия во второй половине правления Нерона. — ВДИ, № 3, с. 46—62. 9
1949. Машкин Н. А. История древнего Рима. М., Госполитиздат. 736 с. с илл. и карт. (Ин-т истории Акад. наук СССР и кафедра истории древнего мира Моск. гос. ун-та.)
Гл. XXI, 5 «Парфия и Рим в середине I в. до н. э.». (с. 333—337); гл. XXX, 2 «Восточная политика Траяна. Поход против Парфян» (с. 480—482) и в др. местах. См. Указатель. 10
1950. Гоян Г. Черты своеобразия армянского эллинистического театра. — ВДИ, № 3, с. 178—192.
Разбирается эпизод (изложенный Плутархом) постановки в театре города Арташата при армянском царе Артавазде трагедии Еврипида «Вакханки» на празднестве по случаю победы над Крассом в 53 г. до н. э. В связи с ролью в этом эпизоде парфянина Помаксарфа освещаются факты из истории Парфии этого периода. 11
1950. «История Туркменской ССР». Проспект развернутого плана I-го тома. — Известия Туркм. филиала Акад. наук СССР, № 5, с. 75—85.
Гл. V. «Парфянское государство и его культура» (с. 77—78). 12

1950. Лапин Н. А. Военное искусство парфян, народов Средней Азии и Закавказья. М. 36 с. (Краснознам. ордена Ленина и ордена Суворова I-й степени военная Академия им. М. В. Фрунзе). 13
1950. Левинатов В. Н. Азербайджан с V века до н. л. по III в. н. л. — Известия Акад. наук Азерб. ССР, № 1, с. 65—92. Резюме на азерб. яз. 13
- Разделы: «Азербайджан и римско-парфянские войны I в. до н. л.» (с. 76—77) и «Азербайджан и римско-парфянские войны I в. н. л.» (с. 83—87). 14
1950. Массон М. Е. К периодизации истории Туркменистана. В кн.: Тезисы докладов на юбилейной сессии (Туркм. филиала Акад. наук СССР), посвященной 25-летию Туркменской Советской Социалистической республики. Ашхабад, с. 6—8. 15
1950. Массон М. Е. Некоторые новые данные по истории Парфии. (Доклад на заседании Отделения истории и философии АН СССР 21 марта 1950 г., посвященном итогам археологических работ ИИМК за 1949 г.) — ВДИ, № 3, с. 41—55 с 4 илл. 16
1950. Росляков А. А. К вопросу об этногенезе туркмен. (О времени и условиях образования туркменской народности). Известия Туркм. филиала Акад. наук СССР, № 5, с. 13—19. Библиогр.: 32 назв. 17
- Затрагивается вопрос о парфянском периоде истории Туркмении. 17
1951. Голубцова Е. С. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М., изд. АН СССР. (АН СССР. Институт истории. Причерноморье в античную эпоху. Под ред. проф. В. Н. Дьякова. Вып. I.) с. 40, 47, 55, 67, 70, 82—84. 18
1951. История армянского народа. ч. I. Под ред. Б. Н. Аракеляна и А. Р. Иоаннисяна. Ереван, Айпетрат. (Ин-т истории Акад. наук Арм. ССР.) 19
- Разделы: «Тигран II. Армяно-понтийский союз. Армяно-парфянские войны» (с. 35—37); «Поход Красса на парфян и Армения. Армяно-парфянский союз» (с. 45—47); «Армения в обстановке римско-парфянского соперничества» (с. 50—51). 19
1951. История военного искусства. Сб. материалов. Вып. I. Военное искусство рабовладельческого и феодального общества. М., Военное изд-во Военного мин-ва Союза ССР. 580 с. (Высшая ордена Суворова I-й степени военная Академия им. К. Е. Ворошилова). 20
- Гл. 2 (с. 53—94): Военное искусство древнего Рима, Карфагена, Парфии и Хорезма. Борьба армянского народа с римлянами и персами (IV в. до н. э. — V в. н. э.). 20
1951. История Туркменской ССР. Т. I. С древнейших времен до Октябрьской социалистической революции. Проспект глав. Ашхабад, ТФАН СССР. 57 с. 21
- Гл. V «Области южной части Туркменистана под властью парфянского государства Арсакидов» (с. 16—18). Обсуждение проспекта см.: Известия АН СССР. Сер. ист. и филос., т. VIII, № 3, с. 296—297. 21
1951. Массон М. Е. Новое в истории Мерва по данным работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции 1946—1950 гг. — Тезисы докладов на сессии Отделения истории и философии и пленуме Ин-та истории материальной культуры, посвященных итогам археологических исследований 1946—1950 гг. М. (АН СССР. Отд-ние ист. и филос. Ин-т ист. матер. культуры), с. 84—87. 22
- Затрагиваются истории Мерва парфянского времени. 22
1951. Массон М. Е. Новые данные по древней истории Мерва. (Из работ ЮТАКЭ). — ВДИ, № 4, с. 89—101 с 6 илл. 23
- Мерв парфянского времени. 23
1951. Массон М. Е. О северо-восточных пределах Парфянского государства. — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Ин-та истории материальной культуры, вып. 28, с. 145—151. 24
1952. Иванов М. С. Очерк истории Ирана. М., Госполитиздат, с. 20—23. 25

Диссертации

1947. Карамян К. Римско-парфянские взаимоотношения в Армении в эпоху Нерона. Диссертация, защищенная в Ереванском гос. ун-те. 26
1947. Тер-Израелян С. Г. Парфянский поход Антония и борьба армянского народа за свою независимость. Диссертация, защищенная в Московском гос. педагогическом ин-те им. В. И. Ленина 30.VI.1947 г. Оппоненты: А. К. Бергер и А. З. Ионисиани. 27

1951. Косыке Ф. Я. Армянский поход Нерона и сопротивление народов Востока римской агрессии. Диссертация, защищенная в Московском гос. педагогическом ин-те им. В. И. Ленина 7.V.1951 г. Оппоненты А. К. Бергер и А. З. Ионисиани. 28

II. АРХЕОЛОГИЯ, НУМИЗМАТИКА, ИСКУССТВО

1946. Бороздин И. Н. К изучению древней истории Туркмении. — ВДИ, № 4, с. 159—164. 29
- С. 161—163: О раскопках на городищах Старая и Новая Ниса. 29
1948. Капошина С. И. II пленум ЛОИИМК по археологии Средней Азии. — ВДИ, № 4, с. 163—171. 30
- С. 170: О докладе М. И. Вязьмитиной «Археологическое изучение городища Новая Ниса». 30
1949. Альхамова З. А. Зарегистрированные монетные находки в Южном Туркменистане с 1884 до 1946 года. (По опубликованным данным). В сб.: Материалы ЮТАКЭ, вып. I. Ашхабад, с. 126—137. 31
- Отмечены находки парфянских монет. 31
1949. Валиев А. Найдены новые памятники парфянской культуры. «Шарк хакикати», Ташкент. № 10, с. 10—11. На уйгурском языке. С двумя фото ритонов. 32
1949. Вязьмитина М. И. Археологическое изучение городища Новая Ниса. — В сб.: Труды ЮТАКЭ, т. I. Ашхабад, с. 147—169 с 14 илл.; 1 л. илл. 33
1949. Ершов С. А. Археологические исследования на городище Старая Ниса в 1946 г. — В сб.: Труды ЮТАКЭ, т. I. Ашхабад, с. 116—132 с 12 илл. 34
1949. Левина В. А. Стена и баня «Старой Нисы». (Археологическое вскрытие 1946 г.). — В сб.: Труды ЮТАКЭ, т. I. Ашхабад, с. 233—146 с 9 илл.; 1 табл: 35
1949. Марущенко А. А. Краткий отчет о работе Кабинета археологии Туркменского гос. ин-та истории за первую половину 1936 г. — В сб.; Материалы ЮТАКЭ, вып. I. Ашхабад, с. 182—183. 36
- Раскопки городищ Нисы 36
1949. Массон М. Е. Городища Нисы в селении Багир и их изучение. — В сб.: Труды ЮТАКЭ, т. I. Ашхабад, с. 16—114 с 47 илл.; 5 л. илл. 37
1949. Массон М. Е. Неопубликованные монетные находки, зарегистрированные на территории Южного Туркменистана до 1946 года. — В сб.: Материалы ЮТАКЭ, вып. I. Ашхабад, с. 138—143. 38
- Отмечены находки парфянских монет. 38
1949. Массон М. Е. Южно-Туркменистанская археологическая экспедиция (ЮТАКЭ) 1946 года. — В сб.: Труды ЮТАКЭ, т. I. Ашхабад, с. 5—15. 39
1949. Пугаченкова Г. А. Архитектурные памятники Нисы. — В сб.: Труды ЮТАКЭ, т. I. Ашхабад, с. 201—259. 40
- Раздел 1-й «Памятники античности» (с. 202—241, с 15 илл.; 1 л. илл.). 40
1949. Ремпель Л. И. Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы. — В сб.: Труды ЮТАКЭ, т. I. Ашхабад, с. 332—372 с 35 илл. 41
1950. В Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. — Известия АН СССР, Сер. ист. и филос., т. VII, № 2, с. 188—192; 1 л. илл. 42
- Изложение доклада начальника экспедиции М. Е. Массона на заседании Отделения истории и философии АН СССР 28 января 1950 г. о результатах раскопок на городищах Нисы. 42
1950. Вязигин С. А. Археологические памятники Туркменской ССР. Ашхабад, тип. Туркм. филиала АН СССР, 24 с. (О-во по распространению политических и научных знаний Туркм. ССР). На туркм. яз. 43
1950. Пугаченкова Г. А. Изучение древнего искусства Средней Азии за 25 лет. — В кн.: Тезисы научных докладов на юбилейной конференции Среднеазиатского гос. ун-та, посвященной 25-летию Узбекской ССР. Ташкент, с. 23—25. 44
1951. Древнейшие памятники парфянского царства. (Общее собрание Отделения истории и философии). — Вестн. АН СССР, № 8, с. 110—111. 45
- О расшифровке арамейских надписей конца II в. до н. э. на фрагментах сосудов, найденных на городищах Нисы. 45
1951. Зограф А. Н. Античные монеты. Материалы и исследования по археологии СССР, № 16. М.—Л. с. 71; табл. XVI, 6—10. 46
1951. Исследование древних памятников культуры. — Правда, 27.IV. Сообщение о заседании Отделения истории и философии АН СССР, посвященном вопросам, связанным с дешифровкой парфянских хозяйственных документов конца II в. до н. э. из городищ Нисы. 47

1951. Массон М. Е. Итоги работ ЮТАКЭ и перспективы археологического изучения Туркменистана. — Тезисы докладов первой сессии Акад. наук Туркменской ССР. Ашхабад, с. 5—7. 48
1951. Массон М. Е. Некоторые итоги работ ЮТАКЭ и перспективы археологического изучения Южного Туркменистана. — Известия Акад. наук Туркм. ССР, № 1, с. 90—98. Раскопки на городищах Нисы. 49
1951. Налоговые парфянские документы II века до н. э. из Нисы. М.—Л., Из-во АН СССР. 68 с. с 17 илл.; 6 л. илл. (Акад. наук Туркм. ССР. Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, вып. 2.) Перед загл. авт.: И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов, В. А. Лившиц, М. Е. Массон.
- Содержание: Массон, М. Е. К открытию парфянских документов на городище Новая Ниса, с. 5—20; Дьяконов И. М., Дьяконов М. М., Лившиц В. А. Документы из древней Нисы. (Дешифровка и анализ.), с. 21—65. 50
1951. Пугаченкова Г. А. Архитектура среднеазиатской античности. — ВДИ, № 4, с. 185—199 с 7 илл.; 2 л. илл. 51
- с. 191—194: «Парфянская школа».
- Архитектурные памятники городищ Старая Ниса и Новая Ниса. 51
1952. Массон М. Е. Новые археологические данные к изучению истории Парфии. Известия АН Туркм. ССР, № 5, с. 14—20. 52
1952. Пугаченкова Г. А. К характеристике крепостной архитектуры Старой Нисы. — Известия АН Туркм. ССР, № 1, с. 16—21. 53
1952. Пугаченкова Г. А. Парфянские крепости Южного Туркменистана. — ВДИ, № 2, с. 215—225. 54

III. ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА *)

1946. Борисов А. Я. Надпись Артаксия (Арташеса) царя Армении. — ВДИ, № 2, с. 97—104. 55
1947. Борисов А. Я. Надписи на серебряной чаше из Бори (Грузия). — Сообщения Гос. Эрмитажа, IV, с. 8—11 с 1 илл. 56
1948. Церетели Г. В. Армазское письмо и проблема происхождения грузинского алфавита. — В сб.: Эпиграфика Востока, II, с. 90—101 с илл.; 1 л. илл. 57
1948. Церетели Г. В. Эпиграфические находки в Мухета — древней столице Грузии. — ВДИ, № 2, с. 49—57 с 2 илл. 58
1948. Церетели Г. В. Эпиграфические находки в Мухета — древней столице Грузии. — В кн.: Общее собрание Академии наук СССР, посвященное 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции. М.—Л., с. 357—366. 59
1948. Цицишвили И. Н. К изучению Мухетской античной черепицы. — Сообщения АН Груз. ССР, № 8, с. 513—520 с 1 илл. Библиогр.: 9 назв. 60
1949. Болтунова А. И. К вопросу об Армази. — ВДИ, № 2, с. 228—240. 61
1949. Ранович А. Б. Восточные провинции Римской империи в I—III вв. М. — Л., Акад. наук СССР. 264 с. (Акад. наук СССР. Ин-т истории). 62
1949. Тревер К. В. Надпись о построении армянской крепости Гарни. Л., Гос. Эрмитаж, 40 с.; 3 л. илл. 63
1949. Церетели Г. В. Армазское письмо и проблема происхождения грузинского алфавита. — Эпиграфика Востока, III, с. 59—79 с илл. 64
1950. Аракелян Б. Н. Раскопки крепости Гарни. — Вестник АН СССР, № 10, с. 74—76. 65
1950. Еремян С. Т. О рабстве и рабовладении древней Армении. — ВДИ, № 1, с. 12—26. 66
1950. Лордкипанидзе М. Геммы античного времени, найденные в могиле ребенка в Мухете. — Вестник Гос. музея Грузии, XVI в. с. 91—98 с илл. На груз. яз. 67
1950. Максимова М. И. Геммы из некрополя Мухета — Самтавро. (Раскопки 1938—1939 гг.) — Вестник Гос. Музея Грузии, XVI в. с. 221—274 с 16 илл.; 4 л. илл. Резюме на груз. яз. 68
1950. Ранович А. Б. Эллинизм и его историческая роль. М.—Л., Акад. наук СССР. 383, с. (Акад. наук СССР. Ин-т истории). Библиогр.: с. 372—378. 69

*) В этом разделе приведена литература, непосредственно к истории Парфии не относящаяся, но затрагивающая вопросы истории смежных с Парфией областей и народов, находившихся с Парфией в тесной политической, экономической и культурной связи.

1951. Аракелян Б. Н. Археологические открытия в Армении. — ВДИ, № 1. с. 265—267. 70
 О раскопках в Гарни.
 1951. Аракелян Б. Н. Работы Гарнийской археологической экспедиции Института истории Академии наук Армянской ССР за 1950 г. — Известия (Акад. наук Арм. ССР). Общест. науки, № 5, с. 55—61. На арм. яз. 71
 1951. Аракелян Б. Н. Раскопки крепости Гарни. (Основные результаты работы Гарнийской археологической экспедиции Института истории АН Арм. ССР в 1949—1950 гг.) — ВДИ, № 4, с. 101—104 с. 9 илл. 72
 1952. Периханян А. Г. К вопросу о рабовладении и землевладении в Иране парфянского времени. — ВДИ, № 4, с. 13—27. 73
-

УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВ

Альхамова З. А. 31	Лапин Н. А. 13
Аракелян Б. В. 65, 70—72	Левиатов В. Н. 14
Бокщанин А. Г. 7	Левина В. А. 35
Болтунова А. И. 61	Лившиц В. А. 50
Борисов А. Я. 55, 56	Лордкипанидзе М. 67
Бороздин И. Н. 29	Максимова М. И. 68
Валиев А. 32	Марушенко А. А. 36
Вязигин С. А. 8, 43	Массон М. Е. 15, 16, 22—24, 37—39, 48—50, 52
Вязьмитина М. И. 33	
Голубцова Е. С. 18	Машкин Н. А. 1, 10
Гоян Г. 11	Периханян А. Г. 73
Дьяконовы И. М. и М. М. 50	Пугаченкова Г. А. 40, 44, 51, 53, 54
Еремян С. Т. 2, 66	Ранович А. Б. 62, 69
Ершов С. А. 34	Ремпель Л. И. 41
Зограф А. Н. 46	Росляков А. А. 17
Иванов М. С. 26	Тер-Израелян С. Г. 27
Капошина С. И. 30	Толстов С. П. 6
Карамян К. 26	Тревер К. В. 63
Ковалев С. И. 3	Церетели Г. В. 57—59, 64
Коське Ф. Я. 28	Цицишвили И. Н. 60
Кудрявцев О. В. 4, 5, 9	

КРАТКАЯ ХРОНИКА ПОЛЕВЫХ РАБОТ ЮТАКЭ

за 1948—1952 гг.

В 1946 г., в соответствии с постановлением 1-го Всесоюзного археологического совещания, проходившего в Москве в феврале 1945 г., при Туркменском филиале Академии наук СССР начала функционировать Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ). Деятельность экспедиции за два первых года в общих чертах нашла свое отражение в «Трудах ЮТАКЭ», т. I, Ашхабад, 1949 и в «Трудах ЮТАКЭ», т. II, Ашхабад, 1951 [1953]. Поскольку последующие тома Трудов экспедиций, начиная с III, формируются по тематическому признаку, объединяя материал по той или иной проблеме, разрешаемой экспедицией, но не отражая ежегодного комплекса работ, в целях правильного восприятия перспективы всей деятельности ЮТАКЭ встала необходимость краткого изложения хроники ее работ за последующие истекшие 5 лет. Это тем более желательно, что, из-за обилия установленных фактов и полученных материалов, по ряду тем потребуются длительная обработка. Между тем своевременная информация об основных достижениях ЮТАКЭ вызывается интересами советской исторической науки.

Основной проблематикой ЮТАКЭ, как и в первые годы ее работ, являлось участие в разрешении вопросов по уточнению периодизации и истории Туркмении и заполнению «белых пятен» этой истории за все эпохи деятельности здесь человеческого общества, до включения ее областей в состав России.

Тематика охватывала следующие крупные разделы:

1. Каменный и бронзовый века.

2. Рабовладельческое общество и пору его кризиса (в соответствии с «Положением о ЮТАКЭ», § 5, работы были сосредоточены преимущественно на объектах, связанных с порою парфянского государства).

3. Феодалное общество (согласно того же параграфа «Положения о ЮТАКЭ», особое внимание уделялось периоду XI—XII вв.).

4. Этногенез туркменского народа (в свете этой проблемы, между прочим, с 1951 г. начато было палеоантропологическое изучение былого населения Туркменской ССР).

Работы осуществлялись под общим руководством начальника ЮТАКЭ по намечаемому им плану, апробированному Ученым советом ЮТАКЭ, силами отдельных отрядов, выполнявших те или иные частные задачи (список отрядов приведен в конце настоящей «хроники»).

В 1948 г. полевые работы ЮТАКЭ проводились в весеннем и осеннем сезонах, в том числе и после постигшего 6 октября 1948 г. Ашхабадский район разрушительного землетрясения, из-за которого не состоялись работы некоторых археологических отрядов. Работали отряды: I — осуществлявший раскопки «Квадратного зала» южного комплекса и начавший вскрытие северного архитектурного комплекса Старой Нисы; II — раскопки в некрополе и на территории античного города Новой Нисы; V — по этнографо-археологическому изучению Бахарденского района, производивший раскопки на городище Шехри-Ислам; VII — детальное изучение архитектурных памятников Астана-баба; X — кратковременное обследование некоторых городищ Дахистанского района. (Тангсикылджа, Чиалык-депе, Илянылы, две Сорт-калы, Даялы и группа курганов близ него, два безыменных поселения — Д-13 и Д-16, крепость Рустем-кала); XIII — историко-топографическое изучение Пештака и Хивебада; XV — раскопки в Эрк-кале Старого Мерва.

В результате проделанных исследований для ранних периодов получен ряд добавочных наблюдений по арханческим городищам Дахистана — Тангсикылджа, Чиалык-депе, Мадау-депе, два из которых обследовались еще в 1947 г. На их территории установлено наличие особых кварталов гончаров, чем подчеркивается отделение ремесла от земледелия. В микрорельефе городищ усмотрены остатки больших, продолговатых помещений, намекающих на наличие большесемейных общин. Собранный археологический материал подтвердил прошлогодние определения их как принадлежащих земледельческо-пастушеским дахопарнским племенам и относящихся — одни к концу эпохи бронзы, другие к началу века железа.

В части археологического изучения памятников парфянского времени в 1948 г. завершился успехом поиск городских жилых домов этой эпохи, остатки которых удалось установить внутри крепости городища Новая Ниса. Обнаружение в них терракотовых плиток с изображением пальметт показывает, что последние шли не только на облицовку дворцовых сооружений, связанных с филэллинствовавшими членами династии Аршакидов, но находились в употреблении более широких кругов населения.

Раскопки на городищах Старая и Новая Ниса впервые вскрыли, наконец, значительный материал по бытовой керамике парфянского времени, дающей теперь целые комплексы предметов. Из отдельных находок истекшего года заслуживают внимания шесть фрагментов парфянских пифосов-хумов, на которых нанесены черной краской арамейским скорописным шрифтом семь многострочных надписей определенных позднее, как относящиеся ко II в. аршакидской эры.¹⁾ Они обнаружены на территории Новой Нисы, в южной части калы, под северной стеной предполагаемого дворца правителя и наглядно убеждают, что в парфянское время в быту в качестве писчего материала использовались толсто-стенные фрагменты корчаг, на которых писали чернилами из сажи, поскольку тушь была очень дорогой, как импортный товар. К небольшому

¹⁾ Расшифровку надписей см. материалы ЮТАКЭ, вып. II, М.—Л., 1951.

«архиву» этих парфянских документов из Новой Нисы раскопки на Гяур-кале в Старом Мерве добавили в том же году еще одну пехлевийскую надпись (видимо, VI — VII вв), выполненную на венчике хума. Указанием на употребление для письма, кроме того, вошечных дощечек (*tabula cerea*) служит зарегистрированная весной 1948 г. находка на Новой Нисе короткого стиля из кости с изображением на тупом конце фигурки богини Анахиты с пучком баресмы в левой руке. На использование при этом диптихов намекают их изображения в руках некоторых фигур на фризах ритонов из слоновой кости с городища Старая Ниса.

Наибольший эффект дали раскопки северного архитектурного комплекса на городище Старая Ниса. Здесь было частично вскрыто помещение в ряду расширенных в 1936 г. А. А. Марущенко предполагавшихся им «кладовых».

Пространство между длинными боковыми стенами из сырцового кирпича оказалось внутри разделенным на отдельные камеры путем устройства тонких (в один кирпич) перегородок. На полу одной из них, выложенном из неоформленных каменных плит, встречены были истлевшие остатки ткани (может быть ковра или кошмы) с остатками золотых нитей. С восточной стороны вскрыта часть смежной комнаты, имевшей посредине ряд колонн (видимо из дерева), от которых уцелело три каменных торовидных базы (четвертая — разобрана в древности). По бокам вдоль стен тянулись широкие суфы из сырцового кирпича, до 70 см высотой и около 2 м шириной. На западной суфе был обнаружен комплекс разбитых предметов из резной и точеной слоновой кости, основную массу которых составляют ритоны. Нижние их части оформлены в виде скульптурных фигур грифонов, кентавров, силенов, женщин. По верхнему краю, как правило, под нависающим карнизом размещается фриз с изображением целых сцен, чаще всего связанных с дионисийским культом или с циклом 12 «олимпийских божеств». От долгого пребывания в земле все предметы сильно пострадали: кость расстолчалась, оказалась изъеденной корнями растений, утратила дентинную поверхность и настолько ослабла, что распадалась и сминалась при прикосновении. Поскольку находка была сразу же оценена, как выдающаяся по своему значению, были приняты меры к вызову из Ленинграда и Москвы специалистов-консерваторов. В ноябре предметы на площади в 4 кв. м., были вскрыты, закреплены клеем БФ-4, извлечены из земли, зажаты гипсовыми формами, укупорены в виде гипсовых блоков и вывезены затем частью в Москву, частью в Ленинград, а в основном в Ташкент для экспериментальной реставрации. К концу года в Ташкенте один ритон был полностью собран и таким образом разрешен вопрос о методике реставрации, могущей быть примененной и к другим. Большое количество изображений отдельных фигур и целых сцен позволяет судить, что перед нами памятники какой-то неизвестной до сих пор восточно-эллинистической школы, скорее всего именно парфянского круга. Несомненно, что большинство сюжетов делалось в соответствии с какими-то установленными образцами. В ряде сюжетов и фигур налицо изображения не «греков» или греческих мотивов, но передача местных типов и местного, видимо парфянского колорита (особенности костюмов и пр.). В комплексе с ритонами оказались точеные фигурные детали, явно принадлежавшие оформлению мебели, в частности трона. Рито-

ны и другие предметы из слоновой кости составляют вместе клад утвари, принадлежавшей некогда парфянским царям. Некоторые из предметов были украшены инкрустациями из цветной стекловидной массы.

Среди изучавшихся памятников более позднего времени, но предшествующего арабскому завоеванию, заслуживает упоминания городище Дьяндык в Дахистане, до 1948 г. никем не обследовавшееся. Его трехчастная вышка обнесена кольцом стен из сырцового кирпича ($37 \times 37 \times 8$ и $39 \times 39 \times 10$ см). На городище обнаружены фрагменты железных и бронзовых изделий. В собранной на поверхности керамике характерно отсутствие лощения. Эпоха существования городища — III—VII вв. Вместе с тем, совершенно не подтвердилось высказывание А. А. Марущенко, что находящиеся неподалеку развалины крепости Рустем-кала представляют собой остатки «домусульманского» центра района. В действительности это средневековая кала очень скромных по площади размеров, чтобы быть центром Дахистана; встречающаяся на ней керамика относится ко времени не ранее IX—XII вв.

При изучении средневековых памятников внесен ряд корректив в прежние представления и отождествления и установлен ряд новых фактов. Вопреки определению А. А. Марущенко, что средневековый Земм находился якобы на месте современного селения Астана-баба, где вообще никаких следов городища не обнаружено, выяснено, что средневековый город Земм (он же Керкух) находился на территории г. Керки. Древнейшими остатками его являются развалины Умид-кала («крепость надежды»), где встречаются материалы, относящиеся ко времени непосредственно предшествующему арабскому завоеванию. Находившийся напротив Земма город Ахсик (он же Банкер), как выяснено, располагался на месте современного поселения Керкичи.

Впервые установлено положение средневекового Мехина около современной ст. Кель-ата. Развалины городища Мадау-Ахур, повидимому, соответствуют аль-Бухейре эпохи арабского завоевания. Впервые осмотрен ряд еще незарегистрированных средневековых городищ, селений и отдельных усадеб в районе Бахардена. Подробное изучение городища Пештак выяснило наличие вала средневековой стены внутри города XVIII—XIX вв.

Археологические вскрытия на городище средневекового Языра (Шехри-Ислам) выявили наличие мощных культурных слоев до 10 м, причем выяснилось, что в период монгольского владычества город был обжит лишь на территории цитадели и частично средневекового шахристана. Для XIII—XIV вв. установлен факт известной связи материальной культуры Нисийского и Дахистанского округов с Хорезмом.

Из обследованных памятников архитектуры впервые подробно изучены мавзолеи Астана-баба и Аламдара в Керкинском районе. Установлено, что, вопреки отождествлению А. А. Марущенко группы сооружений Астана-баба с соборной мечетью Земма IX—X вв., принятое им за памятник этой эпохи четырехстолпное помещение в действительности оказалось сооружением не старше XVII в. Наиболее же древняя часть в центральной группе восходит к XI—XII вв. Мавзолей Аламдара, могущий быть датированным XI в., отождествляется с мавзолеем последнего саманида Мунтасира (ум. 1005 г.), и теперь выдвигается в число первоклассных памятников, имеющих большое принципиальное значение не

только для туркменистанского зодчества, но для всей истории среднеазиатской архитектуры.

На городище Новая Ниса зарегистрированы остатки еще одной средневековой бани с многочисленными штукатурками, на которых отмечаются следы росписи.

Изучение объектов XVIII — XIX вв. охватывало вопросы планировки городских поселений (Пештак, Хивеабад). Поднята архитектурно-топографическая схема плана Пештака XVIII — XIX вв. и отчасти Хивеабада эпохи Надир-шаха. Для отдельных площадей городищ поднята планировка кварталов, усадеб, общественных комплексов и жилья. Кроме того, проведено было специальное изучение старинных жилых домов XVIII — XIX вв. у али-элинцев Койне-Баверда и четырех текинских кал в Багире с подробными обмерами, расшифровкой и зарисовками. Принципиально важным является установление особых типов туркменских поселений и жилья, не только отличных от поселений иных областей Средней Азии, но специфических для отдельных районов и племен самого Туркменистана.

Из прикладных археологических тем затрагивались некоторые вопросы по истории ирригации Южного Туркменистана. По мнению начальника отряда, сложная система валов на Мешхеди-Мисрианском плато якобы является остатками лиманного орошения, которое, судя по связи валов с архаическими городищами, как ему казалось, широко применялось уже в I-м тысячелетии до н. э. и использовалось до конца средних веков, в то время как главный город области — Рабат Дихистан снабжался по особому каналу водой из Атрека.

В порядке опыта коллективом специалистов в составе археолога, этнографа и ирригатора проводилось изучение бывшей ирригации Бахарденского района, в частности произведено было вскрытие на трассе водопровода в 4,5 км длиной близ Языра, выяснено устройство его сводчатого канала, установлена его бывшая пропускная способность 100 — 120 с/л, выяснено наличие системы водоразборных сооружений для орошения такыра у городища Шехри-Ислам с применением керамических желобов. Установлено, что вода бралась из реки Арваз. Одновременно положено начало изучению кяризов Бахарденского района с выборкой архивных данных о них и сбором опросных сведений.

Из отдельных находок 1948 г. заслуживают быть отмеченными следующие. Для парфянского времени, — кроме упоминавшегося выше выдающегося клада из резной слоновой кости — комплекс керамики, образцы стекла парфянского времени, крупный парфянский жженный кирпич с оттиснутым изображением тамги в виде анка (погоняло для слонов), остраконы с парфянскими надписями. Для средневековья: комплексы керамики XII—XIII вв., XV в. и XVII в; образцы керамики «куня-ургенческого» типа; высокохудожественные объекты — донце типа «миная» с всадником на бирюзовом коне (XIV в.) и блюдо с изображением летящего журавля среди цветов (XV в.). В Языре найдены фрагменты резного алебастрового стука, чем устанавливается новый пункт применения этого рода архитектурного декора в средневековом зодчестве Туркменистана.

В 1949 г. полевые работы ЮТАКЭ начались 27 мая и закончились 21 ноября. В поле находились следующие отряды:

Отряд I — раскопки «Квадратного» и «Круглого зала» Южного комплекса и новых помещений Северного комплекса Старой Нисы.

Отряд II — раскопки на Новой Нисе парфянских сооружений — жилого дома, некрополя парфянской знати, а также хозяйственного сооружения в арксе.

Отряд VII — изучение парфянской архитектуры Нисы и мавзолея Абу-Санда в Меана.

Отряд IX — изучение памятников каменного века по маршруту Невит-даг — Джебел — Красноводск — Сульмен; раскопки грота Джебел.

Отряд XIII — изучение туркменских поселений (до 20 пунктов) и жилищ XVIII — XIX вв. в Керкинском, Кизыл-Айякском, Бурдалыкском и Байрам-Алийском районах.

Отряд XIV — раскопки на Намазгар-депе.

Отряд XVI — обследование Среднеамударьинского района от Чарджоу до Керкичи; осмотрены археологические пункты — Кедыка-сар, Старый Чарджоу, Хан-депе, Кичи-депе, Чарвадар-депе, Баят-депе, три безымянных тепе близ Сакара, Аулие-депе, Улы-Хазарек-депе, Кичи-Хазарек-депе, Чешмек-депе, Изор-депе, Ходжайрык-баба-депе, Султан-Нияз-каласы, Ак-кала, Чишлен-кала, Кекрель-депе, безымянная крепость близ колхоза «Пионер», Садаклы-депе, Хазарек-кала, Кутнели-кала, Кизил-котлы-депе, Ходжа-Идат-кала, Сары-ходжали-овлия, Кешк-кала, крепости в Бешире и в Ходжамбасе, Ак-тери-кала, Аджи-кала, Исен-Менглы, Ак-депе-кала, Этбаш-кала, Шор-депе, Как-депе, Ходжа-гундуз-кала.

Отряд XVII — завершение обследования археологических памятников Ашхабадского района¹⁾.

Отряд XVIII — обследование северо-западной группы археологических памятников Марыйской области (Келте-Мейнара, два Геок-депе, Чиш-депе, Марумхан-кала, Кум-кала, Нагим-кала, Каргалык-депе, Чебышкет, Топыр-овлия, Ясы-депе, Джинлы-депе, Топрак-депе, Кара-депе, Гумуш-депе, Коюн-депе, Аравали-депе, два Коша-депе, Яз-депе, Мунон-депе, Гёбеклы, три Уч-депе).

В районе 39 — 41 км вдоль ж. д. Красноводск — Ашхабад впервые не только в Южном Туркменистане, но вообще в Средней Азии обнаружены древнепалеолитические рубила: одно, повидимому, ашельское и другое — позднеашельское. В ряде пунктов собран новый материал времени среднего палеолита. У мыса Куба-Тенгир детально изучена богатейшая по числу находок мастерская по изготовлению бус переходной эпохи от мустье к верхнему палеолиту. Раскопками в гроте Дам-дам-чешме в

¹⁾ Изучение археологических памятников Ашхабадского района осуществлялось в порядке краеведческой работы в течение ряда лет под руководством А. А. Рослякова и было в основном завершено в 1949 г. Итоги этих работ в «Хронику» не включены, так как они отражены в статье А. А. Рослякова, публикуемой в настоящем томе «Трудов ЮТАКЭ».

нижних слоях обнаружены находки верхнепалеолитического времени. Раскопки в Джебельском гроте № 1 вскрыли несколько культурных слоев, содержание которых позволяет по-новому осветить развитие культуры здесь на протяжении многих веков от неолита до ранней бронзы. Новые находки неолитического времени в этом гроте позволяют поставить ряд новых и важных исторических проблем, включая вопрос о взаимоотношениях местной неолитической культуры с таковой же хорезмской («кельтеминарской»), причем датировка последней, как более поздней, будет зависеть от датировки неолитических комплексов Джебельского грота № 1.

Теперь можно считать окончательно доказанным, что территория Южной Туркмении была одной из тех областей, где протекал непрерывный процесс единой на всей земле линии развития от первобытного человеческого стада, через все этапы первобытно-общинного строя.

**Позднеродовое
ранне-рабо-
владельческое
общество**

В порядке пересмотра представлений о древних культурах типа Анау за отчетный год были поставлены разведочные раскопки на Намазгар-депе близ Каахка, причем раскопная площадка до 400 кв. м вскрыла 15 помещений большесемейного здания патриархального родового общества, но с пережитками матриархата (обилие женских керамических статуэток). Стены сложены из продолговатого сырцового кирпича, максимальные размеры которого достигают $46 \times 23 \times 12$ см. Размеры комнат незначительны (в среднем $2,80 \times 1,80$ м), причем некоторые более поздней пристройки имеют не совсем правильную четырехугольную форму планов. Перекрытия сводчатые и балочные. В изобилии встречена тонкостенная светлая нерасписная керамическая посуда изящных форм, изготовленная на гончарном кругу в большинстве без всякой орнаментации. Характерны вазочкообразные сосуды на высоких ножках, кубки, небольшие криночки с перехватом, маленькие округлые сосудики с носиком и широко отвороченным венчиком горлышка (детские «рожки»). Среди подъемного материала много сосудов, выточенных из камня (от полупрозрачных желтовато-белого тона алебастрового камня до яшмовидных со светлыми и темносерыми полосами). Бронзовые предметы не редкость, в частности печати различных форм (крестообразные, квадратные). Изредка встречаются кремневые изделия и орудия в виде осколков от галек. Часто попадаются глиняные фигурки животных: баранов и козлов. Много каменных крупных зернотерок, ступок, пестов и молотков. Большие хумы (до 1,20 м высоты) с прямыми стенками, подкошенным дном и венчиком, напоминающим закатанные края открытого и заполненного чем-либо мешка. Обнаруженный инвентарь представляет большой интерес по своему обилию, разнообразию, художественности, цельности и научной значимости. Раскопанный археологический комплекс памятников характерен для верхнего культурного слоя основной площади Намазгар-депы.

В свое время экспедицией Р. Пампелли исчезновение культуры Анау III связывалось с установлением якобы крайней климатической засушливости, причем гибель поселения будто бы произошла от пожара. В свете работ ЮТАКЭ представляется возможным дать иное истолкование процесса. Окончательная гибель ряда крупных архаических поселений Южного Туркменистана, повидимому, последовала эпохиально более или менее одновременно и, вероятно, была связана с факторами

не только межплеменной, но и социальной борьбы. Руководствуясь при рассмотрении и опознании многообразных археологических фактов учением исторического материализма об общественных формациях и не считая себя связанным абсолютными определениями буржуазной науки в части датировок культуры Тепе-Сялук, Тепе-Хисар и др., считая возможным выдвинуть гипотезу о гибели и запустении многих поселений с археологическим инвентарем, предшествующим по типу так называемой культуре Анау IV, как обусловленные сменой формаций. Это было подготовлено общим ходом внутренних социальных процессов. Кроме того, в VI—V вв. до н. э., когда сложившееся в Иране мощное рабовладельческое государство Ахеменидов пришло в кровавое столкновение с местными, ослабленными взаимной враждой земледельческими общинами, внутри них протекало сложение рабовладельческих отношений, а возможно, что в Южном Туркменистане уже сформировались свои государственные образования. Отражением частного эпизода этого столкновения являются известия о подавлении Дарием в 522 г. до н. э. народного восстания в Маргиане, когда персами было перебито свыше 50 000 человек, что не могло не сказаться на жизни населенных пунктов этой области.

Для Мервского района работами 1949 г. выявлены разновременные памятники этой древней Маргианы. Они зарегистрированы на крайнем севере Марыйского оазиса, у границы песков Кара-Кумов, почти все за стеной Антиоха Сотера (III в. до н. э.), остатки которой были установлены работами ЮТАКЭ еще в 1946 г. К числу их относятся Яз-депе, три Уч-депе, Гумыш-депе, Коюн-депе, Аравали-депе. Некоторые имеют крупный центральный холм высотой от 5 до 10 м, сплошь усеянный фрагментами керамики. Среди керамики типичны крупные горшки с рельефной закраиной и небольшие тонкостенные сосуды, сделанные на гончарном круге; встречаются сосуды ручной лепки. Найдены фрагменты своеобразной, крашеной керамики, отличной от таковой же культуры Анау III. Собраны фрагменты бронзовых изделий, в частности бронзовые наконечники стрел—двуперые листовидные со втулкой и трехпёрые; найдены дисковидные пластинчатые бусины, яйцеобразные метательные шарики для пращи и др.

Изначальная датировка маргианских поселений восходит по крайней мере к концу II тысячелетия до н. э. (может быть и ранее — об этом можно будет судить лишь после осуществления раскопок), запустение же некоторых падает на VI—IV вв. до н. э., судя по комплексам керамики типа Анау IV из верхних культурных слоев.

К типу «городов-скотоводов» середины I тысячелетия до н. э., видимо, относится Исен-Менглы-кала в Средне-Амударьинском районе.

Работами трех отрядов выявлено несколько десятков памятников этого времени на побережье Аму-Дарьи, в Мервском оазисе и в Ашхабадском районе, что показывает на определенную интенсивность жизни здесь в пору расцвета рабовладельческого общества. Для южной группы Средне-Амударьинского района характерны небольшие городки (площадью около 150 × 200 м), обнесенные стенами с башнями, обведенные рвом и эспланадой, имеющие цитадель — иногда внутри четырехугольника стен (Ходжа-ишан-кала), иногда вне его (Чишлен-кала). Кладки из крупного сырцового кирпича прямоуголь-

**Проблема
культуры
парфянского
государства**

ной формы ($45-42 \times 37-25 \times 10-9$ см) или квадратной ($42 \times 42 \times 10$ см) и из пахсы, которая использовалась в прокладках и в цоколях. По времени большинство этих городков восходит к кушанской (может быть еще к греко-бактрийской) эпохе, хотя часть их использовалась и позднее — до XI в. в средневековые и в XVIII—XIX вв., когда они служили крепостями туркмен-эрсари. В Мервском оазисе «парфяно-сасанидской» эпохой начальник отряда датировал городища Джинлы-депе, Токры-овлия, Геок-депе в Байрам-Алийском районе, Курклы-депе и Геок-депе в Сталинском районе. Они обведены стенами из типичного «парфянского» сырца (размеры около $42 \times 42 \times 12$ см) и заключающую тонкостенную, высококачественную керамику разнообразных форм.

Впервые ЮТАКЭ были получены с ряда пунктов монетные находки, в том числе: древний фальсификат посвятившей драхмы, подражающей, по видимому, чекану Митридата I в честь Аршака I, представленного в головном уборе царей Персиды около 200 г. до н. э. (найден на городище Старая Ниса); драхма Фраата III (70—57 г. до н. э.), найденная у Мурзабек-депе Басагинского района; халк Вологаза IV (191—207/8 г. н. э.), найденный на Гяур-кале в Старом Мерве.

Раскопки в основном были сосредоточены на городищах Новая и Старая Ниса. На городище Новая Ниса впервые удалось установить местоположение памятников гражданской архитектуры в виде остатков сооружений из пахсы, заключавших в себе обильный фрагментарный керамический материал парфянского времени. В одном случае пахсовые стены парфянского дома оказались насыщенными кремневыми изделиями и отщепами кремня, явно попавшими из архаических слоев городища. Изучение некрополя парфянской знати в южной части Нисы привело к обнаружению не полностью разграбленной могильной камеры № 5 с типичной красной штукатуркой стен. На полу ее встречено три каменных базы — может быть основание деревянных стоек, поддерживавших балдахин. В углах оказались разбросанные остатки погребального инвентаря: небольшой прямой двусторонний железный кинжал с накладным перекрестием; фрагмент такого же в сечении железного меча с остатками деревянных ножен; черешковый трехперый железный наконечник стрелы; две массивных золотых скрепки; три трехлепестковых листка из тонкого плакированного золота от венца, а также несколько человеческих костей, в том числе полуразрушенный и деформированный от лежания в земле под тяжестью каменной плиты череп. Смешанный комплекс находок говорит о том, что здесь налицо вторичное захоронение, вероятнее всего IV или V в. н. э., в камере с инвентарем времени около н. э.

На Старой Нисе на основании новых наблюдений и раскопочных данных удалось предложить уточненные проекты графической реконструкции интерьера «Квадратного зала», а также общего наружного облика самой крепости Старой Нисы.

Квадратный зал в основном был закончен раскопкой, за исключением крупного контрольного останца севернее прохода в северо-восточной стене, и кое-где расчистки пола. Выявлен и вскрыт проход, соединяющий зал с примыкающим с севера коридорообразным помещением, имеющим высокую красную панель и, как впервые установлено, пол из крупного квадратного жженого кирпича. Выявлены новые данные для периодизации истории зала и ранее бывших здесь помещений. Обнаружено большое количество фрагментов архитектурного декора и глиняных скульптур

Последние были представлены распадающимися на куски частями рук, ног, торсов, одежд и принадлежали по крайней мере пяти мужским и женским статуям размерами больше натурального роста, размещенным некогда во втором ярусе вдоль стен, между колоннами, которые состояли из деревянных стволов, обмазанных глиной и алебастром. Несмотря на плохое состояние фрагментов из сырой глины, большую часть их удалось закрепить на месте и извлечь из завала. Особенно интересен оказался большой массив из многих сотен таких кусков от некогда упавшей женской статуи в белых и розовых одеждах. В течение нескольких недель удалось подкрепить и скленть около 1800 ее фрагментов и, наконец, с помощью рамы особой конструкции с отъемным дном, поднять и благополучно доставить в Ашхабадский музей.

В 1949 г. было положено начало изучению так называемого «Круглого зала» в южном архитектурном комплексе зданий. Здесь была разобрана закладка южного прохода; обнаружен пристроенный снаружи, видимо, ритуального характера обводной корридор; установлено наличие двух уровней полов разных периодов функционирования помещений и получены наблюдения для установления нескольких этапов в истории существования самого «Круглого зала». Из находок тут заслуживают быть отмеченными многочисленные алебастровые комья разной величины с оттиснутыми штампами снаружи (иногда как бы с-буквенными знаками) и пустотой в середине, где оказались заделанными иссохшие зерна растения «катран»; комья эти, очевидно, имели votивное или иное ритуальное назначение.

Наибольшее количество объектов парфянской утвари и искусства дали последующие раскопки нескольких помещений Северного комплекса, где в первую очередь было закончено вскрытие помещения с ритонами. В нем было найдено еще несколько прекрасных ритонов из слоновой кости, ряд отдельных нового типа скульптурных фигурок от них, сосуд с протоной слона. В соседнем аналогичном колонном помещении были обнаружены фрагменты мраморных статуй, среди которых особенно хороша статуя богини высотой 52 см, сохранившаяся во весь рост, с утратой только рук. В том же помещении встречена превосходной работы мраморная женская головка, близкая по типу к Афродите Книдской Праксителя. Полностью раскопано было третье, парадного вида колонное помещение и начата раскопка четвертого помещения без колонн.

Обнаружено много разнообразных находок фрагментированной парфянской утвари — стеклянной, керамической, бронзовой, железной. Встречены плитки из стекловидной массы для инкрустаций. Обнаружены в изобилии кусочки красных кораллов, детали перламутровых украшений, фрагмент терракотовой фигурки, покрытой снаружи позолотой, бронзовое зеркало с рельефным изображением протоми бегущего оленя, глиняные формочки для отливки виноградной грозди и комической маски мима, поделки из камня (в частности из горного хрусталя) и ряд других объектов. Большая часть их принадлежит, повидимому, ко II в. до н. э. и сопровождается находками древних фальшивых монет, подражающих чекану греко-бактрийского царя Евтидема I и парфянского царя Митридата I. Кроме того, встречены также подражания тетрадрахмам и драхмам Александра Македонского, в которых основой является кружок из неценных металлов (железо, медь, свинец), обтянутый снаружи тонким слоем серебра.

Ко времени начала сложения в Туркменистане феодальных отношений принадлежат несколько впервые зарегистрированных в Чарджоу-Сартском районе крепостей — Чарвадар-депе и Улы-Хазарек-депе (квадратных в плане, размерами 80×80 м), очень крупная крепость Намаз-кала и др. Зафиксирован ряд городищ с археологическим материалом IX—X вв. Но особенно интенсивное развитие городской жизни падает на XI—XII вв., период расцвета в Хорасане феодализма. Это подтверждается разведками в Ашхабадском, Мервском, Средне-Амударьинском, Бахарденском районах. На эту пору падает, между прочим, развитие архитектурного строительства из жженого кирпича, когда появляется ряд таких сооружений, как изучавшийся в 1949 г. мавзолей Абу-Саида в Меана, или впервые зарегистрированная в Бурдалыке мечеть, сложенная из продольного жженого кирпича размерами $26 \times 13 \times 4$ см.

Принципиально новое дало изучение городища Мехне близ Меана. Именовавшийся еще в конце X в. то рабатом, то небольшим городком (шахрак), то ничтожным (сагире), с пришедшей в ветхость мечетью, Мехне, по данным археолого-топографических наблюдений, в XI—XII вв. представлял собою, несомненно, относительно процветающий город. При этом установлено, что планировка средневекового Мехне совершенно отлична от той схемы, установленной В. В. Бартольд и разделяемой многими специалистами, по которой якобы среднеазиатские города в эту пору имели трехчастное деление: арк—цитадель, шахристан—внутренний город и рабад—пригород, причем будто бы «как в Персии, так и Туркестане в XI в. окончательно установился тип города... с базарными улицами, пересекавшими город в направлении с запада на восток и с юга на север, с базарной площадью и центральным куполом (чарсу) в месте пересечения». (В. В. Бартольд, История культурной жизни в Туркестане, Л., 1927, стр. 77). По утверждению В. В. Бартольда и его школы, в XI в. окончательно завершился «процесс перехода жизни из старых шахристанов в пригороды, где находились базары, обращение прежних городов в предместья и предместий в города». (История Туркестана, Ташкент, 1922, стр. 19).

В Мехне XI—XII вв. нет ни трехчастного деления, ни крестообразной планировки, связанной со странами света и определяемой двумя пересекающимися под прямым углом улицами с купольным базарным пассажем в центре. У Мехне этого времени есть небольшая крепость (120×100 м), от южного угла которой в направлении с СЗ на ЮВ отходит прямая, густо застроенная улица. Параллельно ей имеется еще три больших улицы: одна с СВ и две с ЮЗ стороны. Между собой они соединены небольшими поперечными улицами, вся сетка которых разбивает наиболее обжитую часть города на небольшие прямоугольные кварталы с башнями, дворами и, видимо, озелененными участками внутри. Главные базары и караван-сарай, в частности караван-сарай Идрис с 40 весами для взвешивания хлеба, находились к западу от крепости. Город был обведен стеной, следы которой прослеживаются в нескольких местах, но нигде нет признаков членения на шахристан и рабад и на взаимное изменение функций между этими частями. По данным археологических наблюдений, Мехне в основном сложился в XI в. как город сельскохозяйственного округа и весьма мало зависел от планировки IX—X вв., когда существовал рабат Мехне. В нем отме-

чены производства стекла, керамики, жженого кирпича, а также железных и медных изделий. Облик материальной культуры Мехне напоминает таковую же с городища Пештак (развалины Абиверда).

Из стельных объектов инвентаря XI—XII вв. заслуживают быть упомянутыми: глиняная труба-рупор с Ашхабадской Горки для извещения жителей, что в бане согрета вода; крупный намогильный кирпич $47 \times 37 \times 5$ см с эпитафией Керима, сына Мухаммеда Абду Нуга, судя по стилю куфического почерка, XI столетия, найденный на городище Мехне; найденный жителями в арке Новой Нисы золотой динар сельджукида Рукн-ад-Дунья ва-д-дина Абу-л Музаффар Беркиарука, чеканенный в 480 г. х. (1087/8 г. н. э.); целый каменный котел свыше 40 см в диаметре с городища Новая Ниса. Наконец, удалось зарегистрировать находку на городище к востоку от станции Ташкепри клада из нескольких золотых украшений и газневидских динаров, чеканенных султаном Махмудом от имени халифа Кадра.

Специальному археолого-архитектурному изучению был подвергнут мавзолей известного суфия X—XI вв. Абу-Саида в Меана. Установлено, что мавзолей построен в XI в., но затем подвергался ремонтам и переделкам, из которых самыми капитальными были изменения, внесенные в первой половине XIV в. Именно в эту пору появились наружные изразцовые облицовки на переднем фасаде и превосходные росписи внутри.

В росписях мавзолея удалось впервые разобрать идущую несколько ниже купола историческую арабскую надпись, свидетельствующую, что это здание является «благородным садом» (т. е. усыпальницей) шейха Абу-Саида, с приведением его родословной. На неподалеку расположенном кладбище Суфи было обнаружено пять крупных фрагментов великолепной каменной намогильной плиты, покрытой двухпланной резьбой и надписями может быть положенной в XV в. при ремонте мавзолея Абу-Саида на его могилу.

В числе некоторых прочих наблюдений и открытий следует отметить:

а) установление, что археологические памятники Керкинского района, особенно за пору рабовладельческого общества, могут быть сближены с кругом кушано-тохаристанских памятников в большей мере, чем с парфянскими комплексами областей Нисы и Мерва;

б) открытие на городище Нагим-кала в Марыйском оазисе двух интереснейших, ранее никем не зарегистрированных средневековых гонфированных кешков;

в) обнаружение в Басагинском районе глиняной фигурки богини Анахит;

г) обнаружение на городище Новая Ниса редчайшей золотой монеты типа сасанидских динаров, выпущенных полководцем Бахрам-Чубином после захвата им сасанидского престола в 590 г. Монета поступила в Музей истории ТФАН.

д) получение новых данных о вале Мерз в районе Душака и Меана, корректирующих прежние неверные представления;

е) находка на городище Новая Ниса каменной намогильной плиты с именем Барога, сына Барога, умершего в 1143 г. х. (= 1730/1 г. н. э.), чем снова, уже эпиграфически, подтверждается неправильность господ-

ствовавшего в научной литературе представления, будто город Ниса перестал существовать после 1719 г., тогда, как по данным ЮТАКЭ, это произошло лишь в начале XIX столетия;

ж) установление своеобразных типов туркменского оседлого жилища в Керкинском и Байрам-Алийском районах, отличных от таковых же иных районов.

1950 год

В 1950 г. полевые работы ЮТАКЭ начались 25 мая и закончились 13 ноября. Работали следующие отряды:

Отряд I — раскопки на северном комплексе Старой Нисы.

Отряд VII — изучение крепостной парфянской архитектуры и архитектурных памятников средневековья в Мерве и Мервском оазисе (12 кешков и жилых домов в Мерве, дома на Мунон-депе, Харам-кешк, два безыменных кешка к северу и западу от Султан-калы, кешки Нагим-калы, мавзолей Санджара, мечеть и караван-сарай в Кууртлы, караван-сарай в Кишмане, Чильбурдж, ледохранилища Мерва, павильон XV в., мавзолей асхабов, мечеть Ходжа-Юсуф, стены Абдуллахан-калы и др.).

Отряд IX — раскопки Джебельского грота и маршрутный проезд по Красноводскому району.

Отряд XIII — изучение туркменских поселений и жилых домов XVIII — XIX вв. Байрам-Алийского и Чарджоуского районов (охвачено свыше 50 объектов).

Отряд XIV — дальнейшие раскопки большесемейного дома и заклад-ка стратиграфического шурфа на Намазгар-депе.

Комплексным отрядом V, VIII, XVIII изучалась историческая топография Мерва; осуществлены раскопки на городище Гяур-кала и на территории средневекового рабада; проведены маршрутные выезды по району с обследованием городищ Кууртлы, Кишман, Нагим-кала, Чильбурдж, Кырк-депе, Мунон-депе, Гёбеклы.

XIX — обследование Балханского, Небит-Дагского, северных частей Гасан-Кулийского и части Кизыл-Атрекского районов. Осмотрен ряд археологических пунктов (Дюпеш-кала, тепе у Таш-Арвата, памятники Мисрианского района, обследованные ЮТАКЭ в 1947—1948 гг., а также впервые — Изат-кули, Илерки, курган с отметкой +4, Кайрахи-1, Шаудуз-1).

XXII — изучение туркменского племени мурчали в этнографическом отношении.

Каменный век За отчетный год во время маршрутного обследования Красноводского района в окрестностях Кара-Тенгира на площади, недавно еще бывшей дном Каспийского моря, обнаружено несколько мест стоянок палеолитического человека времени мустье и впервые на территории Туркменской ССР времени ориньяка (скрепки высокой формы, остря с затупленной спинкой, пластинки и отщепы).

Основные работы были сосредоточены на изучении Джебельского грота. Раскопана основная площадь культурных отложений, за исключением скрытых древним завалом у входа в грот и останцовой полосы в глубине грота. Дно (или пол) последнего оказалось почти на три метра

заполненным пеплом и щебенкой. В этой исключительной по мощности толще оказалось 8 культурных слоев, дающих впервые своей стратиграфией четкую картину неолита прикаспийской Туркмении.

Вверху — культура охотников-собирателей и может быть уже земледельцев. Среди прекрасного кремневого инвентаря с мезолитическими традициями (как в Палестине) встречены: двусторонние ретушированные наконечники стрел, зернотерки и керамика (грубая черная и относительно тонкостенная лощеная серая). Для Средиземноморья, Анатолии и Ирана — это III тысячелетие. Ниже лежит слой с «пра-кельтеминарскими» наконечниками стрел, хорошими кремнями и грубой керамикой. Среди последней встречены фрагменты днищ с заостренным основанием типа сосудов из кьеккенмеддингов Дании, мезолита Крыма и Украины. Таким образом, сделано открытие древнейшей керамики Туркмении и всей Средней Азии вообще. Эта керамика, неизвестная пока для Ирана, связывает ранний туркменистанский неолит и мезолит с широким кругом позднемезолитических памятников Средиземноморья.

В нижележащем VI культурном слое впервые для Туркмении встречен богатый и выразительный комплекс объектов с настоящими позднетарденаускими трапецевидными кремневыми наконечниками. Пещера-грот была населена и еще раньше, от какового времени дошли два культурных слоя — VII и VIII с кремнем, костями животных и углями. По богатству и разнообразию содержимого и прекрасной стратиграфии раскопка Джебельского грота положила прочную базу для изучения неолита всей Средней Азии.

В северной части Кызыл-Атрекского района обследовано никем до тех пор не изучавшееся крупное поселение Изат-кули, по составу своего археологического инвентаря относящееся к группе прочно установленных ЮТАКЭ ранних дахских памятников.

Развалины поселения Изат-кули занимают на takyре площадь до 1,5 м в длину и свыше полукилометра в ширину. Среди сильно развееванных бугров выделяются два, имеющие до шести и более метров высоты. На меньшем из них много костей животных. В разных местах на поверхности прослеживаются планы помещений больших жилых комплексов зданий, размещенных без регулярной планировки. Стены выведены из сырцовых кирпичей, как будто толщиной в один ряд, при размерах кирпича $46 \times 46 \times 11$ см и $42 \times 42 \times 9$ см. Большинство комнат слегка продолговатые (3×2 м — 5×7 м). Наиболее характерна тонкостенная серая керамика, в том числе сосуды с большими, слегка изогнутыми носиками-сливниками и сферические чаши на трех боковых вертикальных ножках. Имеется также керамика желтоватой и зеленоватой глины. Среди изделий из камня много кремневых вкладышей пил, кремневые проколки и кусочки лазурита. В разных местах попадаются медные шлаки, свидетельствующие о местном изготовлении медных и бронзовых изделий. Среди последних встречены круглого сечения иглы, наконечники стрел (трехперый втульчатый, плоский двухлопастный втульчатый, плоский ланцетовидный черешковый), различные бусины, «болтики», фигурка птички.

Продолжение раскопок на Намазгар-депе близ Каахка начато вскрытием в 1949 г. большесемейного дома выявило еще свыше десятка

мелких помещений, составляющих одно целое с 15 комнатами, обнаруженными работами 1949 г. В составе находок в них новым является разломанный надвое бронзовый плоский двухлезвийный листовидный кинжал. Выявлен третий период в существовании всего дома. При расчистке площадки для закладки стратиграфического шурфа на месте раскопа 1949 г. под полами разных комнат вскрыто девять детских погребений в скорченном положении, как в буграх Анау. Часть скелетов в лежащем положении на правом и левом боку, часть — в сидячем. Шурф был заложен на площади в 16 кв. м и дал до глубины XII яруса (6 м от реперной точки раскопа) четыре уровня полов зданий более древних периодов. Каждому из них соответствует свой облик керамики. Слой под полом верхнего раскапывавшегося комплекса помещений включает в себе в значительном количестве крашенную керамику, иногда несущую зооморфные изображения, например, козлов. В самом нижнем из открытых зданий стены облицованы фрагментами керамики, как в верхних слоях северного кургана Анау, а среди утвари встречается керамика с черным лощением, по типу, а также отчасти орнаментом напоминающая такую же из Ак-тепе близ Ашхабада.

В 35 км к СЗ от Байрам-Али, близ Гёбеклы-депе было обследовано древне-маргианское поселение, лежащее вне пространства, окруженного районной стеной Антиоха, в трех километрах от последней. По типу остатки его напоминают дахские поселения Кизыл-Атрекского района и представляют, кроме бугра «крепости» (?), бесформенные всхолмления, разбросанные без какой-либо регулярной планировки на протяжении до 1,5 км с С на Ю и свыше полукилометра с В на З. Такырное пространство между всхолмлениями усеяно фрагментами неполивной керамики, среди которой много сосудов с подкошенным дном и изредка попадаются грубые фрагменты, покрытые красной линейной росписью, в частности ромбическими узорами. Среди собранного подъемного материала есть изделия из бронзы: несомкнутое кольцо, плоский двухперый утюжчатый наконечник стрелы. Поселение принадлежало древним маргианцам и, повидимому, было обитаемо еще к середине I тысячелетия до н. э.

К V—IV вв. можно отнести остатки крепости, именуемой ныне Кырк-депе («сорок бугров») и расположенной в 17 км к СЗ от Байрам-Али. Она представляет собою почти квадратную площадь несколько более 300 м в стороне, огороженную валом с башнями. Промежутки между последними в ряде случаев развены и оплыли настолько, что остатки бывших башен кажутся отдельными буграми. Наиболее крупные башни были устроены на углах и по обе стороны ворот в середине СВ, ЮВ и ЮЗ фасов. В середине СЗ фаса возведено овальное в плане, до 100 м в диаметре укрепление (как бы цитадель), обведенное аналогичным валом с башнями. Вход в него был изнутри крепости. Внутреннее пространство оставалось пустым, почти не имеет накопленного культурного слоя и может быть предназначалось для загона скота. Крепость эпизодически служила в опасные моменты убежищем для маргианцев, а в остальное время пустовала. Бросается в глаза известная общность в ее планировке со старо-мервским городищем Гяур-кала, миниатюрное подобие которого она собой в сущности представляет.

Подтверждением того, что цитадель Гяур-калы уже существовала в Ахеменидское время служат новые наблюдения, сделанные ЮТАКЭ на

месте в 1950 г. В раскопе ее центрального бугра встречены бронзовые наконечники стрел втульчатые, двухлопастные, причем один из них имеет ромбовидную головку. В культурной толще бугра, ниже полов парфянского времени обнаружены фрагменты керамики типа культуры Анау IV, в частности нижняя часть цилиндрического сосуда с подкошенным дном.

Новые наблюдения над остатками стены Антиоха I (280—261 г. до н. э.), возведенной по его распоряжению на границе оазиса Маргианы, показали, что если в некоторых местах на такырах остатки ее никак не читаются в микрорельефе местности, то, вместе с тем, следы ее ясно прослеживаются на поверхности в виде светлой полосы, лишенной всякой растительности. На месте бывшей пахсовой кладки, почти полностью развеянной по высоте ветром, лежат черепки, осевшие вниз из бывших верхних рядов пахсы. Километрах в полтора от Мунон-депе такие следы районной стены прослеживаются по прямой линии до самого горизонта.

Ознакомление с валом районной Маргианской стены на месте навело на мысль, что она, возможно, возводилась для ограждения оазиса не только от набегов кочевников, но и от наступления песков. Прежде укрепленные растительностью, пески были разбужены вследствие интенсивного развития в ту пору, по сравнению с предшествующим временем, кочевого скотоводческого хозяйства, пришедшего на смену прежнему оседлому скотоводству, связанному с земледелием и жизнью замерших крупных родовых поселений Маргианы типа архаических бугров Гёбеклы.

Изучение стен городища Гяур-кала по натуре и наблюдения по двум разрезам в западном фасае в местах пропуска воды отводами из бывшего канала Разик, показало, что основание стен сделано из нескольких рядов пахсы. На пахсовой поверхности выведены стены из сырцового кирпича $40 \times 40 \times 14$ см. Башни нигде не были выдвинуты вперед за линию стены, и таким образом не давали фланкирования при обороне, т. е. играли при этом более пассивную роль, чем сильно выступающие башни парфянской крепости Старая Ниса. Это позволяет считать, что стены Гяур-калы в основном сложились до появления укреплений курука парфянских царей в Нисе, возводившихся уже в пору более развитой фортификации.

Проблема парфянской культуры в 1950 г. попрежнему была в центре внимания ЮТАКЭ.

Раскопки на городище Старая Ниса были сосредоточены на северном комплексе, где было раскопано целиком одно помещение в ЮЗ углу двора, оказавшееся по своему устройству аналогичным с «комнатой ритонов», «комнатой статуй» и другими. Продолговатое, с рядом кирпичных торовидных баз от бывших деревянных колонн по длинной оси, оно имело вдоль стен суфы, на которых лежали некогда различные предметы. Помещение имело замурованную со стороны двора дверь. Другая заложена дверь вела в расположенную севернее аналогичную комнату. Среди находок в раскопанном помещении оказалась группа монет. Часть из них принадлежит чекану Понта (Амизос) и имеет изображение головы богини города в короне муралис на А и совы на R, с различными буквенными знаками. Это вообще первый регистрируемый случай обнаружения монет Понта в Средней Азии. Находка их на Нисе впервые же ставит на разрешение вопрос о вероятно имевших место тесных связях между Парфией и Понтом. Кроме монет, были найдены различные предметы, среди которых особый интерес представляет серебряный позолоченный парадный «табар-загнул» парфянских царей — особый тип

клепца, служивший для пробивания брони, панцирей, шлемов. Для Средней Азии это первый случай обнаружения такого рода оружия, равно как до сих пор не было известно и парфянских царских табар-загнулов.

При раскопках длинного коридорообразного помещения вдоль северной стороны двора в полу были вскрыты гончарные трубы-кобуры водотода, проходившего со стороны двора и обнаруженного по продолжению в прилежащей с севера комнате. Расчистка ниже пола показала, что первоначально на месте коридорообразного помещения была открытая терраса-айван, столбы которой опирались на небольшие торовидные базы. В период перестройки открытая сторона айвана была забрана стеной, в связи с чем получилось замкнутое изолированное помещение, так как проход в комнату с крупными, оштукатуренными алебастром кирпичными базами был замурован.

Ряд дополнительных наблюдений позволил восстановить последовательность появления отдельных слагаемых всего северного комплекса. Данные, даваемые монетными находками, окончательно убеждают, что этот комплекс в основном сложился при старшей ветви аршакидов, когда постепенно замуровывались одно за другим отстроенные помещения, а затем для этой же цели начали пристраивать со стороны двора новые комнаты (коридорообразное, переделанное из айвана помещение; мелкие коморки вдоль восточного фаса двора).

Из остальных находок, сделанных во время раскопок на Старой Нисе в 1950 г., заслуживает особого упоминания небольшая скульптурная, сделанная из серебра, позолоченная фигурка орла со сложенными крыльями, на плоской подставке, а также фрагменты смятого бронзового сосуда, украшенного акантовыми листьями, с сохранившимся на нем кусочком льняной ткани.

Принципиально большую важность имеют данные, полученные при изучении исторической топографии Мерва. В свое время проф. В. А. Жуковский писал про Гяур-калу, что «судить здесь о бывшем расположении построек и, так сказать, плане города... само собой разумеется невозможно... Столь же трудно, если не невозможно с достаточным вероятием определить место старых городских ворот и количество их» (Развалины Старого Мерва, СПб., 1894, стр. 113).

Накопленный среднеазиатской археологией за советское время опыт и применение методики наблюдения археологического микрорельефа, с учетом данных растительного покрова, позволили в 1950 г. поставить опыт с поднятием исторической топографии Гяур-калы. Полученные на данной стадии предварительные результаты оказались уже весьма важными.

С несомненной очевидностью выяснилось, что расцвет городища приходится на аршакидское время, когда была обжита вся территория Гяур-калы. Подтвердилось положение, высказанное в 1947 г., о возведении в эту пору стены городской округи, остатки которой именуются теперь Гилякин-Чильбурдж. Разведочный расширенный раскоп № 1 на центральном бугре Эрк-депе показал, что эта часть бойной цитадели в основном получила свое завершение в парфянское время, когда окончательно был создан массив огромной платформы из крупного сырцового кирпича, включавший в себя помещения различного назначения. По-

следние появлялись одновременно, изменяли уровни полов, иногда забивались мусором или застраивались. В раскопе встречены были полы, выложенные жженым кирпичем. Содержимое некоторых культурных слоев давало материал парфянского времени разных эпох. В частности найдены были монеты, керамика, кусочек стиля из слоновой кости с вырезанной на конце кистью руки.

С платформой этой связаны печи для обжига глиняных ядер. В 1950 г. были встречены остатки двух таких печей, считая печь, прорезанную галлереей 1904 г. Стратиграфические наблюдения на Эрк-кала и в раскопе № 2 в Гяур-кала показали, что изготовление глиняных ядер имело место уже в парфянскую пору, причем продолжалось видимо и позднее. В VI—VII вв. изготовлялись преимущественно, повидимому, ядра мелкого калибра. Наиболее крупные ядра достигают в диаметре 22 см.

Совершенно четко выясняется количество и местонахождение бывших ворот в Гяур-кале, которые приходились примерно в середине западного, южного и восточного фасов городской стены, а в северном примыкали к восточной стороне овальной цитадели Эрк-кала. Что касается двух крупных проемов в южной и северной части западного фаса, то они образовались в местах бывших вводов воды из протекавшего с этой стороны города магистрального канала Разик.

В парфянское время в основном были накоплены толщи многометровых культурных наслоений в средней части Гяур-калы между восточными и западными воротами, перекрытые затем, но не повсюду, менее мощными слоями главным образом до IX—X вв. Выяснено, что в Гяур-кале при Аршакидах имелись четко выраженные ремесленные кварталы (керамистов-посудников, железников, медников-литейщиков). Как показал разведочный стратиграфический раскоп № 2, заложенный в южной части одного из бугров к востоку от Эрк-кала, ремесленники со своими мастерскими продолжали оставаться на одном и том же месте на протяжении нескольких поколений. Раскопом вскрыты в верхней части три одновременных культурных слоя, причем два датируются парфянским временем (комплексом находок, в частности медными парфянскими монетами) и вместе с тем самое содержание культурных слоев показывает, что оно связано с ремеслом литейщиков из меди и лиц, занимавшихся вообще обработкой металлов.

Весьма показательно, что во многих местах культурные слои парфянского времени оказываются на поверхности. Видны кладки стен, своды, читаются целые массивы крупных сооружений, могущих послужить объектами для будущих раскопок.

Вне пределов Гяур-калы памятники парфянского времени больше всего прослеживаются в непосредственной близости от этого городища, затем к СЗ, С, СВ и В от него.

Среди прочих парфянских памятников, зарегистрированных впервые или изученных в 1950 г. ЮТАКЭ, наиболее важным является крепость Чильбурдж, расположенная в 17 км к СЗ от Гяур-калы. Она представляет собою в плане неправильный четырехугольник со сторонами от 190 до 230 м. В северном и южном фасах были устроены мощные ворота с интересными защитными приспособлениями. По углам и всем четырем фасадам выступает множество прямоугольных бурдж в расстоянии друг от друга около 25 м. Основание стен выведено из нескольких

рядов пахсы. Выше же стены и башни сложены из крупных сырцовых кирпичей разных размеров. Остатки стен сохранились в некоторых местах на высоту до 14—16 м от поверхности прилежащего такыра. Кое-где уцелели настоящие и ложные бойницы. Характерную особенность крепости составляют «гофрированные» башни. Сохранность руин такова, что изучение различных деталей наружного и внутреннего устройства стен позволило дать графическую реставрацию их первоначального вида. Материал, собранный внутри крепости, дает в основном керамику парфянского времени (и отчасти X—XII вв.). Там же найдены две позднепарфянские медные монеты (одна, напоминающая тип монет Волгаза IV), парфянская терракотовая фигурка, куски морских ракушек. По сравнению со стенами Гяур-калы и Старой Нисы крепость Чильбурдж представляет собою более совершенное фортификационное сооружение позднепарфянской эпохи и вместе с тем является самым ранним в Средней Азии памятником, в котором применены «гофры» в развитом виде. До сих пор этот прием связывался с более поздним временем, непосредственно предшествовавшим арабскому завоеванию.

В основе своей парфянским является и небольшое поселение Гёбеклы в 32 км к СЗ от Гяур-калы. Стены его укрепленного пункта, имеющего в плане 95×100 м, сложены из сырцового кирпича 42×42×12 см. Керамика принадлежит парфянской эпохе. Среди находок имеется две терракотовых фигурки парфянских богинь. На прилежащей площади встречены железные крицы, керамические шлаки и ошлакованный жженный кирпич. Интересно, что поселение расположено за пределами стены Антиоха. Это лишний раз показывает, что в пору расцвета в областях Туркменистана рабовладельческого общества эта стена уже не служила границей земель оседлой культуры. На городище нет материалов поры кризиса рабовладельческой формации IV—V вв. и более позднего времени.

Совершенно новым является установление факта существования цитадели Старого Чарджоу (Амуля) в кушано-парфянскую эпоху, о чем свидетельствует собранный в обрезах калы археологический материал. В письменных источниках Амуль упоминается впервые лишь в средневековыи.

**Период кризиса
рабовладельче-
ской формации**

Изучение городищ Старого Мерва в целом дало ряд совершенно новых фактов для характеристики времени, падающего на пору правления династии Сасанидов, обычно воспринимаемую как некий исторически цельный, единый период. Изучение развалин Старого Мерва выявило ряд большой важности фактов.

1. На площади Старого Мерва медные монеты сасанидского чекана имеют широкое распространение и встречаются в Эрк-кале, Гяур-кале, Султан-кале и на территории средневекового рабада, примыкавшей к двум последним городищам. Из числа собранных и зарегистрированных одиночных монетных кружков около двух третей приходится на III столетие (Арташир I, Шапур I, Варахран II), одна четверть — на конец V и VI вв. Остальные на IV — большую часть V в.

2. Комплекс бытовой керамической утвари, сопровождаемой монетами чекана ранних сасанидов (шурф № 2), близок к таковым же предметам позднепарфянского времени (раскоп № 2) и резко отличается от форм керамики познесасанидской поры.

3. Стратиграфические вскрытия в центре Гяур-калы выявили накопленные в обжитом еще в III в. здании (шурф № 2) многочисленные годовые ленточные натёчные прослойки, как результат нахождения его долгое время в заброшенном состоянии и затем единовременный завал их мощной толщей мусора, свезенного откуда-то для выравнивания на месте руин строительной площадки для новых построек.

4. На ряде окраинных участков Гяур-калы целые кварталы верхним напластованием имеют лишь культурный слой III в. н. э., тогда как археологический материал более позднего времени сконцентрирован лишь в центральной части городища, в основном на широкой полосе между восточными и западными воротами.

Все вместе взятое свидетельствует, что в IV—V вв. Мерв нелегко перенес пору кризиса рабовладельческого общества, обжитая территория внутри города сократилась, даже в центральных кварталах стояли в развалинах брошенные дома. На этот период падает и кратковременный захват Мерва эфталитами. В процессе изжития кризиса и сложения ранних стадий феодализирующегося общества Мерв постепенно оправляется, причем рост его идет не столько за счет восстановления ядра рабовладельческого города (Гяур-кала), сколько за счет западных и юго-западных предместий (земли верхней руба'а Разика и территория будущей Султан-калы).

Таким образом, так называемый «сасанидский» период, культурно-историческое и эпохиальное единство которого обычно определялось по династическому признаку, в действительности в истории Мерва (и несомненно всего южного Туркменистана) распадается на три разной значимости поры:

1) III век — характеризуется по памятникам материальной культуры как преемственно тесно связанный с рабовладельческим обществом времени его расцвета при владычестве парфян;

2) IV—V вв. — падающие на время наиболее резкого проявления кризиса рабовладельческого общества и экономического упадка страны;

3) VI—VII вв. — отражающие в археологических памятниках новый культурно-экономический подъем в развитии общества как результат наметившегося перелома в кризисе на базе развивающегося феодального уклада.

Феодальное общество

Среди других обследованных в 1950 г. крупных объектов позднесасанидского времени особенно интересны развалины у Мунон-депе в 25 км к СЗ от Гяур-калы. Судя по встречающейся керамике, можно предполагать, что жизнь здесь была уже в парфянское время. Но в основном поселение в дошедшем до нас виде оформилось в VI—VII вв. Ядром его является многогранное тепе, с трех сторон охваченное широким валом от остатков строений, среди которых было несколько керамических и кирпичных печей. Густо обжитая площадь располагается к югу от тепе и тянется до полукилометра. Остатки строений позволяют кое-где уловить следы их былой планировки. Среди развалин домов обнаружены две терракотовые фигурки коней, две выразительные мужские головки и торс богини. Поселение это продолжало существовать некоторое время и позднее (VIII—IX вв.), когда жизнь концентрировалась южнее. Тут сохранились развалины небольших гофрированных кёшков, стоящих сре-

ди руин прочих дворовых построек. На поверхности попадаются черепки изкорной и мраморовидной свинцовой поливы. Интересны развалины, обнесенные квадратной в плане стеной, с прямоугольными угловыми башнями, принадлежащие, возможно, раннесредневековому караван-сарая, внутренняя планировка которого может быть восстановлена по микрорельефу. Городище у Мунон-депе полузанесено песком.

**Памятники
VII—XII вв.**

Комплексное изучение на территории Старого Мерва всех категорий сохранившихся на поверхности памятников позволило разрешить основные вопросы топографии города за этот период. Приурочены дошедшие в арабоязычных источниках названия городских ворот. Выявлена основная сеть улиц на территории Гяур-калы и к северу от этого городища. Выявлены места базаров у южных и западных ворот. Определено местонахождение первой соборной мечети (позднее «мечеть Бену Махан») в центре Гяур-Калы и установлено несколько периодов в ее существовании вплоть до XII столетия. Найдено место второй по времени соборной мечети на берегу Разика. Разрешен вопрос о месте пребывания халифа Мамуна и о местонахождении лагеря его войск. Обследование Шаим-калы, считавшейся В. А. Жуковским за военный стан монгольской армии Тули, привело к определению ее, как первоначально возможного лагеря 7000 восставших сторенников Абу Муслима, по прозвищу которого это укрепление может быть и получило свое название «крепость сокола» — Шахим-кала, искаженное позднее в «Шаим-кала».

Эрк-кала в VIII в. выполняла функции цитадели Мерва, но Гяур-кала, именовавшаяся «шахристаном», по археологическим данным, была обжита лишь частично, вероятно отчасти из-за затруднений с водоснабжением (заглубление русел основных магистральных арыков). В свете новых наблюдений, перенесение в середине VIII в. административного центра («дома правления», тюрьмы, сооружение новой соборной мечети) на Маджан может быть истолковано, как результат совокупности политических и экономических причин.

Археолого-топографическое обследование выяснило места всех четырех «руба'а» (по каналам Асада, Разику, Маджану и Хурмузфарра) и наглядно подтвердило, что после перенесения в IX в. Абдаллахом ибн Тахиром столицы в Нишапур, МERV несколько захирел, и, по словам Макдиси, «обезлюдел, исключая немногих жилищ; одна треть пригорода его разрушена».

На территории Старого Мерва и в ряде пунктов его района обследовано несколько замков-кёшков VII—XII вв., характеризующихся наличием «гофрированной» разделки наружных стен (три кёшка на городище Мунон, два в Нагим-кала, Харам-кёшк в 8 км к СЗ от Байрам-Али, Кыз-калы в старом Мерве и др.). На кладбище средневекового Амуля (Старый Чарджоу) обнаружен небольшой, скромный мавзолей X в., сложенный из жженого кирпича 21×21×3 см и являющийся одним из древнейших памятников этой категории на территории Туркменистана.

Согласно положению о ЮТАКЭ (§ IV), эпохе XI—

**Эпоха
XI—XII вв.**

XII вв. экспедиция уделила в 1950 г. немало внимания.

Изучена историческая топография Мерва этого времени XI—середина XII вв. были порой наибольшего расцвета феодального Мерва. Произведена съемка Султан-калы, ее цитадели

Шахрияр-арка и площадей обеих «обводов» (Искандер-кала и квартала Джассин с кладбищем асхабов). Выяснены места всех городских ворот и приурочены дошедшие в письменных источниках их названия. Изучение городских стен показало несколько периодов в их существовании (ремонт, переделки, возведение заново отдельных отрезков). Особенно детально изучена площадь Шахрияр-арка, где по миксрельефу поднята вся основная планировка. В прилежащем с западной стороны Султан-калы квартале керамистов осуществлена расчистка нескольких круглых печей, причем одна из них находкой в отвале монеты датируется первой половиной XI в.

Документально установлено для первой половины XII в. широкое использование в строительстве жженого кирпича с применением в архитектурной разделке притертых и фигурных кирпичных плиток. Такого рода облицовочный материал был собран с полутора десятков пунктов Старого Мерва и его окрестностей. Выяснено, что в эту пору ремонтировалась, между прочим, первая соборная мечеть, стоявшая в окончательно замершем старом шахристане.

Изучение так называемого мавзолея Мухаммада Ханалы, считавшегося до того исследователями усыпальницей этого лица, якобы перестроенной в 1157/8 г., привело к совершенно иным выводам. Расшифрованная кирпичная куфическая надпись внутри мавзолея содержит точное указание, что это — «место успокоения» не Мухаммеда Ханалы, основателя одного из четырех правоверных суннитских толков, а Мухаммада, сына Зейда, сына Али-Зайн-ал-Абиддина, сына Хусейна, сына Али, сына Абу-Талиба, т. е. праправнука самого халифа Али. В надписи указывается также Абу-Тахир-Саад, сын Али, по распоряжению которого заложено было основание (بني) этого здания (а не его перестройки) в 506 г. х. = 1112/13 г. н. э., т. е. еще в бытность Султана Санжара наместником Хорасана. Таким образом, эта усыпальница имеет больше оснований считаться «святыней» шиитов, каковой она, видимо, и была в прежнее время. Шурф, заложенный в северной пристройке у северной стены мавзолея, обнаружил при одном из погребений наличие глиняной штампованной шиитской плитки из земли, взятой у мавзолея Имама Ризы в Мешхеде.

Из прочих зданий этого периода экспедицией были осмотрены и изучены: мечеть Талхатан-баба, караван-сарай и мечеть в Кууртлы, дворец правителя в Шахрияр-арке и ряд кёшков к С и СЗ от Старого Мерва.

Кроме того, были посещены развалины двух средневековых городов — Хурмузфарре (ныне Кишман) и Башан (ныне Кууртлы). Хотя оба они сложились еще до арабского завоевания, временем расцвета для них также была пора XI—первой половины XII вв. Также, как для Мерва, порой упадка для них явилось время так называемой «гузской смуты», когда они заметно захирели.

Интересными памятниками эпохи самой гузской смуты являются единичные медные монеты, собранные экспедицией в разных местах Мервского оазиса.

Ту пору развитого феодализма, которая падает на XIII—XIV вв. время с монгольского завоевания Средней Азии и до сложения крупного государства Тимура, обычно принято именовать «монгольским периодом» и рассматривать, как единый этап.

Работами ЮТАКЭ на конкретных примерах Нисы и ряда других районов установлено, что в действительности этот период, характеризующийся усилением феодальной эксплуатации, должен быть расчленен на три этапа, разных по своему содержанию и отображению в памятниках материальной культуры. Первый — резкий экономический упадок страны в связи с монгольским нашествием (до 50-х годов XIII в.); второй — этап постепенного изживания в системе государства Хулагуидов тяжелых последствий монгольского завоевания (к концу XIII в.); третий — некоторый экономический и культурный подъем отдельных областей, как результат активной политической борьбы местного населения против монгольского владычества, распада государства Хулагуидов, дальнейшего процесса развития на базе местных традиций, по существу с антимонгольской направленностью (до вхождения Хорасана в состав государства Тимура).

В оценке положения Мерва за этот период принято исходить из показаний авторов XV в., что город с момента его уничтожения монголами в 1222 г. оставался в запустении на протяжении около двух веков до восстановительных работ, начатых при Шахрухе в 1409 г. (В действительности в 1410 г. М. М). В. А. Жуковский считал, что «возрождение Мерва из пепла и развалин совершилось почти через 200 лет» (Развалины Старого Мерва, стр. 53). В. В. Бартольд, знавший из письменных источников о воздвигнутых в середине XIII в. некоторых постройках в селении Разик-абад к югу от города, не придал этому значения и считал, что Мерв от монгольского погрома «никогда уже не мог оправиться» и «был восстановлен лишь в 1409 г.» (Историко-географический обзор Ирана, стр. 32; он же, К истории орошения Туркестана, стр. 64). Точки зрения, что Мерв не существовал в течение двух столетий с момента монгольского погрома, положившего конец его культуре, придерживаются донныне и другие историки Среднего Востока.

Работы ЮТАКЭ 1950 г. дали ряд наблюдений, позволяющих по новому осветить историю Мерва XIII—XIV вв.

Начавшиеся с середины XIII в. мероприятия по восстановлению жизни города дали наглядно археологически ощутимые результаты уже к концу этого столетия, а в XIV в. территория Старого Мерва была обжита в значительной своей части. Цитаделью служил Шахрияр-арк. В нахсдившемся в середине его восстановленном дворце правителей встречена дорогая керамическая утварь XIII—XIV вв., как местная, так и привозная. В Султан-кала наиболее зажиточная часть населения занимала северо-восточную и юго-западную четверти, а также проживала по обе стороны улицы, ведущей к южным воротам Аламдара. Внутри Султан-калы имелись здания, на украшение которых была употреблена облицовка из изразцовых кирпичиков и майоликовых плит. Если восстановительные работы начались на площади «руб'а Разик», размещавшегося южнее ЮЗ угла Гяур-калы, то позднее в XIV в. были обжиты также территории бывших руб'а Маджан и руб'а Хурмузфарра. Керамика XIV в. не встречена только на месте руб'а Асад, но она попадает несколько южнее, на землях колхоза Азад. Что касается Гяур-калы, то следы более или менее заметной застройки XIV в. зарегистрированы на участке между ней и Султан-калой. Отдельные объекты XIII—XIV вв. обнаружены также на территории Абдулла-хан-кала.

Среди собранного археологического материала этого периода имеется немало фрагментов прекрасной люстровой керамики, а также типа «султанабад». Общий облик керамических комплексов Мерва этой эпохи аналогичен тем, что установлены были ЮТАКЭ на территории Дахистана, Языра и других городов Южного Туркменистана. Очень интересно обнаружение неподалеку от мечети в Шахрияр-арке куска резной трехцветной поливной плитки от торцевой части намогильника. В обрамлении из синего бордюра и белой куфической надписи религиозного текста была размещена эпитафия, выполненная почерком насх и покрытая голубой поливой. От нее уцелела дата, написанная по арабски— 678 г. х. = 1279/80 г. н. э.

Совершенно особый интерес представляют руины, обнаруженные к югу от Султан-калы, западнее бывших ворот Сар-и-Маджан, метрах в 50 от стены южного обвода. В последней в XIII—XIV вв., видимо, существовал пролом-тешник для проезда, от которого отходила прямо на юг дорога. По восточную ее сторону располагался участок, на котором было сооружено небольшое здание. Частичное вскрытие его (раскоп № 3) показало, что оно стоит на пахсовой платформе, причем нижние части стены его, толщиной свыше 1,50 м., были сложены из сырового кирпича $30 \times 30 \times 7$ см, а выше были, видимо, каркасные или деревянные. К улице здание выходило террасой-айваном, за которой следовал параллельный ей узкий корридор. Позади последнего находилось основное продолговатое помещение (ок. $10 \times 4,50$ м). Вся руина и склоны оплывшего бугра густо усеяны керамической черепицей дальневосточного типа, изготовленной с применением ткани, следы которой ясно отпечатались на левой стороне каждой плитки. Наряду с обыкновенными гладкими черепицами встречены интересные орнаментированные плитки, звероподобные маски, угловые «козырьки», фрагменты фигурок птиц и др. На одном из фрагментов черепицы оказались остатки отгиснутой китайской надписи. Весь набор этих объектов явно принадлежал черепичной двухскатной крыше, сделанной на месте, но выполненной в технике, принятой в то время в Китае и в Монголии. Кроме черепиц, найдено было небольшое скопление упавшей со стен глино-саманной штукатурки с цветной росписью. Для нее употреблены краски: голубая, зеленая, желтая, белая, красная; есть следы позолоты. Среди фрагментов цветной штукатурки имеется кусок с красной чешуей, причем каждая чешуйка оторочена белой каймой. В одном месте найдены два куска с изображением на голубом фоне бегущего зайца. Раскоп дал в большом количестве куски майоликовых плит двух типов, со сложным геометрическим орнаментом (гирихом). Плиты эти служили для облицовки панели и сделаны местными мастерами в полном соответствии с местными архитектурными традициями. Сочетание в одном здании этой майоликовой панели с росписью и с черепицей дальневосточного типа характерно для эпохи своей эклектичностью. Возможно, что раскапывавшееся здание в этом отношении как-то отражает такое же явление, отмечаемое в строительстве столицы монгольского государства — Каракоруме, и обязано своим появлением политике, проводившейся в Хорасане монгольскими наместниками в середине XIII в. Обнаружение описанного памятника является неожиданным интересным открытием, ставящим проблему разрешения вопроса взаимосвязей народов Южного Туркменистана и Китая в XIII—XIV вв.

Для истории XIII—XIV вв. имеет также значение установление наличия в руинах Старого Чарджоу археологических остатков конца XIII—XIV вв., в частности фрагментов дорогой люстровой керамики, чем впервые выявляется не отмеченный письменными источниками факт существования в эту пору, кроме крепости, города Амуля, как обжитого пункта.

В части обследования памятников XV—XVII вв. больше всего ЮТАКЭ сделано на городище Старого Мерва. Подвергнуто специальному изучению городище Абдулла-хан-кала с прилегающей к нему площадью Байрам-Али-хан-кала. Это особенно своевременно в связи с тем, что непосредственная близость к новому городу Байрам-Али постепенно приводит к исчезновению остатков сооружений и к нарушениям археологического микро рельефа.

На городище произведена археолого-топографическая съемка. Подробно изучены его стены. Выявлено несколько периодов их сооружения. Все это позволило дать первую для Средней Азии графическую реконструкцию городских стен XV в. К числу интересных строительных деталей относятся вмазанные через определенные промежутки, по вертикали наружной поверхности их, составные керамические, прямоугольного сечения желоба для стока воды.

Весьма важен вывод, что стены прямоугольника так называемой Байрам-Али-хан-калы были возведены в XV же веке, несколько позднее стен Абдулла-хан-калы, очевидно в связи с ростом города. Установлены: регулярная планировка городища, основные элементы исторической топографии, в частности местонахождение квартала металлистов. Обнаружена подземная галерея из жженого кирпича, выводившая за пределы города в ров сток воды. В нескольких домах XV в. ниже пола открыты особого устройства сточные всасывающие сводчатые ямы, обложенные жженым кирпичом. Их содержимое дало косточки арбузов, помидор, винограда, джиды и др. Заложенный на городище в наиболее низменной части шурф в 3,5 м дал по всей глубине материал XV в., свидетельствующий об интенсивном накоплении в эту пору культурных отложений.

Массовый сбор подъемного материала позволил установить для XV в. большую общность керамики Мерва и Мавераннахра, тогда как с XVI столетия намечается большая близость ее с таковой же из Нисы и вообще Хорасана.

Вне пределов городища установлена площадь распространения археологических материалов в северном направлении; опознано и изучено здание садового дворца XV в.; детально обмерены другие архитектурные памятники (сооружения у мавзолеев Бурейды-Гифари, мечеть Юсуфа Хамадани).

В 1950 г. ЮТАКЭ продолжала работу над темой «Жилищная архитектура туркмен XVIII—XIX вв.», связанной со стоящей в плане проблемой этногенеза туркменского народа.

Продолжалось начатое в 1949 г. изучение развалин жилых усадеб туркмен-сарыков в районе Байрам-Али и впервые охвачен новый Чард-

жоуский район, где обследовались архитектурные памятники туркмен-эрсари в следующих пунктах: Кагановическ, Сакар, Лямбе, Халач. Установлен ряд особенностей развитой народной архитектуры эрсаринцев Чарджууского района—своеобразие планировочных решений, архитектурных форм и исключительное богатство ornamentации.

Некоторые прочие работы, наблюдения и открытия. 1. ЮТАКЭ в 1950 г. по линии VII отряда провела специальную работу по изучению строительных материалов (кирпича и растворов) на памятниках Старого Мерва, причем взятые на месте пробы сданы на анализ лаборатории строительных материалов САНИИРИ в Ташкенте.

2. На городищах Старого Мерва проведено одновременное изучение керамических печей VI—VII и XI—XII вв., причем впервые установлен своеобразный комплекс объектов печного прибора для времени, предшествующего арабскому завоеванию. Среди них особый интерес представляют подкладыши из глины сегментовидной формы, колеблющиеся по длине от 11 до 30 см.

3. За 1950 г. в Мервском районе собрана коллекция терракотовых скульптур с изображением животных и людей. Среди изображений животных имеются фигурки коней, баранов, слона, птиц. Фигурок с изображением людей получено свыше 20, причем среди них многие найдены при раскопе в четко определенных стратиграфических слоях. До десятка новых типов. Подавляющее большинство и лучшие по художественной выразительности фигурки—парфянского времени. Очень интересна фигурка женщины-гузки XII в.

4. Удачен сбор нумизматических памятников. Не считая упомянутых выше монетных находок на Старой Нисе, ЮТАКЭ собрано в 1950 г. на территории Старого Мерва относительно много монет парфянского, сасанидского, арабского (в том числе халифа Харун-ар-Рашида), саманидского, сельджукидского, хорезм-шахского и более поздних чеканов, до XIX в. включительно. Из них до 30% составляют парфянские медные монеты, дающие новые еще не известные науке типы местного Маргканского чекана. В числе зарегистрированных монет имеется золотой динар сельджукидского чекана середины XI в., битый в Мерве от имени Алп Арслана (1063—1072).

5. Хороший комплекс бытовой керамики и других предметов позднеаршакидской поры получен в Гяур-кале в раскопке № 2, датированном найденными там монетами. Комплекс дает новый локальный «мервский» вариант утвари парфянского времени. Кроме ряда почти целых, изящных сосудов, заслуживает быть упомянутой нижняя часть небольшого глиняного бытового ритона для вина в виде головы быка.

6. Исключительный по разнообразию комплекс предметов III в. н. э., также датированный монетами, извлечен из шурфа № 2 в центральной части Гяур-калы (терракотовая скульптура, керамическая утварь с рядом почти совершенно целых объектов). Отсюда и в дальнейшем можно будет добыть огромное количество материала этой же эпохи. Комплекс важен, как устанавливающий отсутствие разрыва в культуре «позднеаршакидского» и «раннесасанидского» (докризисного) времени.

7. Чрезвычайно интересны обнаруженные экспедицией глиняные ядра—«хасак» в виде примерно равносторонних трехгранных пирамид.

док со сторонами от 11 до 20 см. Назначение «хасака», разбрасывавшегося на поле сражения или перед крепостью, заключалось в том, чтобы затруднить маневрирование неприятельской конницы.

8. Впервые вскрыто на месте в раннефеодальных зданиях IX—X вв. два интересного устройства и разных типов «ташнау» для спуска жидкостей из помещений в поглотительные ямы.

9. В разных местах при раскопках получен разнообразный косточковый материал, в частности по винограду. Виноградные косточки выбраны из слоев от двухтысячелетней давности до XV в. и, таким образом, впервые дают возможность наметить некоторые вехи по сортименту и ассортименту винограда в оазисе Мерва за длительный исторический период.

10. Собран богатый обмерный материал для графической реставрации ряда жилых феодальных замков-кешков и домов с VI по XII вв.

11. К концу 1950 г. при археологическом кабинете САГУ в основном завершена проводившаяся на средства Музея истории Туркмен-ФАН СССР и отчасти ЮТАКЭ сложная многолетняя работа по закреплению, сбору и реставрации парфянских ритонов из резной слоновой кости. Отреставрировано 37 полных ритонов, 5 отдельных фризів их, один небольшой сосуд с протомай слона. Один ритон хорошей сохранности в зафиксированном растворе клея БФ-4 состоянии сохранен в блоке для документации того состояния, в каком объекты были извлечены из земли.

12. Привлечение многих специалистов СССР (в Ташкенте, Тбилиси, Москве и Ленинграде) к расшифровке парфянских надписей на остраконах из Новой Нисы в 1950 г. привело к положительным результатам: в весьма короткий срок, протекший с момента обнаружения этих уникальных памятников, они оказались разобранными коллективом ленинградских специалистов. Все остраконы оказались парфянскими документами по учету поступлений вина с виноградников в районе Нисы, написанными алфавитом арамейского происхождения на парфянском языке и датируются II в. аршакидской эры.

1951 год

Полевые работы велись с некоторыми перерывами с 9 апреля до 6 декабря 1951 г. Работало восемь отрядов.

Отряд I — раскопки Круглого зала и Северного комплекса Старой Нисы.

Отряд VII — изучение архитектурных памятников парфянского времени (на Нисе, Джий-депе, Дурнали) и средневековых сооружений Мервского оазиса — Хароба-кошук, комплекса мавзолеев Гок-гумбез, жилых домов и замков на Кара-депе, Тургай-депе, Яз-депе, Ал-Аскер, Слу-кошук, Окуйли-кошук, караван-сараев в Ахча-кала, Сули-депе, Ал-Аскере, жилых домов туркмен-сарыков XVIII—XIX вв., мазара Худай-Назар-овлия.

Отряд VIII — завершение раскопок буддийской кумирни в Старом Мерве.

Отряд X — обследование района Дахистана (поселения Тангси-кыльджа, тепе в 13 км к СЗ от Мисриана, замок в 6,5 км от него, Хан-

лы-депе, Геокчик-депе, Шаудуз-кала, тепе в 18 км к югу от Бугдайли, Ортадепеслик, Илерки, поселение в 12 км к западу от Илерки, Рустем-кала, Қайрахи, Шах-дюз, два укрепления на Шах-дюз, Ахча-кала, Изат-кули) с постановкой стратиграфических раскопов на Изат-кули и Шах-дюз.

Отряд XVII — раскопки могильника родового общества у Янгикала.

Отряд XVIII — изучение городищ и поселений северной части Мервского оазиса (Апи-еклан, Отаклан-депе, Магалляк-депе, Сули-депе, Берды-илан, Гичигран, Кара-депе, Одычи, Обайдош, два Акча-депе, Али-Аскер, Кууртлы, Туп-депе, Давали, Чичанлык, Слу-кошук, Абшик-лы-кала, Ахча-кала, Куруклы, Худай-Назар-овлия, Атлы-кошук, Айрык-лы-депе, Атлы-депе, Чанглы, Дурнали, Гок-гумбез, Куш-беги, Дашлы, Аравали, Гумуш-депе, Койне-депе, Бедан-депе, Аквай-депе, Кара-депе, Тургай-депе, Пешан-али).

Отряд XXI — маршрутное обследование в районе Казанджик—Яхсан — Дан-ата — Хумдаг — Вышка — Джебел — Молла-кара — Таш-Арват.

Отряд XXII — комплексное археолого-этнографическое изучение селения Мурча и племени мурчали.

По договоренности с начальником Хорезмской археологической экспедиции проф. С. П. Толстовым, ЮТАКЭ приняла на себя обслуживание археологическим изучением следующих районов: район от Кызыл-Арвата до Красноводска (отряд XXI) и Мешхеда—Мисрианское плато (отряд X). Два отряда на подведомственных им территориях выявили много различных памятников. В частности, XXI отряд открыл два значительных поселения бронзового века между Джебелом и Молла-кара и в 20 км севернее Джебела и Таш-Арвата. Установлено, что в пору «неолита» и «бронзы» районы Казанджика и к западу от него в сторону Красноводска были обжиты довольно интенсивно. Зарегистрировано несколько оседлых пунктов с археологическим материалом ранней поры рабовладельческого общества. Для более позднего времени следов развитой оседлой жизни не обнаружено. Редкие объекты феодального периода связаны с пролежавшими здесь торговыми караванными путями. Позднекочевнические памятники представлены фертообразными каменными надмогильными памятниками. Последние обследованы у Дан-ата. Часть их имеет туркменские эпитафии и тамги, появившиеся, повидимому, при вторичном использовании памятников.

X отряд выявил в Дахистане шесть новых никем не изучавшихся до сих пор памятников. Из числа обследованных 17 памятников самые ранние восходят ко II тысячелетию до н. э. Наблюдения над валом Шах-дюз показали, что это русло магистрального арыка, принадлежавшее ирригационной системе, питавшей водой ряд населенных пунктов к СЗ и З от Месториана. Время возникновения этой системы приходится на пору рабовладельческого общества. Каналы функционировали до VIII в., поскольку верхний культурный слой расположенных на них городов и замков датируется этим столетием. Выяснено, что с IX в. весь ранее культурный район к СЗ и З от Месториана лежит в запустении, и поселения с этого времени в основном концентрируются в центральной и восточной частях Дахистана.

Шурфовка на дахистанском городище Изат-кули установила наличие трех культурных слоев, причем верхний предшествует поре расцвета рабовладельческого общества. Здания выведены из продолговатого кирпича $76 \times 45 \times 11-12$ см³. Среди собранного археологического материала имеются: каменный квадратный столик-жертвенник на четырех ножках, бронзовые трехперый черешковый и двуперый овальный втульчатый наконечники стрел, боченкообразная бусина, железные шлаки.

Обследование района в 35—50 км к СЗ от Мары показало, что здесь на правом берегу Мургаба имелась развитая арычная сеть, служившая в пору родового общества и питавшаяся водой возможно из русла одного из затухающих потоков. Тут в полосе насаждающих на оазис песков одновременно существовало тогда до восьми крупных поселений древней Маргианы и ряд более мелких; археологический инвентарь их характеризуется наличием бронзовых овальных и полуовальных двуперых втульчатых наконечников стрел, крашеной маргианской керамики, вазообразных чаш на ножке, раковин каури, каменных и мастиковых бусин. Характерно, что в пору расцвета рабовладельческого общества и в феодальное время в этом районе уже не было никаких сколько-нибудь значительных оседлых поселений, очевидно, в связи с иным распределением мургабской воды.

В районе Янги-калы, близ Геок-тепе, в зоне конуса выноса силевых вод Алты-яба впервые на территории Туркменской ССР удалось изучать кладбище носителей древних культур типа Анау. Всего вскрыто семь одиночных ямных погребений взрослых особей, из которых одно женское. Трупы помещались в могилы без специальной ориентировки по странам света, но всегда в скорченном положении. Покойника сопровождал скромный инвентарь из 2—3 керамических сосудов, сделанных на гончарном кругу без всякой росписи, частично ангобированных или лощенных, причем один из них обычно вазообразный. При некоторых костяках оказались бронзовые украшения: серьги, кольца, шпильки с гелловкой в виде вписанного в круг крестика, наlobная пластинка. В одном из погребений оказалась глиняная скульптурная фигурка нагой женщины, опоясанной жгутом с двумя спускающимися концами; голова, руки и ноги ниже колен отбиты. По совокупности инвентаря янги-калинскую культуру можно считать промежуточной между группами культур типа Анау III и Анау IV с локальными особенностями.

На поселениях древней Маргианы и Дахистана в верхних культурных слоях отмечено наличие ряда форм керамической утвари, которые встречаются и в комплексах предметов на памятниках парфянского времени.

Парфия Проблема эпохи Парфии, как поры расцвета рабовладельческого общества, была в центре внимания экспедиции.

В различных пунктах обнаружены новые памятники парфянского времени. Одно античное сельское поселение открыто в 1,5 км к В от конца устья Чули (или Алты-яба). Другое — в 4,5 км к С от развалин калы в селении Мурча. Установлено, что так называемая крепость Геок-депе находится на месте крупного поселения парфянского време-

ни, причем квадратное в плане городище Денгиль-депе представляет собой типичную парфянскую крепость 200×200 м² с шестью башнями по каждому фасу и цитаделью в ЮЗ углу.

Больше всего новых памятников парфянского времени обнаружено в Мервском оазисе. Среди них несколько почти квадратных в плане крепостей (Чичанлык-депе, Ахча-депе и др.). Лучшей по сохранности и самой крупной является крепость Дурнали в 25 км к ССЗ от городища Гяур-кала (= Антиохия Маргианская). Площадь ее около 4 га. По каждому фасу имелось девять башен. Остатки стен сохранились по высоте до 6 м, дают представление об их конструкции и кое-где сохранили целиком подлинные и фальшивые стрельчатые бойницы.

Территории прилежащих к крепостям бывших поселений иногда почти сравнены с землей, имеют незначительный микрорельеф, густо усеяны керамикой и другим инвентарем. Среди них имеются: скульптурные терракотовые фигурки народной парфянской «богини-матери», бронзовые и железные наконечники стрел, мелкие ракушки из Индийского океана и медные монеты преимущественно местного маргианского чекана первых веков н. э. с парфянской легендой на R вокруг фигуры Аршака I, сидящего на троне с луком в протянутой руке. Монеты эти встречаются в большом числе в самых отдаленных от древнего Мерва поселениях и свидетельствуют о значительном развитии торговли с монетным обращением. Вместе с тем, отсутствие кружков кушанского чекана, при обилии современной им медной монеты аршакидского чекана, является лишним доводом против существующей точки зрения, будто Маргиана на протяжении двух веков входила в состав государства «Великих кушан».

Самые крупные земляные археологические работы осуществлялись на городище Старая Ниса.

Закладка шурфов на ровных местах, не имеющих на поверхности, казалась, никаких намеков на археологический микрорельеф, показала, что площадь внутри крепостной стены была в свое время покрыта более густой застройкой и имела более сложную планировку, чем это считалось раньше. Благодаря появлению в ноябре хорошего травяного покрова, используя его как своего рода индикатор, удалось выявить наличие сооружений на участке между северным и южным архитектурными комплексами, прежде принимавшемся за лишенный строений проезд или широкую улицу. Произведенная по растительному покрову съемка позволила поднять примерный план бывших здесь некогда построек, причем выяснилось даже место главного прохода к раскапываемому с 1948 г. большому квадратному дому-хранилищу.

Осуществленная на городище частная нивелировка по трем направлениям, сопровождавшаяся небольшой расчисткой места, где в южном фасе стены с наружной стороны виднелся водопроводный глиняный кобур, показала, что здесь отнюдь не было начало ввода воды в крепость, как утверждали прежние исследователи. Наоборот, через наклонно лежащие крупные кобуры (длина — около 85 см; диаметры наружные от 21 до 25 см.) вода выходила отсюда наружу. Поступала же она внутрь крепости со стороны западного фаса и наполняла затем хаузы, причем один отвод отходил к северному архитектурному комплексу, где в двух помещениях под полом проложена кобурная магистраль.

Раскопка в южном комплексе Круглого зала, имеющего 17 м в диаметре, позволила открыть примерно $\frac{1}{3}$ его внутренней площади. Уцелевшие до высоты 6 м стены только в нижних частях сохранили остатки белой штукатурки. Найденные внутри крупные терракотовые аканты, явно предназначенные для капителей, заставляют предполагать, что «зал» имел или колонны или полуколонны. Весьма вероятно, что они располагались во втором ярусе стен, подобно тому, как это имеет место в посвященном «великим богам» храме Арсиноийон на острове Самофрака начала III в. до н. э. Очевидно, с фризами верхнего яруса связаны и терракотовые плиты, которые условно именовались до сих пор «метопами» и фрагменты которых также находились внутри Круглого зала. На полу обнаружены груды мелких кусков от разбитых окрашенных глиняных статуй. Вскрытие их было отложено на будущий год из-за наступления сырой погоды. Стратиграфические разрезы выявили три периода завала. Среди отдельных находок заслуживает упоминания высеченный из белого мрамора фрагмент женской руки несильно меньше натуральной величины.

Значительно продвинулась раскопка Северного комплекса. Здесь окончательно оконтурился отдельный большой дом, занимавший вместе с внутренним двором площадь около 3500 кв. м. Вскрыт ряд новых помещений по восточному, западному и южному фасадам 1-го периода постройки. Полностью раскопано коридорообразное помещение 2-го периода вдоль западного фаса. Выяснено, что оно упирается в поперечное идущее помещение с белыми оштукатуренными стенами, причем в раскопанной части обнаружен пристроенный к стене сырцовый округлый алтарь, расписанный по белому фону гирляндами из красных цветов, перевязанных черными лентами со спускающимися петлями. В одном из малых помещений, появившихся во 2-м периоде, вдоль восточного фаса раскопаны две сложенные из сырцовых кирпичей и ведущие на крышу лестницы. Внутри найдены железные наконечники стрел. Возможно, что здесь размещался караул, часовые которого обходили охраняемый дом по крыше. Крупные помещения 1-го периода постройки все примерно одного типа, с рядом кирпичных баз (по четыре в каждом) по длинной оси комнаты, с широкими суфами вдоль стен, с заложенными дверными проходами.

Детальное изучение каждого из помещений подтвердило прошлогодние выводы о наличии нескольких этапов в существовании этого дома. Разборка суфы у замурованной двери в северном помещении западного фаса обнаружила в кладке две прекрасной работы и сохранности тетрадрахмы греко-бактрийского царя Евтидема I (около 230—200 гг. до н. э.), подтвердив тем самым наши определения сооружения самого дома, которое мы относили к концу III в. до н. э.

В отчетном году не только подтвердилось, что дверные проемы подавляющего большинства помещений были замурованы, но установлено, что на помещения накладываются печати. В ряде комнат на полу найдены кусочки серовато-черной массы, на которой оттискивались изображения печатей. На каждом глиняном валике было по несколько оттисков до четырех различных печатей. Среди изображений имеются: голова богини Ники, скачущий всадник, поражающий копьем вставшего на задние ноги хищного зверя, олень, воин с противостоящим подняв-

шимся на задние ноги крылатым грифоном и др. На некоторых отти-сках видны знаки парфянского алфавита. Изображение Ники на пар-фянских монетах встречается с конца II в. до н. э. и до середи-ны I в. н. э. Но в смысле датировки особый интерес представляет оттиск печати с изображением всадника со стоящей перед ним богиней побе-ды, протягивающей ему венок. Это типичное изображение для R монет, чеканенных при Артабане III (10/II-40 г. н. э.), родоначальнике дина-стии младших Аршакидов.

Содержимое вскрытых помещений отличается большим разнообра-зием. Встречены предметы из кости, камня, мастики, стекла, железа, меди, серебра, глины. Среди керамики особенно интересны крупные парфянские фляги-мустахара, в числе их—глазурованные. Найдены остатки истлевших тканей, покрытых некогда раскраской и позолотой и украшенных бронзовыми бляшками. Слои с такой тканью взяты в 3 крупных гипсовых блока. Из оружия получены: крупная боевая секира, два овальных щита, фрагменты разнообразного типа панцирей, комплекс наконечников стрел от втульчатых бронзовых до черешковых железных. В двух помещениях найдены почти целые ромбовидные плит-ки из толстого стекла, явно служившие для инкрустации. Впервые полу-чены осколки от расписных и частично позолоченных стеклянных сосу-дов.

Из скульптурных предметов заслуживают упоминания:

1. Фрагмент торса с головой пустотелой терракотовой позолоченной обнаженной женской фигурки.

2. Серебряная позолоченная ножка цисты, оформленная в виде сказочного крылатого женского существа на грифоньей ноге.

3. Светлой бронзы крылатый львоподобный женский сфинкс; фигур-ка, повидимому, служила ручкой крупной металлической вазы.

4. Серебряная, частично позолоченная статуэтка обнаженного мла-денца Эрота, привставшего на цыпочки в позе готовности к отлету и с воздетыми вверх руками, на которых накручены два «браслетика» из золотой проволоки.

5. Серебряная, частично позолоченная статуэтка Афины в шлеме, с головой Горгоны на груди; в правой руке—диск; левой рукой, повиди-мому, опиралась на утраченные ныне щит и копье. Судя по изогнутости запрокинутого назад туловища и косому срезу основания, фигурка была насажена на какую-то наклонную поверхность.

В 8 м восточнее комнаты с ритонами были вскрыты остатки трех помещений, как установлено, никак не связанных с основным раскапы-вавшимся домом даже в планировочном отношении (разные оси разбив-ки). Два из них, расчищенные полностью, оказались «хумханами», т. е. винными складами, в пол которых были вкопаны на глубину до полу-метра глиняные корчаги. Третье помещение, раскопанное пока частич-но, имело прямоугольный, оштукатуренный, с выложенным каменными плитками дном—резервуаром-закромом. На дне лежал слой виноградных косточек, толщиной от 12 до 30 см. Рядом с резервуаром находится оштукатуренная суфа, а у западной стенки оказалось два крупных хума с венчиками почти без заплечиков и очень широкими отверстиями, для большего удобства при вычерпывании жидкости из корчаг. Судя по ряду признаков строительного порядка и археологическим материалам, эти хозяйственные сооружения подвергались перестройке.

При вторичном выравнивании площадок перед реконструкцией всех этих построек, под стены, под пол и в насыпку земли, в которые вкапывали затем хумы, попало большое количество парфянских остраконов. Всего здесь в 1950 г. извлечено около 150 остраконов. Часть из них явно аналогична налоговым документам с Новой Нисы. По разобраным в поле датам они составлены в конце II—начале III вв. аршакидской эры и к моменту переделки упомянутых хозяйственных сооружений, как утратившие практическую значимость документов архивного порядка, попали в засыпку.

Изучение мервских поселений, верхний культурный слой которых содержит археологический материал «позднепарфянского типа», показал, что последний сопровождается, наряду с парфянскими, медными монетами сасанидского чекана, выпущенными в правление Арташира I, Шапура I, Бахрама II, реже Хормизда II, и, следовательно, приходящимися на весь III в. и отчасти на самое начало IV в. Так как никакого более позднего материала на такого рода поселениях нет, то очевидно, что они после того замерли и перестали существовать, наглядно отмечая тем самым последствия кризиса рабовладельческого общества. Вместе с тем, эти памятники свидетельствуют, что в течение нескольких десятилетий после падения парфянского государства и правления первых членов династии сасанидов в облике бытового инвентаря по сравнению с предшествующим временем не произошло особых изменений. В этом нельзя не усматривать отражения явлений крупного общественного значения, а именно, что окончательный кризис рабовладельческого общества с резкой переменой экономического базиса разразился лишь в IV в., хотя наступлением этого кризиса уже до того вызвано было падение парфянского царства и приход к власти династии сасанидов.

К поре кризиса относится открытое в отчетном году городище Магалляк-депе (в 14 км к ССЗ от парфянского Мерва). Это сельское поселение имеет небольшое шестиугольное по наружному периметру укрепление, стены которого из крупного квадратного кирпича выведены, как и в парфянских крепостях, прямо на поверхности земли, без насыпки высокой платформы, как у тепе более позднего времени. Вместе с тем, среди находящегося здесь археологического инвентаря, в общем носящего облик «позднепарфянского», начинают изредка встречаться элементы (типы ручек, орнаментация чикычем), характерные в большей мере для V—VI вв.

Для поры выхода страны из кризиса наиболее характерными памятниками являются так называемые «тепе», обследовавшиеся в районах Дахистаина и Маргиана. Зерегистрирован ряд ранее не изучавшихся памятников этой категории, причем изучению подвергались и прилежащие территории. Некоторые из таких тепе возникли еще в пору рабовладельческого общества (например Чанглы-депе). Наиболее ранние из них имеют стены и башни, выведенные из крупного кирпича парфянского типа. Для этих укрепленных замков-усадб характерно употребление крупных жженных кирпичей клинчатой формы для выкладки сводов над главным входом и в других местах. Около наиболее крупных тепе имеются развалины хумданов, валяются керамические ядра некрупных размеров, иногда в больших количествах (напри-

мер, у Туп-депе, именно этим обязанному своим наименованием), и полукольцом располагаются сельского типа небольшие поселения с радиальной планировкой. Особенно крупных поселений VI—VII вв. у тепе не встречено. Принципиальной важности памятником является руина Хароба-Кошук в Мервском оазисе, являющая собой как будто несторианскую церковь VI—VII вв., заключающую единое помещение длиной до 50 м, которое перекрыто эллиптическими арками. Для тепе и связанных с ними сельских поселений VI—VII вв. характерно крайне малое число находок медных монет—показатель значительного сокращения денежного обращения на местных рынках по сравнению с порой расцвета рабовладельческого общества. Верхний культурный слой этих поселений содержит археологический материал, сопровождаемый медными монетными кружками раннеарабского чекана VII и первой половины VIII вв. Замедление большого числа сельских поселений с середины VIII в. (а иногда и целых районов) отмечено при работах 1951 г. и в Маргиане и в Дахистане. В этом нельзя не видеть пагубных последствий арабского завоевания, на некоторое время прервавшего процесс феодализации и нанесшего определенный удар развитию местной культуры. В археологическом инвентаре сельских поселений второй половины VII—первой половины VIII вв. не отмечается, кроме монет арабского чекана, ничего принципиально нового по сравнению с археологическими комплексами VI—VII вв.; общий облик материальной культуры оставался прежним.

Этапы развития феодальных отношений в IX—X и XI—XII вв. Исследования ЮТАКЭ 1951 г. впервые для Средней Азии установили ряд интереснейших фактов по истории феодальных сельских поселений IX—X и последующих столетий.

Всплыло, что они появляются сплошь и рядом по соседству с ранее брошенными селениями VI—VII вв., иногда в непосредственной близости (как на Кара-депе или Тургай-депе, где впрочем мы имеем дело скорее с небольшими городками) или удалены от них на 1—1,5 км. (например, поселение близ Сули-депе). Обычная планировка новых поселений IX—X вв. одноуличная, при которой главная и часто единственная улица проходит через все селение, совпадая по направлению с руслом главного арыка, а справа и слева от нее располагаются жилые дома с прилежащими с задней стороны небольшими участками, обнесенными дувалами. За ними в обе стороны тянутся поля и легко различаемые доныне по микрорельефу площади бахчей. Длина такой улицы бывает до 1½ км (например, у поселения Там-кошук или у поселения Яз-депе). В северном конце, обращенном в сторону песков, улица часто бывает прикрыта или небольшим рабатом (как например, у Яз-депе) или небольшим укрепленным зданием, где, видимо, проживало главное административное лицо селения (как например, у поселения близ мавзолея Худай-Назар-овлия). Тут же располагается небольшая базарная площадь, иногда обнесенная забором. В некоторых случаях бывает вторая параллельная главной улица, тянувшаяся в центре селения на небольшом протяжении. Короткие поперечные проезды иногда превращаются в настоящую улицу, обстроенную домами, и отходящую от главной под прямым углом, как например,

у селения близ Дешиклы, где появление такой улицы связано, видимо, с сооружением в X в. двухэтажного кёшка Слу-кошук.

Даже при охвате лишь северной группы памятников Мервского оазиса, бросается в глаза большое количество сельских поселений IX—X вв. при относительной зажиточности их жителей (большое число хорошей поливной посуды, фрагментов стеклянной утвари, изделий из металлов).

Положение резко меняется при сопоставлении с общей картиной, какую дают здесь памятники XI—XII вв., когда во всей Средней Азии отмечается необычный территориальный рост городов, а в них самих наблюдается усиленное строительство, в частности с использованием жженого кирпича в значительно больших масштабах, чем раньше. Это справедливо не только в отношении главного города марыйского оазиса, Мерва, центром которого было тогда городище Султан-кала. Ряд его провинциальных городков в эту пору переживают такой же подъем. На территории развалин средневековых городков Хурмузфарре (Большой Кишман), Башана (у Кууртлы-депе), Кушмейхана (Старый Кишман) появляются большие караван-сарай и ряд других крупных сооружений, — минаретов, соборных мечетей, мавзолеев и др. На их территории значительные площади занимают кварталы керамистов, стеклодувов, металлистов, кирпичников (между прочим, изготовлявших намогильные кирпичные плиты с вырезанными на них эпитафиями разнообразными почерка куфи). Все эти пункты расширяют площади своей застройки, становятся очень многолюдными, ведут оживленную торговлю и, судя по археологическому инвентарю, могут быть охарактеризованы как «зажиточные» города.

Одновременно отмечается сокращение числа сельских поселений, причем одни из них хиреют, а другие совершенно замирают. Уцелевшие мельчают и заметно беднеют по сравнению с тем положением, какое у них было в IX—X вв. Очевидно, это явилось последствием широкого распространения института «икта», представляющего более жестокую форму эксплуатации сельского населения по сравнению с существовавшей при саманидах, когда преимущественным видом крупной собственности на землю в сельских местностях была диканская с наследственным правом владения.

Положение мервских поселений в конце XII—в начале XIII в. не вполне пока ясно, хотя совершенно несомненно, что пора так называемой «гузской смуты» не могла не сказаться на их благосостоянии. Во всяком случае, количество поливной керамики голубой, отчасти зеленой глазури, а также со светлым, с мутновато-бледнозеленым или грязновато-палевым фоном, столь типичной для конца XII—начала XIII вв., на территориях поселений, безусловно существовавших к моменту монгольского нашествия, невелико, сравнительно с керамикой XI — первой половины XII вв.

Тяжелые последствия разгрома страны при монгольском завоевании отмечены в 1951 г. археологическим наблюдением в Мервском оазисе на ряде мертвых развалин сельских поселений и городков, совершенно лишенных более поздних культурных слоев, чем наглядно свидетельствуется гибель их в связи с указанным событием. Наряду с этим получены новые факты, свидетельствующие

**Пора так
называемого
монгольского
владычества***

юще, что на втором этапе нового периода Мервский район начал постепенно оправляться.

Продолжавшиеся в 1951 г. раскопки буддийской кумирни, с китайской черепицей, расположенной в полусотне метров к югу от городища Султан-кала, дали новые фрагменты плиток с барельефными изображениями драконов, круглыми звероподобными масками-пугалами, а также ряд наблюдений, подтвердивших, что сооружение этого здания относится к середине XIII в., когда сам город Мерв уже начал оправляться. Появление этого здания, эклектически сочетавшего в себе местные полихромные изразцовые майоликовые панели, разделанные типичным геометрическим орнаментом-гирихом, с китайскими клевыми росписями и черепицей, повидимому, можно связать с содержанием одного из текстов, приведенных Джувейни. У этого автора говорится, что монгольский наместник Аргун в 648 г. х. (1250/1 г. н. э.) во время своей остановки в Мерве в местности Разикабад (территория которого, по данным работ ЮТАКЭ 1950 г., находилась непосредственно к югу от ЮЗ угла Гяур-калы и ЮВ угла Султан-калы), в течение нескольких дней предавался празднеству в султанском (т. е. хорезмшахском) замке (кушк). Именно тогда то он приказал создать сад и замок. رزىقباد هر کس عمارت باغ و سراى بشارت او آغاز کردند «И все, (каждый человек), сахибы Разикабада по тому указанию псложили начало саду и дворцу». В какой мере к этому времени были заселены другие мервские кварталы и пригороды, пока точных данных в письменных источниках не обнаружено.

Чтс положение Мервского оазиса даже в первые годы после монгольского завоевания было несколько лучше, чем других разоренных областей Хорасана, явствует из данных сочинения Ас-Сейфи «Тарих намэй-и Херат» начала XIV в., публикуемых в статье проф. И. П. Петрушевского в настоящем томе «Трудов ЮТАКЭ». Там приводится, что немногие уцелевшие после разгрома Херата в 1222 г. жители этого города, вынуждены были добывать себе хлеб в отдаленном Мервском райсне. В 1223 г. ради этого хератцы совершили туда налёт и ограбили караван с зерном. Два года спустя они прискакали сюда же уже для обмена своих шелковых тканей на пшеницу и ячмень. Из этих показаний следует, что тогдашний Хорасан находился в исключительно бедственном состоянии, что хлеб хератцы не могли себе раздобыть ближе, чем как в Мерве, и что районы последнего, очевидно, обезлюдели всё же, повидимому, в меньшей мере, чем другие соседние области.

Для второй половины XIII — начала XIV столетия интересные данные получены при изучении урочища Гёк-гумбез в 65 км к СЗ от Мары в полосе песков. Здесь оказалось своеобразное поселение, связанное с культом почитаемых мавзолеев. По местному преданию, тут имели некогда пребывание потомки Чингиз-хана.

На урочище, служащем кладбищем теке группы Кара Юсуф, проживавших в Чашгыне (искаженное Чашкент), уцелели развалины четырех мавзолеев, сложенных из жженого кирпича и вытянутых как бы вдоль длинной улицы. Три из них однотипны и может быть являются усыпальницами членов одного рода. По показанию местных жителей, еще в начале XX в. на мавзолеех кое-где виднелись остатки надписей, буквы которых были выложены из отдельных кирпичей. В настоящее

время их нет. Около мавзолеев расположено старинное кладбище. Судя по наличию встречающихся в большом количестве разнообразных мелких терракотовых, резных, полурельефных и плоских плиток, многие надгробники были облицованы ими и имели типичную для XIII—XIV вв. уступчатую форму. В южной части этого гуристана в ту же пору функционировали кварталы небольшого поселения, сложившегося при пользовавшемся культом пункте. Здесь наряду с развалинами жилых домов шейхов и других лиц обслуживающего мазары персонала, сохранились остатки помещений, связанных с ремесленной деятельностью. Железные крицы, металлические и керамические шлаки, предметы мелкого печного припаса, в виде сипоя и штырей, брак керамический утвари, спекшиеся изразцы и пережженные кирпичи указывают на наличие мастерских металлостов, керамистов, печей для обжига кирпича. В частности, совершенно несомненно местное производство изразцовых облицовочных намогильных плиток. Среди отдельных находок в жилом квартале встречена между прочим серебряная теньга Хорезма джучидского чекана с именем хана Золотой орды Берды бека (1349—1357). Поселение, судя по археологическому материалу, прекратило свое существование в XV в. Жизнь на нем обеспечивалась арыком, русло которого прослеживается на юго-западной окраине. Вероятно, возникновение поселения здесь, в дальнем районе концевых частей каналов, сделалось возможным в XIII в., в связи с разрушением монголами Султанбентской плотины, с сокращением водопользования по правобережью Мургаба и временной переброски части освобожденной воды на земли левого берега.

Изучение архитектурных памятников В процессе обмеров квадратного дома Старой Нисы установлено наличие в его плане модульных закономерностей. Собран ряд фактов по парфянской крепостной архитектуре, позволивших в частности предложить реконструкцию первоначального вида крепости Дурнали, стены и башни которой оформлены пилястрами — „лопатками“ и стилистически предшествуют архитектурным формам маргианской крепости Чильбурдж и Истахра (III в. н. э.). В развалинах Джиндепе снят план крупного многокомнатного парфянского дома.

При изучении средневековых памятников сняты планы с нескольких десятков объектов. Среди них впервые с домов VI—VII вв., дающие интересный материал к характеристике раннефеодальной жилой архитектуры Мервского оазиса, а также планы разнообразных зданий IX—X и XI—XII вв., в том числе замков-кёшксов, обыкновенных жилых домов, караван-сараяв, культовых сооружений. На некоторых археологических объектах удалось поднять планы целых комплексов (площадь с прилегающей застройкой VI—VII вв. на городище Кара-депе).

Впервые изучены мавзолеи XIII—XIV вв. в упоминавшемся урочище Гёк-гумбес и открыт, изучен и обмерен замечательный памятник начала XII столетия, именуемый ныне мавзолеем Худай-Назар-овлия, находящийся в 14 км к С от средневекового Мерва. Сложенное из сырца, здание это снаружи облицовано шлифованным жженым кирпичом с применением фигурных кирпичных вставок и являет собой неизвестный доньше мавзолеев, выполненный в высоких традициях местной северохерасанской школы, лучшие образцы которой находятся на территории Туркменской ССР.

В 1951 г. ЮТАКЭ вновь осуществлялось специальное исследование древних и средневековых строительных материалов. Разработана инструкция для сбора их полевых проб (публикуется в настоящем томе «Трудов ЮТАКЭ»). Сами пробы взяты с памятников Мешхеда-Мисриана, Старой и Новой Нисы и Мерва.

В 1951 г. обращалось особое внимание на памятники **Эпиграфика** эпиграфического порядка. В процессе сбора материалов в Мервском оазисе открыто несколько интересных намогильных кирпичей XII и начала XIII вв. и в разных местах зарегистрированы эпитафии XII, XIII, XV, XVIII вв.

Сезон полевых работ ЮТАКЭ 1951 г. оказался весьма удачным в части обнаружения разнообразных нумизматических памятников, которые охватывают собой отрезок времени с IV в. до н. э. до XVIII в. включительно и представлены чеканом пятнадцати династий. Среди сбора отчетного года имеются: драхма Александра Македонского, прекрасный селевкидский литой халк Антиоха III Великого, исключительной сохранности две упоминавшиеся выше высокохудожественные тетрадрахмы греко-бактрийского царя Евтидема (конец III в. до н. э.). Все перечисленные монетные кружки обнаружены при раскопке на Северном комплексе городища Старая Ниса. На парфянских городищах Мервского оазиса собрано свыше трех десятков медных монет местного аршакидского чекана первых веков н. э. Сасанидский чекан представлен бронзовыми кружками III и отчасти IV вв. и серебряным дирхемом Хормизда V (VII в. н. э.), найденным при закладке археологического шурфа в одном из дахистанских кёшков. Из монет, выпускавшихся после арабского завоевания, экспедицией собраны кружки омейядского, аббасидского, саманидского, хорезмшахского, джучидского, тимуридского и других чеканов. Особо заслуживают быть отмеченными:

1. Золотой анонимный динар, выпущенный при монголах до прихода к власти Хулагуидов (предъявлен А. А. Росляковым).
2. Анонимная хорезмская медная монета 769 г. х., выпущенная в пору самостоятельности Хорезма при династии Суфи.
3. Комплекс четырех сефевидских серебряных монет XVI в., найденный при обследовании городища Кумыш-депе Бахарденского района и состоящий из кружков, чеканенных в правление шаха Тахмасапа I в Тебризе, Себеваре, Мешхеде и Нишапуре.

В связи с проблемой этногенеза туркменского народа в 1951 г. были поставлены впервые в Туркменской ССР раскопки кочевнических курганных погребений, в первую очередь их групп, именуемых «цепочками». Раскопки осуществлялись в районе Кодж-Бами, где ряд курганных групп был отмечен ЮТАКЭ еще в 1947 г. В отчетном году на подгорной равнине вскрыты: один из трех курганов в цепочке урочища Кызыл-чешме, в 6 км западнее Бами, и второй — в цепочке из четырех курганов против урочища Хас-кяриз, в 16 км западнее Бами. Обе цепочки вытянуты параллельно горам с ЗСЗ на ВЮВ. Насыпи курганов имели в высоту — один около метра и второй около 1,5 м, а в оплыве до 25 и 40 м в диаметре. В обоих курганах тип погребения ляхатный, с ориентировкой

**Материалы
по проблеме
этногенеза
туркмен**

примерно СЮ. Вход в ляхат из впускных ям заложен в одном случае гальками, в другом — крупными сырцовыми кирпичами. Курган в Кзыл-чешме содержал женское захоронение, а против Хас-кяриза—мужское. Оба погребения не были в древности разграблены и заключали относительно бедный инвентарь, особенно при женском скелете, где имелись: два глиняных сосуда, сделанных на гончарном круге, железная игла в футляре из трубчатой кости, алебастровое пряслице, глиняная курильница и остатки деревянного сосуда. При мужском скелете находились: медный котелок, четыре глиняных сосуда (один глазурованный), маленький каменный сосудик (из агальматолита) дальневосточного типа с ручками в виде зверьков, узкая каменная зернотерка, железный нож, железный стерженек с петлями, восемь трехперых черешковых железных наконечников стрел, двулезвийный железный клинок прямого меча (80 см длины), мелкие чешуйки как бы красного лака.

Судя по ляхатному типу устройства могил и смешанному инвентарю, вскрытые курганные погребения принадлежат пришлому кочевому народу, сдвинутому со своих ранее обитаемых мест в связи с так называемым «великим переселением народов» и совершавшему свои захоронения в первых веках н. э. Добытый в погребениях вещевой материал, в частности керамическая утварь и крупные сырцовые кирпичи, указывает на наличие тесных связей с местным оседлым населением. В целом раскопки курганов в 1951 г. кладут начало изучению древних скотоводческих культур Южного Туркменистана, чего не велось до сих пор и что отмечалось мной еще в 1939 г. при представлении Институту истории заключения об археологической работе в Туркменской ССР как весьма существенный недостаток.

1952 год

Полевые работы ЮТАКЭ проходили с 1 июня по 10 декабря. Работали в поле следующие отряды:

I — раскопки Круглого зала и Северного комплекса на городище Старая Ниса.

VII — обследование и изучение архитектурных памятников Ашхабадского района (парфянские сооружения Старой Нисы, мавзолеев у Кумбетли-Яйла) и Марыйской области (средневековые караван-сарай ал-Диваб, ал-Тахмаладж, Акча-кала и др.).

IX — обследование пещер у ст. Кодж и к югу от Багира, Маршрутные проезды вокруг Больших Балхан и к северу от Красноводска с осмотром ряда пещер и новых стоянок у колодцев Огланглы и Кош-оба. Раскопки пещеры Дам-дам-чешме II, грота Кайлю и неолитического могильника близ Кайлю.

X — завершение маршрутного обследования Мешхеда-Мисрианского района; обследование 18 памятников, из которых 10 изучались впервые (рабат Юнга-баба у колодцев Карадж-батыр, крепость Уликазыли, тепе и крепость в 5 км к югу от Мисриана, средневековые руины к С от Рустем-калы,* средневековое поселение в 6 км к С от Рустем-калы, рабат в 8 км к югу от Бугдайли, средневековое поселение к западу от Дьяндыка, архаическое селище в 10 км к югу от Мадау-депе, архаическое тепе в 3 км к С от последнего). Осуществлена закладка стратиг-

рафических шурфов на городище Ханлы-депе и поселении Мадау-депе. Осмотрен ряд тепе арханческого типа в районе Парау и Бами.

XIV — изучение культур типа Анау — с раскопками Намазгар-депе, Ясы-депе близ Каахки, Кара-депе у Артыка, Чокмак-депе у Джойтунского кака. Обследование ряда арханческих поселений — холмов Ашхабадской области и Тедженского района, (группы Анау-I: Ясы-депе близ Каахка, Керменчи-депе у Арман-Сагата, Овадан-депе; типа Анау-II: три холма Геоксюр, Илгылы у Чаача, Кара-депе у Артыка, два Кара-депе у Коушута, Донгуз-гум у Каахка; типа Анау-III: Ак-депе у Ашхабада, Алтын-депе у Меаны, Ясы-депе у Душака; типа Анау IV: Ак-депе, Сарых, Коша, Ташкар-депелар, Элькен-депе).

XVIII — обследование средневекового пути из Мерва на Амударью (пункты с археологическими остатками — Ал-Мансаф, Насрак, Рабат-Дуньо-депе, Ал-Тухмаладж, Сардоба, кол. Шаим, Акча-кала, Кызылча-кала, поселение близ ст. Равнина, кол. Сейраб, кол. Кумурчи, кол. Тюячи, кол. Байгушлы, кол. Джиппы, Кишман-депе, Дев-кала); обследованы также поселения к северу от Кишмана и городища к югу от Мары, Баба-Гамбер, Имам-баба, Талхатаи.

XXI — зарегистрирован ряд археологических пунктов по маршруту Кызыл-Арват — Кара-Бугаз — Ок-Демирджан — Чатур — Сансыз — Керпелли — Кызыл-Катты — Куртыш-баба.

XXII — историко-этнографическое изучение племени мурчали.

При полевых исследованиях Х отрядом в 1952 г. Мешхеда-Мисрианского плато, (находящегося в сфере внимания ЮТАКЭ с 1947 г), обследовано 18 объектов (рабаты, крепости, поселения арханческие и феодальные). Таким образом, в отчетном году завершен предварительный охват археологических памятников района. Они изучались преимущественно под углом зрения истории ирригации. Основные выводы сводятся к следующему:

1. При осуществлении маршрута Кызыл-Атрек — Гасан-кули — Чалаюк не обнаружено сколько-нибудь значительных памятников древних земледельцев. В дельте Атрека встречены только поздние туркменские кладбища с «фертообразными» надмогильниками и не обнаружено никаких следов средневекового поселения Дахистан-Сул, которое В. В. Бартольд вместе с Бухейрой предположительно помещал в районе Гасан-кули (К истории орошения Туркестана, СПб., 1914, стр. 33).

2. Дополнительное изучение «валов» (с производством археологических разрезов южнее замка Д-19 и к югу от поселения Изат-кули) убедили, что на Мешхеда-Мисрианском плато широко распространены именно остатки каналов, а не валы лиманного орошения, как предполагалось в 1948 г. Орошение здесь за исторический период базировалось на развитой системе арыков, рассчитанных на регулярный ток воды из Атрека. Сохранившиеся остатки русел каналов имеют до двух метров глубины и от двух до трех метров ширины. Использование в далеком прошлом силевых вод для земледелия (например, в районе Мадау) возможно, но не оно являлось основным.

3. Обследование памятников материальной культуры выявило, что ни в один из исторических периодов Мешхеда-Мисрианская равнина не была одновременно полностью орошена, вероятно, в связи с нехваткой для этого воды. Археологически впервые установлено перемещение орошаемых площадей. Крупные поселения, относящиеся к арханческим

культурам Дахистана (Изат-кули, Мадау-депе, Тангсикылджа, Чиялык-депе и др.), занимают юго-восточные площади Мешхеда-Мисрианской равнины. Возможно, что возникновение здесь ирригации относится к началу I тысячелетия до н. э., с каковым временем можно связывать и сложение тут ранней государственной организации. У Изат-кули в последнюю пору жизни этого поселения функционировал только один северный канал, а второй, южный, был уже заброшен. Положение с ирригацией в пору развитого рабовладельческого общества при парфянах пока неясно. На северо-востоке тогда должно быть существовала крепость Шаудуз-кала; в центре оазиса—Дыяндик. Возможно при парфянах проведен канал на север, почти параллельно Мешхеда-Мисрианскому, но западнее его. Раннесредневековая традиция возникновения города Дихистана (развалины Месториан) связывала с деятельностью членов младшей ветви Аршакидов.

Вторая ясно выделяемая по времени орошения площадь захватывает западную и северо-западную часть Мешхеда-Мисрианской равнины. Верхний культурный слой на расположенных здесь памятниках—не позднее VIII в. н. э. Запустение района в этом столетии является одним из последствий арабского завоевания, причем гибель последовала не от прекращения самого тока воды, а от заиливания арыков в результате прекращения регулярной очистки их русел. Площадь, расположенная в восточной и северо-восточной части Мешхеда-Мисрианской равнины, орошалась с IX до первой половины XIV в. включительно с некоторым перерывом, наступившим непосредственно после монгольского завоевания.

С XV в. нигде на Мешхеда-Мисрианском плато городской жизни уже не было, вероятно, из-за невозможности пропустить сюда воду из Атрека по причинам геологического порядка.

Одной из наиболее интересных находок является клинок бронзового кинжала с продольным ребром (длина—60 см), встреченный при стратиграфическом раскопе на Мадау-депе в слое первой половины I тысячелетия до н. э.

В сферу деятельности ЮТАКЭ, по договоренности с Хорезмской археологической экспедицией, входят районы южнее русла Узбоя, проблемой которого в течение ряда лет занимается проф. С. П. Толстов. В 1952 г. между Куртышем и Кизыл-Арватом работал XXI отряд. Здесь удалось выявить ряд интересных в археологическом отношении пунктов, давших материал, который освещает историю освоения этого района, начиная с периода «каменного века» до позднего средневековья включительно. В районе Шора Демирджан найден архаического типа кремневый отщеп с тупым ударным бугорком. В 5 км к югу от Куртыш-баба обнаружена стоянка неолитического времени с разнообразным кремневым инвентарем (скребки, остря, наконечники стрел, резцы, ножевидные пластины и др.) и с черной керамикой, фрагменты которой в изобилии рассеяны на протяжении до 1,5 км. Вторая неолитическая стоянка найдена в 1,5 км к востоку от колодца Чатур, где, кроме кремневых орудий и керамики, обнаружен обсидиановый отщеп («вулканическое стекло»). В нескольких местах установлены следы стоянок времени «бронзы» и «железа». На некоторых из последних одновременно с железными трехперыми черешковыми наконечниками стрел находятся разных

типов мелкие бронзовые, трехперые, втульчатые наконечники. Особенно интересен факт наличия в ряде пунктов «античной» керамики парфянского времени. В 45 км южнее Куртыш-баба и у колодца Кerpели встречены руины из жженого средневекового кирпича, принадлежащие караван-сараям, устроенным на пролегавшем здесь пути из города Феравы (= Параву) на Хорезм. Около этих зданий попадаются фрагменты керамики XII—XIV вв. Отрядом зарегистрированы также старинные туркменские кладбища с каменными «фертообразными» надмогильниками, на которых вырезаны различные родовые тамги. В нескольких местах, где на поверхности такыров рассеяна керамика XI—XIV вв., выявлены следы некогда бывшего здесь примитивного земледелия, основанного на задерживаемых с помощью валов внешних водах.

В 1952 г. IX отряд, специально изучающий памятники **Каменный век** каменного века, проводил свои исследования главным образом в Небит-дагском и Красноводском районах. При маршрутных рекогносцировочных обследованиях, коснувшихся местности к северу от Больших Балхан, к северо-востоку от Красноводска и к югу от Багира, удалось открыть ряд новых памятников каменного века, в частности, стоянку времени мезолита у Огланглы, и в районе Кош-оба стоянку неолитического времени.

Близ Небит-дага был подвергнут раскопке огромный грот-навес Дам-дам-чешме II, где вскрыта средняя часть на площади в 40 кв. м. Три верхние слоя оказались относящимися последовательно к эпохам «железа» (I тыс. до н. э.), «бронзы», «неолита». Два нижние содержат выразительные материалы очень зрелой ранней мезолитической культуры. Среди кремневого инвентаря характерны трапециевидные орудия тардекаузского облика, отличающиеся от более поздних асимметрией и вогнутыми очертаниями, а также сегменты правильной формы с затупленной ретушью спинкой. Значимость начатого изучением объекта очень велика. Добытый уже здесь комплекс мезолитического инвентаря значительно богаче, чем из недавно раскапывавшейся американской экспедицией пещеры Гар-и-Камарбанд в Персии.

Важные материалы и наблюдения дала также раскопка пещеры близ Кайлю, примерно в 20 км восточнее Красноводска. В 1952 г. вскрыто около 0,5 площади пещеры, содержащей четырехметровую толщу из хорошо стратиграфически отчлененных друг от друга двух неолитических культурных слоев и одного мезолитического. В неолитических слоях встречена черная плоскодонная керамика, а среди кремневого инвентаря на глубине 2,5 м оказался наконечник с боковой выемкой кельтеминарского типа. Скопления рыбьей чешуи и обилие добытых здесь костей рыб позволят после обработки полнее представить ихтиофауну Каспия времени неолита. Обнаруженные здесь же намеренно разбитые человеческие кости быть может фиксируют наличие канибализма, в пору неолита. В мезолитическом слое с нуклеусами, скребками, проколками и сегментами, близкими к таковым же из Дам-дам-чешме, встречены кости рыб и водоплавающих птиц. Поскольку дно пещеры выстлано чистой морской галькой, на которой непосредственно лежит нажитой человеком культурный слой, можно думать, что мезолитические обитатели пришли в пещеру Кайлю, когда выдолбившее ее Каспийское море незадолго до их появления отступило от своего бывшего берега и плескалось около 8000 лет до н. э. быть может в нескольких метрах от входа.

Неподалеку от пещеры Кайлю, на мысовидном выступе морской террасы, сложенной из галечника, зеленой морской глины и глинистого песка, открыт неолитический некрополь. Вследствие того, что поверхность здесь сильно развеейна, кости скелетов оказались плохой сохранности. Вскрытие двух погребений показало, что покойники клались на спину, головой на северо-запад, с согнутыми в локтях руками и кистями, уложенными в области таза. Все кости окрашены охрой. Среди погребального инвентаря характерны: кремневые пластинки с затупленной спинкой и уложенные прядями бусы, охватывающие кольцом правую половину тела, проходя под бедром и тазом. Бусины трех типов: миниатюрные цилиндрические, в виде крупных плоских кружков и таких же, но более массивных и меньших размеров кружков. Цилиндрические—сделаны из известняка; кружки — вырезаны из морских раковин. Жгуты бус напоминают вампуму северо-американских индейцев и бусы мариупольского могильника Украины. Некрополь из Кайлю, видимо, древнее Мариупольского. Это первый случай открытия могильника неолитического времени не только в Туркменистане, но во всей Средней Азии.

Как установлено ЮТАКЭ, в пору верхнего палеолита в Южном Туркменистане развитие культуры шло путями, близкими к таковым же Палестины и Северной Африки. Работами 1952 г. выяснено, что позднее здесь вызревает своя резко выраженная мезолитическая культура с характерными для южного мезолита формами (сегменты, а затем трапеции). Можно допустить влияние этой культуры на северные области—степи Казахстана, Приволжье, вплоть до Урала. Во всяком случае, ключ к датировке и пониманию памятников «каменного века» этих областей находится в Туркмении, с ее открытыми ЮТАКЭ исключительно содержательными объектами этого периода.

Бронзовый век

Одной из задач ЮТАКЭ является пересмотр прежних представлений о группах культур типа Анау, в суждениях о которых исходили и исходят обычно из материалов, добытых при работах американской экспедиции 1903/4 гг., возглавлявшейся Р. Пампелли. Охват с самым предварительным ознакомлением большого числа памятников этой категории привел ЮТАКЭ к выводу, что распределение их по 12 последовательным стадиям, предложенное прежде ашхабадскими археологами без проведения достаточного числа солидных археологических вскрытий, вызывает сомнение. Уже в 1947 г. начальником ЮТАКЭ предложено было в разнице облика комплексов предметов разных памятников в ряде случаев видеть локальные, а не временные отличия, связанные с принадлежностью их создателей к разным родо-племенным группам. Помимо сбора подъемного материала, ЮТАКЭ в 1949 и 1950 гг. осуществила пробный раскоп со стратиграфическим шурфом до глубины 6 м на Намазгар-дэпе близ Каахка, открывший интересные перспективы. В 1951 г. ЮТАКЭ провела разведочную раскопку Янгикалинского могильника промежуточной культуры между Анау III и Анау IV.

В 1952 г. разрешение этой проблемы удалось продвинуть значительно вперед работами XIV отряда, благодаря тому, что, по договоренности с Академией наук Грузинской ССР, его возглавил один из крупнейших в СССР специалистов по памятникам времени бронзы, Б. А. Куфтин.

XIV отрядом обследовано в районах Ашхабада, Каахка и Теджена двадцать памятников с разновременными слоями группы культур Анау.

С десяти из них сделана глазомерная съемка. На четырех проведено стратиграфическое изучение.

Пересмотрен ряд прежних представлений, оказавшихся ошибочными. Так, поселение Ашхабадского района на бугре Чакмакдаш, считавшееся местными археологами за однослойный памятник охотничье-собирательских племен, а по инвентарю — принадлежащим к доземледельческому типу, оказалось в верхних слоях относительно недолговечным оседлым поселением земледельцев. Его обитатели, снимавшие на «каирных» землях жатву сложными кремневыми серпами и молотившие зерно на зернотерках, умели изготавливать в примитивных горнах керамику с красочной росписью. Во II тысячелетии до н. э. этот бугор посещался скотоводами, носителями культуры группы Анау III Актепинского типа. Встречающиеся на поверхности микролиты мезолитического облика признаны выброшенными грызунами при рытье нор из нижних ярусов этого многослойного памятника.

Раскоп Ясы-депе у Каахка на площади в 600 кв. м выявил 18 комнат огромного многосемейного дома-селения родового коллектива эпохи, синхронной культуре Анау I. Комнаты четырехугольные; иногда, неправильной формы. В одной из них (с деревянными столбами) открыта красочная настенная роспись из четырех последовательно наложенных один на другой слоев. Нанесенная на древнейший (1-й) слой напоминает панель в виде ромбов, встреченную в обейдском культурном слое недавно раскопанного в Ираке холма Телль-Угейр. Наиболее поздняя роспись (четвертая по времени) состоит из горизонтально вытянутых треугольников в виде текинского войлочного узора «кызляр». Это первый случай обнаружения в Средней Азии древнейшей настенной росписи поры родового общества времени энеолита («медного века»). Судя по центральному положению в массиве многосемейного дома комнаты с росписью и ее размерам, она является культовой по своему назначению.

Особенно большие земляные исследовательские работы были осуществлены в 1952 г. на Намазгар-депе, имеющем территорию почти в 50 га. Расширенные раскопы велись на двух площадях в 100 и 250 кв. м. В пяти пунктах заложены крупные стратиграфические шурфы. В результате полученных наблюдений и собранных археологических материалов удалось создать взамен прежней стратиграфической колонки американской экспедиции новую более полную колонку от энеолита до классового общества из шести культур, названных, начиная снизу, последовательно «Намазгар I, II, III, IV, V и VI».

О масштабах изучавшегося объекта можно судить из сопоставления. Северный бугор у Анау с древнейшими культурами AI и AII имеет 18-метровую культурную толщу, а мощность культурных наслоений Намазгар-депе установлена в 34 м.

Главнейшие открытия и выводы сводятся к следующему:

1. Культурные слои (HI, HII, HIII) лежат до глубины 12 м. ниже современной поверхности. Следовательно, в ту пору здесь был совершенно иной водный режим.

2. Судя по многочисленным остаткам угля, в ту пору использовалось в больших количествах древесное топливо (фруктовые деревья и др.), что указывает на значительно большее по сравнению с теперешним положением количество древесной растительности.

3. Остатки первоначального поселения с культурой Н I и Н II образовали некий холм в северной части Намазгар-депе. На нем и вокруг него сложилось обширное поселение с культурой Н III, слои которой перекрыли упомянутый холм. Дальнейший рост поселения (в основном к югу) имел место в пору культур Н IV и Н V. К концу бронзовой эпохи (с наступлением ксеротермического максимума) в процессе борьбы за водные источники между отдельными родо-племенными организациями происходит замирание большого поселения Намазгар-депе и одновременно с ним Алтын-депе, Ясы-депе у Душака и др. С конца II тыс. до н. э. обживается и застраивается северная часть Намазгар-депе (предполагавшаяся цитадель или зигурат), дающая культуру Н VI, близкую к культуре Янги-калинского некрополя, раскапывавшегося ЮТАКЭ в 1951 г.

4. Американская экспедиция Р. Пампелли «полихромную керамику» считала за импорт из отдаленных культурных центров; работами же ЮТАКЭ показано местное ее производство с установлением в составе ее предметов трех стилей: а) с двухцветными кремовыми и красноватыми фоновыми просветами, иногда в форме линейного креста; б) с двухцветными линейными контурами; в) типа метопных фриз с двухцветными прямоугольными и треугольными панелями по светлому лощеному ангобу.

5. Собранная коллекция женских статуэток из слоев Н II III, IV и V показала:

а) что изображения богини-матери встречаются с нижних слоев Намазгар-депе (Н II), тогда как американцы считали, что они появляются только в культуре Анау III;

б) что изготовлялись они не только из терракоты, но и из камня;

в) что на протяжении веков от времени культуры Н II до Н V шла непрерывная трансформация их от реалистических скульптурных форм к стилизованным;

г) что не только для культур Н III и Н IV, но и для времени Н II они отнюдь не свидетельствуют о наличии матриархата, а являются пережиточными явлениями в поре патриархата.

6. Вопреки мнению американцев о сравнительно позднем приручении козы, кости этого домашнего животного ЮТАКЭ встречены уже в культурных слоях группы Анау I—в Намазгар-депе, Ясы-депе у Каахки и Керменчи-депе. В эту же пору население Южного Туркменистана использовало лошадь в качестве тягловой силы.

7. На Намазгар-депе и Кара-депе вскрыто несколько погребений. Взрослые: для Н I—1; для Н II—6 (три с Намазгар-депе и 3 с Кара-депе); для Н IV—7 скорченные с разной ориентировкой (трое с расписными сосудами; один—с кремневой стрелой). Детские на разных уровнях в слоях Н V (и Н IV)—причем три с детскими сосудиками-сосками (что впервые). Это дает богатый и разнообразный палеоантропологический материал—свыше 20 особей, из которых 14 взрослых.

8. Вскрыто несколько керамических печей (прямоугольный горн в слоях культуры Н VI и двухярусные круглые, с центральным опорным столбом — в слоях Н V; последние на месте гончарного квартала).

9. Среди находок имеются: фрагменты глиняных моделей повозок, колес, бусы (из сердолика, хрусталя, бронзы, ляпис-лазури, ленточного агата, алебаstra, раковин), кремневые орудия (вкладыши серпов, про-

колки, наконечники стрел и др.), бронзовое оружие и орудия (серб, копья, кинжал и уникальный меч 65 см длины и 1,5 кг весом с рукояточным стержнем сумеро-кипрского типа), бронзовые булавки, круглая пещать и др.

В целом работы XIV отряда ЮТАКЭ дали материал для характеристики в основном оседло-земледельческих и отчасти охотничьих и кочевых обществ с IV—III тысячелетий до н. э. В частности, выяснена ошибочность представлений ашхабадских археологов о разрыве культур Ахала и Этека в пору «бронзового века» и, наоборот, наличие общности культуры указанных районов для данного времени, подобно тому, как это определено ЮТАКЭ в отношении этих культур для поры рабовладельческого и феодального общества.

Рабовладельческое общество XVIII отрядом открыт ряд памятников раннерабовладельческого общества. Среди них безыменная группа из нескольких маргианских селений, находящихся в северной части Байрам-Алийского района в полосе мертвых теперь земель, к северу от развалин средневекового города Хурмузфарре (ныне Кишман). Они вытянуты с юга на север параллельно старой дороге на Хорезм на протяжении около десятка километров и располагались в древности вдоль русла, по которому до них доходила вода. Вероятно это был канал, отводивший воду от одного из затухших затем рукавов дельты Мургаба. Некоторые из этих разновременных поселений занимают площадь более 1,5 кв. км, а на их поверхности в ряде мест читается планировка отдельных жилых массивов домов, которые расположены на отдельных участках, ограждавшихся дувалами и не имевших правильных очертаний. Кое-где видны валы от былых арыков. В большинстве прямоугольные в плане дома насчитывают иногда до трех и более десятков комнат, в среднем $3,5 \times 4,5$ м, т. е. площадью до 15 кв. м. Среди инвентаря мелкие зернотерки, пестики-курранты, каменные оселки, каменные бусины, ракушки Индийского океана, мелкие бронзовые поделки, много железных шлаков, отчасти криц и обилие фрагментов разнообразной керамики, сделанной на гончарном кругу и близкой по типу к керамической утвари культуры Анау IV. Не встречается крашеной керамики, характерной для более древних маргианских поселений. Круглые керамические печи отличаются крупными размерами и имеют в диаметре до 5,5 м. Мелкие предметы печного припаса представлены бесформенного вида лепешками и мятыми от руки кольцами. На одном из наиболее крупных поселений имеется оплывший бугор, именуемый Тахир-бай-депе до 9 м высотой, имевший раньше близкие к квадрату очертания и заключающий в себе тот же материал; бугор этот производит впечатление своеобразной цитадели. Высокий уровень керамического ремесла, густота расположения на одном водном источнике, арычная сеть и как будто появление обособленной цитадели — всё это позволяет относить часть открытых более поздних памятников к раннему рабовладельческому обществу первой половины — середины I тысячелетия до н. э., наряду с которыми имеются и более ранние поздней поры родового общества.

XVIII отрядом впервые изучался исключительно интересный памятник Дев-кала, лежащий в 7 км к СЗ от Гяур-калы и представляющий прямугельное городище площадью около 9 га с мощными оплывшими

стенами и выделенной в СЗ углу цитаделью. Внутри городища плоский бугор пажитых слоев разных времен: верхний—VI—VII вв.; средний—времени существования Парфянского государства и нижний—непосредственно предаршакидский — с изящными керамическими сосудами с подкошенными донями.

К непосредственно предпарфянскому времени принадлежит, видимо, также памятник, обнаруженный у выселка Султан-дешт, к СЗ от Гяурса. Имея в поперечнике около 60 м, он обведен двенадцатигранной стеной, а снаружи окружен еще кольцом стены около 100 м в диаметре. Внутри, но не в центре находится бугор. Кроме керамики, на поверхности встречаются каменные зернотерки и куски жженных кирпичей с примесью самана. Многогранный план сближает этот памятник с городищем Анау и Эрк-калой древнего Мерва.

Для парфянской эпохи наиболее интересны в научном отношении следующие факты и наблюдения:

1. В 30 км к северу от древнего Мерва на территории средневекового Кушмейхана установлено наличие крупного города парфянского времени, имеющего четырехугольную крепость площадью свыше 2 га с выступающими овальными башнями. Здесь же впервые для парфянских поселений обнаружены остатки внешнего кольца стен, окружавших в виде неправильного овала пространство около 1,5 км в длину и до 1 км в ширину.

2. Анализ массы из органических остатков со стенок глиняной парфянской мустахары показал, что она принадлежит осадку вина интенсивного красно-желтого цвета, причем вино было изготовлено не из свежего винограда, а из кишмиша.

3. Изучение половины каменного сосуда, найденного у прохода в кардегардию «Большого дома» на Старой Нисе, показало, что этот объект происходит из Египта, сделан из алебастрового, ленточной структуры камня и по форме аналогичен египетскому сосуду середины I тысячелетия до н. э. с надписью, упоминающей ахеменидского царя Артаксеркса. Это первый случай обнаружения на территории Туркменской ССР подлинного предмета египетского происхождения.

4. В процессе камеральной обработки реконструирован первоначальный вид овального парадного парфянского щита с железными накладками в виде крупного трезубца в середине и десяти изображений орлов, чередующихся с таким же числом своеобразных пальмет.

5. При очистке фрагмента от выкопанного на Старой Нисе алабастрона на наружной поверхности сосуда проступили три греческие буквы ТКV вниз и одна A вверх. Исходя из аналогичных случаев проставления на парфянских монетах дат их выпуска буквенными знаками с цифровым значением и указанием даты месяца, нам удалось расшифровать буквы на алабастроне, как «первый месяц (т. е. нисан) 423 года» по аршакидской эре, что соответствует 176 г. н. э., когда, очевидно, этот сосуд был чем-то наполнен в ознаменование какого-то события.

6. В 1952 г. на Дев-кале найден фрагмент терракотовой плитки с акантом, покрытый синей глазурью. Это первый случай установления наличия парфянских архитектурных глазурованных изразцов.

7. Среди фрагментов мраморных скульптур, обнаруженных в 1952 г. при раскопке двора «Большого дома» на Старой Нисе, встречена голова

бородатого паниска с лежащей на ней женской рукой, возможно нимфы, что указывает на бытование здесь групповых статуй.

8. Художественным шедевром является найденная в 1952 г. верхняя половина мраморной статуи, изображающей обнаженный торс женщины с волевым лицом и влажными волосами.

Раскопки в основном велись на городище Старая Ниса, где один раскоп был заложен со специально стратиграфическими целями и действительно выявил три культурных слоя времени существования государства Аршакидов: позднепарфянский (I—III вв. н. э.), среднепарфянский (середина II—середина I вв. до н. э.) и раннепарфянский (III—II вв. до н. э.). Ниже в слое, отделенном стерильной прослойкой, встречены черепки керамики, повидимому, предпарфянского времени!

Продолжение раскопок Круглого зала в 1952 г. заметно продвинуло его изучение. Вскрытие южного коридора позволило уточнить периодизацию истории здания после падения государства Аршакидов, в частности обжитие коридора не только в XII, но и в первой половине XIV в. Расчистка кирпичной кладки на большой площади гребня стен к востоку от южного прохода показала, что нет никаких данных считать, будто первоначально выведенное кольцо стен Круглого зала затем было обнесено снаружи футляром, придавшим ему прямоугольные очертания по внешнему периметру. Кладка велась одновременно, на всю многометровую толщу стены I-го периода постройки с выгибом по внутреннему кругу и соответствующими веерообразными изгибами рядов кирпичей для перехода к прямым линиям южного фаса. В самом Круглом зале установлено наличие в северо-восточной части второй заложённой кирпичом двери, получены новые разрезы шестиметрового завала. На полу устанвлено наличие нескольких куч кусков разбитых глиняных статуй.

В 1952 г. завершено в основном вскрытие помещений всех очередей строительства большого Квадратного дома (площадью около 3500 кв. м) в северном архитектурном комплексе Старой Нисы. Выяснено, что все малые комнаты, выведенные во втором периоде вдоль восточного фаса и определявшиеся копавшим их в 1936 г. А. А. Марущенко как глухие кладовки с лазом через крышу, в действительности все имели дверные проемы, анфиладно соединявшие их вдоль восточной стены. Тщательное изучение завала в единственном проходе в Большой квадратный дом показало, что он не был заложен в последнем периоде существования этого здания подобно всем остальным дверным проходам. С наружной стороны прохода встречено бронзовое дверное кольцо, являющееся первой находкой парфянских «халька». Приступлено к раскопкам внутреннего двора (в процессе которых выявлен южный айван с двумя рядами колонн), а также помещений с наружной стороны южного фаса, зарегистрированных в 1951 г. съемкой археологического микрорельефа с учетом растительного покрова. Установлено, что ряд существовавших здесь комнат появился в позднепарфянное время. В юго-восточной части встречено большое помещение с четырьмя колоннами по длинной оси и суфой вдоль стен.

Значительно продвинута в 1952 г. раскопка помещений «винного склада», размеры которого оказались очень значительны. К двум небольшим «хумхана», открытым в 1951 г., прибавилось шесть новых крупных «хумхана», с остатками большого числа корчаг-пифосов. Установлена

разновременность появления этих построек. Стены наиболее ранних из них сделаны из пахсы; более поздних — выведены из сырцового кирпича. В засыпке под полом всех вновь раскопанных хумхана встречены парфянские остраконы. К концу полевого сезона отчетного года был добыт 751 остракон и около 200 фрагментов. Среди вновь открытых документов, кроме налоговых на вино, есть и иного содержания, в частности, видимо, учетного. Они приходится в основном на I в. — отчасти II в. до н. э., охватывая промежуток времени почти в 90 лет поры наибольшего расцвета внешних успехов Парфянского государства. На некоторые годы приходится по несколько документов. Обнаружение столь значительного их числа убедительно доказывает, что они составляют часть хозяйственного «архива». Находки «архивов» вообще редкий случай в археологии. Обнаружение же документов парфянского «архива» II—I вв. до н. э. имеет особое значение не только потому, что они являются древнейшими в Средней Азии местными письменными источниками, но потому, что они вместе с тем представляют собой парфянские первоисточники для выяснения прошлого государства Аршакидов, от которого до нас не дошло никаких собственно парфянских исторических анналов.

Произведенные в конце полевых работ наблюдения показали, что есть все основания к обнаружению еще некоторого числа остраконов на прилежащих к раскопу площадках.

Изучение около полтора десятка остраконов, добытых ЮТАКЭ в 1951 г., проводившееся М. М. Дьяконовым, И. М. Дьяконовым и В. А. Лившицем, позволило установить на них ряд новых собственных парфянских имен (Артавирашт, Бахтдатак, Ариабарзан, Варатрагнак, Ахурамаздак и др.), а также топографических наименований (Артабанукан, Артахшахракан, Михрадатакан, Фрипатикан и др., представляющих собой образованные от собственных имен имена прилагательные с суффиксом «кан»). Одна из местностей носит название «Ападанакан», т. е. «Дворцовая». В течение года проводилась работа по выявлению основ парфянской этимологии.

Феодальное общество

В части изучения памятников феодального общества наиболее интересные открытия сделаны XVIII отрядом на территории Марыйской области.

Изучение городища Кишман-депе (в 30 км к С от древнего Мерва), сопровождавшееся съемкой его генерального плана, показало, что феодальный Кушмейхан начал складываться в V—VI вв., причем ядром его являлось пятиугольное тепе, превратившееся затем в цитадель-арк. Расцвет города приходится на IX—X вв., когда шахристан имел стену, вне которой с южной и юго-восточной стороны располагались крупные караван-сарай, обслуживавшие караваны на отходившем отсюда в сторону Согда большом торговом пути. В XI—XII вв. Кушмейхан хиреет, уступая свою роль промежуточной станции — разрастающемуся в это время в 5 км к ЮЗ от него городку, от которого сохранились интересные руины под названием городища «ал-Аскер». В Кушмейхане керамисты XI—XII вв. устриваются со своим производством у заброшенных стен шахристана, выкапывают в них ямы для устройства хумданов и используют руины былых оборонительных сооружений в качестве производственного сырья. После монгольского завоевания жизнь в Кушмейхане совсем заглохла. В процессе изучения исторической топографии выяснено, что между жизнью парфянского и феодального города был

перерыв, приходящийся на пору кризиса рабовладельческой формации. Парфянский город находился долгое время в развалинах, а новый средневековый Кушмейхан сложился в основном южнее прежнего центра (т. е. парфянской крепости), захватив лишь южную часть бывшей обжитой территории, обнесенной стеной.

Успешно была решена основная задача XVIII отряда по выяснению первой половины средневекового торгового пути из Мерва в сторону Амуля (Чарджоу) и далее на Бухару—Самарканд. Трасса его, проходящая от Кушмейхана по пескам, никем никогда не изучалась. Отрядом были осуществлены попытки засечь его и пройти по нему на возможно больших отрезках из Байрам-Али, а также со станций Равнина и Уч-Аджи. В результате отысканы и отождествлены все пункты, упоминаемые ранними арабскими географами: Ад-Диваб (или Диван), ал-Тахмаладж, ал-Мансаф (т. е. «середина пути»). Сам путь, известный у населения под названием Али-йол, во многих местах занесенный песками, на всем остальном протяжении усеян остатками бывшей утвари (керамической, стеклянной, каменной). Станции (мауза—сакка), как и отмечают письменные источники, действительно оказались все укрепленными. Приводимые Макдиси в конце X в. некоторые новые названия станций, взамен прежних (начала X в.), как теперь выясняется, своим появлением обязаны тому, что прежние станционные сооружения обветшали и им на смену неподалеку отстроили новые, названия которых вытеснили старые. Так появились Рабат-ал-Хадид (у современных руин Кызылча-кала, где имеются два укрепленных рабата, из которых южный молчаб) и Рабат Насрак у ал-Мансафа.

Установлен интересный, никак не отраженный в письменных источниках, факт, что путь этот стал значительно благоустроеннее в XI—первой половине XII вв. Именно тогда в промежутках между прежними станциями были отстроены огромные караван-сарай с двумя дворами, из которых один, именуемый ныне Акча-кала, отличается особенной парадностью своей архитектуры. Достигая в длину около 150 м, он имеет на переднем фасаде разделку сплошными гофрами, а на боковых—пучки гофр по 3 или по 6 шт. Этот уникальный для Средней Азии памятник является предшественником Рабати-Малика близ Кермине. Вместе со вторым обнаруженным на Али-йоле караван-сараем худшей сохранности, они являют собой первые выявленные в Средней Азии образцы такого типа рабатов. В XI—XII вв. появились вдоль этого пути также: крупная купольная цистерна-сардоба (с внутренним диаметром водоема до 18 м; древнейшее из известных в Средней Азии сооружение этого рода), небольшой рабат между ал-Тахмаладжем и ал-Мансафом, сигнальная башня, где зажигали ночью огонь (ныне руины Дуньо-депе), хумдан на такыре к северу от ал-Диваба для обжига кирпича, необходимого в связи со строительством новых дорожных сооружений; несколько других хумданов у самих станций. Исключительные условия сохранности дали впервые возможность по изученному отрезку Али-йола выяснить, что представляли собой большие средневековые торговые дороги Средней Азии.

С той же целью изучения средневековых торговых путей XVIII отрядом были осуществлены маршруты по обоим берегам Мургаба от Байрам-Али до Имам-баба и Баба-Гамбера, а также от Кушмейхана на Сейраб. При осуществлении последнего удалось установить путем архе-

ологических наблюдений время функционирования некоторых ныне действующих колодцев (кол. Туючи функционировал с IX по XIII вв; кол. Кумурчи—с X по XVIII в.; кол. Сейраб 2-й—с IX по XVIII в., причем в его окрестностях, помимо средневековой, встречается сильно отшлифованная ударами песчинок керамика, повидимому, поры рабовладельческого общества).

В полевом сезоне 1952 г. продолжалось начатое в 1951 г. изучение средневековых поселений сельского типа с одноулочной планировкой. Одно из таких поселений, обнаруженное в 6 км к СВ от ж.-д. станции Равнина, в настоящее время расположено среди безводных песков, но еще в XI—XII в. сюда поступала вода по засыпанному ими позднее руслу канала. В 1—1,5 км к ЮВ от ж.-д. станции Куйбышев опознаны руины средневекового селения Далгатан.

XVIII отрядом собраны также новые материалы по арабской эпиграфике с надгробных кирпичных плит XII—начала XIII в. из Марыйской области.

По линии VII отряда, кроме полевого изучения ряда архитектурных объектов, встреченных по перечисленным маршрутам в Марыйской области, был обследован мавзолей XV в. Кумбетлы-Яйла к СЗ от Ашхабада близ Куня-Ахала.

Для проводимого ЮТАКЭ палеоантропологического изучения Южного Туркменистана важное значение имеют находки в 1952 г. костных останков людей «каменного века» из грота Кайлю и поры «бронзы» из нижних слоев Намазгар-депе. В 1952 г. под руководством профессора Л. В. Ошанина закончена обработка палеоантропологических материалов, добытых ЮТАКЭ в 1950 и 1951 гг.

XXII отряд продолжал изучение селения Мурча и племени мурчали в историко-этнографическом отношении. В течение года было осуществлено несколько выездов для сбора материалов на месте, причем во время одного из них произведены антропологические обмеры свыше 100 человек мужчин и женщин.

* * *

Такова в самом сжатом изложении краткая информация о полевой работе ЮТАКЭ за 1948—1952 гг. Она далеко не исчерпывает всей деятельности экспедиции, особенно в части камеральных работ. Последние постепенно найдут свое отражение в уже подготовленных, а частично подготавливаемых публикациях в серии «Материалов» и «Трудов ЮТАКЭ» (как в виде сборников, так и монографий).

Вместе с тем, краткая информация, заключающая и некоторые общие положения, предлагаемые как обобщающий вывод по тому или иному вопросу, и известное количество частных установленных фактов, а также отдельных наиболее важных находок и открытий новых археологических объектов, поможет ориентироваться в характере работы ЮТАКЭ и ее основных достижениях. Являясь по существу почти «сезонной» организацией, не располагающей, за исключением руководства, постоянным штатом научных сотрудников, экспедиция все же сумела развить продуктивную деятельность. Строя свои исследования на базе руководящих положений марксистской методологии, ЮТАКЭ впервые осуществила по Южному Туркменистану изучение его памятников мате-

рыальной культуры прошлого в новом стиле, который характеризуется: постановкой широких проблем, комплексностью и планомерностью проведения исследований, использованием новых научных приемов методики советской археологии, подробной документацией, тесной связью с союзными научными организациями и, в полной противоположности былой изолированности и замкнутости археологии Туркменистана, увязкой исследований с возможно большим числом организаций. Привлечение внимания к вопросам археологии Туркменистана ряда видных специалистов СССР и установление контакта с центральными научными учреждениями организационно нашло выражение в учреждении специального Ученого совета ЮТАКЭ в Ленинграде из числа компетентнейших ученых нашей страны по разным отраслям исторической науки, чего до сих пор не было в практике ни одной археологической экспедиции.

Все вместе взятое облегчило составление подготавливаемой Академией наук СССР истории Туркменской ССР, где древнейшие разделы главы «Первобытно-общинный строй» построены в основном на результатах работ ЮТАКЭ, благодаря которым пора так называемого «каменного века» в Южном Туркменистане к настоящему времени изучена лучше, чем во всех остальных республиках Средней Азии. В части поры «меди» и так называемого «бронзового века», включающего частично время разложения первобытно-общинного строя, благодаря деятельности ЮТАКЭ удалось документально опровергнуть ряд используемых буржуазной наукой ложных положений, вошедших в обиход после работ американской экспедиции, возглавлявшейся Р. Пампелли. Большое число впервые установленных ЮТАКЭ фактов и противопоставление американской школе новой стратиграфической колонки так называемых культур типа Анау отменяет также необоснованную теорию о процессе развития общества в эту пору по двенадцати надуманным стадиям. Собранный ЮТАКЭ из разных слоев материал, намечено подвергнуть исследованию в отношении удельного содержания в нем радиоактивного изотопа углерода C^{14} , как продукта постоянного расщепления под действием космических лучей ядра атмосферного азота на углерод и протон. Это даст, новый критерий для устранения разнобоя в датировках древнейших культур Туркменской ССР, определяемых до сих пор во времени различными авторами с допущением слишком значительных расхождений.

Успешные работы ЮТАКЭ по изучению памятников поры вхождения южных областей Туркменистана в состав Парфянского государства позволили в процессе составления I-го тома истории Туркменской ССР дать по ним первый обобщенный историко-культурный очерк эпохи расцвета рабовладельческого общества, в то время как до сих пор, за почти полным отсутствием данных, прошлое этих территорий за полутысячелетие существования Аршакидской державы никак не освещалось даже в специальных трудах по истории Парфии. Свыше тысячи добытых экспедицией на Старой Нисе хозяйственных документов (бстраконов) парфянского архива II—I вв. до н. э. дополнительно дадут немало ценных сведений о классовой структуре общества, административном устройстве Парфянского государства, о культуре и парфянском языке. Вместе с тем, планомерное из года в год археологическое изучение ЮТАКЭ Нисы, привлекающее к себе внимание широкой научной общест-

венности СССР, весьма своевременно ставит перед Туркменской республикой вопрос, на который Ученый совет экспедиции отреагировал шестым пунктом своего решения от 31 марта 1952 г. Последний гласит: «Учитывая крупную научную значимость Старой Нисы, как первой резиденции парфянских Аршакидов, уже давшей при раскопках ЮТАКЭ ряд первоклассных памятников по истории и культуре Парфии, а также принимая во внимание, что исследования на ней будут производиться в течение многих десятков лет, считать желательным объявление этого городища Государственным археологическим заповедником и отстроить там, по примеру «Неаполя скифского» и Кармир-Блур, небольшое здание постоянно действующей базы со сторожкой и музейчиком, который обеспечит хранение ряда объектов и облегчит агитационно-массовую работу при проведении экскурсий».

• Для составления истории Туркменской ССР весьма полезны археологические наблюдения ЮТАКЭ в части уточнения отдельных моментов поры кризиса рабовладельческого общества и многочисленные новые данные по феодальному периоду. В важном для истории Туркменской ССР активе работ ЮТАКЭ имеется новое понимание прошлого таких крупных городов как Мерв и Ниса, а также впервые осуществленное экспедицией изучение сельских поселений рабовладельческого и феодального обществ. Впервые же за все время существования Туркменской ССР на ее территории проводилась работа по нумизматике, эпиграфике, палеоантропологии. И несмотря на ряд трудностей и неблагоприятных условий ЮТАКЭ осуществила немалую камеральную работу, по объему превысившую все, что сделано было на месте за предшествующие ей тридцать лет.

Характеризуя деятельность экспедиции, ее Ученый совет на заседании, имевшем место в Ленинграде 31 марта 1952 г., отмечал, что «ЮТАКЭ на протяжении нескольких лет... провела практически большую работу по подготовке кадров и сложилась в прочную работоспособную организацию, деятельность которой, имея актуальность с точки зрения политической, уже привела к ряду первоклассных открытий и способствует выяснению истории Туркмении и туркмен, заняв свое особое место в жизни советской археологической науки (§ 13)... Благодаря деятельности ЮТАКЭ выправлено положение с известным отставанием в археологическом изучении Туркменистана по сравнению с другими среднеазиатскими республиками, и в настоящее время по активности археологических работ Туркменская ССР вышла на одно из первых мест в СССР» (§ 14).

Нет сомнения, что окрепшая Академия Наук Туркменской ССР сумеет использовать опыт ЮТАКЭ, чтобы и в области археологии с честью ответить на призыв, провозглашенный устами Г. М. Маленкова с трибуны XIX Съезда партии: «Развивать дальше передовую советскую науку с задачей занять первое место в мировой науке».

СПИСОК ПОЛЕВЫХ ОТРЯДОВ ЮТАКЭ, РАБОТАВШИХ С 1946 ПО 1952 г.*)

- I. Раскопки Старой Нисы (1946—1947 С. А. Ершов; 1948—1949 Е. А. Давидс-вич; 1949—1952 М. С. Мершиев).
- II. Раскопки Новой Нисы (1946—1949 М. И. Вязьмитина).
- III. Обследование пригорода Нисы (1946 В. Д. Жуков).
Общее руководство всеми археологическими работами на городищах Нисы осуществлял с 1946 по 1952 г. профессор М. Е. Массон.
- IV. Обследование стены Антиоха Сотера в Мервском оазисе (1946 С. А. Вязигин).
- V. Обследование Бахарденского района и раскопки Шехри-Ислама (1946—1947 В. Г. Мошкова, 1948 Б. А. Литвинский).
- VI. Раскопки на городище Анау (1947 В. А. Левина).
- VII. Изучение архитектурных памятников Южного Туркменистана (1946—1952 Г. А. Пугаченкова).
- VIII. Обследование и раскопки на городищах Старого Мерва (1947 З. А. Алямова, 1950 М. Е. Массон).
- IX. Обследование и раскопки памятников каменного века в южном Туркменистане (1947, 1949, 1950, 1952 А. П. Окладников).
- X. Обследование и раскопки памятников области Дахистан (1947) М. Е. Массон; 1948 Б. А. Литвинский; 1950—1952 В. М. Массон).
- XI. Обследование археологических памятников на пути дорожника Исидора Харакского (1947 М. Е. Массон).
- XII. Обследование Керкинского района (1948 М. Е. Массон).
- XIII. Обследование позднетуркменских поселений Южного Туркменистана (1947—1949 В. А. Левина, 1950 Г. А. Пугаченкова).
- XIV. Раскопки Намазгар-депе (1949—1950 Б. А. Литвинский) и обследование и раскопки поселений эпохи бронзы в Ашхабадской области (1952 Б. А. Куфтин).
- XV. Раскопки Эрк-калы в Мерве (1948 С. А. Вязигин, 1950 М. С. Мершиев).
- XVI. Обследование Среднеамударьинского района (1949 А. А. Росляков).
- XVII. Обследование Ашхабадского района (1949 А. А. Росляков).
- XVIII. Обследование Мервского оазиса (1949 С. А. Вязигин, 1950—1952 М. Е. Массон).
- XIX. Обследование Балханского, Небитдагского, Гассакулийского районов (1950 А. А. Росляков).
- XX. Раскопки курганных погребений в районе Кодж-Бами (1951 А. А. Марушечко).
- XXI. Обследование Казанджикского и Небитдагского районов (1951—1952 Х. Алпысбаев).
- XXII. Этнографическое изучение племени мурчали (1950—1952 Д. М. Овезов).

*) В перечне приведены: номера отрядов, место работы, годы, фамилии начальников отрядов. Научное руководство экспедицией в целом во все годы осуществлял проф. М. Е. Массон.

СОСТАВ ЮТАКЭ ЗА 1946—1952 гг.

УЧЕНЫЙ СОВЕТ ЮТАКЭ

1. Председатель академик В. В. Струве.
2. Заместитель председателя член-корреспондент АН СССР А. Ю. Якубовский (ум. 1953).
3. Академик И. Ю. Крачковский (ум. 1951).
4. Академик Д. В. Наливкин.
5. Член-корреспондент АН СССР С. Е. Малов.
6. Член-корреспондент АН СССР Н. В. Пигулевская.
7. Член-корреспондент АН СССР А. А. Фрейман.
8. Профессор-доктор М. И. Артамонов.
9. Профессор-доктор М. М. Дьяконов (ум. 1954).
10. Профессор-доктор В. А. Крачковская.
11. Профессор-доктор М. Е. Массон.
12. Профессор-доктор И. П. Петрушевский.
13. Профессор-доктор Б. Б. Пиотровский.
14. Профессор С. Н. Замятин.

НАУЧНЫЙ СОСТАВ УЧАСТНИКОВ ПОЛЕВЫХ И КАМЕРАЛЬНЫХ РАБОТ ЮТАКЭ

1. Массон М. Е. Доктор исторических наук, действительный член АН Туркменской ССР (Ташкент, САГУ; 1946—1952, п. к.*) — начальник ЮТАКЭ.
2. Овезов Д. М. Историк-этнограф (Ашхабад, ТуркменФАН СССР и АН ТССР; 1946—1952; п. к.). — заместитель начальника ЮТАКЭ, ученый секретарь.
3. Агаджанов С. Коллектор-студент (Ашхабад, Пединститут; 1943; п.).
4. Александрова Е. С. Архитектор (Ташкент, Узпищепромпроект, 1947; п.).
5. Алпысбаев Х. Коллектор-студент (Ташкент, САГУ; 1946—1949; п.), археолог-аспирант (Ташкент, САГУ; 1950—1952; п. к.).
6. Адьхамова З. А. Археолог-аспирант (Ташкент, САГУ; 1946—1947; п. к.).
7. Акиниязов Г. Коллектор-студент (Ашхабад, ТГУ; 1952; п.).
8. Атаев Д. Коллектор-студент (Ашхабад, ТГУ; 1952; п.).
9. Ахраров Д. Коллектор-студент (Ташкент, САГУ; 1947; п.).
10. Ахраров И. Коллектор-студент (Ташкент, САГУ; 1951—1952; п.).
11. Бачинский Н. М. Доктор искусствоведческих наук, (Москва, Институт истории искусства АН СССР, 1951—1952; к.).
12. Бетгер Е. К. Кандидат педагогических наук (Ташкент, ГПБ УзССР; 1946, 1952; к.).
13. Блаватский В. Д. Член-корреспондент Академии Архитектуры СССР, доктор исторических наук (Москва, ИИМК; 1949—1952; к.).
14. Вилберг Н. А. Библиограф (Ленинград, ЛОИИМК АН СССР; 1946, 1951; к.).
15. Винников И. Н. Кандидат филологических наук (Ленинград, Институт Востоковедения АН СССР; 1951—1952; к.).
16. Вязьмитин Н. И. Физик (Киев; 1946; к.):

*) В скобках приведены — основное место работы участника ЮТАКЭ, годы деятельности в экспедиции; буква «п» указывает на участие в полевой деятельности; буква «к» — в научно-камеральной.

17. Вязьмитина М. И. Кандидат исторических наук (Киев АН УССР; 1946—1949; п. к.).
18. Вязигин С. А. Кандидат исторических наук (Ашхабад, Туркмен ФАН СССР, 1946, 1948, 1949; п. к.):
19. Ганялин А. Ф. Коллектор-студент (Ашхабад, Пединститут; 1948; Ташкент, САГУ; 1949—1950; п.), археолог (Ашхабад, АН ТССР; 1951; п. к.).
20. Герцман Н. Коллектор-студент (Ташкент, САГУ; 1951—1952; п.).
21. Гражданкина Н. С. Кандидат технических наук (Ташкент, САННИИРИ; 1950; п. к.; 1947, 1952; к.).
22. Гюзальян Л. Т. Кандидат исторических наук (Ленинград Государственный Эрмитаж; 1946; к.).
23. Давидович Е. А. Археолог-аспирант (Ташкент, САГУ, 1946—1949; п. к.):
24. Джеквев А. Коллектор-студент (Ашхабад, Пединститут; 1952; п.):
25. Диков Н. Н. Археолог-аспирант (Ленинград, ЛГУ; 1949—1950, 1952; п.):
26. Дмитриевский Б. В. Архитектор (Ташкент, Ташгорпроект; 1947—1949; п.).
27. Дьяконов И. М. Доктор филологических наук (Ленинград, Институт истории АН СССР; 1949—1952; к.).
28. Дьяконов М. М. Доктор исторических наук (Ленинград, ЛОИИМК АН СССР; 1946, 1949—1952; к.).
29. Ершов С. А. Археолог (Ашхабад, Госконтроль; 1946—1947; п. к.):
30. Жуков В. Д. Кандидат исторических наук (Ташкент, АН УзССР, 1946; п. к.).
31. Запорожская В. Д. Коллектор-художник (Ленинград, 1947, 1949—1950).
32. Зезенкова В. Я. Кандидат филологических наук (Ташкент, САГУ; 1952; п. к., 1950—1951; к.).
33. Зильпер Д. Коллектор-студент (Ташкент, САГУ; 1950—1951; п. к.).
34. Иванов А. Н. Скульптор, художник-реставратор (Ташкент; 1949—1952; к.).
35. Ильясов Х. Коллектор-студент (Ашхабад, Пединститут; 1949; п.).
36. Кандымов Д. Коллектор-студент (Ашхабад, ТГУ; 1952; п.).
37. Кирьянов А. В. Реставратор (Москва, ИИМК АН СССР; 1948, п. к; 1949; к.).
38. Князев Н. В. Архитектор (Ташкент, Ташгорпроект; 1950; п.).
39. Коваленко Л. Коллектор-студент (Ташкент, САГУ; 1950—1952; п. к.).
40. Кондрасюк Н. Коллектор-студент (Ташкент, САГУ; 1951—1952; п.).
41. Кононов В. Н. Химик (Ленинград, Государственный Эрмитаж; 1947, 1951—1952; к., 1948; п.).
42. Конашонов-Мершиева Н. Коллектор (Ташкент, 1950—1952; п.).
43. Косыке Ф. Я. Кандидат исторических наук (Ашхабад, АН ТССР; 1951; п.).
44. Куфтин А. А. Инженер (Сочи; 1952; п.).
45. Куфтин Б. А. Доктор исторических наук, действительный член АН Груз. ССР (Тбилиси, АН Груз. ССР; 1952; п. к.).
46. Левина В. А. Археолог-аспирант (Ташкент, САГУ; 1946—1949; п. к.).
47. Литвинский Б. А. Археолог-аспирант (Ташкент, САГУ; 1946—1950; п. к.).
48. Лившиц В. А. Кандидат филологических наук (Ленинград, ЛГУ и Сталинабад, АН Тадж. ССР; 1949—1952; к.).
49. Лунина С. Коллектор-студент (Ташкент, САГУ; 1952; п.).
50. Мамедов К. Коллектор-студент (Ашхабад, Пединститут, 1949; п.).
51. Мартышевский А. И. Инженер-ирригатор (Бахарден; 1948; п.).
52. Марущенко А. А. Археолог (Ашхабад, АН ТССР; 1951; п.).
53. Массон В. М. Коллектор-студент (Ташкент, САГУ, 1946—1949; п. к.), археолог-аспирант (Ленинград, ЛОИИМК АН СССР; 1950—1952; п. к.).
54. Мершиев М. С. Коллектор-студент (Ташкент, САГУ; 1946—1949; п.), археолог (1948—1952; п. к.).
55. Мошкова В. Г. Кандидат исторических наук (Ташкент, АН УзССР; 1946—1948; п. к.).
56. Мухаммедбердыев К. Коллектор-студент (Ашхабад, Пединститут, 1948, Ташкент, САГУ; 1949; п.).

57. Немцева Н. Коллектор-студент (Ташкент, САГУ; 1947—49; п.).
58. Обельченко О. Коллектор-студент (Ташкент, САГУ; 1947—1950; п. к.).
59. Окладников А. П. Доктор исторических наук (Ленинград, ЛОИИМК АН СССР; 1947, 1949—1950, 1952; п. к.).
60. Оралова З. Коллектор-студент (Ташкент, САГУ; 1947; п.).
61. Ошанин Л. В. Доктор биологических наук (Ташкент, САГУ; 1950—1951; к.).
62. Петрушевский И. П. Доктор исторических наук (Ленинград, ЛГУ; 1951; к.).
63. Пиотровский Б. Б. Доктор исторических наук (Ленинград, Государственный Эрмитаж; 1946; к.).
64. Пугаченкова Г. А. Кандидат архитектуры (Ташкент, САГУ; 1946—1952, п. к.).
65. Рашковская С. Коллектор-студент (Ташкент, САГУ; 1949—1951; п.).
66. Ремпель Л. И. Кандидат искусствоведения (Самарканд, Музей культуры узбекского народа; 1946—1947; п. к.).
67. Росляков А. А. Кандидат исторических наук (Ашхабад, Пединститут—ТГУ; 1949—1951; п. к.).
68. Рудакова М. Коллектор-студент (Ташкент, САГУ; 1948; п.).
69. Рузиев. Коллектор-студент (Ташкент, САГУ; 1951; п.).
70. Рутковская Л. М. Археолог (Ташкент, САГУ; 1952; п.).
71. Саакова Э. Коллектор-студент (Ташкент, САГУ; 1952; п.).
72. Салтовская Е. Коллектор-студент (Ташкент, САГУ; 1947—1949; п.).
73. Сарианиди В. Коллектор-студент (Ташкент, САГУ; 1949—1951; п. к.).
74. Семенов А. А. Доктор исторических наук, действительный член АН Тадж. ССР (Сталинабад, АН Тадж. ССР; 1949, 1951; к.).
75. Сечкин В. Коллектор-студент (Ташкент, САГУ; 1946; п.).
76. Сопиев А. Коллектор-студент (Ашхабад, Пединститут; 1949; п.).
77. Столляр А. Д. Археолог-аспирант (Ленинград, ЛГУ; 1947, 1949; п. к.).
78. Струве В. В. Академик (Ленинград, Институт Востоковедения АН СССР; 1946—1953; к.).
79. Суворов К. Коллектор-студент (Ташкент, САГУ; 1947; п.).
80. Султанов. Коллектор-студент (Ташкент, САГУ; 1951; п.).
81. Тарасов А. Коллектор (Ашхабад, 1946, 1948; п.).
82. Трапезников Г. Коллектор-студент (Ташкент, САГУ; 1952; п.).
83. Урманова М. Коллектор-студент (Ташкент, САГУ; 1950—1952; п. к.).
84. Усманова З. Коллектор-студент (Ташкент, САГУ; 1952; п.).
85. Хайбуллина Ф. Коллектор-студент (Ташкент, САГУ; 1947; п.).
86. Чабров Г. Н. Кандидат исторических наук (Ташкент, САГУ; 1948; п. к.).
87. Цалкин В. И. Доктор биологических наук (Москва, Институт биологии АН СССР; 1952; к.).
88. Чекменев Н. Коллектор-студент (Ташкент, САГУ; 1946; п.).
89. Шахурин К. Коллектор-студент (Ташкент, САГУ; 1949—1951; п. к.).
90. Шиллер А. Коллектор-студент (Ташкент, САГУ; 1952; п. к.).
91. Шишкина Г. В. Коллектор-студент (Ташкент, САГУ; 1950—1952; п. к.).
92. Шумов В. И. Кандидат геологических наук. (Ашхабад, ТФАН СССР; 1946—1947; п.).
93. Юдицкий Е. Н. Фотограф экспедиции (Ташкент, Управление по делам архитектуры УзССР; 1948—1952; п. к.).
94. Юшко-Крашенинникова Н. В. Коллектор-студент (Ташкент, САГУ, 1946—1947; п.), археолог (Ташкент, САГУ; 1952; п. к.).
95. Якушева Т. Коллектор-студент (Ташкент, САГУ; 1947—1948; п.).

ПЕРЕЧЕНЬ ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ ЮТАКЭ

1. Альямова З. А. — Зарегистрированные монетные находки в Южном Туркменистане. Материалы ЮТАКЭ, в. I, Ашхабад, 1949.
2. Альямова З. А. — Полевой отчет о работах VIII отряда ЮТАКЭ по изучению пригорода Старого Мерва. Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951, [1953].
3. Бетгер Е. К. — Самарский купец Данила Рукавкин и его караван в Хиву в 1753 г. Известия АН ТССР, 1952, № 5.
4. Винберг Н. А. — Указатель литературы по истории и археологии Парфии. Материалы ЮТАКЭ, в. I, Ашхабад, 1949.
5. Вязигин С. А. — Стена Антиоха Сотера вокруг древней Маргианы. Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949.
6. Вязигин С. А. — Византийский солид V века с городища Новая Ниса. Известия ТФАН, 1951, № 3.
7. Вязьмитин Н. И. — Прибор для реконструкции форм глиняных сосудов по фрагментам и его применение. Материалы ЮТАКЭ, в. I, Ашхабад, 1949.
8. Вязьмитин М. И. — Археологическое изучение городища Новая Ниса в 1946 г. Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949.
9. Вязьмитин М. И. — Работы II отряда ЮТАКЭ на Новой Нисе в 1947 г. Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951, [1953].
10. Гюзальян Л. Т., Дьяконов М. М. — Надписи на звездчатых изразцах из Новой Нисы. Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949.
11. Давидович Е. А. — По поводу южно-туркменистанского клада серебряных монет Мухаммед-Шейбани-хана. Материалы ЮТАКЭ, в. I, Ашхабад, 1949.
12. Давидович Е. А. — Исследование вала к юго-западу и западу от Новой Нисы. Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949.
13. Давидович Е. А. — Стекло из Нисы. Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949.
14. Давидович Е. А. — Раскопки квадратного зала на Старой Нисе в 1947 г. Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951, [1953].
15. Давидович Е. А. — Средневековый чекан Нисы. Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951, [1953].
16. Дьяконов И. М., Дьяконов М. М., Лившиц В. А. — Документы из древней Нисы. Материалы ЮТАКЭ, в. II, М.—Л., 1951.
17. Ершов С. А. — Археологические исследования на городище Старая Ниса в 1946 году. Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949.
18. Ершов С. А. — Полевой отчет о работах I отряда ЮТАКЭ в 1947 году. Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951, [1953].
19. Жуков В. Д. — Изучение пригорода Нисы в 1946 году. Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949.
20. Зезенкова В. Я. — Древние черепа (II тысячелетие до н. э.), добытые на территории Туркмении. В. кн: Л. В. Ошанин и В. Я. Зезенкова, Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии. Ташкент, 1953.
21. Кононов В. Н. — Технологическое обследование ткани из раскопок городища Новая Ниса. Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949.
22. Левина В. А. — Стена и башня «Старой Нисы». Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949.
23. Левина В. А. — Позднее городище Анау. Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951, [1953].
24. Левина В. А. — Жилище Анау. Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951, [1953].
25. Левина В. А. — Жилище туркмен эрсари Керкинского района. Известия АН ТССР, 1952, № 3.
26. Литвинский Б. А. — К истории добычи полезных ископаемых на Челекене. Материалы ЮТАКЭ, в. I, Ашхабад, 1949.
27. Литвинский Б. А. — Археологические работы в Бахарденском районе в 1947 г. Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951, [1953].
28. Литвинский Б. А. — Средневековые поселения области Нисы. Кандидатская диссертация (Рук. См. Автореферат диссертации, Ташкент, 1951).

29. Литвинский Б. А. — Намазга-тепе (по данным раскопок 1949—1950 г.). Советская этнография, № 4, 1952.
30. Литвинский Б. А., Мошкова В. Г. — Изучение Така-Языра-Дуруна. Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949.
31. Марушенко А. А. — Краткий отчет о работе кабинета археологии Туркменского государственного института истории. Материалы ЮТАКЭ, в. I, Ашхабад, 1949.
32. Массон В. М. — Хумы Нисы. Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951, [1953].
33. Массон В. М. — Развалины Генугирда. Известия АН ТССР, 1951, № 2.
34. Массон В. М. — Изучение культуры древнего Дахистана в 1951 г. Известия АН ТССР, 1952, № 6.
34. Массон В. М. — Изучение культуры древнего Дахистана в 1951 г. Известия АН ТССР, 1952, № 6.
36. Массон М. Е. — О происхождении некоторых каменных намогильников Южного Туркменистана. Материалы ЮТАКЭ, в. I, Ашхабад, 1949.
37. Массон М. Е. — Неопубликованные монетные находки, зарегистрированные на территории Южного Туркменистана до 1946 года, Материалы ЮТАКЭ в. I, Ашхабад, 1949.
38. Массон М. Е. — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1946 года. Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949.
39. Массон М. Е. — Городища Нисы в селении Багир и их изучение. Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949.
40. Массон М. Е. — Южно-туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1947 года. Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951, [1953].
41. Массон М. Е. — К периодизации истории Туркменистана. В кн.: Тезисы докладов на юбилейной сессии (Туркм. филиала Акад. Наук СССР), посвященной 25-летию Туркменской Советской Социалистической Республики. Ашхабад, 1950.
42. Массон М. Е. — Некоторые новые данные по истории Парфии. Вестник древней истории, 1950, № 3.
43. Массон М. Е. — Области южной части Туркменистана под властью парфянского государства Арсакидов. «История Туркменской ССР», т. I, Проспект глав, Ашхабад, 1951.
44. Массон М. Е. — О северо-восточных пределах парфянского государства. Краткие сообщения Института истории материальной культуры, в. XXXVIII, 1951.
45. Массон М. Е. — В Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Известия АН СССР, сер. ист. и философии, т. VII, № 2, 1951.
46. Массон М. Е. — Итоги работ ЮТАКЭ и перспективы археологического изучения Туркменистана. Тезисы докладов первой сессии Академии Наук Туркменской ССР, Ашхабад, 1951.
47. Массон М. Е. — Новое в истории Мерва по данным работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции 1946—1950 гг. Тезисы докладов на сессии отделения истории и философии и пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических исследований, 1946—1950 гг., М., 1951.
48. Массон М. Е. — Некоторые итоги работ ЮТАКЭ и перспективы археологического изучения Южного Туркменистана. Известия АН ТССР, 1951, №1.
49. Массон М. Е. — К открытию парфянских документов на городище Новая Ниса. Материалы ЮТАКЭ, в. 2, М.—Л., 1951.
50. Массон М. Е. — Новые данные по древней истории Мерва (из работ ЮТАКЭ). Вестник древней истории, 1951, № 4.
51. Массон М. Е. — О датировке так называемого мавзолея Тюрабек-Ханым в Куя-Ургенче. Известия АН ТССР, 1952, № 4.
52. Массон М. Е. — Новые археологические данные к истории рабовладельческого общества на территории Южного Туркменистана. ВДИ, 1953, № 1.
53. Массон М. Е. — Новые данные о надписях на одном из Мешхеда-Мисрианских минаретов. Эпиграфика Востока, VII, М. — Л., 1953.
54. Мерциев М. С. — Сардоба городища Анау. Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951, [1953].

55. Машкова В. Г. — Отчет о работе этнографической группы ЮТАКЭ в 1947 году. Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951, [1953].
56. Овезов Д. М., Левина В. А., Пугаченкова Г. А. — Архитектура туркменского народного жилища. Труды ЮТАКЭ, т. III, М., 1953.
57. Окладников А. П. — Изучение древнейших археологических памятников Туркмении. Краткие сообщения ИИМК, вып. XXVIII, 1949.
58. Окладников А. П. — Древние каменные изделия с городища Новой Нисы. Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949.
59. Окладников А. П. — Древнейшие археологические памятники Красноводского района. Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951, [1953].
60. Окладников А. П. — Эпоха первобытно-общинного строя на территории Туркменистана. «История Туркменской ССР», т. I, Проспект глав, Ашхабад, 1951.
61. Ошанин Л. В. — Антропологические материалы к проблеме этногенеза туркмен. Известия АН ТССР, 1952, № 1.
62. Пиотровский Б. Б. — Разведочные работы на Гяур-кала в Старом Мерве. Материалы ЮТАКЭ, в. I, Ашхабад, 1949.
63. Писарчик А. К. — Таблицы годов двенадцатилетнего животного цикла с приведением соответствующих им годов современного летоисчисления. Материалы ЮТАКЭ, в. I, Ашхабад, 1949.
64. Пугаченкова Г. А. — К проблеме возникновения «шатровых мавзолеев» Хорасана. Материалы ЮТАКЭ, в. I, Ашхабад, 1949.
65. Пугаченкова Г. А. — Архитектурные памятники Нисы. Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949.
66. Пугаченкова Г. А. — Глазурованная керамика Нисы XV—XVI вв. Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949.
67. Пугаченкова Г. А. — Реконструкция квадратного зала Старой Нисы. Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951, [1953].
68. Пугаченкова Г. А. — Архитектурные памятники Дахистана, Абиверда, Серахса. Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951, [1953].
69. Пугаченкова Г. А. — К характеристике крепостной архитектуры Старой Нисы. Известия АН ТССР, 1952, № 1.
70. Пугаченкова Г. А. — Архитектура среднеазиатской античности. Вестник древней истории, 1951, № 4.
71. Пугаченкова Г. А. — Изучение древнего искусства Средней Азии за 25 лет. Тезисы научных докладов на юбилейной конференции Среднеазиатского государственного университета, посвященной 25-летию Узбекской ССР. Ташкент, 1950.
72. Пугаченкова Г. А. — Конструктивные элементы мавзолея Санджара. Известия АН ТССР, 1952, № 2.
73. Пугаченкова Г. А. — Парфянские крепости Южного Туркменистана. ВДИ, 1952, № 2.
74. Пугаченкова Г. А. — Храм и некрополь в парфянской Нисе. ВДИ, 1953, № 2.
75. Ремпель Л. И. — Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы. Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949.
76. Ремпель Л. И. — Новые данные о древней скульптуре Южного Туркменистана. Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951, [1953].
77. Струве В. В. — Восстание в Маргиане при Дарии I. Материалы ЮТАКЭ, в. I, Ашхабад, 1949.

МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ ОБ ЮТАКЭ

1. Комплексная археологическая экспедиция (Информация об организации ЮТАКЭ). «Туркменская искра», 1945, 18/XI, № 230.
2. В. Нордман. Задачи археологов. (Об утверждении плана работ ЮТАКЭ на 1946 год). «Туркменская искра», 1945, 27/XI, № 236.
3. По древним путям Туркмении. Новая археологическая экспедиция. Вечерний Ленинград, 1946, 7/I, № 6.
4. Археологические работы в Южном Туркменистане. (Информация о полевой деятельности и первой научной конференции ЮТАКЭ). «Туркменская искра», 1946, 28/IX, № 192.
5. На раскопках Нисы. (Беседа с начальником ЮТАКЭ о произведенных работах осенью 1946 г.). «Туркменская искра», 1946, 15/XI, № 225.
6. Туркменистанда улы археологик экспедиция. «Совет Туркменистаны», 1946, 16/XI, № 226.
7. Б. Литвинский. В Южной Туркмении. (Об археологических работах ташкентской группы участников ЮТАКЭ). «За Сталинскую науку» (орган САГУ), Ташкент, 1946, 30/XI, № 12.
8. Ю. Туркин. Научная работа студентов САГУ. (О работах студентов — археологов по темам исследований ЮТАКЭ). «Правда Востока», 1948, 6/III, № 47.
9. Изучение древних поселений. (Информация о работе XII-го отряда ЮТАКЭ по изучению Пештака и Хивеабада). «Туркменская искра», 1948, 11/VII, № 137.
10. На городище Шехр-Ислам. (Информация о работах V отряда ЮТАКЭ). «Туркменская искра», 1948, 21/VII, № 144.
11. Раскопки древнего города (Нисы). С 9 иллюстрациями. Фотогазета, изд. «Правда Востока» и «Кзыл Узбекистан». Ташкент, 1948, № 8.
12. Археологик экспедициясы. (О работе V-го отряда ЮТАКЭ в Бахарденском районе). «Совет Туркменистаны», 1948, 15/VII, № 162.
13. С. И. Капошина. Пленум ЛОИИМК по археологии Средней Азии (О работе IX отряда ЮТАКЭ). ВДИ, 1948, № 4, стр. 168.
14. В. К [рачковская]. Хроника и библиография эпиграфики Востока. (О находке II отрядом ЮТАКЭ на Новой Нисе гадательного прибора с арабскими надписями). «Эпиграфика Востока», III. М.—Л., 1949, стр. 93.
15. Редкая археологическая находка. Найдены ритоны парфянских царей. (Информация о работах I, IV и VII отрядов ЮТАКЭ и о результатах реставрации ритонов). «Туркменская искра», 1949, 30/III, № 62.
16. Юбилейные издания Туркменского филиала АН СССР. (Об издании к XXV-летию Туркменской ССР II тома Трудов ЮТАКЭ). «Туркменская искра», 1949, 14/VIII, № 160.
17. (О работе на кафедре археологии по изучению парфянских ритонов, с приложением фото). «Кзыл Узбекистан», 1949, 28/IX, № 192.

18. Раскопки в Багире. (Об основных результатах работ 1948 г. и летнего сезона 1949 г.). «Туркменская искра», 1949, 15/X, № 204.

19. Г. А. Пугаченкова. Находки научной экспедиции. (О работах ЮТАКЭ осенью 1949 г.). «Правда Востока», 1949, 22/XI, № 230.

20. А. Валиев. Найдены новые памятники парфянской культуры. (на уйгурском языке). «Шарк хакикаты». Ташкент, 1949, № 10, стр. 10—11; с двумя фото.

21. «Гуворта Туркменистан хакинда археология материалларының йыгындысы». М. Е. Массонның редакциясы билен (По поводу выхода в свет в. I Материалов ЮТАКЭ). «Совет Туркменистаны». 1949, 20/XII, № 248.

22. Научная работа кафедры археологии Средней Азии исторического факультета САГУ (Об участии кафедры в деятельности ЮТАКЭ). Труды Среднеазиатского Государственного Университета. Новая серия, в. XI. Гуманитарные науки, кн. 3, Археология. Средней Азии. Ташкент, 1950, стр. 4, 5, 7, 8.

23. В Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Известия Академии Наук СССР, серия истории и философии, т. VII, № 2, 1950, стр. 188—192. (Доклад М. Е. Массона на заседании ОИФ совместно с ИИМК 28/I-50 г. об итогах работ ЮТАКЭ 1949 г. с приложением трех иллюстраций).

24. Южно-Туркменистанская экспедиция. (Информация о докладе начальника ЮТАКЭ на заседании ОИФ АН СССР по работам экспедиции за 1949 год). «Правда», 1950, 31/Д, № 31.

25. Книга о далеком прошлом Туркмении. «Туркменская искра», 1950, № 90. (По поводу выхода в свет I тома Трудов ЮТАКЭ).

26. На раскопках древней Нисы. «Туркменская искра», 1950, № 144.

27. Сессия Отделения истории и философии и пленум Института истории материальной культуры АН СССР, посвященные итогам полевых работ 1949 г. (Хроника; в частности о докладе М. Е. Массона «Новые данные к истории Парфии»). ВДИ, 1950, № 3, стр. 210.

28. О. Жумаев. Ылымда газанан үстүнликлеримиз ве 1951-жи йылдакы везипелеримиз. «Совет Туркменистаны», 1951, 1/Д, № 1.

29. И. С. Кацнельсон. Две книги по археологии СССР. (Рец. на I том «Трудов ЮТАКЭ»). Советская книга, 1951, № 5.

30. Е. Кригер. Среднеазиатский Университет. (Цветное фото, изображающее реставрированные парфянские ритоны в Археологическом кабинете САГУ). «Советский Союз», М., 1951, № 6, стр. 24.

31. О. Кулыев. Туркменистанда гуманитар ылымларың гүллөп өсмеги. «Совет Туркменистаны», 1951, 6/V, № 90.

32. В. К [рачковская]. Хроника и библиография эпиграфики Востока. (Обнаружение в 1948 г. парфянских надписей на остраках из Нисы и расшифровка их И. М. Дяконовым, М. М. Дяконовым и В. А. Лившиц), «Эпиграфика Востока». IV, М. — Л, 1951, стр. 119.

33. Выставка достижений науки Советского Туркменистана. «Туркменская искра», 1951, 28/VI, № 127.

34. Т. Бердыев. Филлаллыкдан Ылымлар академиясына. «Совет Туркменистаны», 1951, 29/VI, № 128.

35. Д. В. Наливкин. Развитие науки в Туркменистане. «Туркменская искра», 1951, 1/VII, № 130.

36. В Среднеазиатском Государственном Университете (Об участии кафедры археологии Средней Азии САГУ в работах ЮТАКЭ). ВДИ, 1951, № 4, стр. 235 — 236.

37. Т. Н. Никольская. Итоги работ советских археологов за 1946—1950 гг. (В частности, о работах ЮТАКЭ по изучению Нисы и Мерва). ВДИ, 1951, № 4, стр. 223—224.

38. М. Е. Массон. Обнаружен «архив» парфянских документов. «Туркменская искра», 1951, 5/X, № 128.

39. (О докладе М. Е. Массона на объединенном заседании Президиума и Отделения общественных наук АН ТССР 26/XI 1951 г. по итогам работ ЮТАКЭ за 1951 г.). Известия АН ТССР, № 3, стр. 84 (отдел «Хроника»).

40. Сессия отделения истории и философии АН СССР и пленум ИИМК АН СССР, посвященные итогам полевых археологических исследований ИИМК за 1950 г. КСИИМК, в. XI, IV, 1952 (Об изучении Нисы — стр. 4).

41. С. В. Киселев. Советская археология в первое послевоенное пятилетие. КСИИМК, в. XI, IV, 1952. (О работах XIV отряда ЮТАКЭ на Намазгар-депе — стр. 13; о работах I и II отрядов ЮТАКЭ на Старой и Новой Нисе — стр. 14; о работах по изучению феодальных памятников — стр. 15).

42. На раскопках Нисы. (Информация о раскопках 1-го отряда ЮТАКЭ на Северном комплексе и находке нескольких новых остраконов).

43. Б. Г. Гафуров. История таджикского народа в кратком изложении. Т. I, изд. 2-е, М., 1952, стр. 58, 59 (вопросы парфянской культуры в свете открытий ЮТАКЭ).

44. Изучение археологических памятников Мессерианской равнины. «Туркменская искра», 1952, 13/VII, № 137.

45. Р. Кияжалов и Б. Ставиский. Изучение древнего мира в Отделе Востока Гос. Эрмитажа (1946—1951). (О докладе И. М. и М. М. Дьконовых и В. А. Лифшица «Парфянские документы из древней Нисы») ВДИ, 1952, № 3, стр. 190.

46. В. Рябчиков. Фирюза (Сообщение о раскопках на Нисе и археологических находках). «Туркменская искра», 1952, 9/VIII, № 156.

47. Обследование Мессерианской равнины. (О результатах работ X отряда ЮТАКЭ по изучению древней ирригации Дахистана), «Туркменская искра», 1952, VIII.

48. Туркменистан археологларының гимматлы тапындысы. (Гүңүртта Туркменистан археологларының комплексли экспедициясының начальниги профессор М. Е. Массонның гүңүрүци. «Совет Туркменистаны», 1952, 4/X, № 196.

49. Отчет археологов. (О заседании Президиума АН ТССР 12/XI-52 с докладом о полевых работах ЮТАКЭ за 1952 г.). «Вечерняя Москва», 1952, 13/XI, № 268.

50. Л. Липин, А. Белов. Глиняные книги. М.—Л, 1952. (О раскопках и реставрации ЮТАКЭ ритонов из слоновой кости и глиняной статуи — стр. 52, 53; изображение ритона на стр. 54).

51. О. И. Смирнова. Материалы в сводному каталогу согдийских монет. Эпиграфика Востока, VI, М.—Л., 1952, стр. 3.

52. М. Е. Массон. В глубь веков. «Правда Востока», 1953, 14/III, № 63 (перепечатано из газеты САГУ «За Сталинскую науку», 1953, 25/II, № 6/155).

53. В. К [рачковская]. Хроника и библиография «Эпиграфики Востока». (Обнаружение на городище Старая Ниса парфянских остраконов и разных монет). «Эпиграфика Востока», VII, М.—Л., 1953, стр. 120.

54. Н. А. Винберг и В. Б. Ячеистова. Советская археологическая литература за 1950 г. «Советская археология», XVII, 1953. (Об ЮТАКЭ—№№ 448, 459, 460, 488).

55. А. В. Кирьянов. Применение разъемных гипсовых форм при археологических раскопках. КСИИМК, в. XLIX, М., 1953. (О применении этого способа при извлечении ЮТАКЭ ритонов в 1948—1949 гг.).

56. Итоги полевых археологических исследований 1951 г. Сессия Отделения истории и философии и пленум ИИМК АН СССР. Советская археология, XVII, 1953 (Содержание доклада М. Е. Массона об ЮТАКЭ — стр. 301; доклад В. М. Массона о работах X отряда в Дахистане — стр. 308).

57. Л. В. Ошанин и В. Я. Зезенкова. Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии. Ташкент, 1953. (Об исследованиях и антропологических материалах ЮТАКЭ—стр. 5, 45, 98).

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
Массон М. Е. — Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства	7
Росляков А. А. — Мелкие археологические памятники окрестностей Ашхабада	71
Росляков А. А. — Глиняная печать из села Изгант	104
Семенов А. А. — К истории города Нисы в XII в. (По актам того времени)	108
Петрушевский И. П. — Труд Сейфи, как источник по истории Восточного Хорасана	130
Пугаченкова Г. А. — Ханака в Мехне	163
Дементьев Г. П., Карташев Н. Н., Келейников А. А. — О стеновых изображениях в мавзолее Тауруз-султан (Северо-восточная Туркмения)	171
Овезов Д. М. — К истории племени мурчали	183
Гражданкина П. С. — Инструкция по полевому обследованию строительных материалов в древних сооружениях и отбору проб для лабораторного исследования	188
Винберг Н. В. — Указатель литературы по истории и археологии Парфии	192
Массон М. Е. — Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ	197
Список полевых отрядов ЮТАКЭ, работавших с 1946 по 1952 г.	250
Состав ЮТАКЭ за 1946—1952 гг.	251
Перечень опубликованных работ ЮТАКЭ	254
Материалы к библиографии об ЮТАКЭ	257

Т Р У Д Ы
Южно-туркменистанской археологической
комплексной экспедиции

Под редакцией начальника ЮТАКЭ
профессора **М. Е. Массона**

Том V

Печатается по постановлению Редакционно-издательского Совета
Академии наук Туркменской ССР

Редактор издательства *М. М. Шагалов*
Техредактор *Л. Т. Каспарьянц*

Сдано в набор 26/VII-54 г. Подписано к печати 21/II-55. 84×108 1/16. Изд. № 15.
Печ. лист. 26 1/4. Уч.-изд. лист 22,1; Цена 18р. 50 к.; Зак. 1673. Тир 1000. И-03620.

Ашхабад, ул. Энгельса 90, Типография Академии наук ТССР